МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МФЮА
Кировский филиал

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам XXV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной науки и образования»

(Киров, 21 – 24 апреля 2026 года)

Киров МФЮА **2026**

УДК 001 (063)
ББК 72 я 431
А 43

Редакционная коллегия:
О.М. Валова – доктор филологических наук
Е.И. Вознесенская-Кинзель – кандидат исторических наук
Е.В. Каранина – доктор экономических наук, профессор

А 43 Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник научных статей по материалам XXV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Киров, 21 – 24 апреля 2026 года) / Московский финансово-юридический университет МФЮА, Кировский филиал. – Киров : МФЮА, 2026. – 550 с. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-94811-448-4

Сборник научных статей включает материалы XXV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, проходившей в рамках Недели вузовской науки в Кировском филиале Московского финансово-юридического университета МФЮА Киров, 21 – 24 апреля 2026 года. Тематика статей достаточно широка и затрагивает актуальные проблемы современной науки: истории и филологии, юриспруденции и экономики, психологии и педагогики, безопасности жизнедеятельности, информационных систем и математического моделирования.

Для студентов высших учебных заведений, аспирантов, профессорско-преподавательского состава, практических работников.

Статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 001 (063)
ББК 72 я 431

© Московский финансово-
юридический университет МФЮА,
Кировский филиал 2026,
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-94811-448-4

РАЗДЕЛ I
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.9

Административная ответственность в условиях цифровизации государственного управления: проблемы правоприменения

И.Ю. Акимова, А.А. Брусенцов

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ трансформации института административной ответственности под воздействием процессов цифровизации государственного управления, а также выявление правовых и организационных проблем, возникающих в правоприменительной практике. Методы исследования*:* В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Проведен анализ нормативно-правовых актов и судебной практики. Актуальность. Внедрение автоматизированных систем фиксации правонарушений и электронного документооборота существенно изменило процедуру привлечения к административной ответственности, что требует переосмысления традиционных принципов презумпции невиновности и состязательности сторон. Основные результаты. В статье обосновывается вывод о необходимости корректировки КоАП РФ в части регламентации «автоматизированного» производства по делам об административных правонарушениях. Выявлены риски нарушения процессуальных прав лица, привлекаемого к ответственности, в условиях минимизации человеческого участия на стадии возбуждения дела. Предложены меры по усилению гарантий защиты прав граждан в цифровой среде.

Ключевые слова: административная ответственность, цифровизация, КоАП РФ, автоматизированная фиксация, юридическая ответственность, процессуальные гарантии.

Процессы цифровизации государственного управления, активно развивающиеся в Российской Федерации в последнее десятилетие, оказали

существенное влияние на институт административной ответственности. Внедрение автоматизированных систем фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения, создание единых порталов государственных услуг для оплаты штрафов, а также использование искусственного интеллекта для мониторинга соблюдения законодательства привели к кардинальному изменению правоприменительной практики. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «цифровая трансформация юридической деятельности требует не только технологического обновления, но и адекватного правового регулирования, обеспечивающего баланс публичных интересов и прав граждан» [3, с. 45].

В настоящее время основным нормативным актом, регулирующим административную ответственность, остается Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Его глава 28.2, регламентирующая составление протокола об административном правонарушении, изначально была ориентирована на «человеческий» фактор. С появлением ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, допускающей вынесение постановления по делу без составления протокола в случае фиксации правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, законодатель фактически легитимизировал новый, автоматизированный порядок производства [2].

Данный порядок, с одной стороны, обеспечил высокую степень неотвратимости наказания и существенно разгрузил сотрудников правоохранительных органов. Согласно статистическим данным, количество вынесенных постановлений в автоматическом режиме исчисляется десятками миллионов ежегодно, что свидетельствует о высокой востребованности этого механизма. С другой стороны, автоматизация породила ряд серьезных теоретических и практических проблем.

Во-первых, возникает вопрос о реализации принципа презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ). В автоматизированной системе бремя доказывания фактически перекладывается на собственника транспортного

средства, который вынужден самостоятельно собирать доказательства своей невиновности, в то время как автоматическая система изначально презюмирует его вину. Как отмечает Конституционный Суд РФ, такая модель допустима лишь в силу объективной сложности иного порядка, но не отменяет обязанности государства обеспечивать эффективную судебную защиту [4].

Во-вторых, острой является проблема надлежащего извещения лица, привлекаемого к ответственности. В условиях, когда постановление выносится и направляется по почте или в электронной форме через портал «Госуслуги», не всегда возможно достоверно установить момент получения такого постановления. Это влечет за собой пропуск процессуальных сроков на обжалование, что нарушает право на защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ.

В-третьих, технические ошибки (неверное распознавание государственного номера, отсутствие калибровки средств измерения) создают риски привлечения к ответственности невиновных лиц. Судебная практика последних лет демонстрирует значительное количество дел, где постановления отменялись именно по причине технических сбоев, что свидетельствует о недостаточной надежности применяемого оборудования и отсутствии четкого правового механизма опровержения показаний технических средств.

Для решения обозначенных проблем представляется необходимым внесение изменений в КоАП РФ. В частности, целесообразно законодательно закрепить обязанность административного органа не только направлять постановление, но и подтверждать факт его надлежащего вручения с использованием нескольких каналов связи. Также требует нормативного урегулирования порядок досудебного урегулирования споров, связанных с техническими ошибками, с введением упрощенной процедуры их исправления без обращения в суд.

Кроме того, в условиях цифровизации актуализируется вопрос о внедрении механизмов «электронной защиты». Представляется перспективным создание специализированных онлайн-сервисов для сбора

доказательств невиновности (например, интеграция с системами «Платон» или автоматическая выгрузка данных о том, что транспортное средство находилось в аренде). Это позволит снизить нагрузку на судебную систему и повысить уровень доверия граждан к автоматизированным системам правоприменения.

Таким образом, развитие института административной ответственности в условиях цифровизации требует от законодателя тонкого баланса между эффективностью государственного управления и незыблемостью процессуальных прав граждан. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно идти по пути формализации процедур, повышения прозрачности алгоритмов работы технических средств и расширения возможностей для оперативной реализации права на защиту.

Библиографический список

1. *Зубарев С.М.* Административная ответственность в условиях цифровой экономики: вызовы и риски // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 56–67.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. *Лапина М.А., Карпухин Д.В*. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 42–48.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.10.2023 № 44-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях...» // Российская газета. 2023. 27 окт.

И.Ю. Акимова

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Орский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Akimova.I@mfua.ru
А.А. Брусенцов
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», г. Москва
E-mail: 29462731@s.mfua.ru

УДК 336.711

К вопросу о сравнительном анализе компетенций Банка России и Банка Кореи

Д.Г. Домрачев, У.В. Березкина

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу статуса и функций центральных банков на примере Российской Федерации и Республики Корея. Рассматриваются две принципиально разные модели финансового регулирования: интегрированная (мегарегулятор) и сегментированная (разделенная). В ходе исследования выявлено, что Банк России обладает особым конституционно-правовым статусом и беспрецедентным объемом властно-надзорных полномочий, в то время как Банк Кореи сфокусирован на макроэкономической стабильности, а функции прямого банковского надзора делегированы иным государственным органам. На основе анализа корейского опыта обосновывается практическое предложение по совершенствованию российской модели: частичной децентрализации полномочий Банка России путем передачи функций надзора за некредитными финансовыми организациями независимому специализированному ведомству. Сделан вывод о том, что выбор архитектуры

финансового управления объективно обусловлен историческими и макроэкономическими особенностями развития каждого государства.

Ключевые слова: центральный банк, Банк России, Банк Кореи, правовой статус, финансовое регулирование, банковский надзор, монетарная политика, децентрализация.

В современных экономических условиях центральные банки играют ключевую роль в обеспечении макроэкономической стабильности государств. При этом в мировой практике не существует единого стандарта определения правового статуса и объема полномочий центрального банка. Выбор конкретной модели зависит от исторических, экономических и политических особенностей государства. В связи с этим актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения различных подходов к правовому регулированию деятельности центральных банков на примере двух принципиально разных моделей: интегрированной (Российская Федерация) и сегментированной (Республика Корея).

Фундамент правового статуса Центрального банка Российской Федерации заложен на высшем законодательном уровне – в ст. 75 Конституции РФ. Согласно данному положению, защита и обеспечение устойчивости рубля является основной функцией Банка России, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти [1]. Детальная регламентация статуса, целей и полномочий регулятора содержится в Федеральном законе от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2].

В отечественной правовой доктрине вопрос об определении природы Банка России является остро-дискуссионным. Ученые и практики отмечают уникальную двойственность (дуализм) его положения. С одной стороны, в соответствии с гражданским законодательством он является юридическим лицом, наделенным обособленным имуществом. С другой стороны, Банк России обладает государственно-властными полномочиями и правом издавать

нормативные акты, обязательные для всех органов власти и граждан. Как справедливо отмечает Е.Ю. Ковалькова, статус ЦБ РФ находится на стыке частного и публичного права: выступая участником рыночных отношений, он одновременно осуществляет властное регулирование вертикальных отношений [5, с. 29–30].

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что полномочия Банка России по своей природе относятся к функциям государственной власти, поскольку предполагают применение мер государственного принуждения [3]. Тем не менее, ЦБ РФ формально не отнесен ни к законодательной, ни к исполнительной, ни к судебной ветвям власти. В связи с этим в науке сформировалось несколько подходов к пониманию его статуса: как органа государственной власти специальной компетенции [8, с. 91–91]; как независимого института, образующего отдельную «четвертую» (банковскую) ветвь власти [7, с. 99; 10, с. 80]; как института, обладающего «функциональной автономией», чье положение обеспечивается принципом взаимной неответственности государства и Банка России по обязательствам друг друга [7, с. 97–99].

Несмотря на теоретические споры, с 2013 г. Банк России де-факто и де-юре приобрел статус абсолютного финансового мегарегулятора. В рамках интегрированной модели компетенция Банка России вышла далеко за пределы классической денежной эмиссии.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона № 86-ФЗ [2], к его исключительным функциям относятся:

1. Монопольная эмиссия наличных денег и организация их обращения.
2. Разработка и проведение единой государственной денежно-кредитной политики (включая управление ключевой ставкой для контроля инфляции)
3. Комплексное регулирование, контроль и надзор за всем финансовым рынком. В юрисдикцию Банка России входят не только кредитные организации (банки), но и страховые компании, негосударственные

пенсионные фонды, микрофинансовые организации, биржи и ломбарды. Он самостоятельно выдает и отзывает у них лицензии.

4. Организация и обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования национальной платежной системы.

Таким образом, правовой статус Банка России представляет собой гибридную публично-правовую конструкцию. Действуя независимо от Правительства РФ, Банк России обладает беспрецедентно широким набором властных функций, объединяя в себе роль монетарного центра и универсального надзорного органа.

В отличие от Российской Федерации, где реализована интегрированная модель, Республика Корея представляет собой классический пример сегментированной (разделенной) модели финансового регулирования.

Правовой статус Банка Кореи определяется не на конституционном уровне, а закреплен специальным законом – Законом о Банке Кореи (Bank of Korea Act), принятым в 1950 г. [11]. Согласно ст. 2 данного Закона, Банк Кореи является особым юридическим лицом (special juridical person), не имеющим уставного капитала. Высшим руководящим органом выступает Комитет по денежно-кредитной политике (Monetary Policy Board), который формулирует макроэкономический курс страны.

С точки зрения независимости правовой статус Банка Кореи имеет существенную специфику. Статья 3 Закона о Банке Кореи гарантирует его нейтральность и автономность от государственных органов власти в вопросах операционной деятельности. Однако закон обязывает регулятора устанавливать целевой показатель инфляции только после консультаций с Правительством Республики Корея, что подчеркивает взаимосвязь монетарной и государственной экономической политики.

Главная особенность правового статуса Банка Кореи заключается в отсутствии у него полномочий по прямому банковскому надзору. До 1997 г. Банк Кореи совмещал функции монетарной политики и надзора, однако Азиатский финансовый кризис обнажил уязвимость такой системы. Для

ликвидации конфликта интересов между проведением денежно-кредитной политики и надзорными функциями полномочия были законодательно разделены [4, с. 80; 9, с. 195]. Сегодня Банк Кореи отвечает преимущественно за макроэкономическую стабильность. Выдачей лицензий, нормотворчеством и тотальным надзором за коммерческими банками и некредитными финансовыми организациями занимаются отдельные государственные ведомства – Комиссия по финансовым услугам (Financial Services Commission, FSC) и Служба финансового надзора (Financial Supervisory Service, FSS).

Тем не менее, в научной литературе справедливо отмечается, что Банк Кореи не полностью изолирован от контроля за финансовым сектором. Он обладает инструментами косвенного надзора: регулятор вправе запрашивать информацию у коммерческих банков, а также имеет право инициировать через Службу финансового надзора (FSS) проверки тех кредитных учреждений, которым он предоставляет экстренное финансирование [4, с. 77].

В соответствии с действующим законодательством к ключевым функциям Банка Кореи относятся [11]:

1. Исключительное право эмиссии банкнот и монет (южнокорейской воны).
2. Разработка и реализация денежно-кредитной политики, направленной на поддержание ценовой стабильности.
3. Управление и надзор за национальными платежными и расчетными системами (в том числе BOK-Wire+).
4. Управление официальными золотовалютными резервами страны.

Роль Банка Кореи как макроэкономического регулятора ярко проявляется в современных условиях. Экономика Республики Корея сталкивается с серьезными долгосрочными вызовами: инфляционным давлением и критическим уровнем закредитованности населения (где отношение долга домохозяйств к ВВП стабильно превышает 100 %) [6, с. 84]. В рамках своей компетенции Банк Кореи лишен инструментов прямого микропруденциального вмешательства. Его главным рычагом воздействия остается управление ключевой (базовой) ставкой, с помощью которой регулятор балансирует между

необходимостью сдерживать инфляцию и недопущением массовых дефолтов закредитованных домохозяйств. Таким образом, Банк Кореи выполняет функции классического монетарного центра, чьи решения влияют на стоимость денег в экономике, но не дублируют функции административного надзора.

Проведенный анализ правового статуса и функций Банка России и Банка Кореи позволяет выделить фундаментальные различия в подходах двух государств к архитектуре финансового управления. Сопоставление интегрированной (Банк России) и сегментированной (Банк Кореи) моделей демонстрирует принципиальную разницу по трем ключевым критериям.

Во-первых, уровень нормативного закрепления статуса и степень независимости. Фундамент независимости Банка России заложен на высшем, конституционном уровне (ст. 75 Конституции РФ), что делает его правовое положение максимально защищенным от изменений политической конъюнктуры. Статус Банка Кореи закреплен на уровне федерального законодательства (Bank of Korea Act). При этом степень автономности корейского регулятора более уязвима: закон прямо предписывает Банку Кореи определять целевые показатели инфляции совместно с Правительством. Банк России же в вопросах таргетирования инфляции и разработки денежно-кредитной политики действует полностью самостоятельно.

Во-вторых, объем властно-надзорных полномочий. Российская Федерация реализует жесткую интегрированную модель. Банк России выступает абсолютным финансовым мегарегулятором. Он концентрирует в одних руках как макроэкономику (эмиссию, ключевую ставку), так и тотальный микропруденциальный надзор: ЦБ РФ лично выдает лицензии, проверяет и штрафует банки, страховщиков, брокеров и МФО. Республика Корея, напротив, использует сегментированную модель, сформированную после кризиса 1997 г. для устранения конфликта интересов. Банк Кореи выступает исключительно как макроэкономический стратег. Он управляет стоимостью денег в экономике, но лишен права прямого вмешательства в деятельность банков, поскольку эта функция отдана FSC и FSS. Права Банка Кореи в сфере

надзора сведены к минимуму и носят лишь косвенный характер (в виде запроса информации или права инициировать совместную проверку банка, берущего экстренный кредит) [4, с. 77].

В-третьих, различия нормотворческой функции. Банк России наделен квазизаконодательной властью: он имеет право издавать нормативные правовые акты, которые обязательны для исполнения всеми органами государственной власти, юридическими и физическими лицами на территории РФ [8, с. 90–91]. Полномочия Банка Кореи в сфере нормотворчества значительно скромнее: его акты носят преимущественно внутрисистемный характер и касаются правил проведения монетарных операций и функционирования платежных систем.

Выбор конкретной правовой модели обусловлен историко-экономическими предпосылками стран. Концентрация беспрецедентно широких полномочий в Банке России была исторически необходима для жесткой очистки, консолидации и стабилизации формирующегося российского финансового сектора. Корейская же модель сформировалась как реакция на финансовый кризис, потребовавший отделить «печать денег» от «наказания банков» для обеспечения большей прозрачности и объективности государственного управления.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что в мировой практике не существует универсального стандарта правового статуса центрального банка. Российская Федерация и Республика Корея демонстрируют два диаметрально противоположных, но одинаково обоснованных подхода к архитектуре финансового управления.

Банк России представляет собой мощный финансовый мегарегулятор в рамках интегрированной модели. Его правовой статус защищен на уровне Конституции РФ, а функционал охватывает как макроэкономическое регулирование, так и тотальный микропруденциальный надзор за всеми участниками финансового рынка. Такая концентрация властных

и нормотворческих полномочий стала ответом на историческую необходимость стабилизации и жесткого контроля отечественного финансового сектора.

Банк Кореи, напротив, функционирует в рамках сегментированной модели, сформировавшейся после Азиатского финансового кризиса 1997 г. Обладая статусом особого юридического лица на основании федерального закона, он сосредоточен исключительно на монетарной политике и поддержании ценовой стабильности (через управление базовой ставкой). Прямой административный надзор выведен из его компетенции и передан независимым агентствам (FSC и FSS) для исключения конфликта интересов.

Опираясь на успешный опыт Республики Корея, в качестве рекомендации по совершенствованию российской правовой модели представляется целесообразным рассмотреть возможность частичной децентрализации надзорных полномочий Банка России. На сегодняшний день ЦБ РФ несет колоссальную административную нагрузку, контролируя как системно значимые банки, так и малые финансовые институты. По аналогии с корейской Комиссией по финансовым услугам (FSC) заслуживает внимания идея выделения контроля над некредитными финансовыми организациями (страховыми компаниями, микрофинансовыми институтами, ломбардами, брокерами) из ведения Банка России с передачей этих функций отдельному независимому федеральному агентству. Такая модернизация позволит снизить риск конфликта интересов внутри мегарегулятора, разгрузит Банк России, позволив ему сосредоточиться на глобальной макроэкономике и банковском надзоре, а также обеспечит более гибкую и профильную регуляторную среду для развивающихся сегментов небанковского финансового рынка.

Таким образом, объем полномочий и правовой статус центрального банка напрямую зависят от национальных историко-экономических реалий. Обе модели доказали свою жизнеспособность, обеспечивая главную цель любого центрального банка – поддержание финансовой стабильности государства в условиях современных экономических вызовов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.03.2026).
2. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 03.03.2026).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30584/ (дата обращения: 03.03.2026).
4. *Веселова В.С.* Проблемы и перспективы развития банковской системы Республики Корея // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2, № 1 (4). С. 75–83.
5. *Ковалькова Е.Ю., Шумилов Н.В.* Особенности правового статуса Центрального банка России (публичное и частное) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 53, № 1. С. 27–33.
6. *Кукла М.П.* Тенденции и вызовы экономического развития Республики Корея: итоги 2014–2023 гг. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 77–95.
7. *Лангнер Т.С.* Правовая природа и положение Центрального банка Российской Федерации в системе государственных институтов // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 96–100.

8. *Миронов А.Л.* Место и роль Центрального банка РФ в системе органов государственной власти России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 88–95.
9. *Протопопова О.В.* Правовое регулирование финансовой системы Южной Кореи // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 3. С. 195–199.
10. *Хмельницкая А.Л.* Особенности правового статуса Центрального банка Российской Федерации // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 8 (89). С. 78–82.
11. The Bank of Korea Act (Act No. 138, May 5, 1950, as amended) // Korea Legislation Research Institute. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=47917&type=part&key=23 (дата обращения: 05.03.2026).
12. Act on the Establishment, etc. of Financial Services Commission (Act No. 8863, Feb. 29, 2008, as amended) // Korea Legislation Research Institute. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=47931&type=part&key=23 (дата обращения: 05.03.2026).
13. Financial Services Commission (FSC) of the Republic of Korea : [официальный сайт]. URL: https://www.fsc.go.kr/eng (дата обращения: 05.03.2026).
14. Financial Supervisory Service (FSS) of the Republic of Korea : [официальный сайт]. URL: https://english.fss.or.kr (дата обращения: 05.03.2026).

Д.Г. Домрачев
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: usr11991@vyatsu.ru
У.В. Березкина
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: berezkina.ulya@yandex.ru

УДК 336.22

Сравнительный анализ регулирования налоговых вычетов по расходам на образование в Российской Федерации и прямых образовательных субсидий в Федеративной Республике Германия

А.А. Кирилловых, А.Д. Кривошеина

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу эффективности налоговых вычетов по расходам на образование в Российской Федерации и прямых образовательных субсидий в рамках программы «Startchancen» в период 2024–2025 гг. в Германии. Целью исследования является выявление ключевых различий в подходах к поддержке образования в России и Германии, а также определение элементов германской модели, которые могут быть адаптированы в российской налоговой практике. Актуальность работы обусловлена существенными различиями в подходах к налоговому регулированию реализации гражданами права на образование, имеющихся в обеих странах. Для раскрытия содержания обозначенной темы исследования использованы формально-логический метод, метод системного анализа, которые помогают оценить имеющийся опыт регулирования отношений в сфере налогового регулирования образовательной отрасли, а также сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить сопоставимые элементы механизмов поддержки развития сферы образования в рассматриваемых странах. В результате установлено, что российская модель ориентирована на индивидуальную компенсацию расходов налогоплательщикам, тогда как германская представляет собой системные инвестиции в образовательную инфраструктуру с четкими целевыми показателями.

Ключевые слова: налоговые вычеты, образовательные субсидии, программа «Startchancen», сравнительный анализ, Россия и Германия, социальная политика.

Государственная политика по стимулированию развития образовательной сферы обычно строится на двух основных финансовых инструментах:

налоговых послаблениях для населения и прямых бюджетных вливаниях в деятельность учебных заведений. Россия и Германия используют разные подходы в этом вопросе. Как отмечается в разъяснениях Федеральной налоговой службы России (ФНС), выбор конкретного механизма определяется сложившейся моделью социальной политики и особенностями налоговой системы каждой страны [5].

Последние два года (2024 и 2025) стали временем заметных перемен в обеих странах в части налоговых механизмов, применяемых для развития системы образования.

В связи с внесенными в часть вторую Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) поправками, с 1 января 2024 г. в России изменились правила предоставления социальных налоговых вычетов [1]. Максимальная сумма расходов на собственное обучение выросла со 120 до 150 тыс. руб. в год, а на обучение детей – с 50 до 110 тыс. руб. на каждого ребенка. В сумме оба родителя могут вернуть до 14,3 тыс. руб. ежегодно. Кроме того, с 2024 г. вычет распространили и на оплату очного обучения супруга, а с 2025 г. заработал автоматизированный порядок: учебные заведения сами передают сведения о платежах в налоговую службу, и сумма возврата рассчитывается без участия налогоплательщика [4; 6].

В 2024 г. в Германии запущена долгосрочная программа «Startchancen», рассчитанная на десять лет. Ее бюджет составляет 20 млрд евро, причем ежегодно выделяется по 1 млрд. из федеральной казны и бюджетов земель. Основная задача программы – сократить разрыв в качестве образования между разными группами населения. В нее включены 4 тыс. школ, где обучается много детей из социально неблагополучных семей. Отбор проводится на основе социального индекса, который учитывает уровень бедности в районе расположения школы и долю учеников с миграционным прошлым. Всего программой охвачено около 1 млн. школьников, из них 60 % – школьники младших классов. Работа ведется по трем направлениям: обновление инфраструктуры, выделение «шансовых бюджетов» и укрепление

междисциплинарных школьных команд. К 2034 г. планируется вдвое сократить число учащихся, не достигающих минимальных стандартов по математике и немецкому языку [9; 10].

Сравнение этих преобразований показывает, что различия между российским и германским подходами затрагивают не только конкретные инструменты, но и лежащие в их основе концептуальные установки.

Основные параметры каждой из моделей представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей поддержки образования

Критерий для сравнения	**Российская Федерация**	**Федеративная Республика Германия (программа «Startchancen»)**
Тип поддержки	Компенсационный (возврат налога после произведенных расходов)	Инвестиционный (прямое авансирование образовательной инфраструктуры)
Основной механизм	Уменьшение налоговой базы по НДФЛ на сумму социального вычета	Прямое бюджетное финансирование школ, отобранных по социальному индексу
Получатель	Физические лица – плательщики НДФЛ, оплатившие обучение	Образовательные организации с высокой долей учащихся из социально незащищенных семей
Объем финансирования	Выпадающие доходы бюджета (сумма возвращенных налогов)	Четко фиксированный бюджет – 20 млрд евро на 10 лет
Лимит по сумме	150 тыс. руб. на свое обучение, 110 тыс. руб. на обучение детей	Индивидуальных лимитов для школ не предусмотрено
Оценка результатов	По числу получивших вычет граждан и объему возвращенных средств	По социальным результатам: сокращение вдвое доли неуспевающих учащихся к 2034 г.
Уровень адресности	Низкий (льгота доступна только лицам с официальным доходом)	Высокий (отбор участников осуществляется по объективным критериям бедности)
Сопровождение и контроль	Отсутствие обязательного научного мониторинга эффективности вычета	Обязательное научное сопровождение (консорциум университетов и институтов)
Порядок получения	Проактивный (с 2025 г. данные передаются в налоговую автоматически)	Автоматическое включение школ в программу без заявительного характера

Из представленных данных следует то, что российская модель является компенсационной: она возвращает часть средств гражданам, уже осуществившим инвестиции в образование, причем результативность прямо пропорциональна доходу заявителя. Германская модель, напротив, носит

инвестиционный характер и нацелена на создание условий для получения качественного образования социально незащищенными категориями граждан [8; 9].

Сопоставление выявляет фундаментальные различия в понимании эффективности государственной поддержки развития образования. Российская модель ориентирована на фискальные показатели: число получателей налоговых вычетов и объем возвращенных средств. При этом механизм выполняет преимущественно функцию оптимизации налоговой нагрузки, а не социальной защиты. Его ключевыми ограничениями выступают низкая адресность (льготы недоступны без официального дохода) [3] и недостаточная информированность граждан о своих налоговых правах (около 30 % не знают о праве на вычет) [7]. Трансформация российской системы налогообложения в направлении социально ориентированной модели может предполагать: расширение механизмов налоговых вычетов за счет адресной инфраструктурной поддержки образовательных учреждений, работающих с социально уязвимыми группами; создание системы оценки социальной эффективности льгот, смещающей фокус с финансовых показателей на социальные результаты; усиление межведомственного взаимодействия.

Обращаясь к опыту Германии, следует отметить, что эффективность программы «Startchancen» оценивается через достижение конкретных социальных эффектов, прежде всего – сокращение вдвое числа учащихся, не достигающих минимальных образовательных стандартов [9]. Вместе с тем реализация программы сопряжена с высокой бюджетной нагрузкой и сложностями, преодоление которых требует оптимизации административных процедур и разграничения полномочий между федеральным центром и землями [10].

Анализ германской модели позволяет выделить элементы, которые можно применить в России с учетом сложившейся налоговой системы. Для усиления адресности поддержки и смещения приоритетов от фискальных к социальным, предлагается дополнить ст. 219 НК РФ «Социальные налоговые вычеты»

новым основанием – инвестиционным вычетом на развитие инфраструктуры государственных и муниципальных образовательных организаций.

В Налоговом Кодексе РФ предлагается ввести норму, дающую налогоплательщику право на повышенный социальный налоговый вычет в отношении пожертвований (целевых взносов), направленных на модернизацию материально-технической базы школ, которые находятся в зонах с высоким социальным риском. Такой подход аналогичен германскому принципу отбора по социальному индексу [10]. Для реализации этого механизма необходимо внести изменения в пп.1 п. 1 ст. 219 НК РФ и изложить его в следующей редакции (дополнительная часть): «Если получателями пожертвований являются государственные и муниципальные образовательные организации, включенные в реестр организаций, расположенных на территориях с высоким уровнем социального неблагополучия, на цели капитального ремонта, приобретения оборудования и создания образовательной инфраструктуры, предельный размер вычета, установленный абзацем вторым настоящего подпункта, составляет 40 % суммы дохода, полученного в налоговом периоде и подлежащего налогообложению».

Для практической реализации данного положения необходимо дополнить Положение о Министерстве просвещения Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 28 июля 2018 г. № 884 [2], в части закрепления за указанным федеральным органом исполнительной власти полномочия по формированию и ведению реестра государственных и муниципальных образовательных организаций, расположенных на территориях с высоким уровнем социального неблагополучия. Критерии отнесения территорий к данной категории, а также порядок включения учреждений в этот перечень должны быть утверждены ведомственным приказом. Такой подход обеспечивает прозрачность отбора получателей пожертвований и исключает необоснованное применение повышенного налогового вычета, что соответствует принципам адресности, заложенным в германской программе «Startchancen» [8; 10].

Таким образом, подходы России и Германии к поддержке образования строятся на разных инструментах и целевых установках. В нашей стране действует налоговый вычет, доступный только тем, кто имеет официальный доход. Успех данной меры в достижении целей образовательной политики оценивается главным образом по сумме возвращенных средств. В Германии же программа «Startchancen» нацелена на прямое финансирование школ, отобранных по социальному индексу, в целях сокращения разрыва в возможностях учеников. Предлагаемое в России повышение ставки социального налогового вычета с 25 % до 40 % для пожертвований на модернизацию школ в зонах социального риска позволит сохранить компенсационную природу действующей системы, но при этом добавит ей адресности, которая характерна для немецкой модели. В итоге, предлагаемые меры будут способствовать ускоренной модернизации образовательной инфраструктуры школ, и в большей степени будут гарантировать право граждан России на получение качественного школьного образования.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117 ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 20 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2018 г. № 884 (ред. от 21 февраля 2025 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5343.
3. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 15 мая 2025 г. № 03-04-05/47810 «О размере социальных вычетов по НДФЛ с 2024 г.» // Клерк.ру. 2025. URL: https://www.klerk.ru/doc/669961/ (дата обращения: 22.02.2026).

4. Изменили правила для оформления вычетов // Главбух. 2025. 26 августа. URL: https://www.glavbukh.ru/art/391779-izmenili-praviladlyaoformleniyavychetov-35-news (дата обращения: 14.03.2026).
5. Информация ФНС России от 29 января 2025 г. «ФНС России рассказала о социальных вычетах по НДФЛ на лечение и обучение» // Гарант.ру. 2025. URL: https://www.garant.ru/news/1794094/ (дата обращения: 13.02.2026).
6. Налоговая служба напоминает об изменениях по социальным налоговым вычетам: информация ФНС России от 17 февраля 2025 г. // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn03/news/activities_fts/15758469/ (дата обращения: 15.03.2026).
7. Что изменилось в налоговом вычете за обучение: информация ФНС России от 25 августа 2025 г. // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn16/news/tax_doc_news/16539683/ (дата обращения: 25.03.2026).
8. BMBF's Startchancen programme: Paderborn University scientist is a project partner // Universität Paderborn. 2025. URL: https://www.uni-paderborn.de/en/news-item/142074 (дата обращения: 26.02.2026).
9. Evaluation of the "Startchancen" programme // Universität Potsdam. 2025. URL: https://www.uni-potsdam.de/en/empwifo/research/projects/evaluation-startchancen-programm (дата обращения: 21.02.2026).
10. Richtlinie über die Gewährung von Zuwendungen im Investitionsprogramm Startchancen (SC-I-R): Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums für Unterricht und Kultus vom 21. November 2025, Az. III.6-BS4200.11/37/22 // Bayerisches Ministerialblatt (BayMBl.). 2025. № 520. URL: https://www.verkuendung-bayern.de/files/baymbl/2025/520/baymbl-2025-520.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

А.А. Кирилловых
кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Юридического института ФГБОУ ВО «Вятский государственного университет»
E-mail: kirillovykh2014@yandex.ru

А.Д. Кривошеина

студент 3 курса Юридического института, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: arina-krivosheina@mail.ru

УДК 347.637

О защите алиментных прав разведенных матерей с младенцами

В.А. Кодолов, А.Г. Аракелян, А.А. Потапова, А.А. Овчинникова

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию актуальных вопросов, возникающих при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей при бракоразводном процессе супругов. Рассматриваются особенности взыскания алиментов на детей и последствия за их неуплату, а также возможность создания специализированной государственной организации, которая защищала бы алиментные права матерей. Актуальность исследования обусловлена противоречием между наличием строгих законодательных мер к неплательщикам и сложной, обременительной для матерей процедурой получения алиментов. Целью данного исследования является анализ правовых проблем, с которыми сталкиваются матери при взыскании алиментов на несовершеннолетних с бывших супругов, и разработка предложения по совершенствованию системы поддержки данной категории граждан. Основные методы включают формально-юридический анализ норм семейного, гражданского, гражданского процессуального и административного права Российской Федерации, регулирующих порядок уплаты, принудительного взыскания алиментов и ответственность за их неуплату.

Ключевые слова: алименты, алиментные обязательства, взыскание алиментов, исполнительное производство.

Нормы международного права, являющиеся обязательными для России (ст. 15 п. 1 Конституции РФ), устанавливают для государств обязанность принимать все необходимые меры для обеспечения содержания ребенка его родителями [1]. Поэтому ст. 38 Конституции РФ закреплено: материнство, детство и семья находятся под защитой государства, а забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностей родителей. А действующее российское законодательство содержит необходимый арсенал правовых средств по созданию, укреплению, развитию и защите семейных правоотношений.

Однако, в системе данных правовых средств улавливается один слабый момент, который проявляется при разводах в отношении бывших жен, оставшихся с младенцами на руках.

Семейное законодательство исходит из необходимости построения семейных отношений на чувствах взаимной любви (ст. 1 п. 1 СК), а при бракоразводных процессах суд, принимая меры к примирению супругов, вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах 3-х месяцев (ст. 22 п. 2 СК), что позволит отделить мелкий конфликт между супругами от сохранившихся между ними чувствами, т.е. возможностью сохранить семью.

Подобно тому, как ни один человек не может быть гарантирован от болезни и смерти, то и не гарантированы от разрывов семейные отношения, т.е. данные проблемы являются типичными, а поскольку законодательство регулирует не случайные, а типично возникающие ситуации, то процедурный порядок разводов супругов урегулирован ст. 16–26 Семейного кодекса РФ, конкретизирован руководящим постановлением Пленума Верховного Суда РФ [3] и достаточно полно отработан судебной практикой [4].

За неуплату бывшим супругом алиментов за младенца без уважительных причин в течение 2-х и более месяцев неплательщик подлежит

административному аресту на срок до 15-ти суток, либо он обязан уплатить штраф в размере 20-ти тыс. руб. (ст. 5.35.1 п. 1 КоАП РФ), а если это деяние совершено неоднократно, то оно наказывается лишением свободы на срок до 1-го года (ст. 157 п. 1 УК РФ).

Казалось бы, для разведенных одиноких матерей с младенцами нет проблем относительно реализации ими своих прав на взыскание алиментов с бывшего супруга, однако на практике встречаются неплательщики алиментов.

Появлению таких субъектов способствуют юридические сложности в процедуре получения данных алиментных прав, которая предполагает два варианта этого получения:

– либо по соглашению бывших супругов об уплате данных алиментов (ст. 81, 103 СК), которое должно заключаться в письменной форме, подлежать нотариальному удостоверению и несоблюдение установленной законом формы влечет его ничтожность (ст. 100 СК, ст. 163 ГК);

– либо по решению суда о взыскании алиментов с бывшего супруга ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, заработка и (или) иного дохода (ст. 81 п. 1 СК).

При уклонении бывшего супруга от уплаты алиментов у разведенной жены остается лишь один способ взыскания их – предъявлением иска в суд. И в таких случаях она, как правило не имеющая представления о судебной системе, вынуждена оплачивать адвокатскую помощь [2], цена которой превышает материальные возможности истицы.

Обычным сроком рассмотрения такого иска в суде является не превышение 2-х месяцев (т.е.60 дней) (ст. 154 п. 1 ГПК), сроки могут быть продлены судом. (ст. 6.1 п. 2, 111 ГПК) в зависимости от сложности дела – на 1 месяц (ст. 154 п. 6 ГПК), в зависимости от особой сложности – 4-х месяцев (ст. 379.4 п. 2 ГПК) и т.д.

Сверх этого данные сроки могут растянуться и по причине сбора доказательств к судебному делу, поскольку каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований

и возражений (ст. 56 п. 1 ГПК), а истцы обязаны дублировать высылку этих доказательств ответчику (ст. 57 п. 1 ГПК) ответчику.

Даже при успешном судебном решении в пользу разведенной матери, между его вынесением и реальным исполнением проходит значительный отрезок времени, поскольку это решение не может вступить в законную силу, пока не пройдет 1 месяц, отведенный законом на апелляционное обжалование его (ст. 320 п. 1, 321 п. 2 ГПК).

Апелляционное же рассмотрение этого решения может на законных основаниях затянуться до 2-х месяцев (ст. 327.2 п. 1 ГПК), а в Верховном Суде РФ – до 3-х месяцев (ст. 327.2 п. 2 ГПК).

Основанием исполнительного процесса (т.е. реализации судебного решения) является исполнительный лист, который выдается судом взыскателю только после вступления судебного решения в законную силу (ст. 428 п. 1 ГПК РФ) и исполняется в соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Но и на стадии исполнительного производства могут возникнуть препятствия к исполнению решения, поскольку у плательщика алиментов есть право требовать отсрочки или рассрочки выполнения алиментных обязанностей (ст. 203,208,428 ГПК).

Кроме того, при определенных условиях исполнительное производство прекращается судом по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Прекращенное же исполнительное производство не может быть возбуждено вновь (ст. 439 п. 1 и 3 ГПК), т.е. потребуется одинокой матери вновь обращаться в суд по данной проблеме. Однако это будет уже другое дело, поскольку ГПК РФ не допускает повторно судить одно и то же рассмотренное дело (ст. 17, 134, 157, 169, 221, 243, 390) и придется собирать другие документы, доказательства и т.д.

Нетрудно представить себе состояние разведенной женщины с малолетним ребенком. Все ее переживания неизбежно отражаются на психике младенца

даже и в том случае, если мать старается не показать их ребенку.

Согласно ст. 7 п. 1 Конституции РФ, Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. И с позиции рассмотренной проблемы в положение таких одиноких матерей с их младенцами, оказавшихся в подобной трудной жизненной ситуации, должна вмешаться государственная поддержка.

Решение данной проблемы видится в создании специальной организации, либо подразделения организации, наделенной двумя функциями:

– алиментной поддержки одиноких матерей с младенцами (для чего выделить для этих организаций специальный алиментный фонд),

– взыскания алиментов с их бывших супругов, уклоняющихся от уплаты алиментов на этих младенцев.

Это позволило бы одиноким матерям получать необходимую материальную поддержку на период, пока идет взыскание алиментов с неплательщиков.

По завершению взыскания данных алиментов они передавались бы в этот алиментный фонд, восполняя выплаченные матерям суммы.

Иначе говоря, данные организации выполняли бы роль кредитора (выдавая алименты матерям на период, пока ведется тяжба по взысканию алиментов с неплательщиков), только платили бы по этим кредитам неплательщики алиментов.

Предлагаемое представляет собой лишь идею, нуждающуюся в глубокой проработке, и было бы целесообразным вынести ее на обсуждение специалистами.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС Консультант Плюс. URL: https: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/?ysclid=mmkrgcjd7a56822

061 (дата обращения: 07.03.2026).
2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/?ysclid=mmkrqlg4o1872801274 (дата обращения: 07.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361/?ysclid=mmkrlczrji88044402 (дата обращения: 07.03.2026).
4. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179609/?ysclid=mmkrnty1m2261055309 (дата обращения: 07.03.2026).

В.А. Кодолов

кандидат юридических наук

доцент кафедры трудового и социального права

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: usr10230@vyatsu.ru

А.Г. Аракелян

студент, направление подготовки «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: ani.arakelyan.04@list.ru

А.А. Потапова

студент, направление подготовки «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: nastyusha.potapova.04@bk.ru

А.А. Овчинникова
студент, направление подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности»
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: annochels@mail.ru

УДК 349.2

Об особенностях диспозиций норм трудового права

В.А. Кодолов, А.Г. Аракелян, А.А. Потапова, А.А. Овчинникова

Аннотация. Данная работа посвящена анализу функций и особенностей диспозиций норм трудового права. Выполняя общую для всех отраслей права регулятивную роль, диспозиции в трудовом праве имеют специфику, обусловленную необходимостью балансировать противоречивые интересы работодателей и работников. Диспозиция рассматривается как центральный элемент правовой нормы, создающий стабильный «скелет» трудового правопорядка, в то время как гипотезы и санкции носят вспомогательный, «возмущающий» характер. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов правового регулирования трудовых отношений и обеспечения баланса интересов сторон. Цель данной работы направлена на исследование функций диспозиций норм трудового права, их особенностей и роли в регулировании трудовых отношений. В работе используется сравнительно-правовой анализ, в частности, анализ норм Трудового Кодекса РФ и доктринальных положений, с целью выявления специфики диспозиций в трудовом праве.

Ключевые слова: диспозиция, работодатель, работник, трудовые отношения.

Функции диспозиций норм трудового права в целом такие же, как и у диспозиций нормах других отраслей российского права. В то же время

у них есть ряд особенностей, о которых информирует содержание данная статьи.

Диспозиции выполняют роль регулятора трудовых отношений, устанавливающего правила поведения субъектов этих отношений и обеспечивающего оптимальный баланс сочетания противоречивых интересов работодателей и работников (если работодатель желает заставить работников побольше работать и поменьше платить им за эту работу, то у работников диаметрально противоположный к этому интерес). Поэтому работодатель обязан обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности, выплачивая ее в полном размере и в установленные сроки (ст. 22 ТК), в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда. (ст. 135 ТК) и в случае задержки на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы. (ст. 142 ТК).

Диспозиции осуществляют главную роль в этом правовом регулировании. Если требования, содержащиеся в диспозициях правовых норм, выполняются субъектами отношений добровольно и точно, то гипотезы и санкции правовых норм «отдыхают», т.е. применения их в правовом регулировании не требуется.

К примеру, не требуется работодателю предупреждать работника о недопустимости опозданий на работу и применять дисциплинарные взыскания за эти опоздания, если таковые работник не допускает, т.е. выполняет требования диспозиции правовой нормы о режиме рабочего времени.

Диспозиции создают и обеспечивают функционирование своеобразного «скелета» всего организма трудового правопорядка – системы регулятивных трудовых правоотношений в целом стабильных и обеспечивающих жизнь общества. В частности, трудовыми отношениями реализуется как процесс производства материальных благ, так и служебная деятельность чиновников, на которую нормы трудового права распространяются с особенностями, предусмотренными законодательстве о службе [1].

И если диспозиции представляют собой постоянно действующий процесс правоприменения, то санкции правовых норм применяются лишь по «возмущающему» факту (при нарушении диспозиции), ликвидировав который прекращают свое действие. В частности, дисциплинарное взыскание (ст. 192 ТК) числится за работником в течении года, после чего работник считается не подвергавшимся ему (ст. 194 ТК), т.е. этого взыскания как бы и не было и информация о нем не вносится в трудовую книжку Работника (ст. 68 ТК)

Стержневой основой диспозиций являются правовые обязанности, устанавливаемые для субъектов трудовых отношений, и составляющие своеобразный «скелет» всего организма трудового правопорядка.

Например, трудовые отношения представляют собой конструкцию из двух обязанностей у каждой из сторон трудового договора: работодатель обязан обеспечить работнику условия труда и оплатить ему этот труд, а работник обязан трудиться с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка (ст. 15, 56 ТК)

Для реализации этих трудовых обязанностей сторонам трудовых отношений необходимо обладать определенными юридическими возможностями в форме прав, свобод и законные интересов и это составляет вторую сторону диспозиции норм трудового права.

В частности, работник имеет право на полную достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте (ст. 21 ТК), без чего ему сложно действовать правильно при выполнении своих обязанностей, а без права работодателя на самообследование (т.е. на самостоятельную оценку соблюдения требований трудового законодательства (ст. 22 ТК) ему сложно принимать правильные управленческие решения по руководству работниками.

Права, как основные правовые возможности сторон трудовых отношений, обладают следующими особенностями:

а) по правовому содержанию их можно подразделить на два вида:

– на активные, представляющие собой осуществлять определенные действия. Например, работник обязан добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором (ст. 21 ТК), а работодатель обязан вести учет времени, фактически отработанного каждым работником (ст. 91 ТК);

– на пассивные, выражающиеся в праве на пассивное поведение. Например, работник имеет право досрочно отказаться от выполнения дополнительной работы, а работодатель – досрочно отменить поручение о ее выполнении, предупредив об этом другую сторону в письменной форме не позднее чем за три рабочих дня (ст. 60.2 ТК);

б) активные права имеют, как правило, две стороны:

– материальную, выражающуюся в объеме прав, предусмотренных трудовым законодательством. Например, работникам, работающим в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых необогреваемых помещениях, предоставляются специальные перерывы для обогревания и отдыха, которые включаются в рабочее время

– процессуальную, выражающуюся в процедуре реализации данных прав. В частности, использование этого перерыва осуществляется путем использования помещений для обогревания и отдыха работников, которые обязан обеспечить работодатель (ст. 109 ТК); государственными нормативными требованиями охраны труда устанавливаются процедуры направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности (ст. 212 ТК) и т.д.

Реализация правовых возможностей осуществляется, дополнительно к правам, дополнительными правовыми способами – «свободы» и «законные интересы».

Свободы имеют такую же юридическую природу, как и у прав, но отличаются от последних [2, с. 3–7] и это отличие недостаточно исследовано в юридической науке.

Попытки восполнения этих научных пробелов привели к следующим результатам:

а) в отличие от прав, которые регулируются разрешительным методом (что не разрешено – то запрещено), свободы регулируется запретительным методом (что не запрещено – то разрешено).

Например, свобода выбора вопросов по социальному партнерству (ст. 24 ТК) может быть ограничиться лишь законом. Не подлежат возмещению командировочные расходы, не предусмотренные командировочными правилами (ст. 168 ТК) хотя и работник понес эти расходы в интересах работодателя;

б) если в активных правах присутствует процессуальный элемент, то в свободах таковой отсутствует.

Например, работник имеет право на защиту своих трудовых прав, свобод и законных интересов всеми не запрещенными законом способами (ст. 21 ТК), но в индивидуальных трудовых спорах он обязан соблюсти процедуру обращения к работодателю, в комиссию по трудовым спорам, в суд (ст. 381–391 ТК). И т.д.

в) если правовое регулирование трудовых отношений в форме предоставления прав субъектам этих отношений является основным приемом, то регулирование форме предоставления свобод является приемом вспомогательным.

Например, Конституция предусматривает лишь дюжину свобод: выбора места жительства, использования своих способностей для осуществления разрешенной экономической деятельности, труда (ст. 27, 34, 37) и др.

Применение свобод, как вспомогательной формы правового регулирования, обусловлено особенностями регулируемых трудовых отношений, выражающихся в том, что применение процедурной часть правового регулирования неуместно.

В ТК РФ свободы провозглашены лишь в качестве принципа трудового права (ст. 2) и социального партнерства (ст. 24).

Законные интересы, защита которых является целями российского трудового законодательства, а его задачами – создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства (ст. 1 ТК), а поэтому термин «интерес» упоминается в тексте ТК РФ свыше 60 раз (ст. 1, 2 , 15, 21–24, 29–31, 33 и др.).

Однако нет понятия этого важнейшего для юриспруденции термина, что является ущербным для нее, нуждающейся в математической точности законодательной терминологии. Обязательным элементом трудовых отношений является осуществление их в интересах и под управлением и контролем работодателя (ст. 15 ТК), а поэтому неясность в определении этого понятия создает проблемы в правоприменительной деятельности.

Юридически значимым является не всякий интерес, а лишь законный интерес (ст. 21, 210, 252, 358, 370 ТК). Например, Конституции РФ признает конкуренцию законным государственным интересом (ст. 8 п.1), но если эта конкуренция недобросовестная и направлена на монополизацию, то это является незаконным интересом, подлежащим пресечению в установленном порядке. (ст. 34 п. 2).

Эффективность трудового законодательства в регулировании взаимоотношений между субъектами трудовых отношений, а именно работодателями и работниками, является неоспоримой. Оно обеспечивает соблюдение принципов справедливости в вопросах условий труда и вознаграждения. Особое значение в формировании трудового правопорядка имеют диспозиции. Однако, наличие неоднозначных толкований основополагающих понятий, в частности «законных интересов», порождает трудности в практической имплементации нормативно-правовых актов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024)

«О муниципальной службе в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 10.03.2026)

2. *Грищенко Т.А., Когут В.Г.* Соотношение понятий «право» и «свобода» в контексте исследования механизмов ограничения конституционных прав в период пандемии // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1.

В.А. Кодолов

кандидат юридических наук

доцент кафедры трудового и социального права

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: usr10230@vyatsu.ru

А.Г. Аракелян

студент, направление подготовки «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: ani.arakelyan.04@list.ru

А.А. Потапова

студент, направление подготовки «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: nastyusha.potapova.04@bk.ru

А.А. Овчинникова

студент, направление подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности»

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: annochels@mail.ru

УКД 343.953

Гуманизация уголовного процесса через призму личности: эволюция поведенческой характеристики в России

А.Б. Коновалова, Д.А. Седченко, Д.А. Князева

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому развитию поведенческой характеристики обвиняемого в российском уголовном процессе. Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением учета личности обвиняемого при доказывании и индивидуализации процессуальных решений. Цель – выявление этапов формирования данного института и определение его роли в современном уголовном судопроизводстве. Результаты исследования свидетельствуют о переходе отечественного права от сословно-формального подхода к более дифференцированной оценке поведения обвиняемого, что отражает тенденцию к гуманизации уголовного процесса.

Ключевые слова: личность обвиняемого, поведенческая характеристика, гуманизация уголовного процесса, индивидуализация наказания, доказательства.

Историко-правовой анализ института характеристики личности обвиняемого имеет существенное значение для понимания того, каким образом в отечественном уголовном судопроизводстве формировались идеи гуманизации, индивидуализации и учета личности участника процесса. Рассмотрение этого вопроса позволяет проследить, как в разные исторические периоды изменялись представления законодателя о значении личности обвиняемого, какие правовые и социальные факторы влияли на оценку его поведения и каким образом складывались современные подходы к учету данных о личности при разрешении уголовного дела. Эволюция рассматриваемого института свидетельствует о постепенном переходе от формального и сословно-статусного восприятия лица, привлекаемого к ответственности, к более дифференцированному и процессуально значимому пониманию его поведения, личностных качеств и социально-психологических

характеристик. В результате поведение обвиняемого стало рассматриваться не только как отражение его индивидуальных свойств, но и как фактор, влияющий на установление истины по делу, выбор тактики расследования и принятие судебного решения.

На ранних этапах развития отечественного права личность лица, совершившего противоправное деяние, еще не выступала самостоятельным объектом правового анализа в современном смысле. В древнерусских правовых памятниках, прежде всего в Русской Правде, внимание законодателя было сосредоточено главным образом на самом факте нарушения установленного порядка, возмещении вреда и поддержании общественного мира. Вместе с тем уже в этом источнике прослеживаются отдельные элементы, свидетельствующие о первых попытках учитывать статус и поведение субъекта правонарушения. В историко-правовой литературе отмечается, что в тексте Русской Правды различались субъекты правонарушения (ст. 46) и учитывалась повторность противоправного поведения (ст. 35), что косвенно свидетельствует о наличии ранних представлений о значении личности и модели поведения лица, совершившего деяние [4]. В условиях раннего феодального права личность оценивалась прежде всего через социальную принадлежность, имущественное положение и родовую зависимость, а не через индивидуальные психологические или поведенческие особенности. Тем не менее именно здесь можно усмотреть первые элементы правового интереса к субъекту преступления как носителю определенного поведения.

В допетровский период и в эпоху сословного строя отношение законодателя к личности обвиняемого сохраняло преимущественно формальный и статусный характер. Право той эпохи исходило из неравенства правового положения различных категорий населения, а потому оценка личности во многом зависела от сословия, служебного положения и общественной значимости лица. Индивидуальные поведенческие качества не становились предметом самостоятельного юридического анализа, однако общая направленность правового регулирования свидетельствовала о том, что

личность правонарушителя уже имела значение для дифференциации ответственности. С позиций современного исследования можно утверждать, что в этот период закладывались лишь общие предпосылки для дальнейшего развития института характеристики личности обвиняемого и последующего усиления его гуманистической составляющей.

Существенное развитие вопросы учета личности обвиняемого получили в эпоху реформ Петра I и в последующие периоды становления централизованного государства. Однако и тогда преобладал формально-сословный подход, при котором поведение лица оценивалось с точки зрения его лояльности к государству, соблюдения приказов власти и соответствия общепринятым нравственным нормам. В судебной практике постепенно укреплялось представление о том, что при назначении наказания следует учитывать не только сам факт совершения преступления, но и характер виновного лица, его прежнюю службу, поведение в обществе, степень раскаяния и иные обстоятельства, касающиеся его личности. Тем не менее данные элементы еще не образовывали самостоятельного института, а лишь служили дополнительными ориентирами при вынесении решения. Уже здесь проявлялась важная тенденция: право начинало отходить от исключительно репрессивного восприятия преступления и осторожно приходило к мысли о необходимости учитывать индивидуальные особенности человека.

Существенный перелом в развитии отечественного уголовного судопроизводства связан с судебной реформой XIX в. и принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Этот нормативный акт стал поворотным моментом в истории российского правосудия, поскольку он заложил основы более современного, состязательного и публичного уголовного процесса. В отличие от прежних форм судопроизводства, ориентированных на сословные различия и формальные критерии, Устав 1864 г. исходил из необходимости установления истины по делу и привлечения к ответственности действительно виновного лица (ст. 1, ст. 8, ст. 14) [5]. В этом заключалось принципиально новое отношение законодателя к личности обвиняемого: она стала

рассматриваться не как абстрактный объект репрессии, а как конкретный участник процесса, подлежащий индивидуализированной правовой оценке. Именно в этом состоит одно из важнейших проявлений гуманизации уголовного процесса, поскольку внимание к личности перестало быть второстепенным и стало частью самой логики судопроизводства.

В связи с судебной реформой 1864 г. в отечественном праве начинают формироваться предпосылки для более внимательного учета данных о личности обвиняемого. В частности, ст. 414 предписывала следователю собирать сведения о звании обвиняемого, его отличиях, а также о прежнем судимом положении, а ст. 421 устанавливала, что при избрании меры пресечения учитываются не только тяжесть угрожающего наказания и сила улик, но также состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе [5]. Кроме того, ст. 353 обязывала следователя при наличии оснований для сомнений в психическом состоянии обвиняемого выяснять его образ действий и суждений, в том числе через допрос лиц, хорошо знающих обвиняемого. Таким образом, уже дореволюционное законодательство не ограничивалось установлением самого события преступления, а допускало исследование характеристик личности как значимого процессуального материала.

Для дореволюционного периода характерно также усиление интереса к личности обвиняемого в научной доктрине. Российские правоведы и процессуалисты все больше внимания уделяли изучению действий и поступков обвиняемого, так или иначе связанных с преступлением, поскольку считалось, что они могут выступать в качестве «улик поведения» и быть признаны косвенными доказательствами по уголовному делу. К таким проявлениям относили действия, направленные на уклонение от ответственности, поведение, указывающее на осведомленность обвиняемого об определенных обстоятельствах, использование им предметов преступления и косвенное признание своей виновности. Указанная позиция имеет существенное значение для понимания исторического развития исследуемого

института, поскольку уже на данном этапе поведение обвиняемого рассматривалось не только как внешнее проявление личности, но и как источник сведений о причастности к преступлению. Вместе с тем признавалось, что доказательственное значение имеют лишь те проявления поведения, которые непосредственно связаны с расследуемым событием. Если же связь между поведением обвиняемого и преступлением не могла быть установлена, то такое поведение не рассматривалось в качестве доказательства.

Отличительной чертой «улик поведения» было то, что они создавались самим обвиняемым, как бы изобличающим себя собственными действиями. Если доказательства, относящиеся непосредственно к личности обвиняемого, носили статический характер и отражали свойства, знания и навыки, имеющиеся у него на момент совершения преступления, то улики поведения показывали личность в динамике: в действиях, высказываниях и реакциях. Следовательно, уже в дореволюционной науке возникло понимание принципиального различия между данными о личности и поведенческими проявлениями, что впоследствии стало одной из методологических основ выделения поведенческой характеристики как самостоятельной категории.

В дальнейшем учение об уликах поведения обвиняемого во многом составило теоретическую основу предпринимаемых попыток применения детектора лжи в уголовном судопроизводстве в качестве источника доказательств. Эта линия развития показывает, что внимание к поведению обвиняемого не ограничивалось классической доказательственной теорией, а постепенно трансформировалось в более широкую исследовательскую проблему, связанную с возможностью фиксации и интерпретации поведенческих реакций в условиях уголовного преследования. П. П. Цветков исходил из того, что исследование поведения обвиняемого, находящего выражение в его действиях, поступках и высказываниях на различных стадиях уголовного судопроизводства, представляет собой важнейший источник сведений о его взглядах и убеждениях [8, с. 59]. Указанный подход обеспечивал более полное понимание системы его межличностных связей, способствовал

выдвижению обоснованных следственных версий и повышал результативность допроса, очных ставок, проверки показаний на месте и иных следственных действий. Тем самым постепенно укреплялась идея о том, что поведение обвиняемого имеет не только доказательственное, но и гуманизирующее значение, поскольку позволяет точнее учитывать индивидуальные особенности личности.

После революции 1917 г. и установления советской власти подход к личности обвиняемого претерпел существенные изменения. Советский уголовный процесс изначально строился на иных идеологических и правовых принципах, чем дореволюционное право. В центре внимания оказались не сословные различия, а социальная опасность личности, ее отношение к труду, общественной полезности и идеологической лояльности новому государству. В этот период личность обвиняемого стала оцениваться через призму его общественной полезности и социального поведения [3]. В советской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науке активно развивалась идея учета данных о личности при назначении наказания, избрании меры пресечения и оценке опасности лица для общества. При этом сама характеристика личности обвиняемого приобретала ярко выраженный социально-воспитательный характер.

Советская правовая система рассматривала уголовное наказание не только как меру возмездия, но и как средство исправления и перевоспитания. Это обстоятельство обусловило необходимость более детального изучения личности обвиняемого. Судебные и следственные органы должны были оценивать, насколько лицо поддается исправлению, как оно относится к труду, семье, коллективу, государству и обществу. В характеристиках, собиравшихся в отношении обвиняемого, значительное место занимали сведения о его трудовой дисциплине, партийной принадлежности, общественной активности, поведении в коллективе, а также о моральных качествах и бытовом облике. Подобный подход был обусловлен идеологией времени, однако он также способствовал развитию практики учета личностных и поведенческих факторов

в уголовном процессе. Вместе с тем такая практика имела и свои недостатки. Во многих случаях характеристики носили формальный, шаблонный характер и не всегда отражали реальные особенности поведения лица. Нередко в них преобладала идеологическая оценка, а не объективный анализ личности. Тем не менее именно в советский период сформировались основы практики учета данных о личности обвиняемого, которые впоследствии были восприняты современным уголовным процессом и получили новое содержание в условиях приоритета прав человека.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. и последующими изменениями произошло качественное переосмысление роли данных о личности обвиняемого. Современный уголовный процесс исходит из конституционных принципов уважения прав и свобод человека, презумпции невиновности, состязательности сторон и обеспечения права на защиту [1]. В этом контексте личность обвиняемого рассматривается не как объект идеологической оценки, а как характеристика полноправного участника уголовного процесса, обладающего комплексом прав и гарантий. При этом законодатель не связывает оценку личности с идеологическими или сословными критериями, а опирается на правовые и процессуальные основания, что соответствует идее гуманизации уголовного судопроизводства.

Особое значение в современном УПК РФ имеют положения ст. 73, определяющей обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также ст. 421, предусматривающей особенности установления обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего обвиняемого [2]. Хотя данные нормы прямо не раскрывают содержание поведенческой характеристики, они создают нормативную основу для ее учета. Кроме того, при назначении наказания суд обязан учитывать данные о личности виновного, что вытекает из общих начал назначения наказания и позволяет рассматривать поведенческие особенности как важный фактор индивидуализации уголовной ответственности. Таким образом, современное законодательство закрепляет

не сам институт поведенческой характеристики в прямом виде, а его функциональные элементы, обеспечивающие возможность ее использования на практике.

Современная практика показывает, что поведение обвиняемого может иметь существенное значение для решения множества процессуальных вопросов. Так, суд учитывает, признает ли лицо вину, раскаивается ли оно в содеянном, оказывает ли содействие следствию, возмещает ли причиненный вред, соблюдает ли порядок в судебном заседании. Эти данные способны влиять на оценку личности лица, выбор меры уголовно-правового реагирования.

Следует также обратить внимание на то, что современное законодательство использует категорию «данные о личности» достаточно широко, но не дает их исчерпывающего перечня. Это обусловливает необходимость доктринального и практического толкования содержания соответствующих сведений. В результате поведенческая характеристика обвиняемого получает свое место в системе уголовно-процессуального доказывания как комплекс фактических данных о его поведении, которые могут учитываться при принятии процессуальных решений. Отсутствие в законе определения порождает неоднозначность правоприменения, что подтверждает актуальность дальнейшего теоретического исследования данного вопроса, особенно в контексте гуманизации уголовного процесса.

Таким образом, историко-правовая эволюция института характеристики личности обвиняемого в России прошла длительный и сложный путь – от сословно-статусных представлений и формальных описаний к современному пониманию поведенческой характеристики как процесса установления значимых признаков поведения лица, влияющих на принятие процессуальных решений. На каждом этапе развития отечественной правовой системы представления о личности обвиняемого отражали господствующие социальные, политические и идеологические установки. При этом общая тенденция заключалась в постепенном расширении значения данных о личности

и в усилении их роли в механизме индивидуализации уголовной ответственности. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет лишь общую нормативную основу учета данных о личности, предоставляя правоприменителю значительную свободу в их оценке. Именно поэтому исследование историко-правовой эволюции данного института имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет обосновать необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования поведенческой характеристики обвиняемого в контексте гуманизации уголовного процесса.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 08.03.2026) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 30.03.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (с изм. и дополнениями, вступающими в силу с 01.07.2002 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения 30.03.2026).
4. Русская правда. Пространная редакция // StudFiles. URL: https://studfile.net/preview/3116318/page:2/
5. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения 30.03.2026).
6. *Устинов Д. С.* Взаимосвязь поведенческой характеристики обвиняемого (подсудимого) с судебными решениями // Вестник Волгоградской

академии МВД России. 2019. С. 159–165. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-

7. *Устинов Д. С.* Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения, принимаемые по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015.
8. *Цветков П. П.* Исследование личности обвиняемого (На предварит. следствии и в суде первой инстанции). Ленинград, 1973.

А.Б. Коновалова

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров

E-mail: abkonovalova27@mail.ru

Д.А. Седченко Д.А.

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров

E-mail: mega.sedchenko@mail.ru

Д.А. Князева Д.А.

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров

E-mail: dknyazeva19@gmail.com

УДК 344.651

Критерии допустимости информации, полученной с помощью видео-конференц-связи, в целях доказывания по уголовным делам

А.Б. Коновалова, Т.Ю. Патракова, Д.А. Чулкова

Аннотация. Цель статьи – исследовать правовые и практические аспекты применения видео-конференц-связи (далее – ВКС) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, прежде всего условия допустимости

доказательств, полученных с использованием данной технологии. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) выявляются противоречия между декларируемой возможностью дистанционного проведения следственных действий и реальными сложностями их реализации. Исследуются технические и процессуальные требования к организации сеансов ВКС, а также ограничения на их применение (в т.ч. запрет при риске разглашения охраняемой законом тайны). В работе анализируются доктринальные подходы к оценке роли ВКС в уголовном процессе, включая дискуссии о балансе между цифровизацией правосудия и соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий. Раскрываются потенциальные преимущества внедрения ВКС (расширение доступности правосудия, снижение организационных издержек) и системные риски (уязвимость технических решений, угроза конфиденциальности, возможность искажения сведений). Особое внимание уделяется вопросам процессуального оформления результатов следственных действий, проведённых посредством ВКС: обязательной видеозаписи (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ), соблюдению сроков передачи материалов. При написании статьи использовались следующие методы: формально-логический (анализ, синтез), формально-юридический, метод сравнительного исследования.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, уголовное судопроизводство, доказательства, критерии допустимости, следственные действия.

В условиях активного развития современных технологий и масштабной цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе правовой системы, внедрение видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство приобретает особую актуальность. Применение данной технологии способствует существенному расширению доступности правосудия, в частности, в случаях, когда личное присутствие участников судебного процесса по объективным причинам невозможно либо сопряжено со значительными затруднениями.

Под видео-конференц-связью в контексте уголовного судопроизводства понимается специализированная технология, которая обеспечивает

дистанционное участие сторон в судебных заседаниях посредством аудио- и видеокоммуникации. Благодаря этому участники процесса, территориально удалённые от места проведения заседания, могут взаимодействовать с судом и другими сторонами в режиме реального времени. Такой подход позволяет оптимизировать организацию судебных разбирательств и снизить связанные с ними организационные издержки.

В рамках общей цифровизации законодатель предпринял ряд шагов для закрепления возможности дистанционного участия в следственных действиях с применением ВКС. В частности, Федеральным законом № 501-ФЗ от 30 декабря 2021 г. в УПК РФ была включена ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путём использования систем видео-конференц-связи» [1].

Данная норма регламентирует порядок применения технологии ВКС при осуществлении отдельных следственных действий, обеспечивая правовую основу для их дистанционного проведения [9].

Реализация следственных действий в дистанционном формате предполагает соблюдение комплекса технических требований, обеспечивающих достоверность и юридическую значимость получаемых доказательств. Прежде всего, стабильное интернет-соединение с достаточной пропускной способностью канала связи выступает необходимым условием проведения следственных действий посредством ВКС. Критерии качества соединения включают чёткость передачи аудиовизуальной информации без искажений и задержек, непрерывность сеанса связи без прерываний и сбоев, а также обеспечение режима реального времени для интерактивного взаимодействия участников.

Законодатель предписывает использование сертифицированных ведомственных систем ВКС, интегрированных в инфраструктуру государственных органов. Данный подход обусловлен необходимостью обеспечения защиты информации от несанкционированного доступа, гарантирует юридическую значимость фиксации процессуальных действий

и соблюдение требований информационной безопасности в рамках уголовного судопроизводства [6]/ Применение общедоступных платформ для проведения следственных действий не допускается, поскольку не позволяет в полной мере обеспечить требуемый уровень конфиденциальности и достоверности фиксации процессуальных процедур.

Каждый узел подключения к системе ВКС должен быть оборудован комплексом аппаратно-программных средств, включающим видеокамеры высокого разрешения для детализации изображения, аудиоустройства с функцией шумоподавления для качественной записи звука, персональные компьютеры с предустановленным специализированным программным обеспечением, а также резервные источники питания для обеспечения бесперебойной работы оборудования. Отсутствие какого-либо элемента технической оснащённости может поставить под сомнение допустимость полученных доказательств.

В соответствии с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ применение видеозаписи при проведении следственных действий с использованием ВКС является обязательным, а материалы видеозаписи подлежат приобщению к протоколу соответствующего следственного действия [1]. Видеозапись должна фиксировать ряд процессуальных моментов: процедуру установления личности участника следственного действия; разъяснение прав, обязанностей и ответственности участникам, находящимся вне места производства расследования; ход следственного действия, включая постановку вопросов, ответы участников, их реакции и иные значимые обстоятельства; оглашение содержания протокола и фиксацию замечаний участников; процесс удостоверения подписей (в случае их проставления на месте).

Процессуальное оформление протокола следственного действия также подчиняется строгим требованиям. В документе должны быть указаны дата, время и места проведения действия: как по месту составления протокола, так и по месту нахождения удалённого участника. Протокол содержит отметку о применении видеозаписи с указанием технических параметров записи,

подписку участников о разъяснении им прав и ознакомлении с содержанием протокола, а также фиксацию поступивших замечаний к протоколу и порядку проведения следственного действия. Несоблюдение данных требований может привести к признанию доказательства недопустимым.

Законодатель устанавливает императивный запрет на проведение следственных действий посредством ВКС в отдельных случаях. К числу таких ограничений относятся ситуации, связанные с риском разглашения государственной тайны или иной охраняемой федеральным законом тайны, а также случаи, когда необходимо сохранить в тайне данные о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ) [1]. Данные ограничения направлены на обеспечение баланса между внедрением цифровых технологий в уголовное судопроизводство и соблюдением фундаментальных принципов защиты конституционно значимых ценностей.

Таким образом, проведение следственных действий с использованием ВКС требует комплексного соблюдения как технических, так и процессуальных требований. Их реализация позволяет обеспечить достоверность получаемых доказательств, соблюдение прав участников процесса и соответствие результатов следственных действий критериям допустимости в уголовном судопроизводстве.

Проведённый анализ нормативно-правового регулирования и организационно-технических аспектов применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве показывает, что внедрение данной технологии требует чёткого определения критериев допустимости доказательств, формируемых в дистанционном формате. Как подчёркивают исследователи, «цифровизация процессуальных действий не должна снижать уровень гарантий прав участников и достоверности получаемых сведений» [8, с. 124]. Допустимость информации, полученной посредством ВКС, напрямую зависит от строгого соблюдения положений ст. 189.1 УПК РФ, в частности, недопустимо проведение следственных действий с использованием ВКС в случаях риска разглашения государственной или иной охраняемой

федеральным законом тайны (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ), а также когда необходимо сохранить в тайне данные о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. Кроме того, законодатель ограничивает использование платформ для ВКС: допускается применение исключительно сертифицированных ведомственных систем, интегрированных в инфраструктуру государственных органов. Как отмечает А. В. Смирнов, «использование общедоступных сервисов (Skype, Zoom и т. п.) создаёт угрозу конфиденциальности и ставит под сомнение юридическую силу доказательств» [4, с. 89].

Достоверность и допустимость доказательств, полученных посредством ВКС, обеспечиваются комплексом технических требований, среди которых: стабильное интернет-соединение с достаточной пропускной способностью канала связи, чёткость аудио-и видеопередачи без искажений и задержек, непрерывность сеанса связи без прерываний и сбоев, а также оснащение узлов подключения видеокамерами высокого разрешения, аудиоустройствами с функцией шумоподавления и резервными источниками питания. Отсутствие какого-либо элемента технической оснащённости может привести к искажению информации и, как следствие, признанию доказательства недопустимым. По мнению Е. С. Кузьменко, «техническая уязвимость ВКС – один из ключевых факторов риска, который должен учитываться при оценке допустимости доказательств» [5, с. 56].

В соответствии с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ обязательным условием допустимости выступает видеозапись следственного действия, которая должна фиксировать процедуру установления личности участника, разъяснение прав, обязанностей и ответственности участникам, находящимся вне места производства расследования, ход следственного действия (постановку вопросов, ответы участников, их реакции и иные значимые обстоятельства), оглашение содержания протокола и фиксацию замечаний участников, а также процесс удостоверения подписей. Как подчёркивает Н. Г. Шурухнов, «несоблюдение требований к оформлению протокола и видеозаписи может

привести к утрате доказательственного значения информации, даже если её содержание объективно отражает обстоятельства дела» [7, с. 203].

В судебной практике есть примеры, когда доказательства, полученные с использованием видео-конференц-связи, признавались недопустимыми из-за нарушений требований ст. 189.1 УПК РФ. Одно из таких нарушений – несоблюдение правил видеозаписи, которая обязательна при проведении следственных действий через ВКС.

Так, в приговоре по делу № 1-2/2025 от 28.01.2025 судебного участка № 2 Сегежского района было признано недопустимым доказательство, полученное в ходе допроса с применением ВКС, из-за отсутствия обязательной видеозаписи следственного действия [3]. Суд указал, что несоблюдение требования ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ об обязательной видеофиксации полностью лишает полученные сведения доказательственной силы, поскольку невозможно проверить:

– соблюдение процедуры установления личности допрашиваемого;
– факт разъяснения ему прав, обязанностей и ответственности;
– отсутствие воздействия на участника следственного действия;
– достоверность фиксации его показаний.

В мотивировочной части решения судья прямо сослался на положения ст. 75 УПК РФ, согласно которым доказательства, полученные с нарушением требований закона, являются недопустимыми. Отсутствие видеозаписи, предусмотренной ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, было квалифицировано как существенное процессуальное нарушение, не позволяющее устранить сомнения в достоверности показаний [3].

Кроме того, суд отметил, что технические возможности для проведения видеозаписи имелись, а её отсутствие не было вызвано объективными причинами (сбоем оборудования, перебоями связи и т. п.), что исключило возможность признания нарушения малозначительным.

Данный пример наглядно демонстрирует, что несоблюдение требований к видеофиксации следственных действий, проводимых посредством ВКС,

влечёт безусловное признание доказательств недопустимыми, если это не вызвано объективными и документально подтверждёнными причинами.

Допустимость доказательства, полученного посредством ВКС, зависит и от обеспечения процессуальных гарантий: возможности удалённого участника полноценно реализовать свои права (задавать вопросы, заявлять ходатайства, вносить замечания в протокол), конфиденциальности общения защитника с подзащитным (при участии адвоката), возможности ознакомления с материалами, предъявляемыми в ходе действия, а также своевременной передачи материалов (в т.ч. подписки участников) следователю или дознавателю в течение 24 часов после завершения действия (ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ) [1].

Таким образом, допустимость информации, полученной с помощью ВКС, обеспечивается комплексом взаимосвязанных критериев: от нормативно-правового и технического соответствия до строгого процессуального оформления. Несоблюдение любого из этих условий может привести к признанию доказательства недопустимым (ст. 75 УПК РФ), что подчёркивает необходимость системного подхода к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001 г. № 52. ст. 4921.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Приговор по делу № 1-2/2025 от 28.01.2025. Судебный участок № 2 Сегежского района // https://www.zakonrf.info/upk/189.1/?ysclid=mo7h88o564483884801 (дата обращения 30.03.2026)

4. *Смирнов А. В.* Проблемы применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 89.
5. *Кузьменко Е. С.* Технические аспекты использования ВКС в следственных действиях // Юридический журнал. 2023. № 4. С. 56.
6. *Набатов М. Б.* О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 28–32.
7. *Шурухнов Н. Г.* Процессуальные гарантии при проведении следственных действий с использованием ВКС // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 203.
8. Уголовный процесс в условиях цифровизации: монография / под ред. И. В. Смольковой. М.: Проспект, 2023. 320 с.
9. Восточно-Сибирская транспортная прокуратура. Об особенностях проведения следственных действий путём использования систем видео-конференц-связи: Разъяснение от 31.01.2022 // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/vstp/activity/legal-education/explain/e2147895/ (дата обращения 30.03.2026)

А.Б. Коновалова
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров
E-mail: abkonovalova27@mail.ru
Т.Ю. Патракова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров
E-mail: tat.patrakowaa@yandex.ru
Д.А. Чулкова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, г. Киров
E-mail: daritchulkova@yandex.ru

УДК 336.22

К вопросу о налоговом мошенничестве при уклонении от уплаты НДС

О.А. Коротаева, К.А Кызьюрова

Аннотация. В статье исследуется проблема противодействия налоговому мошенничеству, которое рассматривается в качестве одной из наиболее опасных угроз экономической безопасности Российской Федерации. Авторами обосновывается, что масштабы уклонения от уплаты налогов и использования незаконных схем минимизации налоговых обязательств оказывают существенное негативное влияние на формирование доходной части бюджетов всех уровней, подрывают принципы добросовестной конкуренции и снижают эффективность государственного регулирования экономики. В статье проводится комплексный анализ действующих механизмов налогового контроля, применяемых в российской практике, включая камеральные и выездные проверки, а также систему управления рисками. Так же выявляются ключевые ограничения существующей модели контроля, среди которых особо выделяются недостаточные возможности налоговых органов по отслеживанию фактических расходов налогоплательщиков, несоответствие между заявленными доходами и реальным уровнем потребления, а также пробелы в законодательном регулировании, позволяющие использовать сложные корпоративные структуры для вывода активов и сокрытия объектов налогообложения. В целях повышения эффективности борьбы с налоговыми правонарушениями авторами обосновывается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы. В том числе вносится предложение о введении в Налоговый кодекс РФ новой статьи, регламентирующей расширенные полномочия налоговых органов в части контроля за соответствием расходов физических и юридических лиц их доходам. Реализация данной инициативы, по мнению авторов, позволит создать дополнительный правовой инструмент противодействия налоговому

мошенничеству, обеспечит повышение собираемости налогов и укрепит экономическую безопасность государства.

Ключевые слова: НДС, налоговое мошенничество, налоговый контроль, теневая экономика, экономическая безопасность, схемы уклонения от налогов, совершенствование налогового законодательства.

Развитие национальной экономики в значительной степени зависит от эффективности управления государственными и муниципальными финансами. Рациональная финансовая политика, устойчивость бюджетной системы и эффективность налогового администрирования выступают важнейшими условиями обеспечения стабильного социально-экономического развития государства. В данном контексте особое значение приобретает формирование действенных механизмов противодействия экономической преступности, которая оказывает существенное деструктивное влияние на финансовую систему, снижает уровень бюджетных поступлений и подрывает основы экономической безопасности государства.

Исследуемая проблема заключается в недостаточной эффективности существующих механизмов налогового контроля, обусловленной ограниченными возможностями отслеживания расходов налогоплательщиков на приобретение товаров и услуг, информация о которых не фиксируется в государственных реестрах [5]. В результате налоговые органы не обладают полноценными инструментами для выявления скрытых доходов и предотвращения налогового мошенничества, что способствует сохранению значительных масштабов теневой экономической деятельности.

Вместе с тем анализ действующего законодательства показывает, что положения Налогового кодекса Российской Федерации не в полной мере обеспечивают формирование высокоэффективной налоговой системы. Несмотря на постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, в сфере налогового администрирования сохраняется ряд проблем, препятствующих достижению необходимого уровня эффективности налогового

контроля. Одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности государства продолжает оставаться теневая экономика.

Методы выявления налогового мошенничества, применяемые в современной практике, в целом не являются принципиально новыми. Тем не менее их использование продолжает совершенствоваться благодаря внедрению информационных технологий и развитию аналитических инструментов налогового администрирования. В настоящее время сотрудники налоговых органов применяют различные способы анализа финансовой информации налогоплательщиков, позволяющие выявлять несоответствия между задекларированными доходами и фактическим имущественным положением.

В качестве примера можно привести взаимодействие внутренней информационной системы налоговых органов – автоматизированной информационной системы «Налог-3» – с государственными реестрами и базами данных. В данных реестрах содержится информация о зарегистрированных правах собственности на транспортные средства, объектах недвижимости, а также сведения о корпоративных правах и участии физических и юридических лиц в хозяйственных обществах. Обмен информацией между указанными системами позволяет налоговым органам получать дополнительные сведения о финансовом положении налогоплательщиков и использовать их при осуществлении контрольных мероприятий [3].

Особое внимание в современной практике противодействия налоговым правонарушениям уделяется борьбе с мошенничеством в сфере налога на добавленную стоимость (НДС). В информационном пространстве регулярно публикуются сведения о значительных суммах, которые государственный бюджет Российской Федерации теряет в результате реализации различных схем незаконного возмещения НДС.

Несмотря на это в данной сфере сохраняется ряд системных проблем. К числу наиболее значимых можно отнести частые изменения налогового законодательства, что усложняет его практическое применение и создает

дополнительные риски как для налогоплательщиков, так и для контролирующих органов. Кроме того, существенной проблемой является неравномерное распределение налоговой нагрузки между субъектами малого и крупного бизнеса, что в ряде случаев стимулирует уход отдельных хозяйствующих субъектов в теневой сектор экономики [2]. Дополнительными негативными факторами выступают высокий уровень теневой экономики, коррупционные риски, а также недостаточная эффективность администрирования отдельных налогов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что совершенствование механизмов налогового контроля и развитие современных методов выявления налогового мошенничества являются важнейшими направлениями обеспечения экономической безопасности государства.

В настоящее время одной из основных проблем в области налогового администрирования является использование налогоплательщиками различных схем уклонения от уплаты налогов и неправомерное возмещение налога на добавленную стоимость (далее НДС) из бюджета. В настоящее время существует много схем уклонения от НДС. К наиболее распространенным относят:

1) Уменьшение НДС путем формального приобретения товаров у фирм-однодневок. В соответствии со ст. 171 НК РФ общая сумма налога может быть уменьшена на налоговые вычеты [1]. Компания вычитает НДС, уплаченный при покупке сырья, из НДС, подлежащего уплате при продаже готовой продукции. Однако недобросовестные организации проводят формальные сделки для снижения суммы НДС. Создаются длинные цепочки контрагентов до выгодоприобретателя (организатора схемы). Эта схема известна давно, однако до сих пор используется недобросовестными налогоплательщиками, однако, в распоряжении налоговых органов имеется автоматизированная система АСК НДС-2 на базе программы АИС Налог-3, в которой отображаются несовпадения декларации поставщика с декларацией покупателя. Затем налогоплательщиков, в соответствии с присвоенным уровнем риска, система

«окрашивает» в цвета: красный – высокий уровень риска, желтый – средний уровень риска, зеленый – низкий уровень риска, стоит отметить, что на практике встречается серый цвет, который означает, что уровень риска для налогоплательщика не определен. Вышеуказанная система позволяет инспектору отследить разрывы между налогом и вычетами, а также сформировать цепочку контрагентов до выгодоприобретателя. Это необходимо для того, чтобы найти организаторов схемы и не взимать налог с технических компаний.

2) Полное отсутствие оплаты НДС. Поставщики и покупатели создают фиктивную цепочку поставок по предварительному соглашению, с соответствующим «бумажным» документооборотом. В результате этих операций для одной, заранее выбранной компании, создается обязательство по уплате НДС, которая после проведения этой схемы будет ликвидирована. Как правило эта компания представляет отчетность только за период, в котором осуществлена сделка, затем в налоговый орган представляется «нулевая» отчетность, либо не подаётся вообще. Фактически, никто не платит этот налог. Налоговым органам требуется много времени, чтобы отследить такие операции. Перед тем, как доказать неправомерность сделки проводятся соответствующие мероприятия налогового контроля. Как правило, участники такой сделки не имеют в собственности, аренде, лизинге транспортных средств для осуществления поставки товара/оказания каких-либо услуг, у них отсутствует численность работников, на требования налоговых органов эти организации не отвечают, в налоговой орган для дачи пояснений не являются, в частых случаях, в ходе осмотра налоговыми органами территорий (помещений) не устанавливаются. В конечном итоге, инспектор, на основании проведенного комплекса мероприятий, определяет настоящего выгодоприобретателя и доначисляет сумму НДС.

3) Фиктивное дробление бизнеса. Создаются несколько организаций (юридических лиц или ИП) с одинаковым видом экономической деятельности, и используют специальные налоговые режимы. Когда общий оборот

и численность работников этих предприятий превышают максимально допустимые значения, установленные законодательством для применяемого налогового режима (упрощенная система налогообложения, патенты и т.д.), налоговые органы рассматривают такие действия как уклонение от уплаты НДС или налога на прибыль и доначисляют налоги на основании необходимых мероприятий налогового контроля и с учетом выручки всей группы взаимозависимых предприятий. Вышеуказанные схемы уклонения от налога на добавленную стоимость объединяет то, что недобросовестные налогоплательщики проводят операции через длинную цепочку, чтобы запутать налоговые органы. Организации работают с однодневками через посредников и не принимают незаверенные вычеты. Предполагаются схемы ухода от налогообложения, включающих множество звеньев, в том числе однодневки. Инспекторы анализируют отклонения в декларациях и уровень риска налогоплательщиков, выявляют сложные расхождения и проводят контрольные мероприятия [4].

В 2025 г. схемы уклонения от налога на добавленную стоимость (НДС) в Российской Федерации представляли собой системную проблему налогового администрирования, характеризуясь высокой степенью организованности и использованием сложных цепочек контрагентов для минимизации налоговых обязательств. Согласно данным Федеральной налоговой службы (ФНС) и Счетной палаты, доначисления по НДС выросли на 33 % по сравнению с 2024 г., достигнув значительных объемов за счет автоматизированных систем контроля, таких как АСК НДС-2 и АИС «Налог-3», которые фиксируют расхождения в декларациях и присваивают налогоплательщикам уровни риска (красный – высокий, желтый – средний, зеленый – низкий, серый – неопределенный) [6]. Общие риски недополученных средств по НДС превысили 150 млрд руб., с преобладанием трех ключевых схем: формального приобретения у фирм-однодневок для вычетов (ст. 171 НК РФ), фиктивных цепочек без реальной оплаты НДС и дробления бизнеса под

специальные режимы [1]. Для сравнения статистики обратимся к данным представленным в *таблице 1*.

Таблица 1.

Сравнительная статистика по схемам уклонения от НДС

Схема уклонения	**Количество выявленных случаев/объектов**	**Объем доначислений/рисков (млрд. руб.)**	**Доля в общих доначислениях (%)**	**Эффективность контроля (рост выявлений, %)**
Однодневки для вычетов (ст. 171 НК РФ)	>60 тыс. тех. фирм; 80 %	Основная доля (>50 % проверок)	40–50 %	+80 % (АСК НДС-2)
Фиктивные цепочки без оплаты	Множество в логистике/торговле	79–249 млн руб./проверка	20–30 %	80 % проверок с доначислениями
Дробление бизнеса	10,3 тыс. групп (амнистия)	23 (добровольные)	15–20 %	+33 % общих доначислений
Итого	-	>150 (риски) +33 % к 2024	100 %	57 % добровольно, 43 % от проверок

Для решения проблемы налогового мошенничества, связанного с уклонением от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС), целесообразно внести в Налоговый кодекс Российской Федерации дополнительные положения, направленные на конкретизацию схем уклонения (в частности, «разрывы НДС», фиктивный документооборот, использование технических компаний) и закрепление механизмов их выявления и пресечения.

«Статья 174.4. Противодействие схемам уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость»

«1. Под схемами уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость понимаются действия налогоплательщика или группы взаимосвязанных лиц, направленные на незаконное уменьшение налоговой базы, суммы налога, подлежащей уплате, либо на неправомерное возмещение налога, включая, но не ограничиваясь:

1) использованием фиктивных (технических) организаций, не осуществляющих реальной хозяйственной деятельности;

2) созданием искусственных цепочек поставок товаров (работ, услуг) с целью формирования необоснованного налогового вычета;

3) искажением сведений о фактических участниках хозяйственных операций;

4) использованием подложных счетов-фактур и иных первичных документов.

2. Налоговая выгода в виде применения налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость признается необоснованной, если установлено, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и ему было известно или должно было быть известно о фиктивном характере операций либо о нарушениях, допущенных контрагентами.

3. При выявлении признаков схем уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость налоговые органы вправе:

1) проводить углубленный анализ цепочек контрагентов с использованием автоматизированных информационных систем;

2) истребовать документы и информацию у всех участников предполагаемой схемы;

3) приостанавливать операции по счетам налогоплательщика в случае наличия обоснованных подозрений в совершении налогового правонарушения;

4) отказывать в применении налоговых вычетов и возмещении налога до завершения налоговой проверки.

4. Налогоплательщик освобождается от ответственности при условии, если им доказано проявление должной осмотрительности при выборе контрагента, включая проверку его регистрации, деловой репутации и фактической способности исполнить обязательства.

5. Совершение действий, указанных в п. 1 настоящей статьи, повлекших неуплату или неполную уплату налога на добавленную стоимость, влечет:

1) доначисление суммы налога, пеней и штрафа в размере от двадцати до сорока процентов от неуплаченной суммы налога;

2) в случае установления умышленного характера действий – передачу материалов в правоохранительные органы для решения вопроса о привлечении к ответственности в соответствии с Уголовный кодекс Российской Федерации».

Таким образом, предложенная статья позволит более четко закрепить понятие схем уклонения от уплаты НДС, определить признаки фиктивных операций и создать правовые основания для эффективного выявления и пресечения налогового мошенничества. Это обеспечит повышение прозрачности налоговых отношений, снижение числа злоупотреблений и укрепление налоговой дисциплины.

В заключение следует отметить, что налоговое мошенничество в сфере НДС представляет собой сложную систему взаимосвязанных схем, основанных на фиктивном документообороте, использовании «технических» компаний и искусственном разрыве цепочек. Их основной целью является получение необоснованной налоговой выгоды за счёт неправомерного применения вычетов или возмещения налога.

Анализ показывает, что такие схемы постоянно эволюционируют, адаптируясь к мерам контроля, что требует внедрения современных цифровых инструментов выявления нарушений. К наиболее эффективным из них относятся автоматизированный анализ отчётности, сопоставление данных по цепочкам контрагентов и риск-ориентированный подход.

Совершенствование правового регулирования, включая нормы Налоговый кодекс Российской Федерации, должно быть направлено на уточнение признаков фиктивных операций, закрепление ответственности за участие в схемах уклонения и расширение полномочий налоговых органов. При этом важно сохранять баланс между усилением контроля и защитой добросовестных налогоплательщиков.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 22.03.2026).
2. *Брызгалин А.В.* Налоговые риски и злоупотребления в сфере НДС // Налоги и финансовое право. 2022. № 10. С. 15–28.
3. *Войтус А.М., Менькова А.М.* Перспективы решения проблемы уклонения от уплаты налогов и сборов // Современные социально-экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы : сборник статей XI Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 26 мая 2022 г.). Петрозаводск, 2022. С. 66–71.
4. *Морозова Г.В., Авдонина Е.А.* НДС: схемы уклонения от уплаты и меры по их устранению // Контентус. 2023. № 5(130). С. 10–17.
5. *Сердитов Е.И.* Проблемы правоприменения налогообложения добавленной стоимости: схемы уклонения от уплаты НДС // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых : сборник научных статей 3-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок : в 4 т., Курск, 01 декабря 2022 г. Том 2. – Курск, 2022. С. 245–249.
6. Федеральная налоговая служба России. О выявлении схем уклонения от уплаты НДС. URL: https://www.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 22.03.2026).

О.А. Коротаева

старший преподаватель кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: urs11815@vyatsu.ru

К.А. Кызьюрова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: Stud181467@outlook.com

УДК 349.41

Законодательное закрепление функционала землеустройства в первые послереволюционные годы

С.А. Липски

Аннотация. В связи с высокой вероятностью ограничения сферы современного землеустройства землями сельскохозяйственного назначения в статье проанализирован законодательно закрепленный функционал землеустройства в первые послереволюционные годы. Исследование показало, что именно в результате послереволюционной национализации всех земель в стране землеустройство стало сердцевиной в комплексе мер земельного управления, но в полной мере оно охватывало в тот период лишь сельскохозяйственные земли. Предложение акцентировать сейчас новую редакцию Закона о землеустройстве на землях сельскохозяйственного назначения является вполне обоснованным, отвечающим историческому опыту отечественного землеустройства.

Ключевые слова: землеустройство, межевание, аграрные и земельные реформы, законодательство, исторический опыт.

Все советское время в нашей стране ключевым инструментом регулирования землепользования было землеустройство. Уже более 8 лет разрабатывается новая редакция Закона о землеустройстве. Текущий вариант этого законопроекта, разработанный федеральным Минсельхозом, превращает отечественное землеустройство в сугубо сельскохозяйственное. Значение этого нового закона (если его удастся принять) для будущего землеустройства

исключительно велико – именно он способен прекратить длящийся уже четверть века период упадка этого важного института регулирования землепользования [4; 5; 7]. Поэтому важно объективное отношение к нему профессионального научно-производственного сообщества. Ожидаемо дискуссионным при этом станет вопрос об обоснованности ограничения землеустройства сельскохозяйственной сферой.

В этой связи нами исследовано, каким – аграрным или нет – был функционал советского землеустройства на этапе его становления и нормативного закрепления – как известно, землеустройство в России возникло во время Столыпинской аграрной реформы начала XX в., но в первые советские годы оно было коренным образом преобразовано под задачи управления национализированным земельным фондом и обеспечения массовой коллективизации крестьянства.

Впрочем, в первых «земельных революционных» решениях 1917–1918 гг. землеустройство вообще не упоминалось (ни в декрете «О земле», ни в декрете «О социализации земли», что можно объяснить негативной оценкой большевиками Столыпинской реформы, в которой именно землеустройство сыграло ключевую роль). Кроме того, оба упомянутых декрета разрабатывались еще левыми эсерами, которые в первый послереволюционный год играли существенную роль в формировании решений советского государства по земельным вопросам. Последующий же отказ большевиков от союза с ними (и от их идеи о социализации земли) привел к тому, что в принятом в начале 1919 г. решении об окончательной национализации земли [1] было не просто прямо упомянуто землеустройство (непосредственно в его названии), – в нем была закреплена суть советского землеустройства, как совокупности «мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению землепользования» [1, ст. 4].

Естественно, что все землеустроительные действия проводились теперь от имени государства и были направлены сразу и на экономическое обустройство землевладений, и на юридическое укрепление их границ. В этих

условиях начатый еще в предреволюционные годы процесс стирания грани между землеустройством и межеванием дошел до своего логического завершения (последнее утратило самостоятельное значение и стало частью первого, как средства приспособления земли к реальной ситуации в народном хозяйстве и требованиям хозяйственно-технической целесообразности, упорядочения землепользований, включавшим в себя все межевые составляющие). Так, профессор О.А. Хауке указывал, что землеустройство стало собирательным понятием всех инструментов земельного управления [9] (во всяком случае – в сельской местности).

Этот же было закреплено и законодательно – комплексное, «идеологически выдержанное» землеустройство превратилось в основной компонент системы земельного управления в СССР согласно первому в России Земельному кодексу 1922 г. [2] – задачей землеустройства было определено упорядочение существующих землепользований и образование новых, соответственно правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности.

Непосредственно землеустройство регулировали положения раздела «О землеустройстве», являвшегося первым в части III –ей Кодекса (раздел включал в себя три главы: «Общие положения», «Об оплате расходов по землеустройству» и «О порядке производства дел по землеустройству»). При этом общим названием данной части было «О землеустройстве и переселении». Вторым же разделом этой части был «О государственной записи землепользований» (о земельной регистрации, т.е. об учете земель), и согласно п. 198 обязательной отметке в актах регистрации по каждому землепользованию в первую очередь подлежали постановления землеустроительных учреждений о производстве землеустройства и об утверждении землеустроительных проектов. Третий раздел данной части (напомним, она называлась «О землеустройстве и переселении») был «О порядке рассмотрения земельных споров», а четвертый – «О переселении». То есть, в состав землеустройства помимо непосредственно

землеустроительных действий, предусмотренных первым разделом, вошли и смежные с ним мероприятия.

Поэтому именно с принятия Земельного кодекса РСФСР 1922 г. возникли легальные основания рассматривать землеустройство в двух пониманиях: 1) в **узком** – оно оставалось совокупностью мер организационного, технического экономического и иного характера, позволяющих приспособить имеющиеся земельные ресурсы к возможностям их использования под определенные потребности (в первую очередь это, конечно же, относилось к сельхозземлям); и 2) в **широком** – как синонима всей системы государственного управления национализированным земельным фондом Соответственно, земельный учет, контроль, мелиорация и т.п. входили в состав такого «широкого» землеустройства как его компоненты, обеспечивали его, были «подчинены» задачам по его проведению, например, учет земель – информационно (на Наркомзем была возложена обязанность производства опытного предварительного кадастра при землеустройстве); госконтроль за использованием земель – в части соблюдения проектных землеустроительных предписаний и т.п. (П.Ф. Лойко позднее назвал все это «**системой землеустройства**» [6, с. 13]). В частности, пример второго понимания землеустройства мы находим в пособии для земельных работников, землеустроителей, работников села (учителей, судей и пр.) и студентов опубликованном проф. Ф.Г. Некрасовым в 1926 г. – землеустройство в разных его формах: «к способам, которыми государство старается достичь в области землепользования поставленные цели, относятся:

а) законодательство, которое устанавливает, обычно, объем и содержание прав землепользователей, а также важнейшие положения по регулированию землепользования,

б) администрация и суд, посредством коих государство добивается того, что земельные отношения приводятся в соответствие с законодательством и основами земельной политики,

в) налоги на землю (налоговая политика),

г) поощрительные и вспомогательные мероприятия (напр., кредит и т.п.),

д) активные меры по улучшению условий землепользования (например, переселение и землеустройство в разных его формах)» [8, с. 5].

Но еще более раннее указание на возможность широкого и узкого понимания землеустройство мы находим в Энциклопедии государства и права (1925 г.). Так, статья о землеустройстве (авт. А.А. Лисицын) начинается в ней как раз с того, что под ним «в более широком понимании подразумевается проводимое государственной властью по определенному плану изменение существующих земельных отношений; до революции реформа 1861 г. и «столыпинский» закон 9 ноября 1906 г. были такими видами землеустройства. В специально техническом значении слова под землеустройством подразумеваются такие действия землеустроительных учреждений, которые улучшают существующее пользование землей и уничтожают недостатки землепользования как с правовой, так и с хозяйственной точки зрения» [10, с. 1214].

Что касается вопроса об аграрном (или нет) характере землеустройства в то время, то по своим сути и содержанию оно оставалось аграрным, но в его состав были включены также и работы по установлению различных границ, не связанных с сельскохозяйственным производством (в т.ч. городской черты), хотя такое установление – это сугубо межевые действия (что намного уже землеустройства). То есть полноценное землеустройство предусматривалось лишь в сельском хозяйстве.

Основным нормативным документом, посвященным непосредственно землеустройству, стали утверждённые в 1928 г. постановлением ЦИК СССР Общие начала землепользования и землеустройства [3], которые применялись потом более 40 лет. Согласно им:

– сохранялся сельскохозяйственный характер землеустройства;

– инициировать его могли как госорганы, так и землепользователи; при этом для госучреждений и колхозов оно производилось вне очереди;

– более удобно расположенные, допускающие облегченную обработку и обеспеченные необходимыми для ведения правильного хозяйства земельными угодьями, водою и дорогами, подлежали предоставлению в первую очередь колхозам, а также маломощным крестьянским хозяйствам;

– проведение землеустройства колхозов, бедняцких, маломощных – середняцких хозяйств осуществлялось за счет государства, а остальных землепользователей за вносимую ими плату;

– руководство землеустройством было возложено на народные комиссариаты земледелия, местные земельные органы (через уполномоченных ими на то землеустроителей), а также на сельские советы, районные и волостные исполнительные комитеты и соответствующие им органы.

В заключении отметим, что:

– при Временном правительстве (1917 г.) и в первые послереволюционные год-полтора землеустройство находилось в состоянии упадка (как в части его нормативного обеспечения, так и фактически), однако все это изменилось после принятия в 1919 г. Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию;

– в 1920-е гг. .было законодательно оформлено исчезновение грани между землеустройством и межеванием (второе стало частью первого);

– наделение землеустроителей дополнительными правами усилило его управленческо-государственный характер;

– принятие в 1922 г. Земельного кодекса РСФСР определило содержание отечественного землеустройства на большую часть XX в., которое, с одной стороны, оставалось (как и дореволюционное) – сельскохозяйственным; при этом (с другой) – в его состав были включены работы по установлению различных границ не связанных с сельскохозяйственным производством (в т.ч. городской черты), но это были межевые, а не комплексные (полноценные) землеустроительные работы. Поэтому предложение сосредоточить разрабатываемую в настоящее время новую редакцию Закона о землеустройстве на землях сельскохозяйственного назначения не должно

вызывать отторжения – такой подход вполне соответствует историческому опыту отечественного землеустройства.

Библиографический список

1. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию: принято ВЦИК 14 февраля 1919 (утратило силу) // Известия ВЦИК. 1919 –14 фев.
2. Постановление ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратило силу) // Собрание кодексов РСФСР. М., 1928.
3. Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства» (утратило силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 292. 1928 – 16 дек.
4. *Волков С.Н.* Основы землеустройства. М., 2015.
5. *Липски С.А.* Проблемы и перспективы отечественного землеустройства: особенности текущего момента: монография. М., 2025.
6. *Лойко П.Ф.* Современное многоукладное землепользование (некоторые аспекты теории, мировой и отечественной практики). Информационно-аналитический материал к I Всероссийскому конгрессу «Земля России: экономика, право, собственность. М., 2001.
7. *Папаскири Т. В.* и др. Проблемы разработки новой редакции федерального закона «О землеустройстве»: монография. М., 2024.
8. *Некрасов Ф.Г.* Введение в землеустройство. Одесса, 1926.
9. *Хауке О.А.* Качественное землеустройство в Пруссии. М., 1928.
10. Энциклопедия государства и права / Коммунистическая академия, Секция общей теории государства и права ; под редакцией П. Стучка. М., 1925.

С.А. Липски

доктор экономических наук,

профессор кафедры профессор кафедры управления недвижимостью и развитием территорий ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии»
E-mail: Lipski-sa@yandex.ru

УДК 342.72/.73

Правовой анализ развития норм о признании прав ребёнка в системе прав человека и гражданина в мире и России

М.В. Маркина, А.А. Селиханова

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты прав детей как в мирное время, так и в трагические проявления жизни человечества, в том числе в чрезвычайных и военных обстоятельствах. Авторы проводят анализ международных и национальных норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с защитой прав и законных интересов детей. В статье рассмотрены основания необходимости особого отношения к таким субъектам права как несовершеннолетние, а также этапы постепенного становления международных институтов и норм, а также норм национального законодательства, посвящённых защите прав и законных интересов детей. Приводятся исторические сведения о причинах и процессе понимания международным сообществом, что детям, как наиболее уязвимым субъектам права, должны быть предоставлены дополнительные меры защиты, делается вывод, что это должны быть особые, индивидуальные методики помощи каждому ребёнку.

Ключевые слова: права человека и гражданина, права ребенка, законные интересы ребенка, защита прав детей, личные права, социальные права, культурные права.

В конце XIX – начале XX вв. на незащищённое правовое положение детей начали обращать внимание в международном сообществе. Произошедшая

в Европе (в том числе в Российской империи) и США промышленная революция породила урбанизацию, рост производительности труда и увеличившееся расслоение общества. В развитых государствах продолжала активно использоваться рабочая сила несовершеннолетних.

«По состоянию на 1884 год, нижней возрастной границей, с которой дети были заняты в промышленности, была 10 лет в Англии, Франции, Австрии, США, Дании. В Российской империи, Германии, Нидерландах и Швеции – 12 лет. Предельное время работы в разных государствах для детей в возрастной категории 10–14 лет было не меньше 6 часов, а для юношеского возраста во многих случаях превышало 10 часов. Плохие санитарно-гигиенические условия, тяжесть и монотонность многочасового труда (зачастую сверхурочного, ночного и бесплатного) оказывали непоправимый вред физическому здоровью детей. Более того, у детей не было ни возможности, ни сил ходить в школу и получать образование» [21].

В связи с бедностью рабочего класса существенно выросла преступность, в том числе и детская, которая развивалась бок о бок с беспризорностью и попранием прав детей. «В 1899 году в США был создан первый в мире суд по делам несовершеннолетних. Благодаря ему в местах предварительного заключения происходило разделение малолетних преступников и взрослых, вводилось упрощённое судопроизводство. В 1905 году такой суд открылся в Англии. Отнесение несовершеннолетнего к определённой категории происходило в зависимости от степени тяжести совершенного им преступления, устанавливался контроль за осуществлением над ними попечительского надзора. В 1908 году они были созданы в Германии, Италии, Венгрии» [22, с. 210–215]. «В 1910 году детский суд открылся и в России. Главным положительным итогом работы первых судов по делам несовершеннолетних было то, что в судебном процессе с ними обращались не как с преступниками, а именно как с детьми, которые нуждаются в помощи и поддержке, но вместе с тем указывая им на антиобщественность и аморальность совершённых деяний» [23, с. 85–87].

Официальный старт защиты прав детей дал Первый Международный конгресс по охране детей, проводившийся в 1913 году в Брюсселе. В нём участвовали представители 40 государств, в том числе и Российская империя, от которой на Конгрессе присутствовали Н.Ф. Лучинский от Министерства юстиции, Г.Г. фон-Витте от Министерства внутренних дел, мировые судьи судов по делам несовершеннолетних Н.А. Окунёв и Э.Ф. Файст и другие. Как утверждал ещё один из участников Конгресса, профессор, декан юридического факультета Варшавского Университета, В.А. Гаген, данное мероприятие не первое, на котором обсуждались проблемы защиты прав детей, но именно на нём «только дети являлись фокусом, центром, на котором было сосредоточено исключительно внимание докладчиков» [19].

Во время начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны наблюдался значительный рост количества детей-сирот. «Существенную роль по их защите сыграл Главный Алексеевский комитет, выделявший губернским комитетам деньги на приобретение детской одежды, обуви, принадлежностей для учёбы. Открывались общественные столовые, приюты и ясли. По состоянию на 1916 г. Алексеевский комитет оказывал помощь 343428 детям. На них выдавались и денежные пособия, которые распространялись в том числе на внебрачных и приёмных детей солдат» [20].

По законам кризисного периода в жизни страны, в обществе усиливались проявления девиантного поведения несовершеннолетних.

«В первые месяцы войны был зарегистрирован значительный рост преступлений, совершённых детьми. Заметим, что возраст уголовной ответственности на тот момент 10 лет» [18].

«Огромное количество детей становилось беспризорниками. В больших городах на вокзалах и рынках росло количество детей неизвестно откуда прибывших и кому принадлежавших. Некоторые привозились родителями из деревень и были оставлены в городе на произвол судьбы, другие были круглыми сиротами. К 1916 г. их было более 2,5 млн чел.» [20].

Большое количество беспризорных детей породило такую проблему, как детская проституция. Европа создала систему помощи малолетним проституткам в виде приютов для них. В России такая система отсутствовала.

В 1919 г. была создана Лига Наций. Британская правозащитница Эглантайн Джебб учредила в том же году Фонд спасения детей. «Фонд оказывал помощь детям Армении, Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Финляндии и прибалтийских стран, Турции, Китая и т.д. Благотворительная деятельность Джебб не обошла стороной и советских детей, страдавших от страшного голода 1921–1922 гг. В 1921 г. в наиболее пострадавшую от голода Саратовскую губернию из Англии была отправлена гуманитарная миссия для развертывания столовых и создания распределительных складов. Она оказалась успешной, несмотря на открытую враждебность к политике большевиков части британского общества» [13, с. 171–177].

Именно Эглантайн Джебб является автором текста Декларации прав ребёнка [2], которая была принята Лигой Наций в 1924 г. в Женеве. Это первый случай признания прав ребенка в отдельности от взрослых.

С 1939 г. во Второй мировой войне жертвами стали тысячи советских, еврейских, сербских, польских и других национальностей детей.

По окончании войны 24 октября 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций (далее – ООН), с целью недопущения таких жестоких кровопролитий.

1 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеей ООН создан ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), задачей которого было обеспечение продовольствием и медицинской помощью детей и матерей в странах, пострадавших в результате Второй мировой войны. В последующее, мирное время, ЮНИСЕФ занимался искоренением серьёзных заболеваний, голода в основном в странах Африки и Азии.

В 1959 г. была принята Декларация прав ребёнка ООН [3], состоящая из 10 принципов. Можно выделить особенность данного документа: ребёнок впервые

официально признан самостоятельным субъектом, нуждающимся в охране, заботе и правовой защите.

Генеральная Ассамблея ООН в 1974 г. приняла Декларацию о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов [4] и призвала государства-членов ООН строго её соблюдать.

Ключевым международным актом в отношении детей является Конвенция ООН о правах ребёнка, принятая в 1989 г. [5]. За детьми теперь закрепляется ещё большее количество детализированных прав.

Именно в Конвенции 1989 г. даётся определение того, кто является ребёнком (каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста) [5].

В современной России ребёнок является самостоятельным субъектом права. Толчком для этого послужило принятие в 1989 г. Конвенции ООН о правах ребёнка [5].

В Российской Федерации ребёнок становится субъектом права с момента рождения, именно тогда у него появляется и правоспособность [6].

Ребёнку принадлежат все права и свободы человека и гражданина, закреплённые в Конституции РФ [1].

Общепринятой классификацией прав человека является подразделение на личные, социально-экономические, политические и культурные [15].

Личные права являются основополагающими в системе прав ребёнка. Важность их соблюдения состоит в том, что они являются неким гарантом человеческой, а в особенности детской жизни, и направлены на то, чтобы обеспечить защиту от любых форм насилия, жесткого и унижающего обращения. Личные права и свободы принадлежат каждому человеку от рождения, являются неотчуждаемыми. Однако ни свобода, ни личная неприкосновенность не являются безграничными [17, с. 47–49].

В уголовном законодательстве существует ряд статей, содержание которых направлено именно на защиту детской жизни. Так, убийство малолетнего лица [7] является квалифицированным убийством, т.е. с отягчающими

обстоятельствами. Повышенная общественная опасность такого убийства складывается исходя из нравственной оценки, потому что преступник осознаёт тот факт, что ребёнок не сможет дать ему отпор и шансы на выживание от полученных травм, ранений и других последствий применения насилия, крайне малы. Отдельно выделяется убийство матерью новорожденного ребёнка [7].

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого в целом проводится по общим правилам, но с тем отличием, что о задержании должны быть немедленно извещены его законные представители [8].

Судебной практике известно множество ситуаций, когда нарушителями прав ребёнка выступают даже его родители. На такой случай СК РФ [9] закрепляет очень важное правомочие, заключающееся в том, что ребёнок в любом возрасте может самостоятельно обратиться в органы опеки и попечительства, а по достижении четырнадцати лет и в суд.

Говоря о социально-экономических правах ребёнка, выделим право на образование. Одной из обязанностей родителей является обеспечение получения детьми общего образования. В случае уклонения от её исполнения они даже могут быть лишены родительских прав [10]. Совершенствование образовательной сферы является одним из приоритетных направлений социальной политики государства, так как уровень образованности и грамотности населения – существенный показатель его развития.

В соответствии с российским семейным законодательством забота как о физическом, так и о психическом здоровье детей это прямая обязанность родителей [9]. «На государственном уровне признаётся приоритет особой охраны здоровья детей и оказания им медицинской помощи» [12, с.66–72]. В соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [11] дети с самого рождения до достижения ими восемнадцати лет являются застрахованными лицами, в связи с чем при наступлении страхового случая имеют право на бесплатное оказание им медицинской помощи.

Детям принадлежат и определённые политические права. По справедливому замечанию Ю.А. Гуревичевой, «правом на объединение, участие в детских и юношеских организациях законодатель не установил препятствий для вхождения в данные досуговые, спортивные, культурные и др. учреждения несовершеннолетних любого возраста. Исключением являются общественные объединения, которые могут создаваться на базе образовательных учреждений лицами старше 8 лет, кроме таких организаций как политические партии и детские религиозные организации. К тому же в рамках общественных объединений несовершеннолетние могут реализовывать свои избирательные права: избирать главу объединения, основной состав, учреждать устав, издавать локальные акты и т.д.» [14].

Не менее важное значение имеют и культурные права, которые способствуют духовному развитию ребёнка.

«Эффективность обеспечения прав ребёнка является одним из приоритетов Российской Федерации» [16, с.23–26]. Ежегодно Министерство труда и социальной защиты публикует «Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» [24], в котором отражается деятельность органов государственной власти и общества в самых разных сферах жизнедеятельности детей, таких как здоровье, образование, досуг, трудовая занятость, уровень жизни в целом, в том числе и детей, склонных к девиантному поведению.

Проанализировав в историческом развитии и на современном этапе процесс общемирового осознания особого правового и социального статуса ребёнка, можно сделать вывод о том, что Российская Федерация, а также её «предшественники» такие как Российская империя и Союз Советских Социалистических Республик, являются теми цивилизованными государствами, которые даже несмотря на различия в форме правления и политических режимах, признавали важность правовой охраны детей и играли существенную роль в её международном становлении и совершенствовании.

Именно поэтому при попадании детей в бедственное положение, будь то вооружённый конфликт, межнациональный конфликт, чрезвычайная ситуация, в первую очередь именно ребёнок нуждается в повышенном внимании со стороны государства и должен быть обеспечен индивидуальной, долгосрочной помощью с учётом особенностей воздействия на него определённой чрезвычайной ситуации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020
2. Женевская декларация прав ребёнка (принята Пятой Ассамблеей Лиги Наций от 26 ноября 1924 г.) // Humanium. URL: https://www.humanium.org. (дата обращения: 08.02.2026).
3. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.) // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org. (дата обращения: 08.02.2026).
4. Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (принята резолюцией 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г.) // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org. (дата обращения: 08.02.2026).
5. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org. (дата обращения: 08.02.2026).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.
11. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6422.
12. *Ануфриева А.И., Михайлова Л.Л.* «Проблемы правового регулирования запрета продажи безалкогольных тонизирующих напитков несовершеннолетним»//Сборник: Детство – территория безопасности. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2025. С. 66–72.
13. *Аншакова, Ю.Ю.* Эглантайн Джебб и создание фонда спасения детей // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. № 3–1. С. 171–177.
14. *Гуревичева Ю.А., Максутова К.Р.* Защита и реализация политических прав и свобод несовершеннолетних // Мир науки и образования. 2016. № 3 (7). С. 8–12.
15. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М., 2017.
16. *Маркина М.В., Селиханова А.А.* Защита прав детей – жертв вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий//В сборнике: Детство – территория безопасности. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2025. С. 23–26.

17. *Мецгер А.А.* Понятие и общая характеристика конституционного права на свободу и личную неприкосновенность // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 47–49.
18. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. / В.П. Анисимов. Санкт-Петербург. 1903.
19. Охрана детства : Первый Международный конгресс по охране детей в г. Брюсселе в 1913 г. Санкт-Петербург. 1914.
20. Повседневная жизнь детей и подростков в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2017.
21. *Федоров А.Ф.* Фабричное законодательство цивилизованных государств : О работе малолетних и женщин на фабриках [Соч.] А. Ф. Федорова, магистранта полицейск. права. Санкт-Петербург. 1884.
22. *Чернова М.А.* Развитие ювенальной юстиции в зарубежных странах: историко-правовой анализ // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7. С. 210–215.
23. *Шленков А.Г.* История становления ювенальной юстиции // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 85–87.
24. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2024 г. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: https://mintrud.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).

М.В. Маркина
кандидат юридических наук
доцент кафедры юридических дисциплин
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», Московская обл., г.о. Химки, г. Химки
E-mail: markina76@rambler.ru
А.А. Селиханова
студент 1 курса магистратуры по направлению Юриспруденция (профиль «Медицинское право»)

ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова», г. Москва
E-mail: selikhanova2002@mail.ru

УДК 347.453.1

Проблемы установления имущества, подлежащего передаче по договору аренды: по материалам судебной практики

М.В. Маркина

Аннотация. В статье рассмотрены гражданские правоотношения, возникающие в результате заключения договора аренды. В частности, подробно рассматривается такое существенное условие договора аренды как объект аренды, а именно, необходимость его предельно точной идентификации, подробного определения качественных и количественных характеристик, целостности передаваемого в аренду объекта и прочего в целях признания договора заключённым. Далее исследуются материалы судебной практики как результат возникающих споров по поводу передачи в аренду объекта, отличного от указанного в договоре, передачи в аренду части объекта или уже арендованного иным лицом. Обнаруживаются противоположные решения судов по вопросу признания договора заключённым в силу несогласования условия об объекте договора аренды, на основе чего автором делаются выводы и рекомендации внимательного и тщательного согласования сторонами объекта аренды.

Ключевые слова: договор аренды, существенные условия договора аренды, объект аренды, идентификация объекта аренды, аренда части вещи.

Статья 607 ГК РФ [2] «устанавливает, что в аренду могут быть переданы любые непотребляемые вещи, которые являются неограниченными в гражданском обороте. Определённые особенности объектов могут быть установлены Законом по отношению к сдаче в аренду земельных участков

и других обособленных природных объектов» [22, с. 216–219]. Так же упомянутая статья требует указывать данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды, то есть объект должен быть идентифицирован, как отдельная вещь, что позволит различить её с другими похожими подобными вещами. Соответственно, такая вещь, используемая субъектами права для вступления в арендные правоотношения, характеризуется как индивидуально-определенная, и при отсутствии в договоре условия об объекте, подлежащем передаче в аренду, такой договор считается незаключенным, и, соответственно, не порождающим юридических последствий.

Такое требование продиктовано не только для дальнейшей гражданско-правовой защиты сторон договора аренды, но и в случае возбуждения уголовных дел при недобросовестности каких-либо субъектов. Поэтому «следует отметить, что в соответствии с п. 3 ст. 607 ГК РФ [2] в договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определённо установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключённым. Таким образом, одним из существенных условий договора аренды является указание на объект аренды. Отсутствие в договоре хотя бы одного из существенных условий сделки влечет ее недействительность» [23].

Согласовывая объект договора аренды как одно из условий договора, в целях признания договора заключённым, действительным, стороны должны определить идентифицирующие признаки вещи, чтобы при заключении, исполнении договора можно было определить индивидуально-определенную вещь и не спутать её с другими похожими, но определёнными родовыми признаками вещами. В ГК РФ [2] и других нормативно-правовых актах не указано, какие действия сторон следуют за обнаружением расхождений

между характеристиками имущества при заключении договора, описанием о нем характеристикам переданного имущества.

При детальном осмотре вещи, ее характеристик можно было бы предложить внести уточнения в условия договора, которые описывают объект сделки для правомерного исполнения договора.

Судебная практика пошла по пути признания договора незаключенным, так как «предмет в договоре аренды не определен, и поэтому в силу пункта 1 ст. 432 и п. 3 ст. 607 Гражданского кодекса Российской Федерации обоснованно признан данный договор незаключенным» [8]. Можно встретить аналогичную судебную практику [9, 10, 11].

Такой же вывод судов чаще всего можно встретить при решении проблемы различий между указанием характеристик объекта договора в самом договоре аренды и в материалах-приложениях к договору, содержащих технические данные об объекте [12, 13].

Однако, по данному вопросу есть и иной взгляд со стороны суда, когда подобные различия не явились основанием для признания договора аренды незаключенным. Например, в силу того, что арендодатель не располагает иным имуществом, о чем стороны осведомлены, поэтому альтернативы суждению не существует, а, следовательно, спора о характеристиках объекта быть не может [14, 15].

«Логично было бы предположить, что договор должен быть заключен для передачи в аренду целой вещи, то есть объекта целиком, а не его какой-либо части» [22], однако, в судебной практике можно встретить примеры, когда вещь переходит от арендодателя к арендатору только частью.

Такое можно встретить в случаях, когда имущество уже передано в аренду по другому договору иному арендатору. В этом случае могут возникнуть вопросы о правах арендаторов, например, о преимущественном праве на получение данного имущества и другие, как то, будут ли эти договоры действительны или действителен только первоначальный договор о передаче вещи.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) [3] указано «...Если одним арендодателем было заключено несколько договоров аренды с разными арендаторами по поводу одного имущества в целом, то арендатор, которому не было передано имущество, являющееся объектом договора аренды, вправе требовать от арендодателя, не исполнившего договор аренды, возмещения причиненных убытков и уплаты установленной договором неустойки.

Наличие нескольких сделок аренды в отношении одного и того же имущества не влечет недействительность этих сделок» (п.25).

Соответственно, вместо требования передать вещь, которая оказалась предметом спора, кредитор, в нашем случае это последующие арендаторы, вправе потребовать возмещения убытков.

В свою бытность Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 ноября 2011 г. № 73 в п.13 разъяснил, что «...при разрешении споров из договоров аренды, которые были заключены по поводу одного и того же имущества (за исключением случаев, когда арендаторы пользуются различными частями одной вещи или пользование вещью осуществляется арендаторами попеременно в различные периоды времени), судам необходимо исходить из того, что если объектом нескольких договоров аренды, заключенных с несколькими лицами, является одно и то же имущество в целом, то к отношениям арендаторов и арендодателя подлежат применению положения ст. 398 ГК РФ. Арендатор, которому не было передано имущество, являющееся объектом договора аренды, вправе требовать от арендодателя, не исполнившего договор аренды, возмещения причиненных убытков и уплаты установленной договором неустойки» [5].

«Это значит, что при заявлении исков обоими арендаторами приоритет будет иметь тот, чье обязательственное требование к арендодателю возникло раньше, а если требования возникли одновременно – тот из них, кто первым заявит иск» [20].

Если арендодатель не владеет вещью целиком и имеет сособственников, то «в договоре аренды указывается не доля в праве, принадлежащая арендодателю (хотя указание на эту долю может быть сделано сторонами как на основание права сдачи в аренду, имеющееся у арендодателя (ст. 608 ГК РФ), а конкретное, точно описанное имущество (п. 3 ст. 607 ГК РФ)» [24]. Это подтверждается судебной практикой [6].

Судам также необходимо учитывать, что наличие в ЕГРП записи об аренде недвижимой вещи само по себе не препятствует внесению в реестр записи о другом договоре аренды той же вещи. Такое внесение допустимо, например, если обременение устанавливается на весь объект недвижимости в целом, однако исполнение обязательств по одному из договоров аренды не будет препятствовать исполнению обязательств по другому договору (например, если арендаторы используют разные части недвижимой вещи)».

Здесь мы наблюдаем защиту законодателем арендатора, которого арендодатель лишил возможности получить и использовать вещь как предмет договора из-за владения и использования ее другим арендатором.

Можно встретить аналогичную судебную практику [16,17].

Таким образом, при недобросовестности арендодателя и заключении им нескольких договоров аренды с разными арендаторами, где предметом выступает один и тот же объект, не влечет недействительности этих договоров, но, как следствие, появляются разные обязательства перед контрагентами.

Статьи 609, 651 ГК РФ [2] требуют от сторон договора аренды зарегистрировать его в случае заключения на срок от года, если объектом выступают недвижимые вещи.

В продолжение ранее указанных вопросов, судебная практика такова: если арендодатель заключил договор с несколькими арендаторами в отношении одного и того же объекта недвижимости, то наличие в ЕГРН записи об аренде недвижимой вещи не препятствует внесению в реестр записи о другом договоре аренды той же вещи [7]. Можно встретить судебные акты с аналогичными выводами [18,19].

Таким образом, можно наблюдать, что наличие записи в едином реестре прав на недвижимое имущество об аренде объекта недвижимости не запрещает передать и внести новую запись об аренде того же имущества, где появляется другой арендатор.

Конечно же, если бы стороны согласовывали все качественные и количественные характеристики объекта аренды, вопрос не стоял бы так остро, как это видно из объемов материалов судебной практики, однако, в литературе отмечают, что «закон не устанавливает перечня обязательных признаков, так что при возникновении спора суд будет решать, достаточно ли детально указаны признаки объекта, причем как в самом договоре, так и в передаточном акте. Об этом часто забывают, и тогда в договоре и в акте фигурируют разные объекты. Проверять соответствие сведений, указанных в документах, реальным данным следует обеим сторонам, но, пожалуй, особенно это актуально для арендатора. Если заявленные данные объекта не будут соответствовать фактическим, будет весьма обидно получить в распоряжение ненужную вещь, да еще и платить за это» [25].

Так же интерес вызывает возможность и допустимость сдачи в аренду имущества, которое находится в залоге, то есть обременено правами третьих лиц (залогодержателями).

Пункт 2 ст. 346 ГК РФ [1] содержит запрет на отчуждение залогодателем предмета залога, если не получено согласие залогодержателя. Надо отметить, что норма эта диспозитивная, поэтому, если иное предусмотрено законом или договором, запрета на передачу в аренду обремененной вещи нет.

Однако, можно наблюдать случаи, когда залогодатель заключает договор аренды по поводу заложенного имущества, при этом не получив согласия залогодержателя. «Нарушение обязанности по получению согласия залогодержателя на отчуждение залогодателем заложенного имущества влечет для залогодателя ряд неблагоприятных для него последствий» [21]. Но все-таки интерес вызывает не ответственность залогодателя перед залогодержателем, а о последствиях заключения таких договоров аренды, где объект аренды

обременен, но его передали в аренду без уведомления или согласия залогодержателя.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» в п.п. 39–40 разъяснил следующее: «если залогодатель произвел отчуждение находящейся у него во владении заложенной вещи без необходимого согласия залогодержателя, залогодержатель вправе предъявить к нему требование о возмещении причиненных этим убытков. Если для распоряжения заложенной движимой вещью требовалось согласие залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ), сделка залогодателя по распоряжению предметом залога, совершенная без согласия залогодержателя после заключения договора залога, не может быть оспорена последним, поскольку законом установлено иное последствие нарушения (абзац второй п. 1 ст. 173.1, п. 2 ст. 346 ГК РФ)» [4]. Таким образом, мы наблюдаем, что договор аренды с обремененным объектом, будет продолжать действовать, пока залогодержатель не обратит на него взыскание.

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что сторонам договорных отношений, возникающих на основании передачи имущества в аренду, необходимо тщательно согласовывать объект правоотношений, его свойства и характеристики, идентифицирующие признаки, а так же лиц, имеющих права на этот объект и прочее во избежание дальнейших споров, которые могут привести в судебные органы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 10. Октябрь, 2019.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» //Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август, 2023.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. № 1. Январь, 2012.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 19 ноября 2002 г. № 4713/02 // Вестник ВАС РФ. 2003. № 3. С. 68.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73(ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» //Вестник ВАС РФ. № 1. Январь, 2012.
8. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10.09.2009 по делу № А28-5165/2009-108/21 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026)
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 12.01.2012 по делу № А49-1812/2011 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.01.2026)
10. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 19.01.2012 по делу № А44-5127/2010 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.01.2026)
11. Постановление ФАС Центрального округа от 30.10.2012 по делу № А09-8837/2011 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.01.2026)

12. Постановление ФАС Уральского округа от 10.09.2009 № Ф09-5806/09-С6 по делу № А60-33704/2008-С3 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.01.2026).
13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27.09.2011 по делу № А29-10762/2010 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.01.2026).
14. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.09.2010 по делу № А56-19301/2009 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.01.2026).
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10.11.2009 по делу № А46-8746/2009//СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.01.2026).
16. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.12.2011 по делу № А56-18049/2011 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 29.01.2026).
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.04.2024 № Ф09-102/24 по делу № А76-1099/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.01.2026).
18. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.02.2019 № Ф03-289/2019 по делу № А51-2818/2018 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.01.2026).
19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.01.2020 № Ф06-36526/2018 по делу № А65-31494/2017
20. *Архипова А.Г., Байбак В.В., Громов С.А.* и др. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М. 2022. //СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.02.2026).
21. *Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая //

СПС КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.01.2026).
22. *Мастанов В.М., Маркина М.В.* Условия об объекте договора аренды: по материалам судебной практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 2 (102). С. 216–219.
23. *Овсюков Д.А.* Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: монография. М., 2023. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.01.2026).
24. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 2023. //СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru
25. *Тарасенкова А.Н.* Движимое имущество: что, где и как арендовать. М., 2021. Вып. 6. //СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.01.2026).

М.В. Маркина
кандидат юридических наук
доцент кафедры юридических дисциплин
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», Московская обл., г.о. Химки, г. Химки
E-mail: markina76@rambler.ru

УДК 349.3

Особенности распоряжения средствами материнского капитала на улучшение жилищных условий

Н.А. Новокшонова, А.А. Смирнова

Аннотация. В статье анализируются особенности распоряжения средствами материнского капитала в РФ. Авторы обращают внимание на одно из направлений распоряжения средствами материнского капитала – улучшение

жилищных условий. Цель статьи предполагает изучение правового режима распоряжения средствами материнского капитала, в том числе и на примере опыта Кировской области. В статье рассматриваются данные о наиболее востребованных направлениях распоряжения средствами материнского капитала на основе статистики Отделения Социального фонда России по Кировской области за 2025 г., раскрываются правила направления средств материнского капитала, сроки их распоряжения и обязанность выделения долей всем членам семьи. Авторы приходят к выводу, что механизм предоставления средств материнского капитала сочетает свободу выбора для семьи и гарантии защиты интересов семьи в рамках государственной социальной политики.

Ключевые слова: материнский капитал, семья, защита, Кировская область, жилищные условия.

Конституция Российской Федерации в ст. 38 устанавливает принцип, согласно которому материнство, детство и семья находятся под защитой государства [1]. Данное конституционное положение обязывает федерального законодателя формировать систему публично-правовых мер, направленных на создание условий для полноценного развития института семьи, обеспечения достойного уровня жизни и реализации имущественных прав несовершеннолетних. Одной из таких мер выступает материнский капитал, введенный Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ) [2].

Одним из наиболее востребованных направлений использования средств материнского капитала является улучшение жилищных условий, что обусловлено потребностью семей в расширении или приобретении жилья.

Согласно сведениям Отделения Социального фонда России по Кировской области, в 2025 г. территориальным органом было рассмотрено и одобрено 13400 заявлений граждан о распоряжении средствами материнского капитала [8]. Указанный показатель свидетельствует о высоком уровне

востребованности данной меры государственной поддержки среди семей региона. При этом, в структуре одобренных заявлений доминирующее положение занимает направление средств на улучшение жилищных условий, которое выбрали более 4000 семей [8]. Для Кировской области, характеризующейся значительным объемом жилищного строительства и развитой системой ипотечного кредитования, данное направление остается приоритетным. Более 30 % всех распорядительных действий владельцев сертификатов в регионе сопряжены с возникновением у них публично-правовой обязанности по выделению долей в приобретаемом жилом помещении всем членам семьи. Второе место в структуре одобренных заявлений занимает направление средств на получение образования детьми, которое выбрали свыше 1900 семей [8]. Для Кировской области, обладающей развитой сетью образовательных организаций, включая учреждения высшего и среднего профессионального образования, указанный показатель отражает спрос на использование капитала для оплаты образовательных услуг, содержания ребенка в образовательной организации. Третье место занимает направление средств на ежемесячную выплату в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет, которое оформили 2800 семей [8]. Данный показатель свидетельствует о значительной доле получателей, которые реализуют право на текущее распоряжение средствами капитала в форме регулярных платежей, что является альтернативой долгосрочному инвестированию средств в жилье или образование.

Представленные статистические данные указывают, что улучшение жилищных условий остается основным направлением использования средств материнского капитала.

Закон № 256-ФЗ определил материнский капитал как форму дополнительной государственной поддержки, обладающую целевым характером. Юридическая конструкция распоряжения средствами предполагает, что владелец сертификата (лицо, имеющее право

на дополнительные меры государственной поддержки) не вправе произвольно расходовать указанные средства. Детальный порядок направления средств на жилищные цели регламентирован Постановлением Правительства РФ от 12.12.2007 г. № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского капитала на улучшение жилищных условий» (далее – Правила № 862) [3], которые устанавливают исчерпывающий перечень способов улучшения жилищных условий, требования к объектам недвижимости, порядок подачи заявления и перечень необходимых документов, а также сроки перечисления средств.

Так, в качестве объектов, на которые могут быть направлены средства материнского капитала, допускаются: жилое помещение (квартира, жилой дом, часть жилого дома), приобретаемое по договору купли-продажи; объект индивидуального жилищного строительства, возводимый с привлечением подрядной организации либо хозяйственным способом; объект, реконструируемый с увеличением общей площади. Обязательным требованием является нахождение приобретаемого (строящегося, реконструируемого) жилья на территории Российской Федерации. При приобретении жилого дома дополнительно требуется заключение о его соответствии требованиям, предъявляемым к жилому помещению, и пригодности для проживания [3].

Средства могут быть направлены на уплату первоначального взноса по кредитному договору (договору займа) на приобретение или строительство жилья, а также на погашение основного долга и процентов по таким кредитам (займам) [3]. При этом заем должен быть предоставлен организацией, соответствующей установленным требованиям: кредитной организацией, кредитным потребительским кооперативом, осуществляющим деятельность не менее трех лет и включенным в перечень Банка России, либо микрокредитной компанией, 100 % акций (долей) которой принадлежит субъекту Российской Федерации.

При строительстве жилого дома хозяйственным способом (без привлечения подрядной организации) средства перечисляются на банковский

счет владельца сертификата в два этапа: первый платеж – до 50 % средств капитала после представления документов на земельный участок и разрешения на строительство; второй платеж – по истечении шести месяцев при условии выполнения основных работ (монтаж фундамента, возведение стен и кровли). При строительстве с привлечением подрядной организации с использованием счетов эскроу средства перечисляются на счет кредитной организации либо на счет эскроу.

Особенностью правового регулирования является дифференциация сроков распоряжения средствами. По общему правилу, закрепленному в ч. 6 ст. 7 Закона № 256-ФЗ [2], распоряжение средствами возможно по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) ребенка, с рождением которого возникло право на капитал. Однако законодатель в ч. 6.1 [2] установил исключения, позволяющие использовать средства немедленно, в частности, при направлении средств на погашение основного долга и процентов по жилищным кредитам (займам) либо на уплату первоначального взноса по таким кредитам. Данное исключение имеет практическое значение, так как через кредитные механизмы большинство семей реализуют свое право на улучшение жилищных условий.

Одним из элементов механизма распоряжения средствами материнского капитала, выступающим одновременно публично-правовой гарантией защиты прав несовершеннолетних, является обязанность владельца сертификата по оформлению жилого помещения в общую долевую собственность всех членов семьи. Данная обязанность закреплена в ч. 4 ст. 10 Закона № 256-ФЗ [2] и носит императивный характер.

Указанное обязательство оформляется нотариально. Срок исполнения составляет шесть месяцев и исчисляется в зависимости от способа улучшения жилищных условий: после перечисления средств продавцу, после снятия обременения по кредиту, после внесения последнего паевого взноса, после подписания передаточного акта либо после получения уведомления о соответствии построенного объекта требованиям законодательства.

Судебная практика исходит из того, что неисполнение указанной обязанности является самостоятельным основанием для принудительного восстановления прав детей.

В Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 50-КАД21-1-К8 рассматривалась ситуация, при которой жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, было оформлено в общую совместную собственность супругов без выделения долей несовершеннолетним детям. Верховный Суд РФ указал, что приобретенные по договору купли-продажи с участием средств материнского капитала объекты недвижимости не могут быть оформлены в общую собственность супругов без учета интересов детей. Суд подчеркнул, что дети в силу закона признаются участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала [4]. Данная правовая позиция, сформулированная высшей судебной инстанцией, имеет обязательное значение для всех нижестоящих судов и служит основой для защиты имущественных прав несовершеннолетних в подобных спорах.

Так, отец, использовав средства материнского капитала на приобретение жилого помещения, дал нотариально удостоверенное обязательство в течение 6 месяцев оформить жилой дом и земельный участок в общую собственность всех членов семьи. Однако, согласно информации Росреестра, право собственности на указанное имущество за несовершеннолетним сыном зарегистрировано не было. Суд, руководствуясь ч. 4 ст. 10 Закона № 256-ФЗ, пп. «ж» п. 13, п. 15 Правил № 862, а также ст. 40 Конституции РФ, ст. 56, 64, 65 СК РФ, указал, что использование средств материнского капитала на улучшение жилищных условий обязывает родителей оформить приобретенное жилое помещение в общую собственность всех членов семьи, включая несовершеннолетних детей. Бездействие ответчика, выразившееся в невыделении долей ребенку, лишает несовершеннолетнего права на жилище,

которое должно ему принадлежать в силу закона. Суд обязал отца оформить жилое помещение в общую собственность с несовершеннолетним сыном [5].

По одному из правовых споров, мать, использовав средства материнского капитала в полном объеме на приобретение жилых комнат, оформила нотариальное обязательство о выделении долей детям, однако не исполнила его. Право собственности на комнаты было зарегистрировано только на мать, доля несовершеннолетней дочери выделена не была. Суд указал, что при отсутствии соглашения о размере долей и с учетом того, что средства материнского капитала полностью оплатили стоимость жилья, доли всех членов семьи (мать, дочь и сын) признаются равными – по 1/3 доли каждому [6].

В другом случае отец, использовав средства материнского капитала на строительство жилого дома, не исполнил нотариально удостоверенное обязательство о выделении долей супруге и несовершеннолетним детям. Так как соглашение о размере долей между членами семьи отсутствовало, суд признал доли равными (по 1/4 за каждым: отец, мать, двое детей), прекратил право единоличной собственности отца и признал право общей долевой собственности всех членов семьи [7].

Следовательно, судебная практика исходит из приоритета защиты прав и законных интересов детей, рассматривая использование средств материнского капитала как меру, направленную не только на улучшение жилищных условий семьи, но и на обеспечение надлежащих условий проживания несовершеннолетних. Средства материнского капитала выступают эффективным инструментом реализации жилищных прав семей с детьми, однако их использование сопряжено с соблюдением определенных условий: целевой характер расходования, соответствие приобретаемого (строящегося, реконструируемого) объекта требованиям жилищного законодательства, соблюдение установленных сроков и процедур, а также безусловное выполнение обязательства по оформлению жилого помещения в общую долевую собственность всех членов семьи с определением долей.

Таким образом, правовой режим распоряжения средствами материнского капитала на улучшение жилищных условий характеризуется сочетанием диспозитивных и императивных начал, выражающихся, с одной стороны, в предоставлении семье возможности выбора формы улучшения жилищных условий, а с другой – в установлении требований к целевому использованию средств и обязательной защите прав несовершеннолетних. Указанный механизм выступает инструментом государственной социальной политики, обеспечивающим не только повышение уровня жилищной обеспеченности семей, но и реализацию принципа приоритета интересов ребенка.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.
3. Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 (ред. от 18.03.2026) «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // Собрание законодательства РФ. 17.12.2007. № 51. Ст. 6374.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2021 № 50-КАД21-1-К8 URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=678198&cacheid=5F0B6D75ECDD3FF0831FBFAE2FDA1D9C&mode=splus&rnd=ij05Ag#hPLuSFVKAnPa66nG1 (дата обращения: 31.03.2026).

5. Решение Отрадненского районного суда Краснодарского края от 10 апреля 2025 г. по делу № 2-363/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iIHNzqDXrLrR/ (дата обращения: 31.03.2026).
6. Решение Великоустюгского районного суда Вологодской области от 26 июля 2020 г. по делу № 2-740/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9eRE6hbESMgl/ (дата обращения: 31.03.2026).
7. Решение Солецкого районного суда Новгородской области от 9 сентября 2019 г. по делу № 2-439/2019. РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oijWsmtLMW6p/ (дата обращения: 31.03.2026).
8. Более 13 тысяч семей в Кировской области использовали маткапитал в 2025 г. URL: https://sfr.gov.ru/branches/kirov/news/~2026/02/05/278642?ysclid=mng7du53vg684940483 (дата обращения: 31.03.2026).

А.А. Смирнова
доцент кафедры трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров.
E-mail: usr20190@vyatsu.ru
Н.А. Новокшонова
магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: hnatasha88@mail.ru

УДК 347.44:336.226.322

Юридические последствия повышения ставки налога на добавленную стоимость с 20 % до 22 % для договоров поставки товаров: практический анализ

Д.И. Пайо

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена вступлением в силу с 1 января 2026 г. изменений в Налоговый кодекс РФ, предусматривающих повышение основной ставки НДС до 22 %. Целью статьи является комплексный юридический анализ влияния данного изменения на правовой режим длящихся договоров поставки. В работе применен формально-юридический метод и метод анализа судебной практики высших судебных инстанций. В ходе исследования рассмотрены требования к указанию НДС в цене, порядок корректировки стоимости товаров и правовые риски, возникающие в переходный период. Основным результатом работы стало обоснование правовых позиций, разграничивающих случаи допустимости одностороннего изменения цены договора в зависимости от способа формулирования условий о налоге. Автор делает вывод о необходимости внедрения в договорную практику специальных налоговых оговорок, позволяющих минимизировать риски возникновения споров о неосновательном обогащении и налоговых доначислений в условиях изменяющегося фискального законодательства.

Ключевые слова: НДС, налоговая ставка, договор поставки, изменение цены, Налоговый кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, судебная практика, налоговые риски, корректировочный счет-фактура.

Экономическая деятельность в Российской Федерации находится под постоянным воздействием изменений в законодательстве, в том числе налоговом. Повышение основной ставки налога на добавленную стоимость (далее – НДС) с 20 % до 22 %, вступившее в силу с 1 января 2026 г. на основании Федерального закона от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ, стало одним

из наиболее существенных нововведений последних лет. Это изменение затронуло широкий круг хозяйствующих субъектов, в особенности тех, чьи договорные отношения имеют длящийся характер и предусматривают поставку товаров через переходный период.

Налог на добавленную стоимость, являясь косвенным налогом, по своей природе предполагает его переложение на конечного потребителя. Однако механизм такого переложения и его правовые последствия в рамках действующих договорных обязательств не всегда очевидны и могут стать причиной множества споров между контрагентами и с налоговыми органами [8].

НДС представляет собой федеральный косвенный налог, взимаемый на всех стадиях производства и реализации товаров. Обязанность по исчислению и уплате НДС в бюджет возлагается на продавца, который предъявляет сумму налога покупателю дополнительно к цене реализуемых товаров, если иное не предусмотрено ст. 168 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) [3]. Сумма НДС изначально является частью гражданско-правового обязательства по уплате цены договора. Включение продавцом в цену суммы НДС основано на императивных положениях НК РФ, которые обязательны для сторон договора в силу п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2; 9].

Согласно ст. 422 ГК РФ, договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом. Изменение законодательства после заключения договора, по общему правилу, не влечет автоматического изменения его условий. Однако для налоговых правоотношений действует иной принцип: налогоплательщик обязан применять ту ставку НДС, которая установлена на дату отгрузки товаров, независимо от даты заключения договора или ставки, указанной в нем [10].

С 1 января 2026 г. при отгрузке товаров налогоплательщики обязаны предъявлять НДС по ставке 22 %, даже если в ранее заключенном договоре была указана ставка 20 %. Ключевое значение в данном контексте имеет

формулировка цены в договоре. Если цена указана как фиксированная сумма, включающая НДС («в том числе НДС»), то после повышения ставки продавец, по общему правилу, не имеет права в одностороннем порядке увеличить общую стоимость договора. Новая сумма НДС будет выделена из той же договорной цены по расчетной ставке 22/122, что уменьшит чистую выручку поставщика [11]. Напротив, если в договоре цена определена как «цена без НДС + НДС по действующей ставке», продавец вправе увеличить общую сумму платежа на разницу в 2 % без заключения дополнительного соглашения [12].

Автоматической корректировки цены договора при изменении ставки НДС законодательство не предусматривает. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25.11.2025 № 41-П указал на определенные противоречия в регулировании, позволяющие в исключительных случаях требовать через суд увеличения цены договора, но не более чем на половину суммы изменения налога [7].

В переходный период особую сложность вызывает работа с авансами, полученными до 1 января 2026 г. Если поставка осуществляется в 2026 г., продавец обязан исчислить НДС по ставке 22 %, приняв к вычету налог с аванса по старой ставке (20/120). Ошибки в счетах-фактурах и неправильное применение ставки могут привести к отказу в налоговых вычетах для покупателя (ст. 172 НК РФ). Порядок корректировки документов регулируется Постановлением Правительства РФ № 1137 [6].

Правовые риски возникновения споров в связи с повышением НДС включают в себя иски о взыскании неосновательного обогащения, налоговые доначисления и даже расторжение договоров в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Для минимизации указанных рисков представляется необходимым включение в договоры поставки четких условий о порядке пересмотра цены.

Вариант формулировки для защиты интересов поставщика: «Сумма НДС начисляется сверх цены по ставке, действующей на дату отгрузки. При

изменении ставки НДС цена, подлежащая оплате Покупателем, изменяется пропорционально изменению ставки без заключения дополнительного соглашения». Такой подход позволяет равномерно распределить налоговое бремя и устранить неопределенность.

Подводя итог, следует отметить, что повышение ставки НДС с 20 % до 22 % требует от юридических служб предприятий оперативного аудита договорной базы. Активное использование налоговых оговорок является залогом финансовой стабильности и успешного разрешения возможных налоговых споров в новых экономических реалиях.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 31.03.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 31.03.2026).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 31.03.2026).

5. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 1 декабря.
6. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2011 г. № 1137 «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 3. Ст. 417.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2025 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 168 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 422 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2026. № 1.
8. *Пауль А.Г.* Налог на добавленную стоимость, предъявляемый покупателю, и цена договора: проблемы соотношения и взаимовлияния // Финансовое право. № 05/2025. С. 16–19.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.11.2023 № 308-ЭС23-10806 по делу № А01-523/2021 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.09.2020 № 305-ЭС20-11077 по делу № А40-191555/2019 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).
11. Определение ВС РФ от 11.11.2020 № 305-ЭС20-17516 по делу № А40-195903/2019 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.03.2026).
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2020 № 09АП-76367/19 по делу № А40-13600/2019 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

Д.И. Пайо

магистр права

ведущий юрист

Общество с ограниченной ответственностью «ЛЕКС», г. Киров

E-mail: paiod97@yandex.ru

УДК 343.337

Уголовно-правовой анализ нормы о реабилитации нацизма

А.И. Парышев

Аннотация. Статья представляет собой уголовно-правовую характеристику норм, предусматривающих ответственность за преступления в виде реабилитации нацизма. В связи с этим можно сформулировать цель настоящей статьи, которая заключается в том, что необходимо, в том числе, уголовно-правовыми средствами бороться с такими преступными явлениями как публичные действия в виде распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества и осквернения символов воинской славы России. В основу данного исследования положен анализ данного вида преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 354 УК РФ. Данный формально-юридический анализ дается через раскрытие законов и подзаконных актов, регулирующих общественные отношения, связанные с защитой Отечества, охраной исторической памяти и символов воинской славы России. Подводя определенный итог исследованию, автор предлагает ряд изменений в действующее уголовное и иное законодательство с целью оптимизации уголовной ответственности за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, а также включение Вечного огня в перечень символов воинской славы России.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, дни воинской славы и памятные даты России, символы воинской славы России, уголовная ответственность, Вечный огонь как символ воинской славы России, преступления против мира и безопасности человечества.

Деятельность по пересмотру итогов Великой отечественной войны и Нюрнбергского процесса, а в конечном итоге и реабилитация нацизма на современном этапе развития общественных отношений создает в России реальную угрозу жизнедеятельности государства, посягает на безопасность всего мира и безопасность человечества, а также конституционные права и свободы граждан России.

Таким образом, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 354, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма. Однако ее применение порождает ряд вопросов, связанных с квалификацией объективных и субъективных признаков состава преступления, которые нуждаются в скорейшем разрешении.

Преступность является явлением, безусловно, очень динамичным. Так, с 2021 г. она начала стремительно меняться. Данное обстоятельство, в первую очередь, связано с изменением мировой обстановки, хотя и в российском государстве и обществе также происходят серьезные изменения, связанные с информатизацией общества и уходом экстремистской преступности в виртуальное пространство. Уголовное законодательство должно отвечать современным реалиям и одно из таких его проявлений появление относительно новых положений в ч. 1 (распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны) и ч. 3 ст. 354 УК РФ.

Объектом преступления в виде реабилитации нацизма являются общественные отношения, складывающиеся по поводу и в процессе реализации такого основополагающего принципа международных взаимоотношений, как принцип мирного сосуществования государств и народов. Однако необходимо отметить, что отнесение того или иного преступления к преступлениям против

мира и безопасности человечества должно определяться не внутренним законодательством, а международными актами. В настоящее время нет ни одного международного акта или договора, который относил бы данные действия, предусмотренные ч.3 ст. 354 УК РФ, по соответствующим мотивам к преступлениям против мира и безопасности человечества [6, с. 49]. Так, в ч. 3 приведенной нормы содержится самостоятельный состав преступления, по сути, не имеющий отношения к реабилитации нацизма как такового. В связи с этим видится необходимым включить ч. 3 ст. 354 УК РФ (в части распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества) в главу 29 УК РФ, где помещены преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

С точки зрения объективной стороны рассматриваемое преступление, предусмотренное ч.3 ст. 354 УК РФ, может выражаться в следующих активных действиях, совершенных публично (обращение к неопределенному кругу лиц): а) распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, б) осквернение символов воинской славы России, в) оскорбление памяти защитников Отечества, г) унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ, содержит такой признак как публичность. Данные действия могут быть выражены как вербально, так и конклюдентно посредством демонстрации оскорбительных изображений, движений, а также действий, направленных на осквернение символов воинской славы России. Также осквернение может выражаться и в физических действиях.

Так, 22 февраля 2024 г. в городе Вятские Поляны Кировской области было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 354 УК в отношении Виталия Николаевича Мамашева, который обжигал изоляцию металлических проводов

на Вечном огне у памятника «Воинам-землякам». В Кировский областной суд дело поступило 28 марта 2024 г.

10 апреля 2024 г. Кировский областной суд данное дело прекратил в связи с его смертью [7].

Осквернение символов воинской славы России также возможно путем размещения соответствующих материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Так, группа подростков, находясь в местном парке Победы города Кирова, прикуривала от Вечного огня сигареты и курила рядом с ним вейп. Пост о действиях несовершеннолетних, в частности, был опубликован в группе «Злой кировчанин» во «ВКонтакте».

19 апреля 2024 г. управление Следственного комитета по Кировской области сообщило о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 354 Уголовного кодекса РФ [5].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится, что одним из способов совершения публичных действий является «веерная рассылка электронных сообщений». На наш взгляд, веерной рассылкой будет являться и отправка одного сообщения определенному кругу адресатов, ранее знакомых отправителю. Данное пояснение следует закрепить в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, так как данный способ является крайне распространенным в виртуальном пространстве.

Также на практике возникают проблемы привлечения к уголовной ответственности за размещение материалов, содержащих признаки экстремизма, на форумах в социальных интернет-сетях, особенно в закрытых группах. На наш взгляд, следует отграничивать личную переписку в виртуальном пространстве от обсуждения на форумах. Личная переписка не должна быть рассчитана на публичное обсуждение, а все обсуждения на форумах независимо от открытости или возможности участия после

предварительной регистрации (закрытые группы) должны признаваться публичными.

Спорным вопросом также является данное распространение информации в местах лишения свободы. Конечно, распространение неуважительных сведений о днях воинской славы и памятных датах России, тем более в среде, расположенной к насилию, безусловно, очень опасна. Однако ч. 3 ст. 354 УК РФ предполагает, как ключевой элемент состава преступления публичность этих высказываний. Насколько нам известно, аудитория высказываний может состоять всего из нескольких человек и такие действия вряд ли можно признать публичными и представляющими повышенную общественную опасность.

Еще одна проблема применения ч. 3 ст. 354^1 УК РФ кроется в том, что в настоящее время действует Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», который устанавливает соответствующие дни и даты для их увековечивания в народной памяти [3]. Среди дней воинской славы России есть и такие как День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере или День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении и многие другие. На наш взгляд, данные даты не имеют отношения к деятельности по реабилитации нацизма. Таким образом, назрела необходимость создания отдельной статьи в уголовном российском законодательстве, которая бы охраняла данные общественные отношения в виде недопустимости неуважительного отношения к дням воинской славы России, не связанным с защитой Отечества в годы Второй мировой войны.

Также в Федеральном законе от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» говорится о примерно шести датах, которые связаны с действиями Советского Союза во Второй мировой войне (например, 9 апреля – День героического штурма и взятия Кенигсберга (1945 г.), 19 апреля – День памяти жертв геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941-

1945 гг.). Можно сделать вывод о том, что ч. 3 ст. 354 УК РФ нуждается в совершенствовании. На наш взгляд, она может быть изложена в следующей формулировке: «…к распространению выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества в годы Второй мировой войны…».

Ч. 3 ст. 354 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за осквернение символов воинской славы России носит бланкетный характер. Стоит отметить, что закрепленный перечень таких символов отсутствует и в связи с этим следует обращаться к специальному законодательству.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» георгиевская лента является одним из символов воинской славы России [2]. Также в соответствии с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации к символам воинской славы России относится боевое знамя воинской части, которое является официальным символом и воинской реликвией воинской части, а также олицетворяет ее честь, доблесть, славу и боевые традиции [4]. Однако, точного перечня символов воинской славы России в настоящее время не предусмотрено, поэтому законодательно не закреплены в качестве символов воинской славы России эмблемы и квалификационные знаки военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, знаки отличия Минобороны России.

Также, по нашему мнению, осквернение Вечного огня (под которым может пониматься как физическое повреждение мемориала, так и какое-либо иное действие) в случае повышенной общественной опасности может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 214 УК, предусматривающей ответственность за вандализм. Применение же ч. 3 ст. 354^1 УК РФ возможно лишь при осквернении Вечного огня как символа воинской славы России. Однако, на основании вышеизложенного перечень этих символов российским законодательством до сих пор точно не определен. Подобный статус символа воинской славы России закреплен лишь за Георгиевской лентой и боевым

знаменем воинской части. Таким образом, давно назрела необходимость внести Вечный огонь в перечень символов воинской славы России. К тому же нормативно-правовые акты, в которые можно внести изменения в настоящее время есть в наличии. В частности, к ним относиться Закон РФ от 14.01.1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [1].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 3 ст. 354 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. В данных деяниях мотив и цель на квалификацию не влияют. По мнению ряда авторов отсутствие в конструкции ст. 354 УК РФ указания на цель совершения преступления значительно расширяет ее содержание, включая в него действия, которые не являются реабилитацией нацизма и должны квалифицироваться иначе [8, с. 26–31]. На наш взгляд, данное упущение является серьезным недостатком ст. 354 УК РФ, поскольку цель должна в ней играть роль конструктивного признака состава преступления.

Стоит отметить, что распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны далеко не всегда может нести цель постараться реабилитировать нацизм. На наш взгляд, в случае отсутствия у лица подобной цели его действия, конечно, не должны оставаться без внимания правоохранительных органов, но в УК РФ должны быть созданы иные статьи. Таким образом, законодателю следует внести изменения в соответствующие составы ст. 354 УК РФ, путем добавления цели совершения преступления с формулировкой: «с целью поддержки или оправдания нацизма».

Библиографический список

1. Закон РФ от 14.01.1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (ред. от 09 ноября 2024 г.) // Российская газета. 17.02.1993. № 32.
2. Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть I). ст. 26.

3. Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. № 11. ст. 943.
4. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 19.11.2007. № 47 (1 ч.). ст. 5749.
5. В Кирове возбуждено уголовное дело по факту совершения противоправных действий группой молодых людей у Вечного огня в Парке Победы // СУ СК России по Кировской области. 2024. 19 апреля. URL: https://www.kirov.sledcom.ru/news/item/1876776/ (дата обращения:28.02.2026)
6. *Пестерева Ю.С., Пошелов П.В.* К вопросу о юридических дефектах статьи 354^1 уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 3.
7. Постановление по делу № 2-8/2024 (Постановление вступило в законную силу 20.04. 2024 г.) // Архив Кировского областного суда.
8. *Шумаков С.А., Матвеев П.А., Викторов В.Ю.* Уголовно-правовая характеристика реабилитации нацизма: современное состояние, проблемы и перспективы // Российский судья. 2023. № 8.

А.И. Парышев

кандидат юридических наук

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Волго-Вятский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский

государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
E-mail: 108.06@mail.ru

УДК 908

Правоохранительная деятельность вятской полиции в начале XX в.

Ю.В. Першина

Аннотация. Актуальность статьи связана с необходимостью анализа специфики правоохранительной деятельности вятской полиции в начале XX в. Цель статьи: познакомить студентов юридических специальностей и интересующихся историей Вятского края с расследованием преступлений в г. Вятке в начале XX в. Задачи: выявить особенности деятельности местной полиции в указанный период; показать виды преступлений и наказаний в начале XX в. Статья написана на основе архивных документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Кировской области. В Вятской губернии в указанный период постепенно формируется образ полицейского как представителя правоохранительных органов, блюстителя порядка, стоявшего на страже закона.

Ключевые слова: функции полиции, архивные документы, вятские полицейские, преступления и наказания в начале XX в.

Отмена крепостного права в 1861 г. привела к ликвидации вотчинной полиции помещиков. Возникла необходимость создания централизованной системы полицейских органов. В 1862 г. были изданы «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний по общему учреждению управляемых», предусматривавшие образование единого уездного полицейского управления, в рамках которого объединялись уездная и городская полиция во главе с уездным исправником.

В начале XX в. штатно-должностные обязанности общей полиции были широкими: полиция при помощи паспортов контролировала передвижение жителей г. Вятки и гостей; держала под наружным наблюдением подозреваемых в нарушении обязательных постановлений; устанавливала и свидетельствовала в суде задолженность банкротов; выдавала удостоверения личности; заведовала починкой дорог и мостов, пожарным делом; надзирала за театральными представлениями, уличной рекламой, кинематографом; собирала статистику (о числе жителей города, количестве фабрик, заводов, ремесленных заведений и т.д.); следила за исполнением санитарных правил; производила обыски и изъятия в частных домах и т.д. [1, с. 46–47].

Каждый полицейский подписывал договор, заключаемый между вновь нанимавшимся на службу и вятским полицмейстером. Обратим внимание на важные пункты этого условия (договора) о несении службы.

п. 2. Полицейский состоял в подчинении у вышестоящего начальства, должен был исполнять его требования, распоряжения и приказания.

п. 3. Полицейский должен был проявлять честность, вежливость, быть трезвым, не допускать грубости, дерзости, должен держать себя с достоинством в действиях и словах. Хорошим поведением страж порядка заслуживал доверие и уважение граждан.

п. 4. Жалованье полицейскому устанавливалось в 132 руб. в год, ему предоставлялись служебная квартира с отоплением, освещением, форменная одежда.

п. 5. Из жалованья полицейского удерживали по 1 руб. в месяц (12 руб. в год). Эти деньги хранились во время службы в качестве залога.

п. 6. В должности полицейского служитель закона был обязан проработать не менее 6 месяцев. В случае отказа от службы по неуважительной причине полицейский лишался 6-месячного залога, который поступал в общую кассу. Он затем выдавался как награда другим полицейским.

п. 7. Прослужившие более 6 месяцев и оставившие службу добровольно получали обратно залог и жалованье за текущий месяц.

п. 8. Отказавшиеся от службы были обязаны сдать оружие и форменную одежду.

п. 9. За проступки могли быть применены взыскания: понижение в должности, штраф до 3 руб. единовременно, увольнение без выдачи залога, без жалованья за текущий месяц. Полицейский мог быть арестован на срок до 7 дней, а в случае совершения преступлений предан суду [4, лл. 3–3 (об)].

Местная полиция занималась дознанием, наблюдением и надзором по уголовным делам. Беспорядки в губернском центре усилились в годы первой русской революции. Так, 8 августа 1907 г. крестьянин Слободского уезда Федосеевской волости, починка Средней мельницы Григорий Тукмачев спел «Марсельезу» в камере 1-й части г. Вятки. На основании постановления вятского губернатора князя С. Д. Горчакова было решено подвергнуть Тукмачева штрафу в 50 руб. или дополнительному аресту на 2 недели.

11 августа 1907 г. ученик Вятского технического училища Дмитрий Верстаков и мещанин Николай Охизин в пьяном виде нанесли оскорбление городовым местной полиции Мошкину, Колпащикову и Новикову. На основании постановления вятского губернатора Верстаков и Охизин были наказаны также, как в предыдущем случае (по выбору полиции).

5 сентября 1907 г. проживавшие в г. Вятке крестьяне Осип Волков и Иван Рублев, проходя по Копанской улице, пели революционные песни. Постановление вице-губернатора А. Ф. Шидловского было суровым – штраф в размере 500 руб. с каждого или арест на 3 месяца [3, лл. 78, 80, 92].

Среди преступлений в г. Вятке распространены были кражи. Так, 29 декабря 1909 г. вечером крестьянин Макарьевской волости деревни Наволихинской Дмитрий Иванович Ерофеев возвращался в Александровскую гостиницу. Около гостиницы на него напали 3 мужчин. Они похитили у пострадавшего портмоне с деньгами (более 13 руб.), на шубе разорвали карман. О случившемся Ерофеев рассказал буфетчику, прислуге гостиницы, заявил в полицию.

Среди нападавших были карманные воры Александр Логинов и Илларион Плюснин, третий остался неопознанным. Логинов и Плюснин были обнаружены тайным агентом полиции. Преступники в разговоре с ним признались в краже. У Логинова и Плюснина произвели обыск. Пострадавший опознал в них нападавших [5, лл. 8–8 (об)]. Благодаря оперативным действиям вятской полиции это преступление было быстро раскрыто.

Иногда кражи достигали больших размеров. Например, 12 мая 1910 г. в г. Вятке были найдены в разных местах и конфискованы у разных лиц золотые, серебряные и металлические предметы на сумму 2 176 руб. 57 коп. Эти ценности были похищены мещанином Николаем Деньгиным и Тимофеем Сырчиным в г. Кунгуре из магазина золотых и серебряных вещей Иосифа Шайгама в ночь на 25 марта 1910 г. Преступники украли ценные предметы на сумму около 10 000 руб., взломав потолок.

Деньгин в краже сознался и заявил, что часть похищенного вместе с Сырчиным они продали в Перми и Екатеринбурге. Большую часть ценностей преступники привезли 28 марта 1910 г. в г. Вятку и хранили их в доме мещанина Алексея Решетникова. Он был арестован и сознался в укрывательстве краденого. Решетников заявил, что золотые и серебряные предметы поделил с проживавшим в г. Вятке крестьянином Григорием Морозовым. Соучастники спрятали их в разных местах. Несколько вещей отдали разным лицам как плату за их молчание. Морозов в преступлении тоже сознался и заявление Решетникова подтвердил.

Найденные ценности Шайгамом были узнаны как похищенные из его магазина: на них остались метки владельца. Вещи были сданы потерпевшему под расписку. Поиск остальных украденных предметов продолжался [5, лл. 475–475 (об)].

Тяжким преступлением было мошенничество. Так, освобожденный из вятской тюрьмы крестьянин из Пермской губернии Оханского уезда Сепычевской волости Николай Конев 26 января 1910 г. в г. Вятке разным торговцам на «толкучьем» рынке предлагал купить краденый мануфактурный

товар на сумму 1 000 руб. и просил деньги авансом. Мошенник утверждал, что эти вещи были якобы похищены в Пермской губернии и находятся в деревне Омутинце Глазовского уезда.

Конев был задержан полицейскими Вятского сыскного отделения. После ареста он заявил, что хотел продать краденые товары по просьбе своих знакомых – крестьян Глазовского уезда Модошурской волости деревни Омутинцы Ивана Осипова и деревни Качкашур Василия Перевозчикова. Преступник утверждал, что эти вещи якобы хранятся у них в «репных» ямах.

Полиция произвела обыски в указанных местах и на родине Конева, но никаких мануфактурных товаров там обнаружено не было. После этого Конев сознался, что он хотел мошенническими действиями выманить у торговцев деньги авансом за несуществующий товар [5, л. 279].

Полиция устанавливала причины пожаров, оценивала причиненный ущерб. Например, 3 марта 1910 г. в доме, где проживали Мария Михайловна Шкляева и Лидия Михайловна Кузьмина, произошел пожар. Он уничтожил часть бани и прачечной. Пристав 1-й части г. Вятки произвел дознание. Он установил, что пожар возник из-за трещины в печке у задней стенки бани. Причиненные пожаром убытки были оценены в 200 руб. [5, л. 319].

Тяжкими преступлениями считались изнасилование и ограбление. Часто преступники пользовались наивностью и доверчивостью жертв. Так, 16 апреля 1910 г. в 20 ч. 57 мин. на поезде в г. Вятку приехала крестьянка Глазовского уезда Еловской волости деревни Ягошурской 29-летняя Аграфена Салтыкова. На станции Вятка-1 с Салтыковой познакомилась женщина, которая завела разговоры с потерпевшей на разные темы. Во время этой беседы к ним присоединился мужчина. Новые знакомые уговорили Салтыкову переночевать у них.

Неизвестный мужчина довел Салтыкову до площади между железнодорожными казармами и деревней Вшивцевской. Там он сшиб с ног жертву, схватил ее за горло и начал душить. Мужчина изнасиловал

потерпевшую, отнял у нее башмаки и узелок с хлебом, мелкими вещами и 5 руб. денег, а затем скрылся.

Аграфена Салтыкова прибежала обратно на станцию и там рассказала о случившемся. Тайный агент сыскного отделения полиции бросился на поиски грабителя и его соучастницы. Ее быстро задержали около деревни Вшивцевской. Задержанная оказалась крестьянкой Анной Синцовой. Синцова была опознана свидетелями и была арестована в полицейском участке при 2-й части г. Вятки. Были приняты энергичные меры к розыску насильника и грабителя [5, лл. 463–463 (об)].

Иногда служители закона могли спасти человеку жизнь. Так, 25 мая 1910 г. в номере гостиницы «Восток» г. Вятки приехавший 22 мая из Санкт-Петербурга 45-летний мещанин Александр Лоскутов выпил уксусную эссенцию, чтобы покончить жизнь самоубийством. Он был отправлен в Вятскую губернскую больницу, где пострадавшему оказали медицинскую помощь.

На дознании Лоскутов рассказал, что в г. Санкт-Петербург он служил в хлеботорговой фирме «Безин», но был уволен. В его номере полицейские нашли записку: «В смерти моей прошу никого не винить, вчерась все деньги проиграл, выхода другого нет. Лоскутов». Благодаря быстро оказанной помощи жизнь потерпевшего была спасена [5, лл. 528–528 (об)].

Полиции приходилось разбирать семейные конфликты. Например, проживавшая в г. Вятке в собственном доме на Преображенской улице мещанка Елизавета Тимофеевна Неетс заявила, что 22 июня 1910 г. она получила в банке 500 руб. Затем супруги Неетс отправились на берег реки Вятки покупать лес для дома. У лесопромышленника Докучаева они выбрали 12 деревьев, потом пошли в село Хлыновку покупать мох.

Когда муж с женой оказались в глухом месте около реки Хлыновки, Иван Неетс стал избивать Елизавету Тимофеевну и угрожал ее убить. По словам потерпевшей, он отнял у нее 500 руб. и убежал. Елизавета Тимофеевна рассказала об этом своим квартирантам и заявила в полицию. Через 6 ч. Иван

Неетс пришел домой. Денег у него не оказалось. В полиции он заявил, что деньги у жены не отнимал. Иван Неетс предположил, что жена деньги потеряла, а его оклеветала из-за семейной ссоры [5, лл. 629–629 (об)].

На основании заявления Елизаветы Тимофеевны Неетс полицейским надзирателем Вятского сыскного отделения Пановым был составлен протокол дознания. В нем было зафиксировано, что ее муж Иван угрожал застрелить Елизавету из револьвера «Смит и Вессон». На хранение оружия у него было разрешение. Полицейские встали на защиту женщины. Они ходатайствовали лишить Неетса права на хранение револьвера [5, лл. 643–643 (об)].

Таким образом, можно констатировать, что в Вятской губернии в указанный период успешно реализовывались принципы судебной реформы Александра II [2, с. 151], постепенно формируется образ полицейского как представителя правоохранительных органов, блюстителя порядка, стоявшего на страже закона.

Библиографический список

1. *Мусихин В. Е.* Деятельность вятской полиции в начале XX в. // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): материалы докладов и документы научно-практической конференции (г. Киров, 25 мая 1996 г.). Киров, 1997. С. 42–52.
2. *Першина Ю. В.* Вятские полицейские второй половины XIX – начала XX вв. // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник научных статей по материалам XXIV Международной научно-практической конференции (г. Киров, 22–25 апреля 2025 г.). Киров, 2025. С. 145–151.
3. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 721. Оп. 1. Д. 635.
4. ЦГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 416.
5. ЦГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 955.

Ю.В. Першина

кандидат исторических наук, доцент

профконсультант отдела непрерывного образования
ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет»
E-mail: ule4kina@yahoo.com

УДК 347.5

Цифровые решения в сфере обязательств вследствие причинения вреда

Е.Н. Редикульцева, Н.А. Березина

Аннотация. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, являются важной частью социально-экономической структуры общества, так как данные обязательства направленны на защиту и восстановление имущественного положения лица, чьи абсолютные субъективные права были нарушены. От корректной работы института возмещения вреда зависит не только защита интересов конкретных лиц, но и общества в целом. Поэтому объектом исследования являются правоотношения в области обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. Предмет исследования – законодательство, регулирующее обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов применения норм, регулирующих особенности возмещения причинённого вреда. В исследовании были использованы общенаучные методы исследования, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод системного анализа. Результатом исследования стало выявление правоприменительных проблем в сфере обязательств вследствие причинения вреда. В статье также представлен способ решения данных проблем, основанный на идее создания и применения специализированных цифровых ресурсов. Исследование может быть полезно для разработки соответствующих цифровых решений и внедрения их в процесс разрешения деликтных споров.

Ключевые слова: гражданский процесс, деликтные правоотношения, цифровое решение.

С каждым годом растёт количество гражданских дел, связанных с внедоговорным возмещением вреда. Так, только в 2023 г. общая взысканная сумма по таким искам была равна 10 351 225 руб., а в 2024 г. сумма многократно увеличилась и стала равна 2 147 483 647 руб. [7]. Такие статистические данные подтверждают потребность изучения обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, так как рост количества подобных исков свидетельствует о распространении деликтных правоотношений. Причинами могут быть технологическое развитие и урбанизация, так как появление новых технологических отраслей, ведёт к появлению новых видов гражданских правонарушений, а увеличение плотности городского населения – увеличивает количество таких правонарушений. Это естественные процессы, а потому и рост исков, связанных обязательствами вследствие причинения вреда, также естественен. Но, к сожалению, с увеличением количества исков, растёт и количество ошибок, допускаемых в ходе судопроизводства, что приводит к пересмотру дел и затягиванию судебных процессов.

Прежде, чем анализировать проблемы, с которыми сталкиваются стороны судопроизводства, необходимо установить теоретическую базу дальнейшего исследования. То есть нужно обозначить определение «обязательств вследствие причинения вреда», основания и условия их возникновения.

В правоведческой литературе существует множество определений «обязательств вследствие причинения вреда», но большинство из них не характеризуют данные обязательства в полной мере. Так, Е.А. Флейшиц называла обязательствами вследствие причинения вреда: «обязательства возмещения имущественного вреда, причиненного другому лицу противоправным виновным деянием, не представляющим собою неисполнение обязательства, существующего между лицом, ответственным за вред, и потерпевшим» [6, с. 6]. Подобное определение не отражает некоторые особенности данных обязательств, например, обязанность возмещения вреда за нарушения личных неимущественных прав, возложение ответственности на лицо, не являющееся причинителем вреда, а также возможность

возникновения обязательств, вследствие причинения вреда правомерными действиями.

Поэтому для наиболее полного и корректного описания, обязательствами вследствие причинения вреда стоит считать гражданско-правовые внедоговорные обязательства, которые возникают вследствие нарушения абсолютных прав потерпевшего, в результате причинения вреда его имущественным и личным неимущественным благам, призванные компенсировать причинённый вред и обеспечить наиболее полное восстановление нарушенных прав за счет либо причинителя вреда, либо иных лиц, в случаях, когда это предусмотрено законодательством. Данное определение наиболее полно отражает сущность обязательств вследствие причинения вреда, так как обозначает все признаки данных обязательств.

Основания и условия возникновения данных обязательств зависят от правомерности действий причинителя вреда.

Так, если вред был причинён неправомерными действиями, основанием будет правонарушение, а условиями будут элементы состава гражданского правонарушения, к которым относятся: вред, противоправное поведение причинителя вреда, причинная связь между противоправным деянием и наступившим вредом и вина причинителя вреда [5, с. 18]. При этом существуют установленные законом случаи, когда обязательства по возмещению вреда могут наступать даже при неполном составе гражданского правонарушения, например, безвиновная ответственности владельца наступает за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Но в соответствии с ч.3 ст. 1064 ГК РФ: «Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом» [1]. Из этого следует, что по общему правилу вред, причинённый правомерными действиями, не возмещается в случаях, если это прямо не установлено законом. Основанием же возникновения обязательств в этом случае будет сам факт правомерного причинения вреда, условиями же будут: вред, правомерное поведение причинителя вреда, причинная связь

между правомерными действиями и возникшим вредом, а также правовое закрепление ответственности за вред, причиненный такими действиями. Так, например, в ст. 1067 ГК РФ закреплена обязанность возмещения вреда, причиннного в состоянии крайней необходимости, но в тоже время статьёй 1066 ГК РФ, закреплено, что вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению, но только до тех пор, пока не были превышены пределы необходимой обороны.

Помимо наличия всех указанных условий на возможность возмещения вреда и его размер влияют материальное и психологическое состояние причинителя вреда, вина потерпевшего, возраст причинителя вреда и другие факторы.

Так, ч. 1 ст. 1083 ГК РФ закрепляет, что, если вред возник в случае умысла потерпевшего, возмещению он подлежать не будет. В ч.3 этой же статьи установлено право суда уменьшить размер возмещения вреда с учетом имущественного положения причинителя вреда. А ст. 1078 ГК РФ устанавливает освобождение гражданина от ответственности за причинённый вред в случае, если он не мог понимать значения своих действий или руководить ими. Приведённые примеры показывают, что потенциальному истцу перед обращением в суд, необходимо учесть все указанные условия, чтобы объективно оценивать свои шансы на получение, возмещения вреда, а также понимать примерный размер возможной компенсации.

Но, помимо этого, для правильного рассмотрения дела потерпевший должен понимать, кто будет являться ответчиком, так как существует ряд случаев, когда ответственность за вред несёт не сам причинитель вреда. Неверный выбор ответчика может привести к замена ненадлежащего ответчика, а, следовательно, и к рассмотрению дела с самого начала в соответствии с ч.1 ст. 41 ГПК РФ [2].

Так, часто причиной отмены решений нижестоящих судов в деликтных спорах становится ненадлежащий выбор ответчика, когда ответчиком должен быть работодатель, а не работник, причинивший вред [3]. В соответствии со

ст. 1068 ГК РФ работодатель должен быть ответчиком, если работник причинил вред при исполнении своих трудовых обязанностей, поэтому в ходе выбора ответчика, необходимо убедится, что причинитель вреда действительно в момент причинения вреда был при исполнении своих трудовых обязанностей.

Проблема с выбором ответчика также возникает в спорах из причинения вреда несовершеннолетними, так как в случае причинения вреда несовершеннолетним для признания его ответчиком необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, возраст – если несовершеннолетнему меньше 14 лет, то ответственность за причинённый вред он нести не может в силу своей неделиктоспособности. Во-вторых, наличие дохода – если причинитель вреда достиг 14 лет и обладает достаточным для возмещения вреда доходом, то он должен отвечать самостоятельно за причинённый вред, родители же несут субсидиарную ответственность. В-третьих, состав лиц ответственных за надзор и воспитание несовершеннолетнего – если ребёнок до 14 лет причинил вред находясь под надзором образовательной, медицинской или иной организации, обязанной осуществлять надзор за малолетним, то и ответственность несёт эта организация, если не докажет, что вред возник не по её вине ввиду ненадлежащего надзора. Та же ситуация с лицами ответственными за воспитание, к ним относятся родители, усыновители, опекуны и организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – они обязаны нести ответственность за малолетнего, если не докажут, что вред возник не по их вине.

Частыми ошибками при определении ответчика в таких спорах является: непризнание ответчиком родителя, живущего отдельно от ребёнка; родителя, лишённого родительских прав, менее трех лет до момента причинения вреда ребёнком; а также признание родителя единственным ответчиком за вред, причинённый подростком от 14 лет.

Так, вышестоящая инстанция отменила решение Вологодского городского суда от 31 июля 2019 г. по делу № 2-4888/2019, именно потому, что решением суда первой инстанции ошибочно были привлечены к ответственности

родители 14-летнего мальчика, причинившего материальный ущерб автомобилю потерпевшего. Судебная коллегия ВС РФ установила, что «суду следовало установить наличие либо отсутствие у несовершеннолетнего причинителя вреда доходов или иного имущества, достаточных для возмещения причиненного вреда» [4]. Если бы подросток был привлечен в качестве ответчика и суд бы рассмотрел вопрос о наличии у него доходов, дело бы не пришлось отправлять на новое рассмотрение.

Указанные правоприменительные ошибки могут возникать, когда истцом является физическое лицо, пытающееся защитить свои права самостоятельно, без помощи квалифицированного юриста. Таких ошибок можно было избежать, если бы при подаче искового заявления истцом бы, верно толковались нормы права. Поэтому решением данной проблемы видится создание специализированного сервиса, который бы помогал истцам в составлении искового заявления. Подобные сервисы уже есть за рубежом, например, «Compensation Calculatoruk» – это сайт, на котором потерпевший может пройти анкету и рассчитать примерную сумму компенсации вреда, причинённого жизни и здоровью [8].

Предлагаемое в данном исследовании цифровое решение, в отличии от зарубежного аналога, должно применяться и для анализа вреда, причинённого имуществу физических лиц. Цифровое решение представляло бы собой сайт или приложение, на котором человек может пройти анкету. В результате анкетирования будет выявлено, соответствует ли, описанный пользователем случай необходимым для возмещения вреда основаниям и условиям, и кто должен выступать ответчиком в дальнейшем судебном процессе. Также сервис обладал бы функциями юридического онлайн калькулятора, для расчёта предварительной суммы компенсации, по результатам пройденного пользователем анкетирования. Данный сервис оптимизировал бы процесс написания искового заявления и повысил бы точность определения юридических оснований и условий возникновения деликтных обязательств. Следовательно, сократил бы сроки разрешения спора,

исключив частые правоприменительные ошибки, и улучшил бы доступ граждан к юридической помощи.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2. от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 46. Ст.4532.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2024 г. № 16-КГ23-70-К4. № 2-1993/2022 // СПС Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/dbGH7QiI90ol/ (дата обращения: 29.03.2026).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2020 № 2-КГ20-3-К3, 2-4888/2019// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=645743#T06xNDV69Hd47J6v (дата обращения: 26.03.2026).
5. *Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В.* [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. Гражданское право: учебник : в 3 т. Т. 3 . М., 2019.
6. *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951.
7. Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/arb/t/42/s/1 (дата обращения: 25.03.2026).
8. Калькулятор компенсаций // Compensation Calculator UK – Free Personal Injury Calculations URL: https://www.compensationcalculatoruk.co.uk (дата обращения: 27.03.2026).

Е.Н. Редикульцева
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров,
E-mail: usr11931@vyatsu.ru
Н.А. Березина
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud143305@vyatsu.ru

УДК 34.08

Искусственный интеллект в управлении персоналом: правовые риски принятия кадровых решений алгоритмами

Е.Н. Редикульцева, В.А. Чеглакова

Аннотация. Искусственный интеллект внедряется в кадровые процессы при отсутствии специализированного правового регулирования. Всё это создает высокие риски нарушения трудовых прав. Целью статьи является комплексный анализ правовых рисков принятия кадровых решений посредством алгоритмов, а также выработка предложений для совершенствования нормативного регулирования. В качестве методов исследования используется формально-юридический анализ норм трудового права и судебной практики, а также сравнительно-правовой метод и метод моделирования правовых рисков. Итогами исследования можно считать выявленные ключевые риски, а именно, дискриминацию работников вследствие возможной предвзятости используемых моделей, неопределенность субъекта ответственности за неправомерные кадровые решения, а также нарушение прозрачности обработки персональных данных, отсутствие у работника права на объяснение правового решения и риск изменений условий трудового договора автоматизированными системами без достижения сторонами взаимного согласия. Кроме того, в статье обоснована

необходимость внедрения обязательного участия человека при принятии юридически значимых решений, а также предложено введение обязательного аудита алгоритмов на предмет дискриминации и закрепления мотивированного разъяснения работнику причин отрицательного решения, которое принимает искусственный интеллект.

Ключевые слова: искусственный интеллект, алгоритм, управление персоналом, кадровые решения.

Современную жизнь сложно представить без искусственного интеллекта. Он прочно вошел и в сферу управления человеческими ресурсами. Сюда относится автоматический скрининг резюме и чат-боты для собеседований, а также системы оценки производительности и прогнозирования текучести кадров. Таким образом, алгоритмы на сегодня участвуют в принятии решений, которые определяют профессиональную судьбу миллионов работников. Согласно исследованиям, которые проводились при рассмотрении дела Мобли [7], около 87 % работодателей используют искусственный интеллект при найме сотрудников и оценке кандидатов.

За возможной эффективностью, объективностью и снижением издержек скрываются серьезные правовые риски. Алгоритмы обучаются на исторических данных, что может привести к воспроизведению и усугублению имеющихся предупреждением, таким образом создавая новые формы дискриминации. То есть «беспристрастность» алгоритма является мифом, ведь любая модель отражает предпочтения своих создателей за счет данных, на которых она обучалась.

Очень важная проблема – растущий разрыв между развитием ИИ и отставанием нормативного регулирования. На примере коллективного иска против крупнейшего поставщика HR-платформ Workday видно, что традиционные правовые конструкции, такие как дискриминационное законодательство и трудовые договоры с трудом адаптируются к новым реалиям, в которых решение принимает не человек, а алгоритм [7].

Цель данной статья – изучить возможные правовые риски, которые могут возникать в трудовых отношениях, если имеет место использование искусственного интеллекта. То есть основными задачами можно считать:

1. определение ключевых правовых рисков использования ИИ в управлении персоналом на всех этапах трудовых отношений;
2. международный опт и опыт России в вопросах регулирования ИИ-систем;
3. предложение практических мер по минимизации рисков для работодателей.

Искусственный интеллект проникает во все звенья цепочки управления персоналам. При найме используется автоматический скрининг резюме, ранжирование кандидатов, а также чат-боты для первичных собеседований. Кроме того, активно используется таргетинг вакансий и оценка видеоинтервью посредством анализа мимики и голоса кандидата. На этапе управления и мониторинга используются системы распределения задач, трекеры производительности, мониторинг переписки и активности, оценка «вовлеченности» сотрудника. На этапе развития и оценки часто используются автоматизированные обзоры эффективности сотрудника, прогнозирование его потенциала, рекомендации по обучению и выявлению «рисков увольнения». ИИ на этапе увольнения сотрудника предполагает алгоритмическое выявление «неэффективного» сотрудника, а также автоматизированные рекомендации по расторжению договоров.

Для правовой оценки рисков важен не просто факт использования искусственного интеллекта, а его роль в принятии решений. Существует два возможных варианта: системы с вспомогательной функцией и системы, определяющие решение. Из названия ясно, что второй вид алгоритмов признается определяющим, даже если формально решение принимается человеком.

Далее необходимо рассмотреть имеющиеся правовые риски на разных этапах управления персоналом, которые были определены выше.

Этап найма. Первым и наиболее важным риском можно считать дискриминацию в алгоритмическом найме, то есть воспроизведение и усиление существующих структурных предубеждений. Это происходит, когда алгоритм обучается на данных, которые содержат скрытые предпочтения, например, если в компании более 80 % сотрудников – мужчины, то алгоритм может научиться дискриминировать женщин. Также такой алгоритм может быть написан разработчиками, которые привнесли в него свои представления о правильности, а также использовать корреляцию факторов с конкретными признаками, например, сопоставлять почтовый индекс с расой, а год окончания школы с возрастом.

В международной практике формируется тенденция к тому, что работодатель ответственен за то, что используемый ИИ отсеивает кандидатов, то есть нельзя переложить ответственность на алгоритм или его разработчика. Судебная практика идет по пути расширения ответственности. Так, если рассматривать коллективный иск против Workday, в котором кандидаты утверждали об отсеивании кандидатов старше 40 лет, то ключевым вопросом федерального суда Калифорнии был вопрос о возможности поставщика HR-платформы нести ответственность как «агента» работодателя, т.к. его алгоритмы фактически определяют исход найма.

В Российской Федерации вопросы дискриминации посредством алгоритмов также актуальны. Работодатель, который использует алгоритмический скрининг, может быть привлечен к ответственности по ст. 3 ТК РФ [1] и ст. 5.62 КоАП РФ [2] за дискриминацию. При этом факт использования алгоритма не освобождает от доказывания объективности критериев отбора.

Если рассматривать этап управления персоналом, то здесь все чаще используют ИИ для распределения задач, контроля рабочего времени и оценки производительности. Это порождает противоречия между алгоритмической «оптимизацией» и нормами трудового права. Например, алгоритмы, которые стремятся к высокой эффективности, могут назначать задачи так, что работнику

необходимо будет работать сверхурочно без возможности обеспечения достаточного отдыха. Если говорить о курьерах и водителях, то в их случае алгоритмическое распределение заказов часто приводит к нарушению рабочего времени и отсутствию перерывов. Также алгоритмы, которые ориентированы на скорость и производительность могут игнорировать некоторые факторы безопасности.

Еще одним немало важным моментом является и то, что современные системы искусственного интеллекта позволяют работодателями собирать огромные объемы данных о сотрудниках: время нахождения за компьютером, посещаемые сайты, содержание переписки, частоту нажатия клавиш, а иногда даже мимику и интонации. Например, в начале 2024 г. компания французский регулятор CNIL оштрафовал Amazon за «чрезмерное наблюдение» за работниками складов, т.к. система отслеживала каждую секунду активности работников, и это было признано нарушением принципов пропорциональности и прозрачности [8].

В России сбор данных о сотрудниках регламентируется Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» [3]. Сбор излишних данных, включая анализ эмоций и переписки, может быть признан нарушением. В настоящее время иски о компенсации морального вреда за нарушение приватности становятся все более вероятными сценариями.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов становится вопрос о правомерности расторжения трудового договора, обусловленного результатами работы алгоритмов. Такие алгоритмы оценки производительности зачастую являются «черными ящиками», т.е. сотрудник не знает критериев, по которым его оценивают, какие данные учитываются. Увольнение на основании индекса, который сформирован алгоритмом, без объяснения его составляющих, противоречит требованиям трудового законодательства. Кроме того, алгоритмы могут систематически занижать оценки эффективности для определенных групп сотрудников, к которым относятся беременные женщины, работники с инвалидностью и сотрудники предпенсионного возраста. В случае,

если увольнение происходит на основе подобных алгоритмических оценок, то работодатель может быть привлечен к ответственности за дискриминацию.

Если рассматривать международный опыт регулирования рисков, связанных с ИИ, то можно заметить, что Европейский Союз задает самый жесткий тренд, предлагая регламент об искусственном интеллекте, в котором системы с их использованием в найме, отборе, оценке и увольнении расцениваются, как высокорисковые [4, с. 4–5]. Для них определены строгие требования: необходимость внедрения системы управления рисками, использование качественных данных для обучения моделей, разработка технической документации, обеспечение прозрачности и предоставление информации пользователям, человеческий контроль за системой, мониторинг системы после выхода её на рынок [5].

Существует также нормативный акт Европейского союза о защите данных (GDPR), в рамках которого закреплено право человека не быть объектом решения, которое основано исключительно на автоматизированной обработке данных, в случае если это решение существенно затрагивает его права [6].

В США отдельного закона об ИИ нет, но формируется набор законов штатов, судебных прецедентов и руководств регулирующих органов. Так в Нью-Йорке работодатели обязаны проходить ежегодные аудиты на предмет дискриминации, если они используют автоматизированные инструменты для принятия решений, а в Калифорнии с 2025 г. прям запрещено использование таких систем, если они создают воздействие на защищенные группы.

Если говорить о текущем состоянии законов об ИИ в сфере труда в Российской Федерации, то оно отсутствует, однако действуют общие нормы: запрет дискриминации (ст. 3 ТК РФ), защита персональных данных (Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных») и требования к локальным актам (ст. 8 ТК РФ). Необходимо принять специальное регулирование, которое будет учитывать риски алгоритмической дискриминации и обеспечивать прозрачность систем искусственного интеллекте в трудовых отношениях.

В качестве практических рекомендаций можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, инвентаризации ИИ-систем, т.е. составление полного списка всех алгоритмических инструментов, которые используются в HR-процессах, с указанием их функционала, поставщиков и уровня риска. Во-вторых, тестирование таких систем на предвзятость. Здесь предполагается оценка алгоритма по тому, как он влияет на различные группы сотрудников (по возрасту, полу, расе). В-третьих, обеспечение объяснимости, т.е. выбор таких моделей, которые бы объясняли, какие факторы повлияли на их решение. В-четвертых, постоянный мониторинг работы ИИ-систем. В-пятых, обновление локальных актов, включение в них положений об использовании ИИ-систем, критериях оценки и порядке обжалования. В-шестых, информирование соискателей и сотрудников об использовании ИИ в кадровых решениях, о данных, которые им собираются и его роли в принятии решений. В-седьмых, включение в договоры с поставщиком HR-платформ требований о соответствии антидискриминационному законодательству. В-восьмых, создание механизма, который позволит кандидату или сотруднику оспорить алгоритмическое решение, а также получить разъяснение и добиться пересмотра.

В качестве практических действий для работодателя можно выделить следующие: провести инвентаризацию используемых ИИ-систем; разделить инструменты на высокорисковые и низкорисковые; провести аудиты под руководством юриста, задокументировав меры по обеспечению справедливости; разработать политику информирования сотрудников и кандидатов об использовании ИИ, внедрить процедуры осмысленного человеческого контроля решений; регулярный мониторинг результатов автоматизированных систем; вести записи о настройках алгоритмов и принятых решениях.

Вывод. Искусственный интеллект создает новые возможности в управлении персоналом: повышение эффективности, объективности, сокращение затрат. Однако алгоритмические системы сопряжены с рисками –

от закрепления дискриминационных паттернов до ущемления прав работников на приватность и справедливое отношение.

Основной вывод исследования: объективность алгоритмов является иллюзией. Любая система ИИ воспроизводит установки разработчиков и особенности обучающих данных, а ответственность за ее применение несет работодатель.

Формирующаяся нормативная база устанавливает требования к высокорисковым HR-системам: прозрачность, человеческий контроль, регулярные проверки на дискриминацию.

Для российских компаний это означает необходимость системного управления алгоритмическими рисками. Создание межфункциональных команд, проведение аудитов, обеспечение прозрачности и сохранение человеческого участия – не факультативные меры, а обязательные условия устойчивого и юридически защищенного бизнеса.

Алгоритмическое управление не означает отказ от ответственности, а лишь меняет ее форму. Вопрос не в существовании ответственного субъекта, а в конфигурации самой ответственности. Построение системы управления алгоритмическими рисками становится не только юридическим требованием, но и фактором корпоративной репутации и доверия со стороны работников и общества.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 1 (ч.1). Ст. 3.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 01.09.2025) // Российская газета, 2006, 29 июля.

4. *Фадеев О. А.* Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в системе корпоративного управления // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. № 9. С. 4–5.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, 2024, June 13. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 10.03.2026).
6. General Data Protection Regulation (GDPR) (EU) 2016/679 // Official Journal of the European Union, 2016, 27 April.
7. Mobley v. Workday, Inc., Case No. 3:23-cv-00770 // UNITED STATES DISTRICT COURTNORT HERN DISTRICT OF CALIFORNIA, 2024, July 12. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 10.03.2026).
8. Employee monitoring: French SA fined Amazon France Logistique €32 million // Official website of the European Union. URL: https://www.edpb.europa.eu/news/national-news/2024/employee-monitoring-french-sa-fined-amazon-france-logistique-eu32-million_en (дата обращения: 10.03.2026).

Е.Н. Редикульцева
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: usr11931@vyatsu.ru

В. А. Чеглакова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud207308@vyatsu.ru

УДК 349.3

Поддержка семей с детьми в Кировской области

А.А. Смирнова, Т.А. Двугрошева, С.В. Плотникова, М.Д. Просвирнина

Аннотация. В статье рассматривается система социальной поддержки семей с детьми в Кировской области в контексте современной демографической политики Российской Федерации. Значительное внимание уделяется нормативной правовой базе. Проводится анализ ключевых федеральных законов, устанавливающих меры социальной поддержки семей, имеющих детей, а также региональных нормативных актов, которые конкретизируют и расширяют данные меры с учетом особенностей субъекта Российской Федерации. В статье представлен обзор ключевых мер поддержки, включая денежные выплаты, социальные льготы и услуги. Особое внимание уделено мерам, направленным на поддержку беременности и родов, улучшение жилищных условий, а также иные формы социальной поддержки. Авторы приходят к выводу о том, что система поддержки семей с детьми в Кировской области носит комплексный и многоуровневый характер, который позволяет эффективно учитывать потребности населения и способствуют улучшению демографической ситуации в данном регионе.

Ключевые слова: семья, дети, социальная поддержка, демография, выплаты, Кировская область.

Демографическая политика Российской Федерации регулируется Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [6]. Согласно данному распоряжению, демографическая политика в нашей стране направлена на укрепление института семьи, повышение рождаемости, охрану материнства, отцовства и детства, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья населения, повышение благосостояния семей, в том числе находящихся в трудной

жизненной ситуации и т.д. Стратегия представляет собой целостную систему, предполагающую взаимодействие федеральных и региональных органов власти. Современная демографическая политика Российской Федерации представляет своей целью сохранение населения, через поддержку семьи как главного социального института, способствуя увеличению рождаемости.

Отношения по поддержке семей с детьми на федеральном уровне регулируются несколькими основными нормативными правовыми актами [3, 1, 4, 2]. Семейный кодекс Российской Федерации [3]. Данный нормативно-правовой акт регулирует семейные отношения. Он определяет права и обязанности родителей и детей, вопросы воспитания и содержания детей, а также формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ [1], который устанавливает систему государственных пособий, например, по беременности и родам, при рождении ребенка, ежемесячные выплаты и т.д., а также порядок их назначения и выплаты. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ [4], регулирующий правоотношения в системе обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, в том числе условия, размеры и порядок обеспечения пособиями. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ [2], устанавливающий дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, с целью создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь, например, это право на распоряжение средствами материнского (семейного) капитала, определяя его направления использования: улучшение жилищных условий, образование детей и т.д.

На региональном уровне можно выделить следующие основные нормативные правовые акты [5, 7]. Закон Кировской области от 10.06.2015 № 546-ЗО «О мерах социальной поддержки семей, имеющих детей», который

регулирует систему региональных мер поддержки, которые включают в себя денежные выплаты, льготы и социальные услуги для семей, имеющих детей, в том числе многодетных и малоимущих семей. Постановление Правительства Кировской области от 16.02.2024 г. № 60-П «Об утверждении Порядка и условий предоставления ежемесячной социальной выплаты в связи с рождением и воспитанием первого ребенка до достижения им возраста одного года», предусматривающее порядок, условия и категории получателей предоставления дополнительной региональной меры поддержки – ежемесячной выплаты на первого ребенка.

Правовое регулирование семей, имеющих детей, носит многоуровневый характер. Федеральные законы определяют основные права и льготы, а региональное законодательство конкретизирует и расширяет меры социальной поддержки с учетом особенностей субъекта Российской Федерации.

В Кировской области реализуется 38 мер поддержки для семей с детьми, в том числе 16 мер специально предназначены для многодетных семей [6]. Основными мерами поддержки являются меры, направленные на поддержку беременности и родов; меры, направленные на поддержку семей с детьми; меры, направленные на улучшение жилищных условий и иные. К мерам, направленным на поддержку беременных женщин, относятся: ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, бесплатный проезд для беременных, пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, подарок новорожденному и иные меры. Мерами, направленными на поддержку семей с детьми, являются: ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, льготы при устройстве ребенка в детский сад, региональный (семейный) капитал для многодетных семей и т.д. К жилищной поддержке

относятся предоставление жилья молодым семьям, единовременная выплата на погашение ипотеки, частичная компенсация расходов на оплату за наём жилого помещения для семей с детьми, предоставление земельных участков, единовременная денежная выплата взамен предоставления земельного участка в собственность бесплатно многодетным семьям [8]. Иные меры включают в себя меры поддержки семей при газификации, государственную помощь на основании социального контракта, снижение транспортного налога для многодетных семей, семейную налоговую выплату.

Начиная с 2026 г., в Кировской области была расширена действующая система поддержки семей, имеющих детей. Введена новая ежегодная «семейная налоговая выплата», которая предусматривает снижение НДФЛ с 13 % до 6 %, то есть НДФЛ за прошлый год пересматривается по ставке 6 %, разница между уплаченным и пересчитанным налогом возвращается семье. Зачисление данной выплаты будет осуществляться раз в год. Мера предоставляется гражданам, имеющих двух и более детей в возрасте до 18 лет при соблюдении следующих критериев: семья постоянно проживает на территории Российской Федерации; в составе семьи двое и более детей в возрасте до 18 лет; родитель является налоговым резидентом, с его доходов уплачен налог на доходы физических лиц; гражданин не имеет долгов по алиментам; размер среднедушевого дохода семьи не превышает 1,5-кратную величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в регионе [8]. С 2025 г. В системе социальной поддержки населения Кировской области была предусмотрена региональная ежемесячная выплата при рождении первого ребенка. Выплата определяется в размере разницы между установленной величиной, размером дохода и возрастом женщины. Мера поддержки предоставляется до достижения ребёнком возраста одного года.

Помимо денежных мер поддержки в Кировской области предоставляются и социальные услуги. Семьи с детьми могут получить услуги сертифицированной социальной няни. Няня предоставляется на бесплатной основе для кратковременной помощи с детьми с 1 года до 11 лет. Такой вид

помощи может быть предоставлен семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, молодым семьям, семьях, в которых один из родителей является студентом очного обучения, иным семьям, нуждающимся в получении помощи.

Кроме вышеуказанных выплат и услуг, предусмотрены и иные меры поддержки семей с детьми [8]: обеспечение детей лекарственными препаратами по назначению врача до 3-х лет (если семья многодетная, то до 6 лет), бесплатное посещение спортивных школ и школ олимпийского резерва для детей из многодетных семей, бесплатное посещение государственных музеев для многодетных семей, бесплатный, или льготный проезд на общественном транспорте.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить многообразие мер поддержки, предоставляемых семьям с детьми. Такой комплексный подход позволяет наиболее полно реализовывать демографическую политику государства. Сочетание материальных мер поддержки и комплекса льгот и услуг служит надёжной помощью и опорой для семей с любым количеством детей, способствуя их увеличению. В Кировской области такой всесторонний подход к поддержке семей с детьми направлен на улучшение условий жизни семей с детьми и стимулирование к деторождению. Двухуровневое регулирование данных вопросов позволяет наиболее полно учесть аспекты помощи и ввести дополнительные меры поддержки на уровне каждого субъекта в зависимости от потребностей семей. Введённые в 2026 г. меры поддержки направлены на поднятие уровня жизни семей с детьми и расширение помощи данной категории населения.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. От 28 ноября 2025 г., с изм. И доп., вступ. В силу с 1 января 2026 г.). Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1929.
2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред.

От 07 июля 2025 г., с изм. И доп., вступ. В силу с 1 января 2026 г). Российская газета. № 297. 31.12.2006.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. От 23 ноября 2024 с изм. И доп., вступ. В силу с 05 февраля 2025). Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16
4. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. От 15 декабрь 2025 с изм. И доп., вступ. В силу с 01 января 2026). «Собрание законодательства РФ». 01.01.2007. № 1 (1 ч.). ст. 18.
5. Закон Кировской области от 10.06.2015 № 546-ЗО (ред. От 28.02.2022) «О мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» (принят постановлением Законодательного Собрания Кировской области от 28.05.2015 № 47–140). Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4300201506110008
6. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». «Собрание законодательства РФ». 31.03.2025. № 13. Ст. 1505.
7. Постановление Правительства Кировской области от 16.02.2024 № 60-П «Об утверждении Порядка и условий предоставления ежемесячной социальной выплаты в связи с рождением и воспитанием первого ребенка до достижения им возраста одного года». URL: http: publication.pravo.gov.ru/document/4300202402200004.
8. Меры социальной поддержки. URL: https://www.socialkirov.ru/social/root/uszn/FamilyWithChild_1.htm.

А.А. Смирнова

кандидат исторических наук

доцент кафедры трудового и социального права

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: usr20190@vyatsu.ru

Т.А. Двугрошева
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud160830@vyatsu.ru
С.В. Плотникова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud160832@vyatsu.ru
М.Д. Просвирнина
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud160823@vyatsu.ru

УДК 347.6

Равенство прав родителей по Семейному кодексу РФ: анализ законодательных ограничений.

Т.Е. Сучкова, А.А. Бакшеева

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена сохраняющейся в юридической доктрине и общественной дискуссии полемикой о возможном ущемлении прав отцов в российском семейном законодательстве, что требует критического анализа формально закрепленного принципа равенства родителей. Цель исследования заключается в анализе положений Семейного кодекса РФ и смежных нормативных актов для подтверждения или опровержения тезиса о наличии правового неравенства между матерями и отцами, а также в выработке предложений по совершенствованию законодательства. В работе использованы формально-юридический метод (анализ норм СК РФ и Федерального закона № 256-ФЗ), метод толкования правовых норм, анализ судебной практики (на примере определения Первого кассационного суда

общей юрисдикции), а также статистический метод. В результате исследования установлено, что ст. 17 СК РФ, ограничивающая право мужа на развод в период беременности жены и в течение года после рождения ребенка, носит охранительный характер и относится к сфере супружеских, а не родительских отношений, в связи с чем не может рассматриваться как ущемление прав отца. Наиболее острая проблема неравенства выявлена в правоприменительной практике использования средств материнского капитала, где формальное равенство не подкреплено механизмами защиты прав отца. Предложены направления совершенствования законодательства: введение нотариально удостоверенного согласия супруга на распоряжение средствами материнского капитала, корректировка сроков действия ст. 17 СК РФ, а также законодательное разграничение ограничений прав мужа и прав отца.

Ключевые слова: равенство прав родителей, материнский капитал, ограничение права на развод, правовое неравенство отцов, охранительная норма.

В современном семейном праве России одним из основополагающих принципов выступает равенство прав и обязанностей родителей по отношению к своим детям. Данный принцип прямо закреплен в ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1]. Однако, несмотря на декларируемое законом равноправие родителей, в юридической доктрине и общественной дискуссии все чаще поднимается вопрос о возможном ущемлении прав отцов. Целью настоящей статьи является анализ положений СК РФ для подтверждения или опровержения тезиса о наличии правового неравенства родителей.

Одним из наиболее часто упоминаемых аргументов в пользу существования гендерного дисбаланса в семейном законодательстве является ст. 17 СК РФ. По мнению ряда исследователей семейного права, содержащееся в ней правило служит источником неравенства между родителями [4]. Указанная норма устанавливает императивный запрет для мужа

на возбуждение дела о расторжении брака без согласия жены в период ее беременности и в течение года после рождения ребенка. В связи с этим закономерно возникает вопрос о правовой асимметрии: в то время как для матери ребенка в указанный период законодательных препятствий к инициированию развода не установлено, для отца такое право ограничено.

Представляется, что данная норма носит охранительный характер и направлена не только на защиту здоровья беременной женщины и матери в послеродовой период, но и на сохранение института семьи в целом. Статистические данные Росстата свидетельствуют о том, что около 40 % разводов в России приходится на первые годы жизни ребенка [5], включая так называемый декретный период. Подобная ситуация зачастую обусловлена изменением привычного уклада жизни, повышенными психологическими нагрузками и сложностями адаптации супругов к новым социальным ролям. Логика законодателя при введении ст. 17 СК РФ, вероятно, заключалась в создании «периода охлаждения» и стимулировании сторон к сохранению семьи. Однако, как демонстрирует статистика, для значительной части пар данная мера не становится препятствием для последующего расторжения брака.

Важно подчеркнуть, что действие ст. 17 СК РФ распространяется на сферу супружеских взаимоотношений, ограничивая права мужа, но не затрагивая непосредственно его правовой статус отца. Тем не менее сама постановка вопроса о допустимости такого ограничения сохраняет свою актуальность. Это порождает дискуссию о необходимости дальнейшего существования данной нормы в ее текущей редакции. В качестве альтернативы рассматриваются возможные изменения, такие как сокращение установленного срока или введение симметричного ограничения права жены на развод в определенных случаях для обеспечения паритета сторон.

Проведенный анализ иных норм СК РФ не выявил положений, прямо или косвенно ущемляющих права отцов по сравнению с правами матерей. Однако вопрос неравенства более отчетливо проявляется на стыке семейного права

и права социального обеспечения, в частности, в сфере правового регулирования материнского (семейного) капитала.

Обратившись к ст. 3 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2], можно констатировать, что законодательство формально предусматривает право на получение данной меры поддержки как для женщин, так и для мужчин, имеющих детей. Тем не менее правоприменительная практика и особые условия реализации этого права мужчинами зачастую порождают споры и требуют отдельного рассмотрения.

Например, Первый кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении жалобы М.Н., которая ранее подавала иск на своего бывшего супруга М.А. с требованием вернуть средства материнского капитала, потраченные на погашение кредита за жильё. Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, однако апелляция указала на то, что средства не поступали на счёт ответчика. Кроме того, М.Н. как получатель сертификата, распорядилась денежными средствами путем подачи в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации соответствующего заявления о направлении средств материнского капитала на погашение кредита. Кассационная инстанция оставила определение апелляционного суда без изменений [3].

Представленная правовая позиция суда кассационной инстанции демонстрирует формальный подход к разрешению споров, связанных с использованием средств материнского капитала. С одной стороны, такое решение представляется обоснованным с точки зрения буквы закона: поскольку распоряжение средствами осуществлялось непосредственно владелицей сертификата, она несет риски, связанные с их использованием. С другой стороны, данный случай обнажает системную проблему: отсутствие механизмов, гарантирующих учет интересов всех членов семьи при распоряжении средствами материнского капитала, включая отца, который наравне с матерью участвует в исполнении кредитных обязательств.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что формальное закрепление равенства прав отцов и матерей в Семейном кодексе РФ не подкреплено достаточными процессуальными и материально-правовыми гарантиями в смежных отраслях законодательства. Выявленные пробелы требуют системного законодательного реагирования. Представляется целесообразным рассмотреть следующие направления совершенствования правового регулирования.

В целях защиты имущественных прав обоих родителей при использовании средств материнского капитала предлагается внести изменения в ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ, дополнив её п. 2.1, который обяжет получателя сертификата получать нотариально удостоверенное согласие супруга на распоряжение средствами в случаях, когда они направляются на приобретение или улучшение жилья, находящегося в общей совместной собственности. Введение такого требования позволило бы избежать ситуаций, аналогичных рассмотренному судебному спору, где один из супругов фактически лишается возможности влиять на судьбу средств.

В отношении ст. 17 СК РФ видится необходимым проведение более глубокого научного и общественного обсуждения. В качестве возможных законодательных решений можно предложить два альтернативных подхода. Первый предполагает сохранение охранительной функции с корректировкой сроков: сокращение установленного законом периода ограничения права мужа на развод (например, до шести месяцев после рождения ребенка) при сохранении запрета на расторжение брака в период беременности без согласия жены. Второй подход заключается во введении симметричного регулирования: предоставление суду права отказывать в принятии иска о расторжении брака от любого из супругов (как от мужа, так и от жены) в течение определенного периода после рождения ребенка при отсутствии согласия второго супруга, за исключением случаев, когда сохранение семьи объективно невозможно (например, при подтверждении факта насилия в семье).

В целях устранения двусмысленности толкования предлагается ввести в законодательство разъяснение, четко разделяющее ограничения прав мужа и прав отца. Подобное разграничение позволило бы снять излишнюю напряженность в дискуссии об «ущемлении прав отцов», сфокусировав внимание на реальных, а не мнимых ограничениях.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что Семейный кодекс РФ в своем основном содержании последовательно проводит принцип равенства прав родителей. Выявленное ограничение, содержащееся в ст. 17 СК РФ, относится скорее к сфере супружеских отношений и имеет под собой социально обусловленные охранительные основания, хотя и нуждается в дальнейшем научном осмыслении. Наиболее острая проблема неравенства проявляется не в самом семейном законодательстве, а в правоприменительной практике и смежных отраслях, где формальное равенство возможностей не подкреплено механизмами защиты прав каждого из родителей. Внесение предложенных изменений в законодательство о материнском капитале и дальнейшая гуманизация бракоразводных процедур могли бы способствовать реальному, а не декларативному укреплению равенства прав родителей в российской правовой системе.

Библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации. От 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 29.03.2026)
2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 29.03.2026)

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88-36294/2023. // Система Юрист. URL: https://1jur.ru/?utm_source=law.ru&utm_medium=refer&utm_campaign=refer_law.ru_content_link_native_middle&utm_term=28392&utm_content=art#/document/98/96034879/ (дата обращения: 29.03.2026)
4. *Торосян Р. А.* Равенство полов в сфере семейных правоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право 2018. № 3. С. 349–356.
5. Послеродовая депрессия и разводы: что делать? // Вечерний Владивосток URL: https://vvo.live/post/dekretnyj-razvod-pochemu-40-par-raspadayutsya-posle-rozhdeniya-rebenka (дата обращения: 29.03.2026)

Т.Е. Сучкова
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: usr11508@vyatsu.ru
А.А. Бакшеева
студент 3 курса Юридического института
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: alscheeva@yandex.ru

УДК: 347.634/.637

Суррогатное материнство: проблемы тайны и прав детей на информацию о происхождении

Т.Е. Сучкова., А.В. Раева

Аннотация. В статье исследуется комплекс правовых и этических проблем, связанных с сохранением тайны происхождения ребенка, рожденного с использованием программ суррогатного материнства. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием вспомогательных репродуктивных

технологий (ВРТ), которые трансформируют традиционные представления о родительстве, происхождении ребенка и семейных связях. Автор отмечает, что в отличие от института усыновления, где тайна происхождения имеет законодательное закрепление, в сфере суррогатного материнства подобные механизмы отсутствуют, что порождает противоречие между правом ребенка на информацию о своем происхождении и конфиденциальностью использования ВРТ. В работе анализируются нормы действующего российского законодательства – Семейного кодекса РФ, Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Особое внимание уделяется вопросу о распространении действия норм о врачебной тайне на самого ребенка по достижении им совершеннолетия. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства: закрепление права ребенка, рожденного с помощью суррогатного материнства, на получение информации о своем происхождении по достижении совершеннолетия; создание единого государственного реестра программ суррогатного материнства; законодательное определение понятия «тайна суррогатного материнства».

Ключевые слова: суррогатное материнство, тайна, права ребенка, генетические родители, репродуктивные технологии.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) меняет традиционные представления о родительстве, происхождении ребёнка и семейных связях. Суррогатное материнство порождает новые правовые и этические проблемы, среди которых особое место занимает вопрос информированности ребенка об обстоятельствах своего появления на свет. В отличие от института усыновления, где тайна происхождения имеет законодательное закрепление, в теме суррогатного материнства подобные механизмы отсутствуют. Отсутствие четкого правового регулирования в данной сфере создает риск нарушения как прав родителей на конфиденциальность, так и прав ребенка на доступ к информации

о собственном происхождении. Ребенок, узнавший о своем происхождении, может столкнуться с кризисом идентичности, тогда как сокрытие информации способно породить недоверие в семье.

В настоящее время в Российской Федерации (далее – РФ), в соответствии с Федеральным законом № 124-ФЗ государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности. Приведенное положение Федерального закона устанавливает особый конституционно-правовой статус детства, предполагающий повышенную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних [1]. Современная семья утрачивает исключительно биологическую основу: дети могут воспитываться родителями, но при этом в процессе появления на свет могут участвовать несколько лиц, выполняющих различные роли. В связи с этим возникает вопрос столкновении права ребенка на информацию о своем происхождении с тайной использования ВРТ, которая гарантирует анонимность суррогатного материнства.

Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ВРТ включает в себя суррогатное материнство, которое определяется как–«вынашивание и рождение ребенка по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям» [2].

Основные нормы о ВРТ содержатся не только в Семейном кодексе, но и в ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Семейный кодекс в ст. 51–52 содержит положения

о методах искусственного оплодотворения. Однако, в российском законодательстве отсутствует легальное определение тайны суррогатного материнства, при этом доктрина и правоприменительная практика исходят из возможности применения по аналогии норм о тайне усыновления.

Вместе с тем отождествление тайны суррогатного материнства с тайной усыновления представляется не вполне корректным. При усыновлении ребенок уже имеет биологических родителей, связь с которыми прерывается. При суррогатном материнстве ситуация иная: генетические родители изначально позиционируются как родители de jure, а суррогатная мать не может претендовать на статус биологического родителя. «Тайна суррогатного материнства также подразумевается под защитой врачебной тайны. Тем не менее также будет неправильным отождествлять тайну суррогатного материнства и врачебную тайну, поскольку преступление тайны суррогатного материнства предполагает больший охват информации, чем просто медицинские сведения, и субъектов, чем просто лица, связанные с медицинской деятельностью» [4, с. 107].

Также, российское законодательство не содержит норм, прямо регулирующих доступ ребенка, рожденного с помощью суррогатного материнства, к информации о своем происхождении. С одной стороны, ст. 51 Семейного кодекса РФ и ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» гарантируют запись родителями ребенка лиц, состоящих в браке и давших согласие на суррогатное материнство, что полностью приравнивает их к биологическим родителям и не предполагает закрепления факта использования ВРТ в свидетельстве о рождении. С другой стороны, отсутствие специального закона о статусе детей, рожденных с помощью ВРТ, оставляет открытым вопрос: может ли совершеннолетний ребенок оспорить факт своего происхождения, а также потребовать раскрытия данных суррогатной матери, и если да, то в каком порядке.

Правовой режим информации об использовании суррогатного материнства определяется общими нормами о врачебной тайне – ст. 13 Федерального закона

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которым разглашение сведений о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья и диагнозе, а также иных сведений, полученных при обследовании и лечении, не допускается. Однако врачебная тайна охраняет главным образом медицинские аспекты участия лица в программе суррогатного материнства, тогда как факт самого участия, личность суррогатной матери и генетических родителей выходят за пределы медицинской информации. Более того, действие норм о врачебной тайне не распространяется на самого ребенка, рожденного с помощью ВРТ, который не являлся пациентом в рамках соответствующей программы, что создает правовую неопределенность относительно его права на доступ к сведениям о своем происхождении по достижении совершеннолетия.

Дискуссионным остается вопрос о распространении действия норм о врачебной тайне на самого ребенка, когда он достигает совершеннолетия. С одной стороны, ребенок не является пациентом в программе суррогатного материнства – пациентами выступают суррогатная мать и биологические родители. С другой стороны, информация о происхождении неразрывно связана с личностью самого ребенка и должна быть ему доступна. Проблема тайны происхождения ребенка, рожденного с помощью суррогатного материнства, и его право на доступ к информации о своем происхождении представляют собой сложный комплекс правовых, этических и психологических вопросов, требующих законодательного закрепления. Представляется необходимым внесение изменений в Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», направленных на:

1. Законодательное закрепление права ребенка, рожденного с помощью суррогатного материнства, на получение информации о своем происхождении по достижении совершеннолетия. Например, внесение изменений в Семейный кодекс РФ в виде введения ст. 51.1 «Право ребенка, рожденного с помощью суррогатного материнства,

на информацию о своем происхождении», согласно которой информация предоставляется лицу, достигшему восемнадцатилетнего возраста, с письменного согласия суррогатной матери или донора, либо на основании решения суда при наличии медицинских показаний. Основанием предоставления информации могут стать веские причины, такие как наличие медицинских показаний —в частности, необходимость получения информации о наследственных заболеваниях для профилактики или лечения ребенка.

2. Создание единого государственного реестра программ суррогатного материнства для фиксации и долговременного хранения сведений о генетических родителях и суррогатной матери. Такой реестр мог бы выполнять следующие функции:
   1) фиксация этапов программы суррогатного материнства с идентификацией биологических родителей (доноров) и суррогатной матери;
   2) бессрочное хранение вех сведений в защищенной форме;
   3) предоставление доступа к информации строго в соответствии с законодательно установленными основаниями – по достижении ребенком совершеннолетия и при наличии его запроса, с согласия участников или по решению суда.

Также представляется возможным закрепление следующего определения тайны суррогатного материнства: «гарантированный режим конфиденциальности, защищающий сведения об участии лиц в программах вспомогательных репродуктивных технологий с целью недопущения разглашения».

Предлагаемые изменения в семейном законодательстве способствуют усилению гарантий прав детей, рожденных с помощью ВРТ. Формирование правового механизма, который обеспечит баланс между правом ребенка на знание своего происхождения и правом на частную жизнь участников ВРТ, является гарантией защиты прав всех лиц, вовлеченных в эти отношения.

Дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере должно учитывать современные реалии развития института семьи в РФ, что позволит выработать оптимальную модель защиты прав всех участников правоотношений, возникающих в связи с применением программ суррогатного материнства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011.
3. Федеральный закон от 15 октября 1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 11.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997.
4. *Алехин В. П.* К вопросу об уголовной ответственности за разглашение тайны суррогатного материнства // Национальное здоровье. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-razglashenie-tayny-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 13.02.2026).

Т.Е. Сучкова

кандидат юридических наук

доцент кафедры трудового и социального права

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: usr11508@vyatsu.ru

А.В. Раева

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: anea.rayeva@bk.ru

УДК 349.2:341.17(4)

Регулирование дистанционной (удаленной) работы в праве ЕС и отдельных государств-членов

А.Ю. Чабанова, Н.В. Андреева, В.В. Бервольд

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы в Европейском союзе и отдельных государствах-членах. Анализируется Рамочное соглашение о телеработе 2002 г. как основополагающий документ европейского уровня, рассматриваются подходы к имплементации его положений в национальные законодательства. Особое внимание уделяется правовому регулированию в Великобритании, включая механизм запроса гибкого графика работы, антидискриминационные аспекты и влияние пандемии COVID-19 на развитие законодательства. Выявляются основные тенденции и проблемы правового регулирования дистанционной работы в Европе.

Ключевые слова: дистанционная работа, телеработа, гибкие формы занятости, трудовое право ЕС, Рамочное соглашение о телеработе, гибкий график работы.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и процессы цифровизации экономики привели к существенной трансформации организации труда. Дистанционная (удаленная) работа стала не просто альтернативной формой занятости, но для многих категорий работников – основным способом выполнения трудовых функций. Пандемия COVID-19 выступила катализатором этих процессов, сделав телеработу массовым явлением и поставив перед законодателями и правоприменителями новые вызовы.

Европейский союз обладает уникальным опытом регулирования дистанционной работы, сочетающим наднациональные соглашения социальных партнеров и разнообразные национальные модели имплементации. Цель настоящей статьи – проанализировать правовые основы регулирования дистанционной работы в праве ЕС, выявить основные подходы к их реализации

в государствах-членах на примере Великобритании, а также определить тенденции развития законодательства в данной сфере.

16 июля 2002 г. европейские социальные партнеры – UNICE/UEAPME (ныне BusinessEurope и SMEunited), CEEP и ETUC – заключили Рамочное соглашение о телеработе (Framework Agreement on Telework) [1]. Данное соглашение представляет собой «автономное соглашение» (autonomous agreement) в терминологии ст. 155 Договора о функционировании Европейского Союза, что означает его реализацию в течение трех лет организациями-членами социальных партнеров в соответствии с национальными процедурами и практикой [5].

Принципиальной особенностью Соглашения является его необязательный (non-binding) характер как на национальном, так и на европейском уровне. Основная ответственность за имплементацию возлагается на национальные и отраслевые организации социальных партнеров в рамках различных систем производственных отношений. Такой подход позволил учесть разнообразие моделей регулирования трудовых отношений в государствах-членах.

Рамочное соглашение определяет телеработу как способ организации и/или выполнения работы с использованием информационных технологий в рамках трудового договора/отношений, при котором работа, которая также может выполняться в помещениях работодателя, осуществляется за пределами этих помещений на регулярной основе [1].

Европейская комиссия подчеркивает два критических фактора в определении телеработы:

— использование информационных технологий и электронной передачи данных;
— выполнение работы за пределами помещений работодателя на регулярной основе.

Соглашение устанавливает фундаментальные принципы регулирования телеработы:

1. Добровольность – любое решение о переходе на телеработу принимается добровольно как работником, так и работодателем.
2. Равенство прав – телеработники должны пользоваться равными правами с сопоставимыми работниками, занятыми в помещениях работодателя.
3. Защита данных – работодатели должны иметь гарантии относительно защиты данных и возможность ограничения использования оборудования.
4. Доступ к рабочему месту – работодателям предоставляется (ограниченный) доступ к рабочему месту телеработника [1].

Согласно докладу Европейской комиссии об имплементации Соглашения, оно было признано успешным, учитывая, что это был первый опыт для европейских и национальных социальных партнеров. Социальные партнеры в большинстве европейских стран предприняли необходимые действия, и ключевые положения Соглашения были включены в большинство национальных имплементационных мер.

Однако имплементация не была единообразной:

— в двух странах (Чехия и Словения) меры не охватили все принципы Соглашения;
— в шести странах (Кипр, Эстония, Литва, Мальта, Болгария и Румыния) имплементационные меры не были приняты.

Используемые инструменты имплементации существенно различались и включали коллективные договоры, рекомендации, руководства, типовые корпоративные соглашения и законодательные акты, что отражает различия в системах производственных отношений государств-членов.

В июне 2020 г. европейские социальные партнеры подписали новое Рамочное соглашение о цифровизации, которое охватывает вопросы соблюдения правил рабочего времени, телеработы и мобильной работы [5]. Это свидетельствует о дальнейшем развитии регулирования в ответ на новые технологические вызовы.

Великобритания представляет особый интерес как страна с общей правовой системой и оригинальным подходом к регулированию дистанционной

работы. В отличие от континентальных моделей, британское законодательство не закрепляет «право работать из дома», а предоставляет работникам право запрашивать гибкие условия работы.

В соответствии с Part 8A Employment Rights Act 1996, работники имеют право запросить гибкий график работы, который может включать работу на дому или гибридный формат [2]. Ключевые характеристики данной модели:

Условия реализации права:

— с апреля 2024 г. работники имеют право запросить гибкий график работы с первого дня занятости (ранее требовалось 26 недель непрерывной работы) [4];
— запрос может подаваться один раз в 12 месяцев [4];
— право распространяется на работников (employees) и не охватывает иные категории занятых (workers, independent contractors) [7].

Процедура рассмотрения запроса:

— работодатель обязан рассмотреть запрос в разумной манере;
— уведомить работника о решении в течение трех месяцев;
— при отказе работодатель должен указать одно из восьми оснований, предусмотренных законом [4].

Восемь легальных оснований для отказа включают:

— дополнительное финансовое бремя;
— негативное влияние на способность удовлетворять потребительский спрос;
— невозможность реорганизовать работу среди существующего персонала;
— невозможность нанять дополнительных работников;
— негативное влияние на качество или производительность;
— недостаточность работы в предлагаемые периоды;
— планируемые структурные изменения [7].

Согласно Плану по улучшению условий труда (Make Work Pay), правительство стремится сделать гибкий график работы стандартом для работников, за исключением ситуаций, когда это не является разумно

осуществимым. Закон о трудовых правах (Employment Rights Bill) предусматривает, что при отказе в запросе работодатель должен провести консультации с работником и объяснить свое решение [2].

Наибольшие риски для работодателей, отказывающих в запросе на дистанционную работу, связаны с возможными исками о дискриминации. Компенсация за успешные иски о дискриминации не ограничена верхним пределом, что делает эту категорию споров особенно значимой [7].

Дискриминация по признаку инвалидности: согласно Equality Act 2010, если работник с инвалидностью сталкивается с существенным неудобством из-за общей практики работодателя, возникает обязанность по принятию разумных мер для устранения этого неудобства. Если работник с ограниченными возможностями передвижения или болевыми синдромами, связанными с инвалидностью, испытывает трудности с ежедневными поездками на работу, работодатель, скорее всего, обязан разрешить работу из дома полностью или частично, если это возможно [4].

Косвенная дискриминация по признаку пола: суды и трибуналы Англии и Уэльса исходят из того, что женщины чаще мужчин несут первичную ответственность за уход за детьми или другими лицами. Требование работать полный рабочий день в офисе может быть признано положением, критерием или практикой, ставящей женщин в особо невыгодное положение. Для избежания ответственности за косвенную дискриминацию работодатель должен либо разрешить гибкий график в достаточной степени, либо иметь объективное оправдание отказа (например, характер работы не позволяет выполнять ее дистанционно) [4].

Пандемия COVID-19 кардинально изменила практику дистанционной работы в Великобритании. В апреле 2020 г., во время первого общенационального локдауна, доля работников, сообщавших о работе из дома, достигла пика в 49 % [2].

Современная ситуация характеризуется следующими показателями:

— работники, работающие преимущественно из дома, составляют около 13 % рабочей силы;
— доля гибридных работников достигла примерно 28 % в 2024 г., увеличившись с 12 % до пандемии;
— 76 % работников предпочитают форматы работы, включающие некоторую степень занятости из дома [2].

Исследования показывают неоднозначное влияние дистанционной работы на благополучие работников. Позитивные эффекты включают улучшение баланса между работой и личной жизнью (78 % респондентов), более быстрое выполнение задач (52 %) и улучшение самочувствия (47 %). Согласно данным Time Use Survey, дистанционная работа экономит работникам в среднем 56 минут ежедневно на поездки, которые часто перераспределяются на отдых, физические упражнения и иные формы досуга.

Негативные последствия включают снижение физической активности (46 %), развитие проблем опорно-двигательного аппарата (39 %), нарушение сна (37 %) и трудности с отвлечением от работы (56 %). Молодые люди, проживающие в съемном жилье с соседями, часто сталкиваются с особыми трудностями из-за ограниченного пространства и отсутствия выделенного рабочего места [2].

Таким образом, анализ регулирования дистанционной работы в ЕС и Великобритании выявляет существенные различия в подходах. Сравнение моделей сведем в *таблицу 1*.

Таблица 1

Сравнение регулирования дистанционной работы в ЕС и Великобритании

Критерий	Модель ЕС	Модель Великобритании
Основа регулирования	Социальный диалог, коллективные соглашения	Индивидуальное право запроса
Характер права	Гарантии защиты прав телеработников	Процедурное право на рассмотрение запроса

Роль законодательства	Рамочная, дополняющая коллективные договоры	Детальная регламентация процедуры
Защита от дискриминации	Общие принципы равенства	Развитая судебная практика

Рамочное соглашение 2002 г. признало телеработу способом организации труда, а не новым статусом занятости, что было воспринято в подавляющем большинстве стран [1]. Это позволило избежать создания отдельной категории работников с пониженным уровнем защиты.

Несмотря на то, что Рамочное соглашение о телеработе не является директивой, общие принципы трудового права ЕС оказывают влияние на регулирование дистанционной работы через иные правовые инструменты. В частности, Директива 2008/104/ЕС о временной агентской работе устанавливает принцип равного обращения в отношении базовых условий труда и занятости, включая продолжительность рабочего времени, сверхурочные, перерывы, периоды отдыха, ночную работу, отпуска и оплату труда [6].

Суд Европейского Союза в своих решениях последовательно расширяет защиту работников в нетипичных формах занятости. В деле C-232/20 (Daimler) Суд разъяснил критерии временного характера заемного труда и меры по предотвращению злоупотреблений при последовательных назначениях [10]. В деле C-441/23 (Omnitel Comunicaciones) Суд распространил действие Директивы о временной агентской работе на любых лиц, заключающих трудовые договоры с работниками для их направления в пользующуюся компанию, даже если национальное законодательство не признает такое лицо агентством временной занятости из-за отсутствия административного разрешения [9].

Анализ позволяет выделить следующие тенденции развития правового регулирования дистанционной работы в Европе:

1. Расширение доступа к гибким формам занятости. В Великобритании право запроса гибкого графика распространено на всех работников с первого дня занятости [2].
2. Усиление антидискриминационной защиты. Суды рассматривают отказы в дистанционной работе через призму косвенной дискриминации, что создает дополнительные стимулы для работодателей к удовлетворению обоснованных запросов [4,7].
3. Гибридизация форм занятости. Чисто дистанционная работа уступает место гибридным моделям, что требует адаптации правового регулирования к смешанным форматам [2].
4. Учет новых вызовов. Рамочное соглашение о цифровизации 2020 г. отражает потребность в регулировании вопросов рабочего времени и использования цифровых инструментов при телеработе [5].

Таким образом, правовое регулирование дистанционной работы в Европейском союзе представляет собой сложную многоуровневую систему, сочетающую наднациональные соглашения социальных партнеров и разнообразные национальные модели имплементации. Рамочное соглашение о телеработе 2002 г. заложило фундаментальные принципы: добровольность перехода на телеработу, равенство прав телеработников с работниками в офисе, защита данных и ограниченный доступ к рабочему месту.

Опыт Великобритании демонстрирует альтернативный подход, основанный на праве запроса гибкого графика работы и развитой антидискриминационной защите. Модель запроса с восемью легальными основаниями для отказа и возможностью оспаривания отказа через иски о дискриминации обеспечивает баланс интересов работников и работодателей.

Пандемия COVID-19 выступила катализатором развития правового регулирования, приведя к массовому распространению дистанционной работы и гибридных форматов. Современные тенденции включают расширение доступа к гибким формам занятости, усиление антидискриминационной защиты, гибридизацию занятости и адаптацию регулирования к цифровым

вызовам. Подписание Рамочного соглашения о цифровизации в 2020 г. свидетельствует о продолжении эволюции европейского подхода к регулированию телеработы.

Библиографический список

1. European Parliament. Answer to Question No E-6025/10 [Electronic resource] // European Parliament. 2010. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2010-6025-ASW_EN.html
2. Department for Business and Trade. Written evidence (HBW0106). // UK Parliament. URL: https://committees.parliament.uk/writtenevidence/141248/html/
3. European Commission. Database of social dialogue texts: Framework Agreement on Telework // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=521&langId=en&agreementId=1114
4. Shoosmiths LLP. Flexibility and Teleworking // World Services Group. URL: https://worldservicesgroup.com/publications.asp?action=print&artid=18725
5. European Parliament. Answer for question E-004125/20 [Electronic resource] // European Parliament. 2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2020-004125-ASW_EN.html
6. European Parliament and Council. Directive 2008/104/EC on temporary agency work // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/equal-treatment-of-temporary-agency-workers.html
7. Wotherspoon J., Dallimore H. Flexible working: overview [Electronic resource] // Brightmine. 2022. URL: https://hrcentre.uk.brightmine.com/commentary-and-insights/flexible-working-overview/93002/
8. Europäische Kommission. Datenbank zu den Texten des sozialen Dialogs: Rahmenvereinbarung über Telearbeit // Europäische Kommission. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=521&langId=de&agreementId=1114

9. Court of Justice of the European Union. Judgment of 24 October 2024. Case C-441/23. Omnitel Comunicaciones and Others // EUR-Lex. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62023CA0441
10. Court of Justice of the European Union. Judgment of 17 March 2022, Case C-232/20, NP v Daimler AG // EUR-Lex. 2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI %3AEU %3AC %3A2022 %3A196

А.Ю. Чабанова
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орский филиал Аккредитованного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Chabanova.O@mfua.ru
Н.В. Андреева
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: 29471045@s.mfua.ru
В.В. Бервольд
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: 29180755@s.mfua.ru

УДК 340.14

Место судебной практики в системе источников российского права

А.Ю. Чабанова, И.А. Дементьев

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионная проблема определения места судебной практики в системе источников современного российского права. Анализируются теоретические подходы к пониманию природы судебной практики в контексте романо-германской правовой семьи. Особое внимание уделяется анализу правовых позиций высших судебных органов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) и их фактическому влиянию на правоприменение. Выявлен разрыв между формально-юридическим статусом судебной практики, не признаваемой источником права в соответствии с доктриной разделения властей, и ее фактической ролью в обеспечении единообразия судебной практики и восполнении пробелов в законодательстве. Автор приходит к выводу о формировании в российской правовой системе «полупрецедентного» характера судебной практики, не являющейся формальным источником права, но выполняющей его функции. Перспективным направлением развития законодательства предлагается принятие специального закона об источниках права, регулирующего юридическую силу актов судебного толкования.

Ключевые слова: судебная практика, источник права, нормативный акт, роль судебной практики, правовая система, судебный орган.

Вопрос о природе источников права является одним из фундаментальных в юридической науке, поскольку он непосредственно связан с пониманием права как социального регулятора. Для российской правовой системы, традиционно относимой к романо-германской правовой семье, характерно признание нормативного правового акта в качестве основного и первичного источника права. Однако динамика развития общественных отношений, неизбежное наличие пробелов в законодательстве и сложность юридических конструкций ставят вопрос о фактической роли судебной практики.

Прежде чем говорить о месте судебной практики, необходимо определиться с пониманием самого термина «источник права». В постсоветской правовой науке возобладал нормативистский подход, согласно которому право понимается как система формально-определенных и общеобязательных норм, устанавливаемых или санкционируемых государством [2, с. 102]. С этой точки зрения только нормативный акт в полной мере соответствует всем признакам права.

Однако, как справедливо отмечает А.Л. Бредихин, такие формы, как правовой обычай или нормативный договор, «должны быть санкционированы государством, чтобы считаться правом», что ставит их в зависимое положение от воли законодателя [2, с. 103]. В этом контексте судебная практика традиционно рассматривалась либо как акт толкования (интерпретации) норм, либо как вспомогательный инструмент, не обладающий качеством нормативности.

Тем не менее, современные исследователи всё чаще говорят о необходимости отхода от жесткого позитивизма. Т.П. Ведешкина отмечает, что «на сегодняшний день понятие «источник права» совершенно точно выходит за пределы понятия «нормативно-правовой акт», а категоричное утверждение о том, что нормативный акт является единственным источником, уходит в прошлое [4].

Таким образом, в российской юридической литературе сложилось несколько основных подходов к оценке роли судебной практики.

Противники признания судебной практики источником права апеллируют к принципу разделения властей, закрепленному в Конституции РФ. По их мнению, правотворческая функция является прерогативой законодательной власти, а суды должны лишь применять и толковать закон. Б.А. Едидин подчеркивает, что задача судебных органов – «искать, находить и применять надлежащую правовую норму, а не создавать новое правило поведения помимо и вопреки нормам» [5]. Эта позиция находит подтверждение и в процессуальном законодательстве: ст. 11 ГПК РФ прямо обязывает суд

разрешать дела на основании Конституции и федеральных законов, а судебная практика формально не отнесена к источникам права [6; 4].

Сторонники судебного правотворчества, напротив, указывают на объективную необходимость судебной конкретизации норм. Еще С.А. Иванов дифференцировал роль актов судебной практики, полагая, что «источниками права являются постановления только Верховного Суда РФ», поскольку именно высшая инстанция способна обеспечить единообразное применение закона [5]. Е.Б. Хохлов идет дальше, называя акты нормативного толкования высших судов «судебными нормативными правовыми актами», так как они содержат все признаки нормативности: общий характер, обязательность и неоднократность применения [5].

Компромиссную позицию занимают М.В. и А.М. Лушниковы, предлагая относить к источникам права судебную практику не в полном объеме, а лишь в части «правоположений нормативного характера (интерпретационные нормы)» и решений в рамках судебного нормоконтроля [5].

Анализ современного законодательства и правоприменительной практики показывает, что роль высших судебных инстанций существенно трансформировалась. Как отмечает А.А. Бондарь, произошло «большое изменение роли высших судебных органов, в частности за счет придания их решениям более широких нормоконтрольных функций, что существенно расширяет правотворческий потенциал» [5].

Особого внимания заслуживают постановления Пленума Верховного Суда РФ. Их природа двойственна, формально это акты толкования, но фактически они содержат положения, конкретизирующие закон. Так, в постановлениях Пленума нередко уточняются общие нормы применительно к конкретным ситуациям, например, в постановлении от 13 октября 2020 г. № 23 уточняется период подачи гражданского иска в суде с участием присяжных [3].

Секретарь Пленума ВС РФ В.В. Момотов прямо указывает: «Пришло время отказаться от стереотипного образа относительно судебной практики и признать ее полноценной частью правовой системы», подчеркивая, что

сегодня судебная практика стала «полноценным источником российского права» [5].

Не менее значима роль Конституционного Суда РФ. Его решения, особенно в части признания норм неконституционными, обладают нормативной силой и влекут утрату силы закона, что является прямым воздействием на систему источников права [1; 8].

Парадокс современной российской правовой системы заключается в разрыве между формально-юридическим и фактическим положением судебной практики.

Де-юре, как следует из систематического толкования ГПК РФ и АПК РФ, судьи при вынесении решений обязаны руководствоваться только законом. Более того, в судебных актах нередко прямо указывается, что «прецедент как источник права действующим законодательством не предусмотрен» [6]. Судья формально свободен в трактовке закона и не связан предыдущими решениями даже вышестоящих судов.

Де-факто ситуация иная. В российской правовой системе сложился механизм обеспечения единства судебной практики. Если нижестоящий суд принимает решение, противоречащее позиции Верховного Суда, оно с высокой вероятностью будет отменено в апелляционной или кассационной инстанции. Как отмечалось в ходе дискуссии о прецедентном праве, в России сегодня существует «полупрецедентная система»: решения высших судов являются обязательным ориентиром, хотя формально и не признаются источником права [7].

Особенно ярко это проявляется в специализированных сферах, например, в делах о банкротстве. Действуют более 20 специальных постановлений Пленумов ВАС и ВС РФ, которые, по мнению А.В. Авериной, «несмотря на наличие в доктрине разных мнений... являются обязательными для применения судами» [5].

Одной из ключевых проблем остается отсутствие законодательно закрепленной иерархии источников права, включая место судебной практики.

В юридической литературе неоднократно выдвигались предложения о принятии федерального закона об источниках права, который мог бы разрешить коллизии между нормативными актами и неписаными источниками [6; 4].

Такая кодификация могла бы устранить существующую неопределенность. Пока же отсутствие единого подхода порождает научные дискуссии и создает сложности в правоприменении [4]. Н.А. Колоколов справедливо указывает на неизбежность возникновения противоречий в правопонимании при отсутствии четкой иерархии источников [3].

Подводя итог, можно констатировать, что место судебной практики в системе источников российского права остается двойственным.

1. С формально-юридической точки зрения, в соответствии с доктриной разделения властей и нормативистским правопониманием, судебная практика не является источником права в классическом смысле. Основным и первичным источником выступает нормативный правовой акт.
2. С фактической точки зрения, постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ (особенно нормоконтрольного характера), а также сложившиеся правовые позиции высших судов выполняют функцию источников права, обеспечивая единообразие судебной практики и восполняя пробелы в законодательстве.
3. Российская правовая система эволюционирует в сторону признания за судебной практикой (прежде всего высших судов) квази-прецедентного значения. Эта тенденция обусловлена потребностями правоприменения и необходимостью обеспечения правовой определенности.
4. Перспективным направлением развития законодательства могло бы стать принятие специального закона об источниках права, который урегулировал бы вопрос о юридической силе актов судебного толкования и их соотношении с законом.

Таким образом, судебную практику в современной России следует рассматривать не как формальный источник права, а как особый регулятор,

обеспечивающий динамическое единство правовой системы и выступающий связующим звеном между абстрактной нормой и конкретным правоотношением.

Библиографический список

1. *Бондарь Н.С. и* др. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики. М., 2024.
2. *Бредихин А.Л.* Судебная практика как источник российского права // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). С. 102–106.
3. Конкуренция источников уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2025. № 2. С. 30–33.
4. Подборка материалов по запросу «Закон как источник права» // СПС КонсультантПлюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.03.2023).
5. Подборка материалов по запросу «Судебная практика как источник Российского права» // СПС КонсультантПлюс. 2025. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.02.2026).
6. Подборка судебных решений за 2023–2024 гг. по ст. 11 ГПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2024. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.03.2026).
7. Прецедентное право в России // Пепеляев Групп. 04.03.2026. URL: https://www.pgplaw.ru/news/press-releases/pretsedentnoe-pravo-v-rossii/ (дата обращения: 15.03.2026).
8. *Ревина С.Н., Мешков И.В.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 269–272.

А.Ю.Чабанова

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Орский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Chabanova.O@mfua.ru
И.А. Дементьев
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: 29296310@s.mfua.ru

РАЗДЕЛ II
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 316.034

Анализ трудовых практик и удовлетворенности трудом у исследователей методами нетнографии[1]

Э.В. Бушкова-Шиклина, А.В. Тетесов

Аннотация. **Проблема** цифровизации социальных и профессиональных практик приобретает всё большее значение в современном обществе, порождая новые методы исследований, такие как нетнография. ***Целью*** статьи явился анализ трудовых практик и удовлетворенности трудом у исследователей в сфере бизнеса на материалах нетнографического контент-анализа Telegram-сообщества «Богатый рисёчер, бедный рисёчер» (существует с начала 2025 г., 950 подписчиков). Проанализирована база данных, включающая 63 истории о трудовой деятельности исследователей в области пользовательского, клиентского и продуктового опыта; практики прохождения отбора, адаптации, стажировок. ***Выявлено*** преобладание штатной занятости и специалистов среднего и старшего уровней, показана неоднородность в оплате труда и премиальных практиках, высокая значимость социальных и организационных факторов для удовлетворенности работой, а также наличие системных проблем, связанных с бюрократизацией процессов и ограничениями гибких форматов занятости.

Ключевые слова: трудовые практики, условия удовлетворенности трудом, исследователи, нетнография, онлайн-наблюдение, контент-анализ, онлайн-сообщество.

Цифровизация жизни и бизнеса становится все более распространенной сегодня – увеличивается количество цифровых продуктов и практик, расширяется спектр направлений и методов онлайн-исследований. Одним

[1] Проект получил поддержку Благотворительного фонда Владимира Потанина в рамках конкурса «Профессиональное развитие 2025».

из таких методов является онлайн-наблюдение для изучения онлайн-культур и интернет-сообществ, именуемое нетнографией (букв. «виртуальная этнография», Р. Козинец). При этом, некоторые учёные считают, что термин нетнография уместен только для изучения виртуальных миров («цифровое воплощение») [6, с. 100]. Имеются и иные названия этого метода (что также активно критикуется) – онлайн-этнография, кибер-этнография, виртуальной этнография и пр. [2, с. 83–84; 4, с. 2].

Изначально метод предполагал «чистую» работу внутри онлайн-среды без необходимости офлайн-этнографии. Но с развитием Web 2.0 и социальных медиа возможности и формы нетнографии расширились, включив блоги, соцсети, подкасты и т.д. Мнения ученых по поводу границ и сущности метода разделились: часть из них отстаивант «активную» стратегию, предполагающую *«нетнографический подвиг»* со стороны исследователя, т.е. глубокое, рефлексивное и продолжительное участие в жизни онлайн-сообщества; другие считают, что исследователь может быть просто пассивным наблюдателем – анализировать архивные данные (посты, сообщения, комментарии и пр.) без участия в жизни сообщества [4, с. 9].

В классическом варианте нетнографический анализ предполагает активную позицию исследователя, охват одного или множества сообществ, изучение различных источников (текст, изображения, видео, аудио). В целом, нетнографические исследования могут быть короткими и фокусными либо представлять собой многолетние проекты. Для повышения достоверности данных методы нетнографии часто комбинируют с другими методами (интервью, опросами, наблюдением).

Нетнографический контент-анализ является важным способом изучения «материалов» из жизни сообщества; это признанный метод, особенно в рамках качественных исследований цифровой культуры. Он не заменяет, а дополняет количественный контент-анализ там, где важны смыслы и контекст. В отличие от классического количественного контент-анализа (где идет учет категорий), нетнографический контент-анализ направлен на **выявление скрытых**

смыслов, культурных паттернов, ритуалов, иронии, сленга и социальных норм внутри цифрового сообщества. При этом исследователь обычно является включенным наблюдателем – он не просто считает единицы, а понимает контекст. Сегодня нетнографический подход активно применяется не только в социологических [3; 6], но и в маркетинговых [5; 7; 8] и смежных исследованиях.

Целью данного исследования явился анализ **трудовых практик и удовлетворенности трудом у исследователей в сфере бизнеса на материалах** нетнографического контент-анализа ТГ-сообщества «Богатый рисёчер, бедный рисёчер» [1]. Данное сообщество существует с февраля 2025 г. и включает 950 подписчиков. За период 13 месяцев на основе анонимных самоотчетов, была сформирована база данных, включающая 63 истории о трудовой деятельности исследователей в области пользовательского, клиентского и продуктового опыта. Сообщения в данном канале частично структурированы: показана компания, сфера исследований, уровень исследователя (junior, middle, senior), тип сотрудничества (штатный, проектный), характер работы (офисная, удаленная, гибридная), уровень зарплаты (выше, на уровне или ниже рыночной), наличие / отсутствие премий и пр. бонусов. Также имеется много неструктурированных (свободно формулируемых) описаний: что нравится и не нравится в компании, работе; как проходил процесс собеседования, отбора, адаптации соискателя; чем закончилась история трудоустройства. Таким образом, анализ указанного массива сообщений предполагал использование как классического количественного, так и содержательного качественного контент-анализа. Более того, успех классификации смысловых категорий во многом зависел от понимания слега, принятого в данной среде – «микроменеджмент», «бизнес-юнит», «джун», «гибрид», «грейд», «приоритизация бэклога», «онбординг», «диско-процессы», «ревью», «рекрут», «фреймворки» и пр. Анализ материала позволяет охарактеризовать ключевые тенденции в структуре занятости,

условиях оплаты труда, факторах удовлетворенности и неудовлетворенности профессиональной деятельностью в данной сфере.

Структура выборки демонстрирует преобладание штатной *формы занятости*, которая составляет 84 % от общего числа респондентов. Оплачиваемые стажировки, проектная работа и аутстаф в совокупности представлены лишь 13 % случаев, что свидетельствует о доминировании традиционных трудовых отношений в исследовательской среде.
В квалификационной структуре наиболее многочисленными группами выступают специалисты среднего (middle) и старшего (senior) уровней, совокупная доля которых достигает 51 %, тогда как младшие специалисты (junior) и стажеры составляют 24 %, а оставшаяся часть респондентов не указала свой грейд.

Оценка *уровня оплаты труда* относительно рыночных показателей обнаруживает выраженную неоднородность. Доля респондентов, идентифицирующих свою заработную плату как находящуюся выше рыночного уровня, составляет 29 %, тогда как аналогичный показатель для группы «ниже рынка» (с учетом категории «чуть ниже») достигает 27 %. Доля специалистов с оплатой на уровне рынка фиксируется на уровне 20 %. При этом 20 % респондентов не предоставили данных по данному параметру. Практически сопоставимыми оказываются доли тех, кто получает регулярные премии (36 %), и тех, у кого премиальная система отсутствует (33 %); еще 11 % сообщают о нерегулярном или ежегодном премировании, а 20 % не указали наличие премий.

Анализ факторов *удовлетворенности трудом* позволяет выделить несколько устойчивых категорий. Наиболее часто респонденты позитивно оценивают социальное окружение: характеристики коллектива, руководителя и команды упоминаются в 33 % историй. Гибкость формата работы – удаленная или гибридная занятость – фигурирует в качестве позитивного фактора в 29 % случаев. Интересные и разнообразные задачи упоминаются в 24 % самоотчетов, внутриорганизационная культура и ценности в 20 %, а возможности для

профессионального роста и обучения в 16 %. Указанные категории не являются взаимоисключающими и могут сочетаться в рамках одного самоотчета.

В структуре *факторов неудовлетворенности* наиболее значимой категорией выступают бюрократические барьеры и несовершенство организационных процессов, о которых сообщают 24 % респондентов. Неудовлетворенность уровнем оплаты труда или отсутствием ее динамики фиксируется в 22 % историй. Ограничения в реализации гибкого формата работы, включая строгое закрепление дней присутствия в офисе или полное отсутствие удаленной занятости, упоминаются в 20 % случаев. Микроменеджмент и избыточный контроль со стороны руководства отмечают 13 % участников, а отсутствие премий или мотивационной составляющей – 11 %.

Общая оценка работодателя, выраженная по пятибалльной шкале, распределяется следующим образом: максимальную оценку 5 из 5 присвоили 42 % респондентов, оценку 4 из 5 – 29 %, что в сумме составляет 71 % позитивных оценок. Оценки 3 из 5 получили 18 % компаний, а оценки 2 и 1 из 5 в совокупности 4 % (по 2 % на каждую). Таким образом, более двух третей респондентов оценивают своего работодателя на 4 или 5 баллов, тогда как каждый пятый участник присваивает оценку 3 и ниже, что указывает на наличие сегмента работодателей с выраженными проблемами в организации трудовых отношений.

Важно отметить, что такие параметры, как стаж работы в исследованиях и субъективная оценка сложности трудовых задач, указываются нерегулярно – лишь в 18 % и 16 % историй соответственно. Это ограничивает возможности для построения корреляционных моделей и требует дополнительного сбора данных для углубленного анализа взаимосвязей между формальными характеристиками занятости и уровнем удовлетворенности.

Таким образом, представленное исследование позволяет зафиксировать устойчивые *тенденции*: преобладание штатной занятости и специалистов среднего и старшего уровней, неоднородность в оплате труда и премиальных

практиках, высокую значимость социальных и организационных факторов для удовлетворенности работой, а также наличие системных проблем, связанных с бюрократизацией процессов и ограничениями гибких форматов занятости. Полученные результаты могут служить эмпирической основой для дальнейшего изучения рынка труда исследователей и выработки рекомендаций по оптимизации трудовых отношений в данной профессиональной сфере.

Библиографический список

1. Богатый рисёчер, бедный рисёчер // ТГ-канал. URL: https://t.me/rich_poor_researcher (дата обращения: 12.04.2026).
2. *Гюль Д. В.* Нетнография. Проблема терминологической точности // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю. А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апреля 2021 г.). Самара. 2021.С. 81–84.
3. *Истомина А. Г.* Краткосрочное включенное наблюдение: опыт достижения ролей с высокой степенью вовлеченности // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2013. № 37. С. 75–103.
4. *Костелло Л., МакДермотт М. -Л., Уоллес Р.* Нетнография: спектр практик, ошибочные представления и упущенные возможности // Международный журнал качественных методов. Т. 16. С. 1–12.
5. *Кайтялиди О. Н., Касимова Т. В., Горбатов С. А.* Нетнография – самый современный метод исследования потребительских мнений // Все о мясе. 2021. № 5. С. 9–11.
6. *Полухина Е. В.* Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Том. 6. № 7. С. 95–106.
7. *Рычкова Е. С., Красникова Е. И.* Оценка удовлетворенности потребителей телекоммуникационных услуг с использованием нетнографических исследований // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 9(91). С. 1–12.

8. *Сухостав Е. В.* Нетнография как современный маркетинговый метод изучения потребителей // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 10. С. 6613–6628. DOI https://doi.org/10.18334/ epp.15.10.123815. – EDN GPMOVB.

Э.В. Бушкова-Шиклина
кандидат социологических наук, доцент
доцент кафедры культурологии, социологии и философии
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: elvira_bsh@mail.ru
А.В. Тетесов
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: sanya.tetesov@yandex.ru

УДК 82-14

Мотивы и образы древнегреческой мифологии в лирике В. Я. Брюсова

О.М. Валова, А.С. Левенцова

Аннотация. Серебряный век русской литературы находит в культуре античности новые выразительные и изобразительные возможности. Это внимание к образному миру античности апеллирует одновременно и к философскому и художественному опыту различных поэтов и прозаиков той эпохи. В статье рассматриваются мотивы и образы древнегреческой мифологии, к которым обращались поэты русской литературы XX в., в частности символисты. У символистов обращение к мифам часто носило более явный и конкретный характер, поскольку они углублялись в изучение древнегреческой мифологии и пересоздавали образы, чтобы обозначить собственное миропонимание. В статье анализируется проблема использования Брюсовым мифологических сюжетов как в первозданном виде, так

и в личностной интерпретации автора; рассматривается понятие мифа и его интерпретация в русской литературе рубежа XIX–XX вв., изучается и место Древнегреческой мифологии в лирике В. Я. Брюсова.

Ключевые слова: миф, мотивы и образы, Древнегреческая мифология, Серебряный век, символизм.

Мифы Древней Греции легли в основу европейской культуры и глубоко проникли в представления и образ мыслей современного человека, что он в обыденной речи говорит о сизифовом труде, о титанических усилиях или об олимпийском спокойствии. Художников, поэтов, скульпторов привлекала, прежде всего, глубина и художественность мифических образов.

В работах Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинского «Литература и мифы» [9] отмечается, что возродившийся интерес к мифу во всей литературе XX в. проявился в трех основных формах. Резко усиливается идущее от романтизма использование мифологических образов и сюжетов. Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством.

Во-вторых, появляется установка на создание «авторских мифов». Если писатели-реалисты XIX в. стремятся к тому, чтобы создаваемая ими картина мира была подобна действительности, то символисты, например, находят специфику художественного видения в его нарочитой мифологизированное, от четкой временной или географической приуроченности.

В-третьих, специфика современного обращения к мифологии проявилась в создании (в конце XIX – начале XX вв., но особенно – с 1920 по1930-х гг.) таких произведений, как «романы-мифы» и подобные им «драмы-мифы», «поэмы-мифы». В этих собственно «неомифологических» произведениях миф принципиально не является ни единственной линией повествования, ни единственной точкой зрения текста [10, с. 58].

В XX в. миф обращает на себя особое внимание и в литературе, и в культуре в целом. Не раз в рамках различных литературных течений

и концептуальных систем возникает подлинный культ мифа. Косвенным образом увлечение мифом подпитывается проходящим лейтмотивом через весь XX в. убеждением в том, что определяющей чертой всякой человеческой активности (речевой тоже) и мировосприятия является их условность. Благодаря многовековой традиции своего осмысления миф к XX в. превратился в чрезвычайно многозначную категорию, поскольку он играет ключевую роль в формировании художественных произведений, влияет на их тематику и может содержать в себе несколько аспектов, а именно: философские, исторические, культурные и др.

Литература и искусство очень рано ощутили на себе воздействие крепнущего представления об условности мышления и поведения человека и стали для «широкой публики» его провозвестниками [12, с. 305]. Слово в идеале стремится к полной прозрачности, а критерием истинности, «подлинности» выступает максимальное (в идеале – полное) соответствие образа реальности. В этих условиях осознание условности, создаваемой в художественном произведении картины мира не может быть разрешено переходом на некую новую ступень «реализма», жизнеподобия. Естественным образом, резко возрастает обращение к мифу, который, «соотносясь с миром в целом, и будучи онтологичным по самой своей сути, на протяжении многих веков оставался для литературы недоступным и прельстительным идеалом» [12, с. 306]. Для первой половины XX в. особый интерес проявляется к ритуальной концепции мифа, согласно которой, как явствует из самого ее названия, миф живет и полностью реализуется только в ритуале. С точки зрения этой теории мир отражается в мифе в категориях деяния/события и слово может стать частью мифа только в той мере, в которой оно способно само стать деянием. Понятый таким образом миф стремится «к текстуальности, к реальному и безусловному, хоть и открытому для различных интерпретаций, действию» [12, с. 306].

К мифу обращались многие поэты и прозаики Серебряного века. В лирике символистов часто встречаются мифологические образы и сюжеты, которые

выражают личные переживания и философские размышления авторов. Представители символизма не только обращались к мифологии, но и создавали самостоятельные образы и сюжеты, которые в последствии интерпретировали как миф. Например, в лирике представителей данного направления появились образы-мифы о душе, образ-круг (обвитый грехами), миф-маска и др.

По мнению К. Г. Юнга «прорыв к бессознательному» поспособствовал развитию интереса к мифу и мифологии [19, с. 35]. Освоение мифа, законов его возникновения и существования легло в основу эстетики русского модернизма. Так, символисты пытались решить задачу преображения действительности, творя новый миф из вновь рожденных или переосмысленных символов. Но чтобы акт мифотворчества состоялся, надо пробудить в себе мифологическое мышление, стать, по словам А. Блока, «бессознательным органом народного воспоминания» [4, с. 213]. А. Пайман, обращаясь к истории русского символизма, отмечает, сколь нелегко складывался этот путь у поэтов: «Цель творческого процесса не дается Мережковскому. В результате он не приближается к грани, отделяющей символ от его “сказуемого” – мифа. Тем не менее, он был одним из первых писателей в России, напомнивших читателю в доступной литературной форме о прежде существовавших готовых мифах, их подспудном значении и непреходящей власти над людскими умами» [10, с. 60]. «Этот путь, – пишет А. Пайман, – пролегает через традиционные символы, искони заложенные народом в душу его певцов как некие изначальные формы и категории, в которых единственно могло вместиться всякое новое прозрение» [10, с. 61].

Символистам Античность представлялась универсальной праосновой культурно-исторического целого, одновременно являясь и темой философского анализа, и предметом художественного изображения. А. Белый писал: «И поскольку форма воплощения образа (техника искусств) касается самого образа, составляя как бы его плоть, постольку технические вопросы формы начинают играть первенствующее значение; отсюда связь между символизмом и классическим искусством Греции и Рима. Отсюда же интерес символистов

к памятникам античной культуры, воскрешение латинских и греческих поэтов, изучение ритма, стиля и словесной инструментовки мировых гениев литературы» [3, с. 265].

И. Н. Фридман отмечает, что «мифологизм русских символистов – продукт сознательного выбора» [17, с. 156]. Этот выбор обусловлен противостоянием рационализму и индивидуализму новоевропейской культуры, а также борьбой с позитивизмом. Миф, как результат коллективного (вселенского, соборного) творчества, содержащий в себе «объективную правду о сущем», противопоставляется индивидуалистическому новоевропейскому типу культуры, кризис которого констатируют русские символисты. В основе мифа, по А. Белому, лежит явление бога ваганту, жрецу, магу. Из мифа берут начало кабалистика, математика, небесная механика [2, с. 270].

Анализ мифа как феномена культуры осуществлялся русскими символистами параллельно с разработкой понятия символа, теории творчества. Базой для этого анализа стало учение о реалистическом символе и об ознаменовательном начале творчества Вяч. Иванова. По Иванову, путь, который проходит творец, есть тропа «символа к мифу» [7, с. 147]. Признание метафизической истинности символа (поскольку он есть переживание «забытого и утерянного достояния народной души») позволяло рассматривать его как некую изначальную форму и категорию творчества и культуры.

Концепция творчества символистов основывалась не только на восприятие мира через символы, но и на мифах, что в последствии обозначилось как мифотворчество. По мнению Вяч. Иванова задача теургии (предпосылки и начала мифотворчества), состояла в том, чтобы «земное обустройство жизни оформлялось в миф, связывающий земное начало с гармонией небесных сфер» [7, с. 150]. Так начинают появляться первые обращения символистов к мифам, которые разделились на несколько групп: славянские, скандинавские, скифские и античная мифология.

Наибольшее значение, как основа истинного знания и духовного прозрения, обрела античная мифология в период развития культуры

Серебряного века, а именно в лоне символистского течения во всех видах искусства. А. Ф. Лосев в «Очерках античного символизма и мифологии» писал: «Обессиленные и затрудненные множеством предрассудков времени и истории, мы давно уже разучились понимать истинный смысл и подлинную глубину античного мышления» [9, с. 567]. Парадокс русского поэтического символизма в том, что поэты обращались к Античности. Они черпали вдохновение в античной мифологии, выстраивали свою философскую систему на основе базовых принципов Античности, языческой культуры.

Интерес В. Я. Брюсова к отдельным историческим проблемам и мифам мог быть вызван различными теориями о создании образа, к которым обращаются некоторые исследователи творчества поэта. Е. М. Созина подчеркивает в творчестве Брюсова «восприятие и художественное воссоздание мира как «эстетического феномена» в художественных или критико-теоретических оппозициях: красота – безобразие; гармония – дисгармония; космос – хаос и т.д.» [16, с. 104]. О. М. Савельева, изучая мифологические образы В. Я. Брюсова, пишет, что поэт не просто был увлечен ими, а глубоко интересовался «историей древнего мира и сменой культур. Он всегда занимался этим как историк, как компетентный знаток древних цивилизаций и, что особенно важно, превосходно владеющий проблематикой новых для его времени археологических и исторических открытий» [15, с. 206].

Обратимся к стихотворению «Ему же («Нет, мой лучший брат, не прав ты…»), написанному поэтом в 1903 г. и посвященному К. Д. Бальмонту. Произведение можно рассматривать как дань уважения к другу-единомышленнику и размышление о творческом пути авторов. В. Я. Брюсов обращается к мифологическим мотивам и образам, начиная с первой строфы: «Мы плывём, как аргонавты, // Душу вверив кораблю» [6, с. 298]. В греческой мифологии аргонавты – это участники плавания на корабле «Арго» за золотым руном в страну Эю (или Колхиду). Наиболее подробно о путешествии рассказывается в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика». Миф об аргонавтах в древнегреческой мифологии зафиксирован как метафора поиска

познания и самопознания, на что и ссылается В. Я. Брюсов – проделать путь не только физический, но и духовный, с помощью творчества. Не случайно упомянут и корабль, который так же присутствует в мифе об аргонавтах. В данном случае он может обозначать мотив свободы и творческого познания поэта. Подобное сравнение с аргонавтами подчеркивает непростой путь творческого человека, который может быть наполнен различными испытаниями и приключениями. В третьей строфе Брюсов приводит метафоры, связанные с этими испытаниями, упоминая образы фурий и Ариона: «Но и в диком крике фурий, // Взором молний озарён, // Заклинатель духов бури, // Ты поёшь нам, Арион!» [6, с. 299]. В «Большой российской энциклопедии» отмечается, что именно Арион ввёл в поэзию жанр дифирамба – торжественных песен в честь бога плодородия, вдохновения и покровителя театра Диониса. В стихотворении Брюсова образ Ариона является символом справедливости и награды за то, что поэты несут в массы, стараясь передать свое духовное наследие. В следующей строфе автором упоминается образ Аполлона: «Первый гимн наш – Аполлону, // А второй наш гимн – тебе!» [6, с. 299]. Аполлон уже в древности имел огромное символическое и философское значение. Он считался и считается олицетворением и покровителем всего интеллектуального и духовного в человеке, в противовес иррациональному и стихийному. Новую волну интереса к его фигуре вызвала знаменитая книга Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», и она же подготовила «затмение Аполлона», предпочтение ему культа Диониса, двойника и метафизического антагониста дельфийского бога [13, с. 219]. Обращение к этому древнегреческому образу можно рассматривать как благодарность за искусство и все духовное, что есть в мире. В последних строфах стихотворения В. Я. Брюсов подчеркивает нерушимость творчества, даже если душа поэта покинет земной мир, и обращается к древнегреческой мифологии, возвращаясь к легенде об Арионе, который был спасен дельфинами: «Мы подземной Прозерпине // И таинственным богам // Предадим с молитвой душу, – А тебя из мглы пучин // Тихо вынесет на сушу // На спине своей –

дельфин» [6, с 300]. На протяжении всего стихотворения В. Я. Брюсов, используя мифологические образы и мотивы, подчеркивает значимость поэта и его духовный путь, которые предначертаны судьбой. При обращении к древнегреческой мифологии Брюсов стремится передать глубину бессмертных образов и их связь с современностью. Стихотворение раскрывает темы дружбы и единства, искусства и предназначение поэта, а также изображает мотив творческого пути как путешествия. Обращение к мифологическим образам олицетворяет духовное путешествие, которое приближает поэтов к творческому началу и вечному искусству.

Стихотворение В. Я. Брюсова «Орфей и Эвридика» (1903–1904) из цикла «Правда вечная кумиров» представляет собой интерпретацию античного мифа о силе любви и искусства. Орфей и Эвридика – ключевые персонажи древнегреческого мифа, олицетворяющие силу любви, музыки и искусства. Их история стала одним из самых известных сюжетов античной мифологии, который неоднократно переосмысливался в литературе, музыке и изобразительном искусстве. Произведение Брюсова построено в форме диалога Орфея и Эвридики, который трактуется как обращение персонажей друг к другу по пути из Ада. Четверостишия-обращения регулярно чередуются. Из истории стихотворения следует, что Брюсов обращается к мифу с целью обозначить психологическое состояние героев, а именно – разрыв Эвридики между памятью о любви и новой сущностью тени, что становится центральной темой произведения. В первом четверостишие Орфей предстает в образе «ведущего», того, кто будет вести за собой возлюбленную к тропе: «Слышу, слышу шаг твой нежный, // Шаг твой слышу за собой. // Мы идем тропой мятежной, // К жизни мертвенной тропой.» [6, с. 356]. Далее следует ответ Эвридики, которая представлена читателю в роли «ведомого»: «Ты – ведешь, мне – быть покорной, // Я должна идти, должна… // Но на взорах – облак черный, // Черной смерти пелена» [6, с. 356]. В «классическом» мифе Эвридика молча следовала за Орфеем, здесь же, Брюсов наделяет нимфу речью, но при этом она только подчиняется желанию Орфея вернуть её и остается

тенью. Орфей хочет вернуть возлюбленную в земной мир, туда, где «живет его любовь», но не понимает, что «лишь тень ведет назад». В древнегреческом мифе Орфею было поставлено условие: он не должен оглядываться назад, иначе Эвридика не сможет следовать за ним дальше. В стихотворении ярко прослеживается мотив всемогущества искусства, которое способно дать жизнь, так же, как и смерть. Искусство – это величие. Орфей это знает, ведь он «заклявший лирой – бога, песней жизнь в тебя вдохну» [6, с. 357]. Брюсов сохранил проблематику и смыслы античного мифа – магическая сила искусства и художника, их способность зачаровать даже богов и охранителей Аида, соотношение любви и смерти. Для Эвридики кажутся бессмысленными «радости песен», «радость плясок», «сладко-жгучий ужас ласк» – теперь ее мертвому сердцу неподвластны былые радости жизни: «Но во тьме, во тьме бесследной // Бледный лик твой затемнен…» [6, с. 357]. В разговоре с Эвридикой Орфей надеется, что ее сердце «оживет», если она увидит его. Он нарушил указание Аида – не оглядываться на Эвридику, пока они не выйдут на солнечный свет – оглянулся и этим взглядом потерял жену навеки: «–Так смотри! – И смотрит дико, // Вспять, во мрак пустой, Орфей. // – Эвридика! Эвридика! – // Стонут отзвуки теней» [6, с. 358]. Таким образом, В. Я. Брюсов выражает собственную идею интерпретации мифа, которая становится основой для его философских и психологических размышлений о любви, искусстве и судьбе. Таким образом, поэт обращается к основным древнегреческим мотивам, сохраняя основу классической истории. Центральной темой стихотворения, как и мифа, остается невозможность возвращения утраченной любви и жизни. Олицетворением и символом любви становится Орфей, который пытается преодолеть закон смерти с помощью любви и искусства, но терпит поражение. Эвридика – это символ страха и бессилия перед смертью. Так, Брюсов через антитезу и контрасты показывает историю любви, которая неподвластна исцелению искусством.

Стихотворение В. Я. Брюсова «Тезей Ариадне» (1904) – это философское размышление о противоречии между любовью и долгом, судьбе и человеческих

чувствах. Произведение построено как обращение Тезея к Ариадне. Брюсов использует сюжет о бегстве Тезея и Ариадны с острова Крита: «Ты спишь, от долгих ласк усталая, // Предавшись дрожи корабля, // А все растет полоска малая, – // Тебе сужденная земля!» [6, с. 376]. Далее лирический герой рассказывает о своем подвиге и победе над Минотавром с помощью нити Ариадны. В монологе Тезея образ Ариадны идеализируется: в ней нет недостатков, она становится музой и поддержкой, которая вдохновила героя на победу над чудовищем. Ариадна должна была стать женой Тезея, но он ослушался воли богов и покинул её. Последние слова Тезея в своем послании Ариадне отражает этот сюжет: «Довольно страсть путями правила, // Я в дар богам несу ее. // Нам, как маяк, давно поставила // Афина строгая – копье!» [6, с. 377]. Здесь поэт противопоставляет две мифологемы – «нить Ариадны» и «копье Афины». Тезей делает выбор в пользу долга, отвергая любовную страсть. По мнению Арефьева, в данном стихотворении взгляд Брюсова способствует лучшему пониманию мотивов Тезея, сочувствию его терзаниям и осознанию противоречивого единства испытываемых им чувств и эмоций [1, с. 110]. Стихотворение завершается авторским отступлением, где Брюсов подводит итог этой истории любви, долга и чести. Таким образом, стихотворение «Тезей Ариадне» становится глубоким философским размышлением о сложных вопросах бытия. В стихотворении Брюсов переосмысливает античный миф о Тесее и Ариадне, акцентируя внимание на трагическом конфликте между личным чувством и роковым долгом, между страстью и неизбежностью разлуки. Тезей делает выбор в пользу Афины и «высшего долга», отвергая любовную страсть. Его внутренний конфликт усиливается осознанием, что, отказавшись от Ариадны, он лишился самого ценного. С помощью образов Брюсов показывает трагическую несовместимость личного счастья и высокого предназначения.

Древнегреческая мифология играла важную роль в творчестве В. Я. Брюсова. С помощью обращения к античной мифологии Брюсов воссоздает новое понимание образов и их трактовку, которые впоследствии

сформировались как «синтетическая» художественная система. Брюсов обращается к античной мифологии для углубления понимания философских тем (предназначение поэта, искусство, творчество, любовь и т.п.), соединяя словесное и визуальное искусства с размышлениями о закономерностях бытия. Поэт использует древнегреческую мифологию в таких масштабах, чтобы показать вечную связь эпох, отобразить собственные философские идеи и показать современную атмосферу своей действительности. В лирике Брюсова отражён свойственный литературе конца XIX – начала XX вв. синтез искусств: живописность образов соединяется с красотой поэтического слова и глубиной философской мысли.

Библиографический список

1. *Арефьева Н. Г.* Миф об Ариадне и Тезее в лирике В. Брюсова // Гуманитарные исследования, Нижний Новгород, 2009. № 1. С. 108–113.
2. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 2. М., 1994. С. 265–274.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание, Москва, 1994. С. 265–266.
4. *Блок А. А.* Сочинения: в 2 т. Т. 2: Очерки, статьи и речи из дневников и записных книжек. Письма. Москва: Гослитиздат, 1955. С. 213–214.
5. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/ (дата обращения: 31.05.2026).
6. *Брюсов В. Я.* Собр. соч. в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. I. С. 298–401.
7. *Иванов В. И.* Лик и личины России. М., 1995. С. 145–150.
8. *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 187–188.
9. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 958 с. С. 567–570.
10. *Лотман Ю., Минц З., Мелетинский Е.* Литература и мифы // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 58–65.
11. *Мурзин Н. Н.* Отвергнутый бог: Аполлон от греков и до наших дней // Vox. Философский журнал. 2017. № 23. С. 141–174.

12. *Можаева А.Б.* Миф в литературе XX века: структура и смыслы // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 305–306.
13. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // пер. с нем. Г.А. Рачинского. Санкт-Петербург: Азбука, 2014. С. 219–221.
14. *Осипова О. В.* Древнегреческая историография в русской науке конца XIX – начала XX вв. // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А. А. Тахо. М.: Наука, 2010. С. 74–79.
15. *Савельева О. М.* Отношение В. Я. Брюсова к сюжету греческого мифа о Тесее и Ариадне // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 205–211.
16. *Созина Е. М.* «Скифский текст» в творчестве поэтов Серебряного века // Отечественная филология. 2010. № 5. С. 104–109.
17. *Фридман И. Н.* Эстетика. Катартика. Теургия. «Теургический проект» в философии искусства Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева. // Начала. 1994 № 1. С. 156–157.
18. *Штейнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван: Ной, 1991.
19. *Юнг К.* Психология и литература. Москва, 1996. С. 35–37.

О.М. Валова
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: usr09478@vyatsu.ru
А.С. Левенцова
магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: nastyaleventsova@mail.ru

УДК 82.0

«Алиса в стране чудес»: разработка сценарного продукта для огненной трупы «Пламя Феникса» на основе сказок Л. Кэрролла

О.М. Валова, С.В. Чернова

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции филологического знания в сферу креативных индустрий на примере разработки сценарного продукта для огненного шоу по мотивам сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Актуальность обусловлена разрывом между технически оснащёнными, но драматургически несложными огненными номерами и театральными постановками, не использующими выразительные средства огня. Обоснована продуктивность междисциплинарного подхода, синтезирующего литературоведческий анализ, сценарное мастерство и технологию огненного перформанса. В статье представлена специфика народной сказки и её воплощение в художественном тексте Кэрролла. Практическим результатом стал оригинальный сценарий хронометражем 30 минут, демонстрирующий возможность успешной коммерциализации гуманитарного знания.

Ключевые слова: литературная сказка, Л. Кэрролл, нонсенс, архетип, «Алиса в стране чудес», огненное шоу, сценарный продукт.

Создание сценарного продукта по мотивам сказок Л. Кэрролла требует опоры на фундаментальные свойства как народной, так и литературной сказки. В научной традиции народная сказка как жанр устного народного творчества рассматривается в качестве особой формы эпического повествования, основанного на художественном вымысле: «Сказка – один из основных жанров народного устно-поэтического творчества. Сказка – преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [16, с. 356]. Установка на необычное и невероятное и особая композиционная организация становятся ключевыми ориентирами при переводе повествования на язык огненного перформанса.

В.Я. Пропп поделил все народные сказки на три типа: *волшебные; сказки о животных; бытовые.* В волшебных сказках специфика сюжета проявляется наиболее ярко: действие переносится в фантастический мир, герои обладают чудесным происхождением, важнейшую роль играют помощники и волшебные предметы [7, с. 20–24]. Исследователь выделил 31 функцию, показав, что, несмотря на разнообразие сюжетов, персонажей и деталей, основные действия повторяются. Эти функции, по Проппу, следуют в определённой последовательности и образуют модель волшебной сказки, независимо от конкретного сюжетного наполнения. К числу ключевых функций относятся, например, *отлучка*, *запрет и его нарушение, вредительство* или *недостача*, *отправка героя из дома, получение волшебного средства* (от дарителя), *борьба с вредителем, победа, возвращение* и *трансфигурация*. Центральным элементом повествования оказывается путь героя, начинающийся с возникновения недостачи и завершающийся её ликвидацией и восстановлением справедливости [14, с. 36–71]. Эта модель, как показано далее, становится структурным каркасом для сценарной разработки огненного шоу по мотивам «Алисы в Стране чудес» (1865).

Общность литературной и народной сказки коренится не в формальных признаках (наличие автора, способ бытования), а в глубинных механизмах организации художественного мира. Прежде всего, их объединяет установка на вымысел и чудо как сюжетообразующий фактор. В фольклорной традиции – это волшебные предметы и помощники, в литературной – авторская фантазия, которая, однако, сохраняет за чудом роль *«отправной точки характеристики персонажа»* [4, с. 234]. Кроме того, и народная, и литературная сказка обладают дидактическим потенциалом: фольклорная транслирует коллективные представления о добре и зле, авторская – решает морально-этические проблемы. Литературная сказка не отменяет фольклорную, а вырастает из неё, сохраняя фундаментальные принципы сказочного моделирования мира при всей индивидуальной свободе автора.

Однако, в отличие от народной, литературная сказка – это авторское произведение. Литературовед М. И. Мещерякова отмечает: «Именно авторское воображение, его представление о добре и зле создает особый мир литературной сказки» [12, с. 34]. Ключевая граница между записью фольклорной сказки и сказкой авторской состоит в наличии или отсутствии авторского замысла, индивидуальной концепции произведения [17, с. 146]. М. Н. Липовецкий полагает, что волшебно-сказочная модель мира в литературных сказках обязательно переосмысливается, а на ее фундаменте надстраивается образ современного художнику мира [8, с. 155]. В монографии «“Счастливый принц” и другие сказки об оскаре Уайльде» В. Г. Решетов и О. М. Валова, обобщив исследования М. М. Бахтина, ряд работ по теории и структуре сказки (В.Я. Проппа, а так же коллектива авторов, занимавшихся структурным описанием волшебной сказки), проанализировав сборники «Счастливый принц и «Гранатовый домик», сделали вывод, что в произведениях Уайльда «память жанра» сохраняется как раз в структуре, функциях героев, наличии бинарных оппозиций [15]. «Алиса в стране чудес» (1865) и «Алиса в Зазеркалье» (1871) при всей оригинальности повествования Л. Кэрролла также сохраняют структурную и отчасти содержательную «память жанра».

Викторианскую эпоху в Англии можно назвать «золотым веком» литературной сказки. М.В. Аникушкина называет такие особенности сказок того времени, как дидактизм, назидательность и, как следствие, адресация и детям, и взрослым [2, с. 212]. Своеобразие заключалось и в пути героя, который получал вознаграждение за труды, и в том, что дети не были похожи на взрослых, оставаясь детьми, а также в использовании авторами юмора, иронии и сатиры. Сказки создавались как форма восстановления подлинного детства и выступали своеобразным протестом против строгой викторианской морали.

«Алиса в стране чудес» (1865) и «Алиса в Зазеркалье» (1871) по своей жанровой природе относятся к литературной сказке. Об этом свидетельствует

установка на вымысел и подбор героев, характерных для сказки [11, с. 146]. Автор заимствует внешние атрибуты фольклорной волшебной сказки (путешествие героя в иной мир, встречи с чудесными помощниками и вредителями, испытания), но наполняет их принципиально иным содержанием. Подлинная художественная новизна дилогии кроются в систематическом применении поэтики нонсенса. Образная система «Алисы в Стране чудес» строится не на прямом отражении объективной реальности, а на материализации языковой картины мира. Как отмечает Т.А. Корнеева, «Кэрролл не возвращает понятия действительности, как это всегда происходит в речи, а превращает их в действительность» [6, с. 172]. Одним из ключевых художественных приёмов Л. Кэрролла является буквализация языковых метафор – превращение устойчивого образного выражения в физическое событие или материальный объект внутри сказочного мира. Языковые конструкции, утратившие в повседневной речи свою образность, у Л. Кэрролла обретают предметную форму и включаются в структуру художественного мира. Наиболее показательным примером служит образ Чеширского Кота. В английском языке существует устойчивое выражение *«to grin like a Cheshire cat»* («улыбаться, как чеширский кот»), которое в повседневной речи означает широкую, довольную улыбку. Кэрролл берёт этот фразеологизм и превращает его в физическое свойство персонажа. Кот способен исчезать, оставляя после себя одну лишь улыбку. Метафора перестаёт быть фигурой речи – улыбка отделяется от тела и начинает существовать как самостоятельный объект.

В архетипическом плане персонажи сказки восходят к универсальным моделям коллективного бессознательного. Архетипы, как отмечал С.С. Аверинцев, – «это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность». [1, с. 110]. Так, Чеширский Кот соотносится с фигурой трикстера – «обманщика», Мартовский Заяц – «хаотического безумца», Королева Червей – тиранического правителя, Алиса – Дитя-Искателя.

Синтез фольклорной структуры, кэрролловского нонсенса и архетипической образности создаёт фундамент для коммерциализации сценарного продукта, ориентированного на огненное шоу.

Сценарий огненного шоу «Алиса в стране чудес»

© С. В. Чернова, 2026

Краткое содержание шоу

Шоу состоит из 11 сцен и длится 30 минут. Алиса – обычная любопытная девочка, которая скучает в реальном мире. Увидев Белого Кролика с часами, она бросается за ним в нору и оказывается в Стране Чудес. Путешествуя по этому миру, героиня проходит через серию испытаний: попадает в комнату, где уменьшается и вырастает до гигантских размеров; встречает мудрую Гусеницу, которая дарит ей волшебный факел; оказывается на безумном чаепитии у Шляпника и Мартовского Зайца, где всё идёт наперекосяк; сталкивается с жестокой Красной Королевой, которая приговаривает её к казни за то, что она «ничего не сделала»; и наконец вступает в поединок с ужасным Бармаглотом и побеждает его. Финал – монолог изменившейся, повзрослевшей Алисы. Она благодарит каждого из встреченных героев за их уроки и понимает, что чудеса – это не волшебство, а мы сами. Алиса прощается со Страной Чудес и возвращается домой, унося с собой обретённое понимание себя.

СЦЕНА 1. Погоня за Кроликом

МУЗЫКА 1: Danny Elfman – Alice's Theme (From «Alice in Wonderland»)

(Сцена в дыму. Алиса сидит, скучает, листает книгу). Рядом огненный факел.

Рассказчик: «Знаете ли вы, что случается, если слишком долго смотреть в небо жарким летним днём? Мир начинает казаться слишком медленным. Слишком скучным. Слишком… настоящим. А настоящее – оно ведь такое зыбкое, верно? Стоит лишь моргнуть – и вы уже падаете туда, где кролики носят часы, а улыбки живут отдельно от котов…»

Из-за ширмы выбегает ***БЕЛЫЙ КРОЛИК*** *с огненной* ПАЛМОЙ. *Он мелькает, суетится (активно), смотрит на запястье (часы на руке).*

Кролик: «Всё пропало! Опаздываю! Опаздываю!»

(Алиса вскакивает, удивлённо прижимает руки к груди).

Алиса (растерянно): «Это… это кролик? В жилете? И он говорит?»

Кролик (замирает на секунду): «А ты ожидала увидеть зайца? Смотри по сторонам!»

Кролик ныряет в дым. Огненный след распадается на искры. Алиса бежит за ним.

Алиса: «Постой! А как же я? Куда ты?»

Рассказчик: «И Алиса полетела за Кроликом. Будто перышко в стакане с сиропом. Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты. Мимо пролетали книги, лампы, старые сны… И однажды она приземлилась. Там, где два одинаковых человека спорят о том, который из них настоящий…»

Алиса выходит из дыма с ФОНАРЕМ (или ФАКЕЛОМ). Не выходит, а будто выпадает из-за ширмы. Останавливается по середине и (на момент рассказа) размахивает руками, будто падает и рассматривает все, что падает.

Сценарная структура спектакля сознательно воспроизводит пропповскую модель волшебной сказки. Сцена реализует пропповские функции «отлучка» и «отправка»: Белый Кролик с огненной палмой, суетливо повторяющий «*Опаздываю!*», становится тем самым вредителем (или, точнее, проводником), который увлекает героиню в иной мир.

СЦЕНА 2. Мистическая комната

МУЗЫКА 2: «Drink Me»– Danny Elfman

(Алиса падает (импровизированно). Дым. На столике стоит ***БУТЫЛКА (****которую вынесли заранее****) с надписью* ***«ВЫПЕЙ МЕНЯ»*** *(внутрь можно добавить свет) и* ***ПИРОЖОК*** *с надписью* ***«СЪЕШЬ МЕНЯ»).***

Рассказчик: «И она упала. Не вниз. А внутрь самой себя. Комната была маленькая. Но в ней помещалось всё. Все страхи. Все вопросы. И два ответа. Только она ещё не знала, что ответы – это новые вопросы…»

(Алиса встаёт, оглядывается).

Алиса: «Где я?.. Это не нора. Это… комната. Но где же двери?»

Выносятся картонные фанеры, которые создают комнату (НА НИХ СВЕТОДИОДНЫЕ РИСУНКИ).

(Она подходит к столику. Берёт бутылку, которая светится изнутри).

Алиса (читает): «Выпей меня… А если это яд?»

Она ставит бутылку. Берёт пирожок.

Алиса: «Съешь меня… А если я навсегда останусь такой крошечной? Или… вырасту до неба?»

ФАНЕРЫ начинают медленно двигаться вокруг неё, это стены «дышат», комната как будто бы меняет размер.

Рассказчик: «И тогда Алиса поняла главное: в этой стране нельзя быть посередине. Либо вверх. Либо вниз. Она подумала, что на бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», решила рискнуть попробовать её содержимое».

Алиса (решительно): «Будь, что будет!»

(Алиса делает глоток из бутылки).

(ДЫМ. *Алиса «уменьшается» (присаживается, артисты поднимают фанеры высоко и отходят далеко).*

Алиса (пискляво): «Ой! Я… я маленькая! Слишком маленькая! Теперь до стола не дотянуться!»

(Она хватает пирожок, откусывает).

(ДЫМ. *Алиса «вырастает» (встает, а артисты сдвигают огненные арки (стаффы) ниже, Алиса сжимается).*

Алиса: «Ой! Теперь я слишком большая! Я как великан!..»

Комната начинает вращаться (артисты кружат вокруг неё с фанерами). Алиса кружится на месте.

Алиса (кричит): «Остановите! Я не хочу быть ни слишком большой, ни слишком маленькой! Я хочу быть… собой!»

Артисты замирают. Фанеры фиксируются на нормальной высоте.

Рассказчик: «И комната… услышала. Не потому что была волшебной. Просто Алиса впервые попросила её остаться собой. И дверь появилась».

*Из дыма проявляется **ДВЕРЬ** – арка из огня (два артиста с длинными стаффами соединяют их сверху). Алиса делает шаг. Дверь открывается (артисты расходятся в стороны). Алиса проходит.*

Скляночка с надписью «Выпей меня» и пирожок «Съешь меня» функционируют в тексте не просто как реквизит, но как символические объекты, организующие пространство смысла. Согласно концепции художественной предметности, развёрнутой В.Е. Хализевым в «Теории литературы», «факты окружающего людей бытия» являются «компонентами изобразительности» произведения, а «малыми и неделимыми звеньями художественной предметности являются единичные подробности (детали)» [18, с. 184]. Именно такие детали у Кэрролла последовательно перерастают в символы. Каждый предмет обретает философское или психологическое значение, превращаясь в центр смыслового поля соответствующего эпизода.

В этой сцене фразеологизм *«быть не в своей тарелке»* реализован буквально: комната меняет масштаб с помощью подвижных фанер со светодиодными рисунками, которые артисты двигают вокруг Алисы, создавая физическое ощущение дезориентации.

СЦЕНА 3. Два одинаковых (Траляля и Труляля)

МУЗЫКА 3: «How D'Ye Do and Shake Hands» – J. Pat O'Malley

*Из дыма выходят **ДВА ОДИНАКОВЫХ** с **ОГНЕННЫМИ ОБРУЧАМИ**. Они абсолютно одинаково одеты. Крутят обручи синхронно, но спорят.*

Первый: «Нет, это ты – не я!»

Второй: «А если я – не я, тогда кто же я?»

Первый: «Ты – ты, который не я. А я – я, который ты, но не совсем».

Алиса: «Извините… вы не видели кролика?»

Оба хором: «Кролик? А кролик – это кролик? Или кролик – это просто слово?»

(Одинаковые перебрасывают друг другу горящие обручи).

Алиса: «Странная страна…»

В сцене реализуется принцип поэтики нонсенса как способа деконструкции логики. По мнению Н.С. Демуровой, нонсенс переиначивает, «выворачивает наизнанку» привычные жизненные связи, однако вопреки буквальному переводу этого слова он отнюдь не сводится к простой «бессмыслице» или «чепухе», а заключает в себе некий глубинный смысл [5, с. 52–53]. Траляля и Труляля выстраивают спор в безупречной грамматической и псевдологической форме, однако содержание этого спора подрывает базовый закон тождества, создавая парадоксальную ситуацию, в которой субъект и объект окончательно утрачивают устойчивую референцию. Данный приём восходит к пародированию схоластических диспутов и философских трактатов и согласуется с наблюдением К.А. Мнацаканян, согласно которому ирония в викторианской сказке реализуется в том числе через «игру с многозначностью слов и иронически-пародийное цитирование чужой манеры высказывания, благодаря чему повествование приобретает характер полистилистической игры» [13, с. 122]. В данном случае объектом пародии становится сам способ формально-логического доказательства, доведённый до абсурда.

Вторым важнейшим механизмом, реализованным в сцене, выступает принцип буквализации метафоры и фразеологизма, которому в исследовании уделено значительное внимание. Внешний облик и сценическое действие «двух одинаковых», синхронно крутящих огненные обручи и ведущих идентичный спор, являются прямой визуализацией и перформативным воплощением лингвистической игры, лежащей в основе этих персонажей. Абсолютная идентичность костюмов, движений и реплик есть «ожившая» в пространстве

сцены метафора зеркального двойника, вербально разворачивающаяся у Кэрролла через споры о том, кто кому снится, и через путаницу имён.

Философская проблематика сцены достигает кульминации в диалоге с Алисой. На прагматичный вопрос Алисы: «Извините… вы не видели кролика?», следует хоровой ответ: «Кролик? А кролик – это кролик? Или кролик – это просто слово?». Этот фрагмент точно воспроизводит характерный для поэтики Кэрролла приём разрыва связи между знаком и референтом. Исследователь Ю. М. Лотман отмечал, что «само существование текста зависит не только от интенции и творческой активности автора, но и от аналогичной активности читателя, который, извлекая из текста смысл, реконструирует его» [10, с. 157]. В данной ситуации Алиса оказывается именно таким читателем/слушателем, пытающимся реконструировать смысл в коммуникативном пространстве, где сам статус слова – является ли оно именем объекта или «просто словом», то есть пустым набором фонем – поставлен под радикальное сомнение.

СЦЕНА 4. Чеширский Кот

МУЗЫКА 4: «Лунный вальс» – группа «Алиса» (не громко) *(куплет на связку, проигрыш для диалога, второй куплет на связку в паре)*

***(ДЫМ**. Из ниоткуда появляется ОГНЕННАЯ УЛЫБКА – это Чеширский кот с ГОРЯЩЕЙ УЛЫБКОЙ (серп наоборот на палочке**)**. Кот танцует связку).*

Кот: «А вот и наша гостья… Упала, долетела, не разбилась? Чудеса, да и только».

Алиса: «Ты… кот? Почему ты улыбаешься?»

Кот: «А почему бы и нет?»

Алиса: «Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?»

Кот: «Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти»

Алиса: «Да мне почти все равно»

Кот: «Тогда все равно, куда идти»

Алиса: «Лишь бы попасть куда-нибудь»

Кот: «Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, конечно, если не остановишься на полпути».

(Кот пропадает в дыму, остается только светящаяся улыбка).

ТАНЕЦ АЛИСЫ ВМЕСТЕ С КОТОМ (музыку громче) с двумя **чашами.**

Чеширский Кот в сцене 4 является показательным примером действия принципа буквализации языковых метафор. Английская идиома *«to grin like a Cheshire cat»* («улыбаться как чеширский кот»), существовавшая в языке задолго до Кэрролла, получает в сцене буквальное, визуальное и перформативное воплощение. Улыбка здесь перестаёт быть просто характеристикой персонажа – она становится самостоятельным действующим элементом, существующим отдельно от своего носителя. Сценарная ремарка фиксирует это с предельной точностью: «Из ниоткуда появляется ОГНЕННАЯ УЛЫБКА – это Чеширский кот», а завершается эпизод и вовсе исчезновением Кота при сохранении одной лишь светящейся улыбки. Центральный диалог сцены представляет собой квинтэссенцию философского нонсенса. Обмен репликами между Алисой и Котом построен по модели «сократического» диалога, однако содержательное наполнение этой модели оказывается парадоксальным. На вопрос Алисы *«Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?»* Кот отвечает: «*Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти»*. Формально это безупречно логичное суждение: цель определяет направление движения. Однако в ситуации, где Алиса не знает ни своего местоположения, ни конечной цели, этот ответ оказывается семантически опустошённым, обнажая прагматическую непригодность чистой логики в абсурдном мире. Последующая реплика Алисы *«Да мне почти все равно»* и ответ Кота *«Тогда все равно, куда идти»* доводят этот принцип до логического предела, демонстрируя, как формальная правильность умозаключения может сочетаться с полной коммуникативной бесполезностью. Финальная реплика Кота – *«Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, конечно, если не остановишься на полпути»* – заслуживает отдельного анализа, поскольку в ней наиболее отчётливо проявляется стратегия

двойной адресации, являющаяся жанрообразующим признаком викторианской литературной сказки [2, с. 215]. Для детской аудитории эта фраза звучит как забавный парадокс в духе «масло масляное»: действительно, любой движущийся куда-то попадёт, если не остановится. Однако для взрослого зрителя здесь открывается экзистенциальное измерение: высказывание прочитывается как философская максима о неизбежности достижения некоторого итога при условии продолжения самого движения, то есть жизни как таковой.

Важнейшим аспектом сцены является её визуальное и перформативное решение. Дым в данной сцене выполняет двойную функцию: с одной стороны, он служит техническим средством создания иллюзии возникновения из ниоткуда, с другой – выступает визуальной метафорой зыбкости, неопределённости и полуприсутствия, которые характеризуют Чеширского Кота в оригинальном тексте. Огонь, в свою очередь, наделяет улыбку демонической, инфернальной семантикой, что согласуется с амбивалентной природой персонажа как Трикстера – фигуры, не являющейся ни однозначно враждебной, ни однозначно дружественной героине. Финальная ремарка *«Кот пропадает в дыму, остается только светящаяся улыбка»* представляет собой кульминационный момент сцены, в котором визуальный образ достигает максимальной выразительности, буквально воплощая кэрролловский парадокс «улыбки без кота».

СЦЕНА 5. Гусеница Абсолем

МУЗЫКА 5: «Finding Absolem»– Danny Elfman

Появляется ГУСЕНИЦА АБСОЛЕМ. У него в руках **СТАФФ и не** горящий **ФАКЕЛ** для Алисы.

Рассказчик: «А дальше лес поредел. И на поляне Алиса встретила Того, кто помнит всё. Потому что сам никогда не растёт. И не уменьшается. Только ждёт и смотрит…»

Гусеница останавливает вращение. Замирает. Смотрит сквозь Алису.

Гусеница (голос низкий, медленный, чуть сонный): «Кто ты?.. Такая маленькая. И такая… торопливая».

Алиса (робко): «Я… я Алиса. Я ищу Белого Кролика. Он с часами. Вы не видели его?»

Гусеница (задумчиво): «Так… Алиса. Это имя ничего мне не говорит. А скажи-ка… Ты уже думала о том, кем ты станешь потом?»

Алиса (растерянно): «Потом? Я… я хотела бы сначала найти Кролика…»

Гусеница (усмехаясь): «Найти… АХАХАХА *(смеётся).* Все ищут. Кролика. Себя. Или дверь, которая никак не откроется. Ты сейчас слишком большая, чтобы пройти туда, куда тебе надо. И слишком маленькая, чтобы тебя не раздавили. Знаешь, что нужно сделать?»

Алиса: «Выпить зелье? Съесть пирожок?»

Гусеница: «Ни то и ни другое. Нужно… перестать быть собой. Хотя бы на минуту. А потом… вернуться. И тогда дверь сама найдёт тебя».

(Гусеница делает красивую связку стаффом)

Алиса (растерянно): «Но… как? Я не понимаю…»

Гусеница (уже исчезая в дыму): «Ты слишком много спрашиваешь, дитя. В этом твоя беда. Поймёшь, когда перестанешь задавать вопросы. А пока… возьми-ка вот это».

Гусеница протягивает Алисе небольшой факел. Алиса берёт.

Алиса: «А что это?»

Гусеница: «Кусочек меня. А теперь иди и не мешай мне думать».

Алиса остаётся одна, смотрит на огонь. Дальше она идёт с факелом в руке.

Алиса (тихо, себе под нос): «Странная какая… гусеница. Говорит загадками и не дослушивает. Но… мне кажется, она знает, о чём говорит».

Сцена с Гусеницей Абсолемом представляет собой художественную реализацию принципа многоуровневой образной системы, согласно которому персонажи дилогии «на поверхностном уровне представляют собой буквализованные фразеологизмы и «ожившие метафоры» английского языка,

на глубинном – восходят к устойчивым архетипическим моделям». Гусеница в данном контексте является прямым воплощением архетипической модели Мудрого Старца, однако трактованной в ироническом ключе, полностью соответствуя характеристике викторианской литературной сказки. Дидактизм «утрачивает прямолинейность и реализуется через иронию, игру, аллегорию и парадокс» [13, с. 117–122]. Реплика Гусеницы *«Кто ты?.. Такая маленькая. И такая… торопливая»* задаёт центральную тему сцены – тему идентичности, которая в дилогии Кэрролла неразрывно связана с мотивом изменения масштаба тела. Реплика Гусеницы *«Ты сейчас слишком большая, чтобы пройти туда, куда тебе надо. И слишком маленькая, чтобы тебя не раздавили»* представляет собой парадоксальную формулировку, обнажающую пограничное состояние героини. Афористический совет «*Нужно… перестать быть собой. Хотя бы на минуту. А потом… вернуться. И тогда дверь сама найдёт тебя»* формулирует квази-мудрость, которая, подобно всем наставлениям в мире нонсенса, одновременно указывает путь и ускользает от однозначной интерпретации. Финал сцены, в котором Гусеница передаёт Алисе факел со словами «*Кусочек меня*», является важным сценарным решением – это акт инициации и передачи магического предмета, что соответствует функции дарителя, выделенной В.Я. Проппом: «*В распоряжение героя попадает волшебное средство»* [14, с. 51]. Заключительная реплика Алисы *«Странная какая… гусеница. Говорит загадками и не дослушивает. Но… мне кажется, она знает, о чём говорит*» маркирует позицию героини как носительницы «нормальной» логики, столкнувшейся с иной аксиоматической системой, и одновременно фиксирует момент начала её адаптации к правилам этого мира.

СЦЕНА 6. Безумное Чаепитие

МУЗЫКА 6: The Mad Tea Party – The Unbirthday Song (From «Alice In Wonderland»)

(Стол. За ним – ***БЕЗУМНЫЙ ШЛЯПНИК и ЗАЯЦ со СНЕЙКАМИ).***

Шляпник: «Опоздала! Опоздала! А у нас – немытое место!»

Заяц: «Место? Какое место? У нас нет мест. Есть только дыры в расписании!»

(Они хватают Алису, сажают за «стол»).

Шляпник (крутит ПОИ): «Сколько будет дважды два? Только не думай! Думать здесь запрещено!»

Алиса: «Н-не знаю… Четыре?»

Заяц (пои над головой): «Неправильно! Свет! Свет всегда выигрывает у числа!»

Шляпник: «Свет выигрывает у числа!»

ТАНЕЦ ШЛЯПНИКА, ЗАЙЦА И АЛИСЫ (движения максимально хаотичные, герои двигаются по всему пространству «сцены»)

Шляпник (тихо): «Знаешь, Алиса… чтобы пройти дальше, тебе нужно потерять голову. Буквально. Или найти. Я так и не понял».

Алиса: «Куда дальше?»

Шляпник (указывает): «Туда. В сад. Только там… она. Красная».

Всё исчезают в дыму.

Эпизод обладает законченностью театральной мизансцены, он сам по себе представляет ситуацию со строгой пространственной организацией, ритуальным характером действия и наглядной системой взаимоотношений между персонажами, выраженной через пространственный и предметный ряд. Шляпник и Заяц в данной сцене не просто безумны как психологическая характеристика – их безумие реализуется через абсурдные диалоги, хаотичную пластику и нарушение всех правил социального этикета. Диалог сцены представляет собой концентрированное воплощение поэтики нонсенса как способа деконструкции логики. Реплика Шляпника *«Сколько будет дважды два? Только не думай! Думать здесь запрещено!»* и последующий обмен с Зайцем *«Свет всегда выигрывает у числа*!» являются образцовой иллюстрацией того, как Кэрролл, сохраняя безупречную формальную логичность рассуждений, наполняет их абсурдным содержанием. Математический вопрос получает ответ из иной, нерелевантной категориальной

системы (физика света вместо арифметики), и этот категориальный сдвиг объявляется истинным.

Хаотичный танец Шляпника, Зайца и Алисы, описанный в ремарке как «движения максимально хаотичные, герои двигаются по всему пространству сцены», является визуальным и пластическим эквивалентом словесного абсурда. Этот хореографический приём переводит логическую деструкцию в область телесной выразительности. Финальная реплика Шляпника «*Чтобы пройти дальше, тебе нужно потерять голову. Буквально. Или найти. Я так и не понял*» вновь актуализирует принцип буквализации метафоры: идиома «потерять голову» предстаёт здесь не в переносном, а в угрожающе-буквальном смысле, предвосхищая встречу с Красной Королевой и её знаменитую фразу *«Голову с плеч!»*. Упоминание «сада» и «Красной» выполняет сюжетообразующую функцию, направляя движение Алисы и замыкая драматургическую арку.

СЦЕНА 7. Лабиринт.

МУЗЫКА7: «Into The Garden» – Danny Elfman

(ДЫМ. КАРТЫ с ШАШКАМИ *красят белые розы в красный цвет)*

Первый Страж: «Королева любит красные! А мы посадили белые!»

Второй Страж: «Крась быстрее! А то головы лишимся!»

Алиса блуждает среди них.

Алиса: «Простите… вы не подскажете, где здесь выход?»

Первый страж (в ужасе): «Выход? ВЫХОД?! Выхода нет!»

Второй страж *(замирая, смотрит назад, в это время выходит КРАСНАЯ КОРОЛЕВА)*: «Её Величество Красная Королева!»

Появление Карт с шашками, красящих белые розы в красный цвет, является прямой аллюзией к оригинальному тексту Кэрролла и одновременно реализует принцип буквализации метафоры: карты здесь – не просто игральные символы, а живые персонажи, действующие в соответствии со своей мастью и рангом. Диалог Стражей *«Королева любит красные! А мы посадили белые!»* и *«Крась быстрее! А то головы лишимся*!» в сжатой форме воспроизводит

атмосферу тотального страха и абсурдной тирании, характеризующую мир Красной Королевы. Здесь вновь актуализируется мотив «головы», который, будучи идиомой, в данном мире угрожает стать буквальной реальностью. Вопрос Алисы *«Простите… вы не подскажете, где здесь выход?»* и ответ Первого стража *«Выход? ВЫХОД?! Выхода нет!»* воспроизводят модель коммуникативного сбоя, характерную для поэтики нонсенса. Подобно тому, как в сцене с Чеширским Котом вопрос о направлении движения упирался в парадокс цели, здесь вопрос о выходе наталкивается на онтологическое отрицание самой возможности выхода. Это сообщает сцене экзистенциальное измерение, работающее на стратегию двойной адресации: для детской аудитории это смешной момент паники, для взрослой – метафора «безвыходности» существования.

СЦЕНА 8. Встреча с Красной Королевой

МУЗЫКА 8: «The Queen Of Hearts /Who's Been Painting My Roses Red?» – Oliver Wallace.

Выход ***КРАСНОЙ КОРОЛЕВЫ*** *с огромными большими* ***ОГНЕННЫМИ ВЕЕРАМИ****. За ней идут ВОЛЬТЫ (помощники с факелами).*

Королева: «КТО КРАСИЛ РОЗЫ В БЕЛЫЙ ЦВЕЕЕЕТ?! Ах, это ты, ДЕВЧОНКА?! (*показывает на Алису)»*

Алиса: «Я… я не красила… я только вошла…»

Королева: «Только вошла?! Только вошла?! Голову с плеч!»

(Королева делает связку с ВЕЕРАМИ).

Алиса (испуганно): «Но за что? Я ничего не сделала!»

Королева (останавливается, веера замирают в руках, наклоняет голову): «Ничего не сделала? Это самое страшное преступление в моём королевстве! Бездействие карается смертью! Что ж ну раз ты такая смелая… *(Пауза. Вольты в это время переглядываются)* Приведите Бармаглота!»

(Вольты в ужасе разбегаются. ***ДЫМ).***

Алиса (дрожащим голосом): «Кого… кого привести?»

(Королева исчезает в дыму. Алиса в ужасе закрывает лицо).

Сцена встречи с Красной Королевой является кульминационной в плане реализации архетипической модели Тирана. Появление Королевы «с огромными большими ОГНЕННЫМИ ВЕЕРАМИ» в сопровождении Вольтов с факелами создаёт визуальный образ абсолютной власти, переведённый на язык огненного перформанса. Веер здесь выступает не просто как атрибут, а как продолжение тела персонажа, визуализирующий её способность «раздувать» гнев и «сметать» неугодных. Диалог сцены строится на приёме абсурдного обвинения, который подробно анализировался в контексте поэтики нонсенса. Восклицание Королевы «*КТО КРАСИЛ РОЗЫ В БЕЛЫЙ ЦВЕЕЕЕТ*?!» с последующим немедленным переносом обвинения на Алису демонстрирует логику мира, в котором причинно-следственные связи заменены произволом власти. Ответ Алисы *«Я… я не красила… я только вошла…»* и реакция Королевы «*Только вошла?! Только вошла?! Голову с плеч!»* доводят этот принцип до гротескного предела: сам факт появления в пространстве становится достаточным основанием для смертного приговора. Это согласуется с характеристикой викторианской литературной сказки, которая «выступает как особая форма художественного осмысления реальности, в которой сказочная модель мира используется не для ухода от действительности, а для её интерпретации и переоценки». За абсурдным судом Королевы просматривается критика реальных механизмов деспотической власти. Викторианская литературная сказка часто содержала в себе скрытую социальную критику [2, с. 212].

Финальный обмен репликами – *«Ничего не сделала? Это самое страшное преступление в моём королевстве! Бездействие карается смертью!»* – представляет собой философскую кульминацию сцены. В этом парадоксальном суждении, облечённом в форму комического абсурда, содержится глубокая мысль о природе тирании, которая не терпит нейтралитета и требует от каждого постоянной демонстрации лояльности через действие. Приказ «*Приведите Бармаглота!»* и последовавшее за ним бегство Вольтов в ужасе завершают

сцену на высокой драматической ноте, выполняя сюжетообразующую функцию перехода к центральному испытанию героини – битве с чудовищем.

СЦЕНА 9. Бой с Бармаглотом

МУЗЫКА 9: «Bandersnatched» – DannyElfman

Из дыма появляется **БАРМАГЛОТ в ОГНЕННЫХ КРЫЛЬЯХ**

Рассказчик:

«О бойся Бармаглота, сын!

Он так свирлеп и дик,

А в глуше рымит исполин –

Злопастный Брандашмыг!»

Алиса (берёт факел): «Я… я не воин…»

Голос Чеширского Кота (из дыма): «Все падали. Но не все вставали. У тебя получится, Алиса».

*(И из-за ширмы высовывается **УЛЫБКА КОТА)**.*

БИТВА С БАРМАГЛОТОМ

МУЗЫКА 10: «The Final Confrontation» – Danny Elfman

*Бармаглот «атакует» ФАКЕЛОМ, Алиса уклоняется вправо, пригибаясь. **ФАКЕЛ** проносится над её головой. Алиса резко выкидывает факел вперёд, целясь в крыло. Бармаглот блокирует. Он идёт вперёд, Алиса отступает, падает на одно колено. Бармаглот заносит оба стаффа для финального удара сверху. В этот момент Алиса не блокирует, а катится под ударом в сторону. Алиса, оказавшись за спиной Бармаглота, резко бьёт факелом по одному из крыльев. Бармаглот взревел от боли, замер. Факел падает из рук. **ДЫМ***

Алиса (тяжело дышит): «Я… я сделала это. Я победила…»

(Алиса смотрит на поверженного Бармаглота).

Из дыма медленно выходит **КРАСНАЯ КОРОЛЕВА с ВЕЕРАМИ**

МУЗЫКА 11: «Alice's Theme (Reprise)»– Danny Elfman

Королева: «Ты убила его. Моего Бармаглота. Ты даже не представляешь, как долго я его растила. Сколько голов я ему скормила… и вот. Пришла какая-то девочка с факелом и всё испортила!!! ГОЛОВУ С ПЛЕЧ!!!».

(Королева подходит к телу Бармаглота, пинает его ногой).

Алиса (опускает голову, произносит тихо): «Ну что ж… Рубите».

Королева (нехотя, сквозь зубы): «Ну уж нет! Раз ты просишь…Убивать тех, кто просит очень скучно. Ты даже не плачешь. Не умоляешь. Фу! Противная девчонка! Проваливай отсюда! И запомни: если ты когда-нибудь вернёшься… *(пауза)* Убирайся!».

(Королева исчезает в дыму).

Алиса (тихо, себе): «Я выиграла и проиграла одновременно. Кажется, я начинаю понимать эту страну».

МУЗЫКА 12: «AliceReturns» – DannyElfman

Рассказчик: «Алиса не знала, как вернуться. Но теперь она знала одно – чудеса не всегда добрые. И не всегда страшные. Они – просто чудеса. С ними нужно уметь договариваться. Главное – верить в них каждой частичкой себя. Верить искренне, по-настоящему!».

(Алиса уходит в дым)

Бармаглот в оригинальном тексте Кэрролла – это персонаж стихотворения «Jabberwocky», которое представляет собой квинтэссенцию нонсенса на уровне языка: оно состоит из слов, значение которых не зафиксировано ни в одном словаре, но интуитивно угадывается читателем. Бармаглот является наиболее полным воплощением принципа поэтики нонсенса на уровне персонажа: он одновременно реален (в рамках сюжета) и семантически пуст (его имя не отсылает ни к какому известному референту). Введение в сценарий голоса Рассказчика, декламирующего фрагмент знаменитого стихотворения в переводе-переложении *(«О бойся Бармаглота, сын! / Он так свирлеп и дик...»),* закрепляет эту связь с оригинальным текстом и придаёт сцене эпическое измерение.

С точки зрения композиционной структуры, сцена реализует ряд функций, выделенных В. Я. Проппом. Битва с Бармаглотом соответствует функции «Борьба*»: «Герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу»* [14, С. 58]. За ней следует функция «Победа»: «*Вредитель побеждается*» [14, С. 59].

Однако в сценарной интерпретации эти функции получают нетрадиционное наполнение. Алиса не является классическим героем-воином; её победа достигается не грубой силой, а ловкостью и решимостью, что подчёркивается её репликой *«Я… я не воин…»* и ответом Чеширского Кота *«Все падали. Но не все вставали. У тебя получится, Алиса»*. Этот обмен репликами актуализирует архетипическую модель Дитя-Искателя. Голос Кота и возникающая из-за ширмы улыбка выполняют функцию чудесного помощника, также описанную Проппом, но поданную в ироническом ключе.

Хореография битвы, подробно прописанная в сценарных ремарках, переводит внутренний конфликт героини в область физического действия. Уклонения, падения, финальный манёвр с заходом за спину противника – всё это пластические метафоры преодоления страха, которые полностью соответствуют методике перевода литературных образов в визуальный язык перформанса. Заключительная реплика Алисы «*Я… я сделала это. Я победила…»* фиксирует ключевой момент инициации героини.

Следующая за битвой сцена с Красной Королевой представляет собой переосмысление функций *«Ложные притязания»* и *«Обличение»*, выделенных Проппом [14, С. 64, 68]. Однако если в фольклорной сказке ложный герой изобличается и наказывается, то здесь Королева сама разоблачает собственную тираническую природу через парадоксальную логику: *«Убивать тех, кто просит очень скучно. Ты даже не плачешь. Не умоляешь. Фу! Противная девчонка!»*. Отказ от казни мотивирован не милосердием, а отсутствием ожидаемой эмоциональной реакции жертвы. Заключительная реплика Алисы «*Я выиграла и проиграла одновременно. Кажется, я начинаю понимать эту страну»* фиксирует достигнутый героиней уровень понимания абсурдной логики мира, в котором она оказалась, и одновременно маркирует её внутреннюю трансформацию от растерянного ребёнка к личности, способной к рефлексии над парадоксами бытия.

СЦЕНА 10. Возвращение. Монолог Алисы

Из дыма по одному, как воспоминания, выглядывают герои: **Кролик (пои), Кот (улыбка), Шляпник и Заяц (снейки), Королева (веера), Стражи (шашки).**

(Алиса стоит в центре. В руке факел).

Алиса (тихо, с чувством): «Знаете… мне казалось, что я просто сплю. Что сейчас открою глаза – и всё исчезнет. Но… сон не уходит. Он остаётся здесь *(касается груди).* Я пришла сюда испуганной девочкой, которая боялась опоздать, боялась быть странной, боялась… себя. А ухожу… другой? Нет. Я всё та же Алиса! Но теперь я знаю: сумасшествие – это не когда ты не в себе. Сумасшествие – это когда ты слишком долго притворяешься правильной».

(Пауза. Она смотрит на каждого героя).

«Кролик научил меня спешить туда, куда страшно. Кот – улыбаться, даже когда не понимаешь зачем. Шляпник и Заяц доказали, что правила созданы, чтобы их нарушать. А время – чтобы тратить его на тех, с кем хорошо. Бармаглот… он показал мне, что то самое страшилище живёт в моей голове. И его можно победить, если просто… взять и сделать».

(Герои выходят в центр по одному, когда про них говорит Алиса).

Алиса: «Я не знаю, вернусь ли я сюда когда-нибудь. Но если вы вдруг увидите белого кролика с часами… бегите за ним. Пожалуйста. Не сомневайтесь. Потому что чудеса не внизу, в норе. Чудеса – это мы сами!».

Сцена возвращения и монолога Алисы представляет собой финальный этап реализации жанровой структуры, восходящей к волшебной сказке, но переосмысленной в духе викторианской литературной традиции. Данная сцена соответствует пропповской функции «Возвращение» [14, с. 62]. Однако в сценарном продукте это возвращение трактуется не как физическое перемещение в пространстве, а как внутренняя трансформация героини.

Поочерёдное появление героев из дыма в момент, когда Алиса говорит о каждом из них, является визуальным воплощением концепции «памяти жанра», введённой М.М. Бахтиным: *«Жанр живёт настоящим, но всегда помнит своё прошлое, своё начало. Жанр – представитель творческой памяти*

в процессе литературного развития» [3, с. 142]. Каждый персонаж, возникая как воспоминание, актуализирует пройденный героиней путь и тот урок, который она извлекла из встречи с ним. Содержательная сторона монолога реализует стратегию двойной адресации. Фраза *«сумасшествие – это не когда ты не в себе. Сумасшествие – это когда ты слишком долго притворяешься правильной»* звучит как моральный вывод, доступный детской аудитории, и одновременно как экзистенциальная максима, адресованная взрослому зрителю, критикующая социальные нормы викторианской эпохи с её подавлением естественных начал во имя строгих духовных идеалов [9, с. 1384–1385]. Заключительная фраза монолога «Чудеса – это мы сами!» представляет собой итоговую формулу, подводящую черту под философской проблематикой всего сценарного продукта. Она переводит центр тяжести с внешнего волшебного мира на внутренний мир героини, что полностью соответствует концепции викторианской литературной сказки как особой формы художественного осмысления реальности: сказочная модель мира используется не для ухода от действительности, а для её интерпретации и переоценки.

СЦЕНА 11. Финал

Рассказчик: «Говорят, Алиса проснулась. Но иногда, по ночам, когда в доме тишина, она слышит тихий бой часов. Это Белый Кролик снова куда-то опаздывает. Туда, где чудеса становятся былью, а быль – сказкой. Прислушайтесь. Может быть, вы тоже его услышите…»

МУЗЫКА 13: БОЙ ЧАСОВ

МУЗЫКА 14: «Страна чудес» – Юрий Антонов

Бьют часы. Все герои одновременно делают финальный красивый выход. Короткая синхронная связка.

КОНЕЦ.

Финальная сцена выполняет композиционную функцию кольцевого замыкания, которая характерна для волшебной сказки [7, с. 24]. Слова Рассказчика *«Говорят, Алиса проснулась. Но иногда, по ночам, когда в доме тишина, она слышит тихий бой часов»* возвращают повествование в рамку

реального мира, оставляя при этом зрителя в состоянии амбивалентности: было ли путешествие сном, или грань между сном и явью проницаема? Эта амбивалентность соответствует философской глубине кэрролловского текста. Обрамляющая конструкция, при которой финал рифмуется с началом через образ Белого Кролика, создаёт ощущение завершённости и одновременно открытости, оставляя зрителя с вопросом о природе чудес и реальности. Синхронный выход всех героев и финальная связка под бой часов являются перформативным воплощением того синтеза филологического анализа и технологии огненного шоу, который был заявлен как главный практический результат исследования и который позволяет создать сценарный продукт, сочетающий визуальную зрелищность с художественной и смысловой глубиной.

Проведённое исследование подтвердило, что интеграция фундаментального филологического знания в сферу креативных индустрий является не только возможной, но и продуктивной. Теоретический анализ фольклорной и литературной сказки, поэтики нонсенса Л. Кэрролла и архетипической образности его произведений стал прямым инструментом сценарной разработки. Проект продемонстрировал, что междисциплинарный подход, синтезирующий литературоведческий анализ, сценарное мастерство и технологию огненного шоу, позволяет создавать конкурентоспособные продукты, не имеющие прямых аналогов на рынке креативных индустрий. Кроме того, работа стала прецедентом успешной коммерциализации гуманитарного знания, подтвердив, что классический литературный материал может выступать основой для сценического продукта с высокой добавленной стоимостью и двойной адресацией – к детской и взрослой аудитории.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Архетипы // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 томах. М., 1980. Т. 1 : А–К. С. 110–111.

2. *Аникушкина М. В.* Викторианский период как золотой век английской литературной сказки // Вопросы русской литературы. 2012. № 22. С. 208–217.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
4. *Брауде Л. Ю.* К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 36. № 3. 1997. С. 71–268.
5. *Демурова Н. М.* Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. М., 1979.
6. *Корнеева Т. А.* Языковые образы Л. Кэрролла и их перевод на русский язык // Вопросы лингводидактики и филологии в когнитивном аспекте : сборник научных статей. Чувашский государственный педагогический университет. Чебоксары, 2013. С. 171–176.
7. *Лазутин С. Г.* Поэтика русского фольклора. М., 1981.
8. *Липовецкий М. Н.* Поэтика литературной сказки. Свердловск, 1992.
9. *Ломакина И. Н.* Эволюция викторианского текста в английской литературе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2024. № 6. С. 1384–1392.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
11. *Мартынова Ю. А.* «Нонсенс» как стилистический прием: средства его воплощения в тексте (на примере повестей Л. Кэрролла) // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–1. С. 146–148.
12. *Мещерякова М. И.* Краткий словарь литературных терминов. М., 1998.
13. *Мнацаканян К. А.* Ирония и способы её выражения в английской литературной сказке викторианской эпохи // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2006. Вып. 2. С. 116–123.
14. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928.
15. *Решетов В. Г., Валова О. М.* «Счастливый принц» и другие сказки об Оскаре Уайльде. Киров, 2000.
16. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

17. *Сухоруков Е. А.* Соотношение понятий «Фольклорная – литературная – авторская сказка» (на примере современных экологических авторских сказок) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 19. С. 244–251.
18. *Хализев В. Е.* Теория литературы. М., 2004.

О. М. Валова
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: usr09478@vyatsu.ru
С. В. Чернова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: chernov_sofya1.2.3@mail.ru

УДК 929.51

Эволюция налоговой системы России XVII–XVIII вв. на примере города Малоярославца (по материалам переписных и ландратских книг XVII–XVIII веков)

С.В. Гусарова

Аннотация. На основе уникального исторического источника – книги «Малоярославец: Материалы для истории города» (1884 г.) – рассматривается эволюция налоговой системы России с XV по XVIII вв. Анализируя переписные, сметные, ландратские книги и ревизские сказки, автор прослеживает трансформацию единиц налогообложения (от сохи до ревизской души), изменение категорий плательщиков и механизмов сбора податей. Каждый этап был налоговой политики был вызван стремлением государства увеличить охват плательщиков и усложнить возможность уклонения

от налогов. Особое внимание уделяется социальным последствиям фискальной политики: дифференциации налоговой нагрузки, практике «круговой поруки», а также трагическим демографическим последствиям государственных реформ, зафиксированным в документах. А также проведен анализ влияния системы налогообложения на жизнь простого люда. Документы позволяют реконструировать повседневную жизнь и психологию податного сословия, показывая, что за ростом государственных доходов стояли человеческие судьбы. Раскрываются особенности службы в приказных избах, сопротивление населения переписям и истинная цена строительства империи, выплаченная податными людьми.

Ключевые слова: система налогообложения, переписные и ландратские книги, фискальная политика государства.

Современное государство невозможно представить без отлаженной системы налогообложения. В России налоги законодательно закрепились лишь в XIV – XV вв., когда на смену натуральному обмену приходит денежный рынок. С самого начала налоги были дифференцированы. Основными плательщиками налогов являлись крестьяне и ремесленники. С дворян и духовных лиц налоги не взимались.

Серьезные шаги на пути создания единой налоговой системы были сделаны во времена правления московского государя Ивана III Великого. При нем был издан Судебник 1497 г., который стал общегосударственным сборником законов, в том числе регулирующим вопросы собственности, финансов и налогообложения.

Иван III унифицировал налоговую систему на всей территории молодого Российского государства, включая присоединенные земли. При нем был введен посошный налог, который исчислялся в зависимости от количества пахотной земли.

В правление внука Ивана III Иоанна Грозного с начала 1550-х гг. проводилась новая налоговая реформа. Основные ее мероприятия включали:

создание законодательной базы; введение унифицированной единицы налогообложения; описи территорий; совершенствование системы сбора налогов [6, с. 181]. Подати с посадского населения, то есть торговцев и ремесленников, живущих за пределами городской стены, также взималась по сохам. Единицей налогообложения становилось определенное количество дворов в зависимости от степени их зажиточности. Население посадов делилось на 4 категории: «лучшие сохи» – богатые дворы, «средние» – как видно из названия это хозяйства среднего достатка, «меньшие» – небогатые дворы, а беднейшие хозяйства назывались «охудалые». С каждой из этих сох взимался одинаковый размер подати. Это означает, что богатые посадники платили гораздо больше налогов, чем бедные. Кроме того, существовала «круговая порука». Если беднейшие дворы не могли выплатить подати, их налоговая нагрузка перераспределялась между богатыми и средними хозяйствами.

Основанием для посошного налога стали Писцовые книги – периодически проводившиеся описи, проводившиеся на российских землях с XV по середину XVII в.

Именно такие документы были обнаружены нами в книге «Малоярославец: Материалы для истории города», которая была опубликована в 1884 г. в Москве в типографии Лаврова в Леонтьевском переулке. Книга состоит из шести частей куда входят: переписная книга 1646 г., сметные книги за 1674 – 1705 гг., переписные книги 1710-го и 1715 гг. и книга 3-й ревизии, а также описание города и уезда 1775 г.

Книга рассказывает о маленьком старинном городе Малоярославце, который был основан еще в XIV в. князем Владимиром Храбрым [1, с. 386]

Собранные в данной книге документы стали для нас источником изучения социально-экономической, демографической и административной истории этого российского провинциального города и позволили нам проиллюстрировать реформы налогообложения в России.

Так в первой главе приводится «Переписная книга 1646 года», которая никак не могла так называться на момент своего создания. Почему? Да по той

простой причине, что подобное летоисчисление (от рождества Христова) появится в России только спустя полстолетия с лишним. А в самой же книге сказано, что это данные «книги Ярославца Малого посаду досмотру и переписи Дмитрия Петровича Волынского да подьячего Матвея Кондратьева от 7154 г. (от сотворения мира)».

Как видно из самого названия – «Переписная книга» – главной задачей государевых людей была перепись всего населения города. Волынский и Кондратьев указывают: «У городища, что бывал город Ярославец Малой посад, а сколько на посаде в слободах дворов посадских людей и бобылей, то написано в книге подлинно» [5, с. 4].

Дальше идет тщательное перечисление: слобода Егорьевская (20 дворов), слобода Пречистенская (4 двора), слобода Ивановская (11 дворов), слобода Спасская (21 двор) и слобода Никольская (целых три (!) двора).

То есть во всём городе было 59 дворов, где проживало всего 125 человек. Вот уж, действительно, малый город!

Изучение данной переписи вскрывает интересные подробности жизни в России середины XVII в. Так, например, в перечне жителей слободы в первую очередь перечислены посадские люди, а бобыльские дворы указываются в самом конце. Дело в том, что посадские люди – это не просто торгово-ремесленное население посада и государевых слобод, главное, что это податное население, которое платило дань, то есть прямые налоги.

Да и за владение двором посадский человек был должен «тянуть тягло».

В то время как бобыль – безземельный хозяин, не нес никаких государственных повинностей! Поэтому в переписи они указываются отдельным пунктом.

В рассматриваемой нами «Переписной книге» по традиции того времени имена жителей города указаны в уничижительной форме: Васька, Сенька, Якушка, Захарка, Спиридонко и так далее. Интересно, что у некоторых жителей указаны прозвища. Например: Тимошка Тимофеев по прозвищу Кот, Ивка

Кузьмин по прозвищу Бунятко, бобыль Еремка Мартемьянов по прозвищу Жданко Трусихин.

Вторую главу «Материалов для истории города» составляют «Сметные книги 1674–1705 гг.» Указано, что таких книг имеется семь, но в некоторых из них не содержится описания самого города, а две вообще «не имеют конца». Поэтому издатели приводят только три из семи книг, да и то в сокращении.

Сметные книги – это ежегодные воеводские отчеты в Разрядный приказ о количестве служилых людей, наличии в городе денежной казны и запасов. В данном издании приведенные сметные книги практически не отличаются от переписных, так как в них приводятся данные только о жителях посадских дворов, причем в перечень включены только мужчины.

Но уже первая «Книга сметная служивых и посадских людей Ярославца Малого от 20 декабря 7183 г. (1674 г.)» может многое рассказать об особенностях местного административного аппарата второй половины XVII в. Так указано, что составил данную книгу «съезжей избы подъячий Венедитко Родионов», что он «сидит по твоему Великого государя указу, а окладу и жалованья ему нет», зато есть два сына «Алешка, да Федька малы [5, с. 16].

Почему в последние годы царствования Алексея Михайловича Тишайшего государственный служащий «съезжей избы подъячий» не имел ни оклада, ни жалования не понятно» [2, с. 70].

Прежде чем перейти к третьей главе «Материалов для истории города» обратимся к истории России и вспомним, что ещё В 1679 г. при Фёдоре Алексеевиче налоговая система была изменена с поземельной на подворную. Единицей обложения стал крестьянский двор. При этом принцип коллективной ответственности и мирской раскладки налогов сохранился. Но сколько дворов на самом деле должны платить налоги, было совершенно не понятно.

Желая выяснить количество налогоплательщиков, и предполагая, что количество дворов с последней переписи выросло, Пётр I в 1710 г. приказал организовать перепись населения, облагаемого налогами. Результаты этой переписи оказались удручающими…

Так вот в третью главу книги «Малоярославец: материалы для истории города» включена та самая переписная книга 1710 г., согласно которой в Ярославце Малом проживает всего 309 «тяглых людей мужеского пола», а из 101 двора, что указаны в переписи от 1674 г., осталось всего 77 дворов [5, с. 12].

То есть количество дворов не только не выросло, оно оказалось значительно меньше, чем ожидалось! Почти пятая часть запустела!

По сравнению с прошлой переписью ситуация выглядела настолько катастрофической, что по приказу великого государя и самодержца Петра Алексеевича воевода Григорий Никитич Чаплин вызвал земского старосту Малого Ярославца Антона Федорова для объяснений.

Отчет старосты показывает, насколько ухудшилась жизнь простого человека в России за последние несколько лет [2, с. 69].

С первых же строк этой страшной «сказки» становится не по себе: «Иван Григорьев в 1703 г. взят в солдаты и ныне двор его пуст; Мартин Семенов в 1704 году в Санкт-Петербурге в работниках умре; Никита Ефремов в 1707 г. от хворостей умре, брат его Юфим взят в солдаты, а сын его Василий девяти лет от роду кормится по миру…» и так полторы страницы перечисления горестей, которые обрушились на жителей Малого Ярославца.

Всего по свидетельству Антона Федорова за последние три года были «взяты в солдаты» 19 взрослых мужчин, причем у двенадцати из них остались без кормильца либо старики-родители, либо малые дети, которые вынуждены нищенствовать, так как из-за хворостей и возраста не могут себя прокормить.

В преклонном возрасте скончалось всего 8 стариков, зато 12 молодых мужчин возрастом не старше тридцати лет умерли на работах в Санкт-Петербурге, еще двое «живут не знамо где», и почти три десятка человек «кормится по миру по иншим сторонам». Именно эти данные беспристрастно и сухо рассказывают о трагических событиях, которые происходили в городских семьях.

Заканчивая этот горький перечень, Антон Федоров заявляет: «а буде я староста в сей своей сказке, что сказал ложно, то за ложную мою сказку вели государь учинить мне смертную казнь».

Как мы уже сказали, перепись 1710 г. была признана провальной. Выяснилось, что писцы часто брали откупные и попросту «пропускали» тот или иной населённый пункт. А крестьяне, пытаясь уйти от налогов, начали объединять дворы. Так в переписи старосты Малого Ярославца описан двор Марка Зотова, где кроме хозяина проживают его сыновья Федул (35 лет), Савелий (29 лет), Илья (25 лет), Федор (20 лет), причем четверо старших сыновей женаты и имеют своих детей. И здесь же, в том же дворе, проживают со своими семьями племянники Марка Зотова – Алексей (40 лет) и Василий (39 лет). Не слишком ли много взрослых мужиков на один двор?

Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, Петром I было принято решение назначить специальных чиновников, ландратов, ответственных за проведение новой переписи. Ландраты ставились во главе административных единиц – земельных долей. В задачу ландрата входило выявление объединённых крестьянских дворов, что пытались уйти от налогов. А также ладрат должен был подробно переписать все население дворов, находящихся на вверенной ему земельной доле [4].

Проводилась перепись с 1715 по 1717 гг. Итогом стало появление ландратских книг, которые являются документальным подтверждением результатов подушных переписей первой четверти XVIII в. При этом в ландратные книги, попала информация не только о мужчинах, но и женщинах.

Так вот четвертая глава «Материалов для истории города Малого Ярославца» включает в себя именно такую ландратскую книгу.

В ней сказано, что в 1715 г. по указу великого государя и всея России самодержца Петра Алексеевича в Московской Губернской канцелярии «за приписанием московского губернатора Алексея Петровича Салтыкова» ландрату Даниле Петровичу Дохтурову приказано в городах Можайске,

в Звенигороде, в Ярославце Малом и в городке Борисов переписать всех городских жителей по дворам, где они проживают. Кроме того, ландрату Дохтурову вменялось «в уездах ведомства своего, во дворцовых волостях, в монастырских в помещиковых и вотчинных сёлах и деревнях переписать дворы крестьянские и бобыльские, и нищенские; и в них людей по именам мужеского и женского полу переписать правду без всякую утайки».

В помощь к той переписи Дохтурову были присланы переписные книги все от того же 7186 г., и было особо указано, что ландрат в городе Ярославце Малом должен особо тщательно составить перепись городских жителей и указать количество будто бы опустелых дворов. После чего Дохтурову было приказано сравнить что «описано в той переписной книге и что против переписи 7186 г.» и если людей прибыло, то добавить долю «в воловой табели».

Мы видим, что Данило Петрович Дохтуров отнесся к порученному делу со всей ответственностью. Согласно его записям в пяти слободах насчитывалось 135 посадских дворов с населением 859 человек, и 7 нищенских дворов, где проживало 20 человек обоего пола. В конце своей работы ландрат Данило Дохтуров и комиссар Филипп Панкратьев сообщают, что по сравнению с переписью от 1674 г., где было указано, что в Ярославце Малом насчитывался 101 двор, на данный момент против той переписи прибыло 34 двора [5, с. 18].

Так что ландрату Данило Петровичу Дохтуров действительно удалось найти объединенные дворы тех, кто пытался уйти от налогов!

Однако проблемы, существовавшие прежде, ландратские переписи решить не смогли. Несмотря на то, что взяточников и людей, пытающихся уйти от налогов, ждала виселица, коррупция в России никуда не делась. Да и население отчаянно сопротивлялось новой налоговой системе. Кроме того, ландратские переписи проводились однократно, так что корректировать их ошибки было попросту невозможно [3].

В 1724 г. в рамках налоговой реформы Петра I произошёл переход от подворного к подушному налогообложению, при котором учитывалось всё

мужское население. Теперь в качестве единицы учёта не двор, а выступала ревизская душа. И необходимость в ландратских переписях отпала, на их смену пришли «ревизские сказки».

Таким образом, на основе анализа российского налогового законодательства и архивных документов книги «Малоярославец. Материалы для истории города» можно сформулировать следующие выводы:

1. Налоговая система России прошла путь от поземельного налогообложения (посошная подать при Иване III и Иване Грозном) к подворному (1679 г. при Фёдоре Алексеевиче) и далее к подушному (1724 г. при Петре I). Каждый этап был вызван стремлением государства увеличить охват плательщиков и усложнить возможность уклонения от налогов.

2. Анализ переписей 1646, 1674, 1710 и 1715 гг. показывает катастрофическое влияние Северной войны и строительства Санкт-Петербурга на жизнь провинции. «Сказка» земского старосты 1710 г. вскрывает прямую связь между фискальной политикой и запустением дворов: рекрутские наборы, принудительные работы и гибель кормильцев привели к нищенству и бегству населения.

3. Обнаруженные в книге 1884 г. документы (от переписной 1646 г. до ревизии 1762 г.) являются не просто статистикой, а уникальным социальным свидетельством. Уничижительные формы имён (Васька, Сенька), прозвища (Кот, Щипона) и личные трагедии («кормится по миру») позволяют реконструировать повседневную жизнь и психологию податного сословия, показывая, что за ростом государственных доходов стояли реальные человеческие судьбы.

Библиографический список

1. *Васильева Д.Д., Гусарова С.В.* Внуки Калитины: Дмитрий Донской и Владимир Храбрый // Семья в современном обществе: проблемы и пути их решения. Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXIV научно-практических чтений,

посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году семьи. М., 2024. С. 382–387.

2. *Гусарова С.В.* Малоярославец: отражение судьбы малого города в истории России // Торопец: 950 лет в исторической памяти. Материалы Всероссийской научной конференции. Тверь, 2024. С. 65–78.
3. Ландратские книги и ревизские сказки. // Альманах «Наследие» https://nasledie.digital/articles/landratskie-knigi-i-revizskie-skazki/
4. Ландратские книги и помощь в поиске по ним в РГАДА. https://dompredkov.ru/landratskye-knigi.
5. *Найденов Н.А., Николев И.Н.* Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 2024.
6. *Потапов П.В., Гусарова С.В.* Роль Ивана IV Грозного в Российской истории // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXIII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году педагога и наставника. Малоярославец, 2023. С. 180–187.

С.В. Гусарова.
кандидат педагогических наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва
E-mail: Gusarova@gmail.com

УДК 82-31

Эволюция взглядов Н.Г. Чернышевского 1840–1860 годах

И.В. Денисова, Е.В. Яснова

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования мировоззрения Н.Г. Чернышевского в период 1840–1860 гг. в контексте идейной борьбы

в России середины XIX в. Цель данной работы – проследить эволюцию взглядов Чернышевского от ранних философско-эстетических публицистических работ до создания целостного политэкономического манифеста, выразившегося в романе «Что делать?». Методология исследования основана на историко-литературном и сравнительно-типологическом анализе работ писателя, а также на реконструкции дискуссий между западниками, славянофилами, либералами и радикальными демократами. Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью переосмысления механизмов размежевания в общественной мысли и формирования роли литературы не только как части «прекрасного», но и как инструмента социального действия в России середины XIX в. Результат исследования показал, что полемика вокруг «чистого искусства» и его «гоголевского направления» стала формой борьбы за гражданскую ответственность литературы. Кроме того, была выделена траектория перехода Чернышевского от материалистической эстетики (диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности») к теории «разумного эгоизма», представленной широкой публике в романе «Что делать?».

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «Современник», западники, революционные демократы, либералы, «Что делать?», «новые люди».

Общественно-политическая обстановка в России в 1840–1860-е гг. была чрезвычайно напряженной и динамичной, литераторы как никто иной ощущали на себе ее влияние. Н.Г. Чернышевский, один из самых видных общественных деятелей середины XIX в., во многом способствовал ее развитию. Рассмотрим исторические условия, в которых происходило формирование его взглядов.

Правление Николая I после восстания декабристов (1825) характеризовалось жестким консерватизмом, который перешел в реакционное «мрачное семилетие». Однако укрепление незыблемости монархии, отрицание необходимости в каких-либо изменениях, сформулированные в триаде С.С. Уварова «Православная Вера. Самодержавие. Народность» [11],

и ужесточение цензуры с ростом влияния политической полиции не могли не встретить сопротивления.

Так описывает эти годы А.И. Герцен: «Юные, гордые силы были уже готовы выступить за гранитные берега, которыми образующий деспотизм стремился удержать образование… Громкие речи заменяются тихим шепотом, подземная работа идет в аудиториях, идет под носом у Николая в военных училищах, идет под благословением митрополитов в семинариях…Удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения» [1, с. 469].

Активное движение общественной мысли начало развиваться еще в 1830-е гг., в период активной дискуссии между западниками и славянофилами. Основными площадками борьбы становятся журналы «Москвитянин», «Отечественные записки», «Современник».

Таким образом, идейное становление Н.Г. Чернышевского протекало в контексте общественной дискуссии о способах преодоления кризиса и решения насущных вопросов социальной политики.

Ранние философские и эстетические работы Чернышевского заложили мировоззренческий фундамент для всей его последующей общественной и литературной деятельности. В них он сформулировал материалистическую эстетическую теорию и антропологические принципы.

Ключевой работой, ознаменовавшей переворот в литературе и критике, стала магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Более подробно ее мы рассмотрим ниже в контексте обострившейся дискуссии с представителями «чистого искусства».

Наряду с написанием диссертации Н.Г. Чернышевским был задуман цикл статей (предположительно 6–7), которые постепенно готовили бы читателей «к восприятию непривычных для традиционной теории словесности эстетических принципов и обновлению общего взгляда на искусство» [9, с. 56]. Публикация исследований предполагалась в «Отечественных записках», причем работа над циклом началась практически сразу по приезде

Чернышевского в Санкт-Петербург в 1853 г. Однако конфликт между Н.Г. Чернышевским и издателем «Отечественных записок» А.А. Краевским из-за статьи «Критический взгляд на современные эстетические понятия» – первой в задуманном цикле, стал поворотным моментом в ранней научной и публицистической деятельности мыслителя и ознаменовал собой невозможность компромисса между старой эстетической школой и формирующимся материалистическим направлением.

Отказ А.А. Краевского напечатать первую статью повлек за собой прекращение всей задуманной работы. В итоге из цикла сохранился текст первой и фрагменты второй статьи.

Чернышевский подходил к литературному анализу с научной точностью, поэтому для него было необходимо обозначить основные понятия, найти и дать им верные определения, чтобы в дальнейшем иметь возможность верно оперировать ими при создании критической картины. Для этой цели он обращается к эстетической системе.

Однако, прежде чем прийти к «реабилитации не только эстетики, но и теории вообще» [3, с. 41] Чернышевскому нужно было доказать необходимость и научную значимость эстетики в период, когда в российском обществе господствовал скептицизм по отношению к «отвлеченным теориям».

Впервые эта проблема рассматривается им в статье о русском переводе «Поэтики» Аристотеля (1854). Автор утверждает, что эстетика – это «система общих принципов искусства вообще и поэзии в особенности» [13, с. 268], без которых невозможна ни серьезная литературная критика, ни история литературы. Он полемизирует с эмпириками, считающими теорию бесплодной, доказывая, что без теории предмета невозможно даже помыслить его историю, так как нет понимания границ и значения самого предмета. Опираясь на труды Аристотеля, Чернышевский реабилитирует идею «подражания», но трактует ее как воспроизведение [14, с. 278] живой действительности. Он подчеркивает, что главным предметом искусства для Аристотеля была человеческая жизнь, а не природа, что созвучно материалистическим устремлениям самого

Чернышевского.

Именно в работе «О поэзии. Сочинение Аристотеля» писатель использует важный риторический прием: с помощью авторитета античного мыслителя он хочет вернуть эстетике статус «живой» и нужной науки, готовя почву для радикального пересмотра ее содержания в статье «Критический взгляд на современные эстетические понятия». И если в труде об Аристотеле он защищает эстетику вообще, то в «Критическом взгляде...» уже прямо заявляет о необходимости реформы. В ней автор ставит перед собой задачу «отвержения многих из ныне господствующих в эстетике понятий и заменение их новыми» [13, с. 127], но перед этим видит первостепенную задачу – сначала изложить понятным для широкий публики языком основные положения гегелевской философии, а также провести экскурс в историю возникновения и формирования самого «имени эстетики». Эта работа является теоретическим манифестом, в котором Чернышевский провозглашает необходимость пересмотра эстетики в соответствии с «характером направления, господствующего ныне в науке» – то есть материализма и позитивизма [16, с. 5].

Кроме этих работ важнейшими вехами формирования его взглядов стали статьи о литературном искусстве, дающие теоретические установки для будущего критического анализа. Например, в «Возвышенном и комическом» автор начал решительное размежевание с идеалистической школой эстетики, предложив оригинальную классификацию видов комического и глубокий психологический анализ характера человека.

Данное сочинение весьма показательно для уяснения того, как, опираясь на достижения предшествующей эстетической мысли, а во многом и отталкиваясь от них, Чернышевский неуклонно подходил к определению собственной позиции по основополагающим проблемам эстетики.

В следующем труде «Об искренности в критике» писатель определил назначение критики как служение интересам публики и развитие ее вкуса. Он настаивал на «дельной» критике, не отделяющей художественность

от идейного содержания и здорового взгляда на жизнь.

«Очерки гоголевского периода русской литературы» послужили уже теоретическим обоснованием критического реализма и «гоголевского направления», ориентированного на социальность и народность. В этом цикле Чернышевский не только воссоздал историю русской критики, но и утвердил образ «положительного человека», деятельность которого направлена на благо общества.

Для понимания позиции Чернышевского важно выявить, на какие именно теоретические основания он опирался, разрабатывая принципы литературной критики.

Опорой для молодого исследователя в первую очередь был материализм Людвига Фейербаха, в частности его антропологический принцип. Эта концепция, выразившаяся в следующих трудах: «Сущность христианства» (1841) и «Сущность религии» (1846) определила человека как единый природный организм в противовес идеалистическому или религиозному дуализму души и тела и имела для него решающее значение. Признавая человека существом сугубо природным, Чернышевский логически выводил законы общества из законов частной жизни людей. Следовательно, общественные структуры должны оцениваться по тому, насколько они служат естественным, материальным потребностям человеческого организма.

Эта мысль нашла развитие в статье «Антропологический принцип в философии» (1860). Работа написана как рецензия на «Очерки вопросов практической философии» П.Л. Лаврова, однако она далеко выходит за рамки критического разбора, становясь оригинальным философским манифестом. В основе лежит идея о тесном взаимодействии гуманитарных наук и естествознания. Кроме того, данная работа интересна тем, что в ней была заложена основа теории «разумного эгоизма», которая позже легла в основу этики «новых людей» в романе «Что делать?».

В дальнейших своих трудах он прочнее утверждается в приверженности материализму и последовательной «апологии действительности», а потому эти

философские концепции стали не просто теоретическим построением, а отправной точкой для всесторонней и последовательной социально-политической критики.

А дальнейшие работы Чернышевского выходят уже в «Современнике» – журнале, который стал для него определяющим не только в литературной деятельности, но и в судьбе.

После приезда в Санкт-Петербург в 1853 г. писатель активно включается в литературную деятельность и начинает публиковаться в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках». Работа в последнем принесла ему первых читателей и признание зарождающегося таланта. Однако несмотря на то, что «дебют в большой прессе» состоялся именно в «Отечественных записках» и сам журнал экономически был более успешен, разногласия с редактором А.А. Краевским, которого оттолкнула новаторская трактовка устоявшихся эстетических канонов [9, с. 57], привели к тому, что Чернышевский всё же связал свою судьбу с «Современником».

Можно сказать, что с этого момента начинается идеологический раскол, который определит судьбу русского освободительного движения. Именно на страницах ведущего издания столкнулись два мировоззрения: уходящий со сцены умеренный либерализм 1840-х гг. и набиравшая силу новая, революционно-демократическая идеология. «Недовольство со стороны «отцов» деятелями новой мировоззренческой генерации обостряется с приходом в журнал Н. Чернышевского и Н. Добролюбова. Журнал покидают писатели, делавшие ему имя» [7, с. 59].

К концу 1857 г. в редакции журнала сформировались две фракции. С одной стороны – революционно-демократическое крыло, представителями которого были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов и Н.А. Добролюбов. С другой – группа либералов-эстетов, куда входили критик А.В. Дружинин, В.П. Боткин, П.В. Анненков, И.С. Тургенев. Они отстаивали принципы «чистого искусства» и умеренных реформ. Приход Чернышевского в журнал ознаменовался процессом утверждения его лидерства и сопровождался тем, что

сам мыслитель называл «вытеснением» [15, с. 721] представителей старой эстетической школы и либерального дворянского круга: А.Ф. Писемский, Л.Н. Толстой, В.П. Боткин в 1858 г., И.С. Тургенев, Д.В. Григорович и П.В. Анненков в 1860 г.

Первой точкой невозврата стал спор об эстетике. Либеральное крыло во главе с Дружининым отстаивало концепцию «чистого искусства» или «эстетической критики». Дружинин противопоставил материализму «новую» артистическую теорию, основанную на идеалистической эстетике Канта и Гегеля и защищавшую автономию искусства от «временных» социальных нужд.

Главным вектором битвы стал спор о том, чье направление – пушкинское или гоголевское – должно определять будущее русской литературы. Чернышевский в своих ст. 1855 г. стремился доказать, что пушкинский период завершен и поэзия «чистой художественности» более не удовлетворяет потребностям времени, жаждущего «дела» и социального анализа. Дружинин же, напротив, утверждал, что сатирическое направление Гоголя изнурило литературу, и призывал вернуться к «пушкинскому» идеалу примирения с действительностью и поклонения красоте.

Согласно их взглядам, искусство самоценно и не должно служить утилитарным общественным целям. Дружинин призывал литературу изображать «радостные и светлые тона» действительности, отстаивал «чистое искусство для искусства», противопоставляя свое видение «гоголевскому направлению» с его социальной сатирой [2].

Этой позиции Чернышевский противопоставил свою собственную теорию, изложенную в магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Данный труд стал радикальным вызовом господствовавшей идеалистической эстетике Гегеля. Центральный тезис диссертации – «прекрасное есть жизнь» – утверждал, что красота является не проявлением абсолютной идеи, а неотъемлемым свойством самой жизни. Искусство, в свою очередь, не может стоять выше действительности, являясь

лишь ее «воспроизведением», чья цель – служить «учебником жизни», объяснять ее явления и выносить о них свой приговор. Эта работа представляла собой сознательную политизацию искусства, намеренное низведение эстетической формы в пользу социального содержания.

Рассматриваемый эстетический спор был лишь внешним проявлением более глубоких политических разногласий. Защита «чистого искусства» означала для либералов отказ от использования литературы как оружия в общественной борьбе. Для Чернышевского же, напротив, литература и критика были важнейшими инструментами преобразования общества, способными формировать сознание читателей и готовить их к будущим переменам. Таким образом, спор об эстетике был, по сути, спором о гражданской ответственности писателя: либералы отстаивали право художника на внутреннюю свободу, в то время как для Чернышевского такая свобода была равносильна предательству в преддверии решающих исторических битв.

Продолжая дело Белинского, Чернышевский переосмыслил задачи литературы и критики. В своих «Очерках гоголевского периода русской литературы», как мы уже отмечали ранее, он окончательно закрепил переход от чисто эстетических критериев к требованию служения литературы общественным интересам. Литература, по его убеждению, должна была не столько отражать прекрасное, сколько объяснять жизнь и выносить ей приговор «литература все яснее и яснее является... служительницею интересов не столько искусства, сколько общества» [13, с. 210].

Одной из самых резонансных работ в этом отношении стала статья «Русский человек на rendez-vous» (1858), посвященная повести И.С. Тургенева «Ася». В ней он вынес суровый приговор дворянскому либерализму и его литературному воплощению – типу «лишнего человека». Если Тургенев изображал своего героя со смешанным чувством сочувствия и критики, то Чернышевский был бескомпромиссен. Он увидел в нерешительности героя не личную драму, а социальный диагноз – неспособность дворянских

либералов к реальному действию. С этой статьи идейное размежевание между дворянской интеллигенцией 1840-х и нарождающимися разночинцами 1860-х приобретает характер непримиримого классового и поколенческого антагонизма.

Таким образом, идейная борьба в «Современнике» завершилась полной победой революционно-демократического крыла. Журнал стал главным рупором радикальных идей, а Чернышевский – признанным авторитетом революционного нового поколения.

Итогом размышлений писателя, эволюции его социальных, политических и философских взглядов, представленных уже не в публицистическом виде, а в художественной форме, стал роман «Что делать?». Написанный в 1863 г. в одиночной камере Петропавловской крепости, он является идейной кульминацией всего рассматриваемого периода. Это произведение – не просто роман, а программа действий, предлагающая модели нового общества, новой этики и нового типа человека. Он стал евангелием для нескольких поколений русских революционеров, дав ответы на главный вопрос эпохи.

В основе романа лежит философская концепция «разумного эгоизма». Чернышевский утверждал, что, действуя в своих личных интересах, человек, если он руководствуется разумом, в конечном итоге приносит пользу всему обществу «я чувствую радость и счастье» – значит «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы» – по-человечески, эти обе мысли одно» [17]. Его герои – Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов – воплощают этот принцип на практике. Они строят свою жизнь на основе свободы, равенства и взаимного уважения, организуя швейные мастерские на кооперативных началах и создавая семью нового типа, свободную от ревности и собственничества.

Эти «новые люди» разительно отличались от «лишних людей» дворянской литературы (Онегин у Пушкина, Печорин у Лермонтова, Рудин у Тургенева). Если «лишние люди» были способны лишь на рефлексию и красивые слова, то герои Чернышевского деятельны, «люди отважные, не колеблющиеся, не отступающие, умеющие взяться за дело» [9, с. 205].

Вершиной этого нового типа личности в романе становится образ «особенного человека» – Рахметова. Это профессиональный революционер, аскет, подчинивший всю свою жизнь одной цели – служению народу. Он сознательно отказывается от личного счастья, закаляет свою волю, читает только «то, что нужно», и даже спит на гвоздях, чтобы испытать свои силы. Рахметов, которого современники воспринимали как идеал нигилиста, стал прообразом для нескольких поколений русских революционеров. Д.И. Писарев так характеризовал «особенных людей» подобных Рахметову «они любят всех людей, страдают от каждой совершающейся несправедливости, переживают в собственной душе великое горе миллионов и отдают на исцеление этого горя все, что могут отдать» [8, с. 45].

Раскол в русском общественном движении середины XIX в. был обусловлен комплексом глубоких причин, связанных с переломным характером эпохи. Фундаментальные вопросы о роли искусства в жизни общества, о путях развития страны неизбежно разделяли интеллигенцию на сторонников компромисса и приверженцев активных действий.

В этом процессе идейного размежевания личность и творчество Н.Г. Чернышевского сыграли решающую, поляризирующую роль. Путь писателя представляет собой цельную траекторию мысли: от философской реабилитации действительности в «Эстетических отношениях...» через бескомпромиссную публицистическую борьбу на страницах «Современника» к созданию в романе «Что делать?» целостной программы революционного преобразования России. Этот путь является не разрывом с ранними идеями, а их логическим развитием, углублением и расширением. Философ-материалист закономерно превратился в социального критика, а критик – в идеолога революции. Именно эта последовательность и цельность мировоззрения сделали Чернышевского ведущим теоретиком революционной демократии своего времени.

Библиографический список

1. *Герцен А.И.* О социализме : Избранное / А.И. Герцен ; вступительная статья и общая редакция В.П. Волгина. М., 1974.
2. *Дружинин А.В.* Прекрасное и вечное. М., 1988.
3. *Зельдович М.Г.* Е. Эдельсон и Н. Чернышевский в начале 1850-х гг.: проблемы литературной критики // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов. Саратов, 2002. Вып. 14. С. 28–46.
4. *Коськов М.А., Харитонова М.Е.* К истории вопроса о философском осмыслении предметного мира с точки зрения его красоты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-voprosa-o-filosofskom-osmyslenii-predmetnogo-mira-s-tochki-zreniya-ego-krasoty (дата обращения: 11.03.2026)
5. *Маслов Р.В.* «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевского и современность // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов. Саратов, 2013. Вып. 19. С. 55–61.
6. *Никольский С.А.* Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М., 2012.
7. *Новикова Н.В.* К предыстории и рецепции воспоминаний Н. Чернышевского о психологической конфронтации Н. Добролюбова и И. Тургенева / Н.В. Новикова // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов. Саратов, 2012. Вып. 18. С. 59–72.
8. *Писарев Д.И.* Мыслящий пролетариат. М., 1944.
9. *Ратников К.В.* Категория комического в интерпретации Н.Г. Чернышевского и С.П. Шевырева // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов. М., 2004. Вып. 15. С. 56–64.

10. *Тверитинов А.Н.* [Предисловие] // Критический разбор принципов политической экономии Джона Стюарта Милля Н.Г. Чернышевским // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : межвузовский научный сборник. Саратов, 1983. Вып. 9. С. 93–105.
11. *Тихомиров В.В.* Русская литературная критика середины XIX в.: теория, история, методология. Кострома, 2010.
12. *Уваров С.С.* О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения . 1833. URL: https://ideology.rhga.ru/upload/iblock/762/11) %20Уваров.pdf (дата обращения: 10.03.2026).
13. *Чернышевский Н.Г.* Критический взгляд на современные понятия // Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1949. Т. 2 : Статьи и рецензии 1853–1855. С. 127–159.
14. *Чернышевский Н.Г.* О поэзии // Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1949. Т. 2 : Статьи и рецензии 1853–1855. С. 263–288.
15. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939. Т. 1.
16. *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности : [диссертация] // Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1949. Т. 2 : Статьи и рецензии 1853–1855. С. 4–93.
17. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939. Т. 11.

И.В. Денисова
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: in.sun-dweller@yandex.ru

Е.В. Яснова
магистрант
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: elizavetayasnova@yandex.ru

УДК 811.161.1

Отражение русского национального характера во фразеологизмах со словом «душа» в русском языке

С.М. Исупова, Фань Мэйци

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы со словом «душа» в русском языке и их роль в отражении русского национального характера. Фразеология является наиболее насыщенным культурными смыслами пластом языковой системы, в которой отражены история, обычаи и ценности народа. Выявляется семантическое значение слова «душа», объединяющее религиозное, нравственное и эмоциональное понятие. Материалом исследования служат 15 фразеологических единиц, в ходе анализа данные единицы распределены на пять групп в соответствии с теми чертами русского национального характера, которые они репрезентируют. Делается вывод о том, что фразеологизмы со словом «душа» выступают важным источником для определения ключевых особенностей русского менталитета.

Ключевые слова: фразеологизм, «душа», русский язык, русский национальный характер, менталитет.

Фразеологизмы содержат богатый национально-культурный подтекст, имеют историческую ценность и активно используются как в устной, так и в письменной речи. В то же время фразеологизмы несут в себе народную мудрость и являются важной частью культуры, в них отражён быт, обычаи, традиции, мышление предков, история страны, национальный характер. Как справедливо отмечает Телия, фразеология в исследованиях языковой направленности занимает значимое место как наиболее насыщенный культурными смыслами пласт языковой системы. В ней, как в зеркале, отражается история и культура народа, его нравственные ценности [7, с. 161]. Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, имеющие целостное лексическое значение и служащие богатым эмоциональным и выразительным способом для отражения менталитета народа, создающего фразеологизмы.

Особый интерес фразеологические обороты вызывают у иностранных граждан, которых интересует удивительная русская душа.

Следует отменить, что национальный русский характер формировался под влияние многих этнических, социально-исторических, культурных и географических фактов. К национальному характеру Т. В. Тучкова относит безграничность свободы духа, странничество, искание правды и зависимость. В народной душе нет места мещанству, ей свойственны, бесконечное мученическое стремление найти смысл жизни [8, с. 19–22]. Фразеологизмы, как в «зеркале» культуры народа, в значительной степени отражают русский национальный характер. Слово «фразеология» происходит от двух греческих слов: фразис – «выражение» и логос – «учение» [10]. Отдельные выражения называются фразеологическими оборотами, или фразеологизмами, хотя иногда для их обозначения используются и другие термины: идиома (что в переводе с греческого означает «своеобразная»), фразеологическая единица. Изучение фразеологизмов важно для познания русского языка и понимания русского национального характера. Во фразеологизмах русского языка единицы со словом «душа» занимает особое место не случайно. Именно «душа» в русском языке аккумулирует представление о внутреннем мире человека, нравственных качествах, эмоциональных состояниях и отношении к другим людям.

Обращение к словарям позволяет нам выявить семантическое значение слова «душа». В «Толковом словаре современного русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова отмечается: душа – «внутренний, психический мир человека, его сознание», «то или иное свойство характера, совокупность переживаемых человеком чувств», а также «человек в его внутренних, душевных качествах» [9]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, помимо указания на душевную организацию человека, подчёркивается, что душа понимается и как «источник чувств, переживаний, настроений» [5]. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет душу как «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» и одновременно

как «душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство» [2]. Эти определения свидетельствуют о том, что «душа» в русском языке оказывается не просто абстрактным понятием, а сложным синтезом религиозного, нравственного и эмоционального понятия.

Для анализа русского национального характера во фразеологизмах со словом «душа» мы выбрали следующие лексемы и отметили их значения из «Фразеологического словаря русского литературного языка» [11].

1). «От души» – искренне

2). «Брать за душу» – глубоко волновать, тревожить.

3). «В глубине души» – с тайной верой, надеждой; подсознательно.

4). «Всеми силами души» – очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.).

5). «Родственная душа» – человек, близкий по духу, по убеждениям кому-либо.

6). «Вкладывать в душу» – внушать что-либо, вызывать какие-либо чувства, мысли, убеждения.

7). «Душа в пятки ушла» – о том, кто испытывает сильный страх, испуг.

8). «Душой и телом» – совершенно, целиком и полностью.

9). «Еле-еле душа в теле» – едва, чуть жив, очень слаб от болезни, усталости и т. п.

10). «Душа на месте» – кто-либо совершенно спокоен, ничем не встревожен, не беспокоится.

11). «Кошки на душе скребут» – состояние неудовлетворения

12). «Как Бог на душу положит» – как вздумается, захочется.

13). «Души не чаять» – безгранично любить; обожать, доверяя во всём

14). «Стоять над душой» – мешать, надоедать своим долгим присутствием.

15). «Душа в душу» – очень дружно, в полном согласии (жить).

По семантической направленности мы разделили фразеологизмы на 5 групп:

А. ***Сильная эмоциональность и крайнее выражение чувств:*** *2) «Брать*

за душу», 4) «Всеми силами души», 7) «Душа в пятки ушла», 11) «Кошки на душе скребут», 13) «Души не чаять».

Они описывают эмоциональные состояния и отношения в их максимальном проявлении: страх, любовь, тоска, волнение никогда не бывают «умеренными», а наоборот, они захватывают всего человека и через образ души переживают. В русском языке слово «душа» выступает не просто пассивным проявлением эмоций, но и активным участником: душа может *«уйти в пятки»*, на ней *«скребут кошки»*, человек *«не чает»* в ком-то души, то есть настолько поглощён чувством, что теряет ощущение границ своего «я». Все пять единиц описывают эмоции не через рациональное осознание, а через изменение состояния «души». Такое выражение отражает фундаментальную черту русского национального характера – истинное чувство всегда сильно, оно не подчиняется воле и не может быть «умеренным». Как отмечает Горелов, «Русский – человек крайностей» *[*1, с. 47].

В. Искренность и глубина отношений между людьми: *1) «От души», 5) «Родственная душа», 6) «Вкладывать в душу», 15) «Душа в душу»*

В этой группе фразеологизмы фиксируют искренность и глубокую связь между русскими людьми, описывают искреннее действие *(«от души»)*, либо глубокую привязанность *(«родственная душа», «душа в душу»)*, либо процесс влияния на внутренний мир других *(«вкладывать в душу»).* В совокупность они показывают, что в русской культуре важность душевных отношений раскрывается в межличностной коммуникации, где искренность ценится выше внешних приличий.

С. Непознаваемость и святость внутреннего мира русского человека: *3) «В глубине души», 12) «Как бог на душу положит»*

Данная группа фразеологизмов, выделенная нами, небольшая, но проявляет ключевой смысл для русской ментальность: душа как тайна, но не до конца познаваемая, даже святая зона. Фразеологизм *«в глубине души»* указывает на скрытой слой, который может не совпадать с проявлениями, так как это внутреннее пространство. Фразеологизм *«как бог на душу положит»*

отражает идею, что источник желаний и решений находится не в рациональной воле, а в высшем существовании, действующем через душу русского человека. Эта совпадает с чертой русского менталитета, которую Ю. М. Лотман называл *«иррационализмом русской культуры»*: признанием того, что внутренняя жизнь человека подчиняется не столько логике, сколько таинственным, часто непредсказуемым законам [4, с. 47].

D. Отношение к личностным границам: от покоя до вторжения: *10) «Душа на месте», 14) «Стоять над душой»*

Оба фразеологизма описывают душу в её пространственно-граничных характеристиках: стабильность внутреннего состояния как нахождение *«на месте»* и дискомфорт как результат чужого присутствия *«над душой».* Эта группа отражает двойственное отношение к личностным границам в русской культуре: с одной стороны, душа – это личное пространство, требующее покоя *(«душа на месте»)*; с другой – в близких отношениях допускается «входить в душу», но нарушение границ может проявляться как негативное *(стоять над душой).* Как отмечает И. А. Стернин, в русской коммуникативной культуре существует *«понятие душевного пространства»*, которое охраняется не менее ревностно, чем физическое, однако степень его открытости сильно варьируется в зависимости от степени доверия [7].

E. Целостность человека: единство души и тела: *8) «Душой и телом», 9) «Еле-еле душа в теле».*

«Душой и телом» – этот фразеологизм описывает состояние, когда человек отдаётся какому-либо делу или чувству в единстве всех своих составляющих. Противоположное состояние – *«еле-еле душа в теле»* – выражает состояние крайнего истощения или болезни, как будто душа «удерживалась» в теле и их разъединение грозит смертью. В обоих случаях душа и тело мыслятся как два начала, составляющие единое целое, душа играет роль источника жизненности.

Эта черта национального характера – неразрывность духовного и физического – восходит к мысли о православии, где тело не противопоставляется душе как клетка, а становится её храмом.

Приходим к выводу, что в русском национальном характере радость и полноценность бытия достигается именно в единстве души и тела. Проведённое небольшое исследование позволяет сделать вывод о том, что фразеологизмы с компонентом «душа» являются важным источником для понимания представителями других наций русского национального характера. Анализ 15 фразеологических единиц, отобранных из словаря А. И. Фёдорова, показал, что фразеологические обороты, распределённые нами на 5 групп, отражают определённую черту русского менталитета: эмоциональную интенсивность, искренность и глубину межличностных отношений, иррационализм и непознаваемость внутреннего мира русского человека, специфическое отношение к личностным границам, целостность русского человека, единство его души и тела. Таким образом, фразеологизмы со словом «душа» выступают не просто языковыми единицами, а «сгустками» культурного кода, фиксирующими ценности и мировосприятие русского народа. Их изучение значимо для представителей других наций и народностей, необходимо для межкультурной коммуникации. Перспективу дальнейшего исследования может составить сопоставительный анализ с аналогичными единицами в других языках.

Библиографический список

1. *Горелов А. А.* История русской культуры: учебник для академического бакалавриата. М., 2012.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи. М., 2009.
3. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте СПб., 2006.
4. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб., 1994.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2018.
6. *Стернин И. А., Прохоров Ю. Е.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.

7. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
8. *Тучкова Т. В.* Н. А. Бердяев о русском национальном характере // Вестник Мурманского государственного технического университета. 1999. Т. 2, № 1. С. 19–22.
9. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка: около 100 000 слов. М., 2013.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2009. Т. 4: Т – Ящур.
11. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. М., 2008.

С.М. Исупова
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: nat.shulateva_@yandex.ru
Фань Мэйци
магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: fan_meytsi@vk.com

УДК 82-31

Гендерная проблематика в новеллах Стефана Цвейга «Brennendes Geheimnis» и «Angst»

С.А. Кароннова

Аннотация. В данной статье проводится анализ новелл С. Цвейга в рамках гендерного аспекта и делается вывод о том, что в своих произведениях писатель уделяет большое внимание взаимоотношениям полов и их репрезентации. Гендерная проблематика в новеллах Стефана Цвейга

сосредоточена на глубоком психологическом анализе женских образов, их эмоциональности, страсти и зависимости от патриархального общества. Цвейг исследует «женскую судьбу» через призму экстремальных чувств, жертвенности и часто трагического подчинения мужскому началу, анализируя границы между маскулинностью и феминностью. А также автор исследует мужские характеры через призму их неспособности к глубокому чувству или, напротив, через разрушительную силу желания. Новеллы Цвейга рассматривают гендер не только как социальную роль, но и как внутреннюю, глубоко личную борьбу эмоций.

Ключевые слова: гендерная проблематика, новелла, жанр, характер, стереотип, текст

В рамках гендерного аспекта интересны произведения австрийского писателя Стефана Цвейга, считавшегося мастером психологической новеллы. Этот жанр не случайно выбран для анализа. В отличие от романа, раскрывающего характер героя в его становлении, новелла имеет дело с готовыми характерами, которые через особое сцепление обстоятельств и отношений даны в одном интересном конфликте, раскрывающем их чистую природу [2].

Цвейг создал и детально разработал свою собственную модель новеллы, отличную от произведений общепризнанных мастеров короткого жанра. События большинства его историй происходят во время путешествий, то увлекательных, то утомительных, а то и по-настоящему опасных. Все, что случается с героями, подстерегает их в пути, во время коротких остановок или небольших передышек от дороги. Драмы разыгрываются в считанные часы, но это всегда главные моменты жизни, когда происходит испытание личности. Новеллы Цвейга тяготеют скорее к повести или к роману. Их объём значительно больше, чем представляет собой классическая новелла, что позволяет шире посмотреть на обозначенные проблемы и открывает больше возможностей для интерпретации, раскрытия гендерного аспекта.

Новеллы Цвейга – это проникновение в душу человека, анализ его глубинных чувств и пластов психологии. В драматических проблемах жизни, о которых повествует автор в своих новеллах, он далёк от упрощённого социологического подхода, он видит в драматических коллизиях проявление тайн пола и вечных чувств.

Так, в новелле «Brennendes Geheimnis» один из главных героев – барон, молодой человек, принадлежащий к не слишком родовитой семье австрийской чиновной знати, берёт себе недельный отпуск и отправляется отдыхать в горы, останавливаясь в гостинице. Всеобщий любимец, повсюду воспринимаемый с распростёртыми объятиями, он не переносил одиночества. Ему нужно было соприкосновение с людьми, чтобы могли развернуться его таланты. Он принадлежал к числу тех молодых людей, которые благодаря своей красивой наружности пользуются успехом и всегда готовы к новым победам, всегда ищут новых приключений.

Перед нами типичный представитель мужской части общества. В нём сильно мужское начало – зачинающее, инициативное, деятельное и динамическое. В основе его поведения заложено уже сложившееся представление о том, каким должен быть мужчина. Стереотипно считается, что мужчины во всех обществах более независимы, доминантны, властны, авторитарны и решительны. Эти качества во многом определяют поведение и самоощущение мужчины.

Так, изображая барона, автор акцентирует внимание на его типично мужских качествах, таких как склонность к игре, азарту, жажда приключений: «Er war einer jener jungen Menschen, deren hübschem Gesicht viel geglückt ist und in denen nun beständig alles für eine neue Begegnung, ein neues Erlebnis bereit ist, die immer gespannt sind, sich ins Unbekannte eines Abenteuers zu schnellen» , «das sinnliche Erlebnis ist ewig fliessende, nährende und anfeurnde Quelle des Lebens» [3, S. 44].

Ему свойственно добиваться поставленных целей, просчитывать каждый свой шаг, уметь влиять на женщин. Не случайно автор сравнивает его

с охотником: «Wenn man solche Menschen mit einer gewissen leichtfertigen Verächtlichkeit Frauenjäger nennt, so geschieht es, ohne zu wissen, wieviel beobachtende Wahrheit in dem Worte versteinert ist, denn tatsächlich, alle leidenschaftlichen Instinkte der Jagd, das Auf spüren, die Erregtheit und die seelische Grausamkeit flackern in solchen Menschen. Sie leben beständig auf dem Anstand, immer bereit und entschlossen, die Spur eines Abenteuers bis hart an den Abgrund zu verfolgen» [3, p. 43–44]; «Der Jäger in ihm wachte auf Er war berauscht, erregt, so rasch hier die richtige Fährte gefunden zu haben, das Wild nun ganz nahe vor dem Schuss zu fühlen. Seine Augen glänzten, das Blut flog ihm leicht durch die Adern, die Rede sprudelte ihm, er wusste selbst nicht wie, von den Lippen» [3, S.59].

Именно в погоне за женщинами в нём проявляются инстинкты охотника, игрока, актёра, завоевателя, стереотипно приписываемые мужчине.

Чтобы развеять тоску, барон пытается соблазнить замужнюю даму, которая живёт в гостинице с ребёнком. Она достигла того возраста, когда стоит перед выбором – жить своей личной жизнью или жизнью своих детей, материнскими или женскими чувствами. Ей было сложно не поддаться обаянию барона.

Перед нами предстаёт образ сомневающейся женщины, чувствующей приближение старости, но которой под силу поставить свою жизнь на кон, отказаться от мужа и предаться любовному приключению: «Sie sah ihn gern jetzt von der Nähe und fürchtete auch nicht mehr seinen Blick» [3, S.61]; «Manchmal war ihr, als müsste sie ein Wort schroff zurückweisen, aber kokett von Natur, wurde sie durch diese kleinen Lüsterheiten nur gereizt, mehr abzuwarten» [3, S.62].

Бытует стереотипное мнение, что женская чувственность, эмпатичность, эмоциональная экспрессивность отличают её от мужчины с его инструментальной размеренностью, ориентированной на цель и компетентность.

Женщина, испытывающая сильные эмоции, способна на безрассудство, на авантюру. Но она не является здесь инициатором, а скорее принимает то, что предлагает ей мужчина.

Автор подчёркивает, что женщина кокетлива от природы и, соответственно, игра может доставлять ей огромное удовольствие. Но эта игра не для замужней женщины.

В культуре существует стереотипное утверждение, что женщин отличает консервативность, верность всему состоявшемуся. Великий мыслитель XVIII в. Жан-Жак Руссо отмечал в своих «Педагогических сочинениях», что важно, «чтобы женщина не только была верной, но и считалась таковою со стороны мужа, родных её, со стороны всего света» [1, с. 438]. Замужней женщине предписывается в обществе особенно тщательно наблюдать за своим поведением, чтобы не вызвать подозрение у окружающих.

Поэтому дама, позволившая себе кокетство с бароном, начинает испытывать страх потерять свою честь, страх быть осужденной и непринятой своим ребёнком: «Ein Gespenst, ein Wächter des Gewissens, doppelt unerträglich hier in der Enge des Wagens, zehn Zoll gegenüber mit seinen dunklen arbeitenden Augen und dem Lauern hinter der blassen Stirn, schien ihr das Kind» [3, S.71].

Именно присутствие ребёнка спасает её от неверного шага, неверности мужу, от скандала и позора. Голос ребёнка является голосом совести для женщины, напоминанием о своём муже, о долге, об обязанностях, о своём положении в обществе.

Внутренние переживания героини открывают нам мир тончайших чувств женщины, её истинную суть. Испытывая противоречивые чувства, дама не осмеливается пойти против социума, нарушить рамки приличия и изменить привычному ходу жизни.

Противоречивые чувства часто свойственны персонажам новелл Цвейга. Выливаясь в единый поток, они часто являются движущей силой их действий.

Героиня новеллы «Angst» – фрау Ирена, жизнь которой, на первый взгляд, сложилась вполне благополучно – она была замужем за преуспевающим адвокатом, что обеспечивало ей достаточно высокое положение в обществе: «Nichts in ihr, weder ihr durch eheliches Glück voll befriedigtes Blut noch das bei Frauen so häufige Gefühl, in ihren geistigen Interessen zu verkümmern, hatte ihr

einen Liebhaber zum Bedürfnis gemacht; sie war eigentlich in dem gesellschaftlich gültigen Sinne glücklich an der Seite eines begüterten, geistig ihr überlegenen Gatten. Sie war Mutter zweier Kinder und überdies behaglich gebettet in eine breitbürgerliche, windstille Existenz. Aber es gibt eine Schlaffheit der Atmosphäre, die ebenso sinnlich macht wie Schwüle oder Sturm, eine Wohltemperiertheit des Glückes, die aufreizender ist als Unglück. Sattheit reizt nicht minder als Hunger, und das Gefahrlose, Gesicherte ihres Lebens gab ihr Neugier auf das Abenteuer» [3, S.121].

Её обычная семейная жизнь отличалась размеренностью, предсказуемостью: «ihre ruhige bürgerliche Welt» [3, S.116], «...bürgerliche Welt, wo sonst die Männer nur mit lauen Spässen und kleinen Koketterien die «schöne Frau» respektvoll feierten, ohne je ernstlich das Weib in ihr zu begehren...» [3, S. 122]. Женщине же нужно чувствовать себя привлекательной в любом возрасте. Жан-Жак Руссо отмечал, что « ...по самому закону природы, женщины <...> находятся в зависимости от суждения мужчины; мало, если они достойны уважения, – нужно, чтобы их уважали; недостаточно им быть прекрасными, – нужно, чтобы они нравились; недостаточно быть умными, – нужно, чтобы их признавали за таковых» [1, с. 442].

Стереотипно считается, что женщины на первое место ставят отношения между людьми, это именно та сфера, где женщина может реализоваться, проявить себя. Под личными отношениями можно традиционно понимать брак, семейные узы. Но как только женщина, находясь в браке, перестаёт получать достаточно эмоций, столь ей необходимых, перестаёт чувствовать свою значимость, ощущать себя женщиной желанной и любимой, она позволяет себе отдаться любовному приключению, совершает измену.

На рубеже веков внебрачные половые связи мужчины и женщины получали в обществе совершенно разную оценку. Мужчине позволялись половые контакты с продажными женщинами или с девушками из нижних социальных слоев, женщина же должна была хранить верность мужу, быть зависимой от него. Зависимость считалась естественным состоянием для

женщины. Она должна была обуздать свои прихоти, чтобы подчинить их воле другого. Однако следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в популярных журналах впервые стали публиковаться материалы дискуссии медиков о женской сексуальности, о природе женщин. И если одни утверждали, что женщина заинтересована не столько в сексуальной близости, сколько в душевном взаимопонимании и именно эти ее «природные задатки» являются гарантом сохранения брака и семьи, то другие доказывали, что фригидность женщин является только следствием отсутствия сексуального воображения мужчин. Открытое заявление о том, что женщины, как и мужчины, имеют сексуальные интересы и могут удовлетворять их в браке и вне его, было полным разрывом с «хорошим» обществом, с традицией. Но, несмотря на демократизацию общественной жизни в этот период, брачно-семейное законодательство оставалось консервативным.

Героиня новеллы Цвейга фрау Ирена позволяет себе внебрачную связь – заводит любовника, пианиста: «Der Ehrgeiz, dass sie ihm, einem wirklichen Künstler, als Verstehende und Beratende viel bedeute, wie er ihr wiederholt versicherte, liess sie wenige Wochen später voreilig seinem Vorschläge vertrauen, er wolle ihr und nur ihr allein sein neuestes Werk bei sich Vorspielen...» [3, S.122]. Эта любовная связь на стороне явилась скрытой слабой попыткой протеста женщины против того буржуазного устоявшегося мира, в котором она существовала: «Ihr erstes Gefühl war Erschrecken vor dieser unerwarteten Wendung ins Sinnliche; der geistige Schauer, der anfangs diese Beziehung umwitterte, war durch diesen Einbruch in ihr Leben jählings zerstört, und das Schuldbewusstsein wegen des ungewollten Ehebruches wurde nur teilweise beruhigt durch die prickelnde Eitelkeit, zum erstenmal durch einen, wie sie glaubte, eigenen Entschluss, die bürgerliche Welt, in der sie lebte, verneint zu haben» [1, p. 122–123].

Гендерный стереотип о консервативности, верности женщины всему состоявшемуся разрушается. Постепенно начинает формироваться новый тип женщины, имеющей право выбора, право голоса, право протеста. Но гендерное

самосознание фрау Ирены – осознание себя как замужней дамы, живущей в мире буржуа, – не даёт ей с головой окунуться в любовное приключение.

Шантажистка, нанятая мужем-адвокатом, узнавшим об измене и пытавшимся таким способом вернуть свою жену в семью, напоминает о положении фрау Ирены в обществе: «Natürlich, eine anständige Frau, eine sogenannte! Das hat nicht genug an einem Mann und dem vielen Geld, das muss noch einem armen Mädel ihren Geliebten abspenstig machen ...» [3, S. l 16].

Как и героиня новеллы «Brennendes Geheimnis», фрау Ирена начинает испытывать страх. Образ шантажистки преследует её повсюду, ей начали сниться кошмары, и казалось, что муж как-то странно на неё смотрит, будто подозревает в чём-то. Страх помогает женщине открыть глаза на реальность, в которой она живёт, ту реальность, где быть разведённой женой, опозоренной прелюбодейкой просто немыслимо. Раскрытая измена для замужней женщины – это погибель. Ирена понимает, что продолжать опасную игру, покупая себе спокойствие на определённый срок, у неё больше нет сил. Да и отношение к любовнику изменилось: «...das fühlte sie, die Wut. Ihm ins Gesicht schlagen können, wie wohl das täte! Aber sie nahm sich zusammen, sah ihn noch einmal an voll brennenden Ekels, gleichsam überlegend, ob sie ihm nicht den ganzen aufgestauten Zorn mit einer Beschimpfung ins Gesicht speien sollte...» [1, S. l42].

Страх открывает слабость героини, её неспособность жить с постоянным чувством вины перед мужем, перед детьми и с чувством стыда перед обществом. Она решает покончить со всем, покупая в аптеке пузырёк со смертельным ядом. Но рядом вовремя оказывается любящий муж, который перехватывает пузырёк у Ирены и уводит её домой.

Образ мужа в глазах фрау Ирены меняется на протяжении всего действия. Вначале ей казалось, что за восемь лет супружеской жизни она так и не смогла рассмотреть в муже родного человека, понять, что он из себя представляет и что от него можно ожидать: « ...und nun acht Jahre behaglichen, stillpendelnden Glücks an seiner Seite gelebt, hatte Kinder von ihm, ein Heim und zahllose Stunden körperlicher Gemeinschaft, aber jetzt erst, da sie sich nach seinem möglichen

Verhalten fragte, wurde ihr klar, wie fremd und unbekannt er ihr geblieben war» [3, S. 129]. Страх и невозможность предугадать действия мужа заставил Ирену присмотреться к нему поближе: «Wie in ein fremdes Antlitz sah sie in das seine hinein und suchte den vertrauten und mit einemmal wieder fremden Zügen den Charakter zu enträtseln, den acht Jahre Beisammensein ihrer Gleichgültigkeit verborgen hatten » [3, S.129].

Рисуя образ мужа, автор подчёркивает его мужественность, маскулинность. Ему присущи такие качества, как твёрдость, решительность, сила, энергичность, смелость, которые являются типично мужскими. Именно благодаря своей настойчивости, адвокатской проницательности и находчивости, ему удаётся, избежав общественного скандала, вернуть жену в семью. Ирена постепенно меняет отношение к мужу, начинает замечать в нём то мужское и привлекательное, чего раньше не замечала: « Alles war straff in den sehr männlichen Zügen, Energie und Kraft: erstaunt, eine Schönheit darin zu finden, und mit einer gewissen Bewunderung betrachtete sie diesen verhaltenen Ernst, diese sichtbare Herbheit seines Wesens» [3, S.129]; «Jetzt erst, als ob sie ihm zum erstenmal gesehen, ihren eigenen Mann, empfand sie voll Grauen, dass er stark und gefährlich war » [3, S.132]; ec... begegnete sie aufschauend einem starken Blick ihres Mannes, einem bohrenden, strengen, schmerzhaften Blick, den sie früher nie an ihm gekannt hatte...» [3, S. 138]; «...Die drohende Strenge jener ersten inquisitorischen Tage war bei ihm einer eigenen Art von Güte und Besorgtheit gewichen, die sie unwillkürlich an ihre Brautzeit erinnerte » [3, S.144]; «...sie verstand seine Absicht und war seiner Güte dankbar froh » [3, S.144].

Стереотипно считается, что достоинство мужчины заключается в его силе – в силе характера, в силе воли, силе мужского Я, в его твёрдости и властности. Именно поэтому адвокату удаётся вернуть в семью свою жену, заставить её по-новому взглянуть на реальность, ощутить новый смысл жизни. Женщина, осознавая своё предназначение, возвращается к настоящему семейному счастью, противоречия сглаживаются, и жизнь снова обретает свою ценность.

Таким образом, в анализируемых новеллах можно выделить такой тип женщины, которая часто оказывается заложницей общественных условностей, скрывая свои истинные чувства, что приводит к внутреннему конфликту. Так или иначе, женщина находится в рамках гендерного стереотипа. Ей присущи типично женские характеристики: чувственность, эмпатичность, консервативность и верность всему состоявшемуся, что обусловливает осознание невозможности выхода за рамки, нарушения традиций.

Библиографический список

1. *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2-х т. Т.1. М., 1981.
2. *Юнович М.* Новелла // Литературная энциклопедия: В 11 т. URL: https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-1141.htm?cmd=p&istext=1 (дата обращения: 28.03.2026)
3. *Zweig S.* Novellen. Leipzig, 1977.

С.А. Кароннова

кандидат филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой немецкого и французского языков

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

E-Mail: svet1976@bk.ru

УДК 980

Трудовые подвиги жителей Даровского района Кировской области во второй половине XX века

Е.Г. Костина, А.М. Кузнецова

Аннотация. В настоящее время изучение истории родного края является большой необходимостью, так как нередко подрастающее поколение не имеет интереса к историческому прошлому своей малой родины, что негативно сказывается на историко-культурном восприятии истории всей страны. Современные школьники зачастую воспитываются в условиях гиперопеки,

в результате чего ценность труда у обучающихся отсутствует. Статья имеет целью изучение трудовых подвигов наших предков, что позволит сформировать понимание значимости труда, его роли в жизни человека и общества. Статья на примере жителей Даровского района Кировской области выявляет их значительный вклад в ключевые события советской эпохи на региональном и общесоюзном уровне (освоение целинных земель, развитие животноводства, ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС).

Ключевые слова: Даровской район, сельское хозяйство, освоение целины, СКМОЖ, Чернобыльская авария.

В послевоенный период сельское хозяйство в СССР вступило в новый этап. На февральско-мартовском пленуме ЦК 1954 г. освоение целины было признано основным направлением развития этой отрасли [27, с. 6].

Поднятие целинных и залежных земель вызвало огромные волны миграции в районы освоения. Первые известия про отряды целинников появились в районных газетах п. Даровской уже сразу после пленума: «С раннего утра 8 марта 1954 года в районном комитете комсомола было особенно оживленно. Сюда начали собираться комсомольцы и молодежь района, изъявившие желание поехать на освоение целинных и залежных земель. Желающих ехать осваивать новые земли оказалось много, поступило 104 заявления» [10, с. 4]. Первая группа была сформирована из 27 человек, а в последующие года ещё 128 даровлян отправились на освоение целинных земель.

Уже в мае 1954 г. в райком комсомола пришли первые письма от комсомольцев-целинников с благодарностью за оказанную им честь: «Живем мы хорошо, о нас проявляют большую заботу. Все наши тракторы включились в работу по освоению целины. Мы очень благодарны райкому комсомола за то, что послал нас на такое большое и почетное дело. Мы не пожалеем своих сил для победы на трудовом фронте» [10, с. 4].

Желающих поехать на целину было много, в райкоме проводился строгий отбор. Добровольцам выдавали комсомольскую путёвку на целинные земли. М.А. Большакова вспоминает: «А я вот решилась, и поехала в первом призыве. Попала в Омскую область. Привезли в аул, всех разделили и распределили кого куда. Ничего не умели делать, всему у местных жителей учились. На целине прошли лучшие годы, никогда не жалела о том, что была там. Домой можно было зерно отправить заработанное, родным помочь, они такого количества зерна никогда не видели, мама давала зерна родственникам и соседям» [7].

Даровлянин В.Ф. Клепиков, работая секретарем обкома ВЛКСМ, дважды возглавлял штаб отряда комсомольцев-кировчан на новых территориях: «Второй год на целине выдался тяжелым. Весна была сухая, ветреная. Бывало, что пахать было невозможно, борозду засыпало снегом прямо на глазах. Весь апрель и май дождя не было, лишь в июне немного пошел. Жара достигала 40 – 45 градусов. Работу не прекращали, хотя было ясно, что урожая не получить. Техники было много: сенокосилки, тракторы, если что-то сломалось, один ремонтирует, а другой продолжает работать» [22, с. 3]. За выдающиеся достижения В.Ф. Клепиков награжден медалью «За освоение целинных земель».

Многим добровольцам, прибывшим на целину, пришлось осваивать новые специальности. Одной из самых распространенных стала профессия строителя. Так, в совхозе им. К.А. Тимирязева Октябрьского района Северо-Казахстанской области даровлянами было возведено более 20 домов для своего обустройства, а также различных хозяйственных помещений [14, с. 5].

Жительница Даровского района, ветеран труда и освоения целинных земель А.В. Береснева вспоминала: «Сначала жили в землянках, сделанных из саманных кирпичей, топили буржуйки кизяком, пол земляной, крыша над землей возвышалась совсем немного. Так жили все и очень долго. Природа поражала своим необыкновением: степи бескрайние, поля по 30 га, урожаи зерна хорошие... Колхоз быстро рос и развивался. Строились элеваторы, машинная станция, фермы. Стали строить квартиры» [26, с. 2].

Многие местности СССР оказали поддержку целинным районам, отправляя в них не только людей, а также технику и строительные материалы, необходимые для полноценной работы целинных хозяйств. Даровской район не стал исключением. Его жители активно проводили кампании по сбору средств, техники, тёплой одежды и других необходимых вещей для переселенцев. Л.В. Фирсова делится информацией о том времени: «Первая в 1954 г. в Кокчетавскую область Казахстана уехала сестра, а в 1956 г. к ней уехала я. По прибытию обещали выдать кожаную обувь, валенки, продукты, но колхоз «Красный пахарь» не выдал обещанного. Стали писать письма родным. С района стали собирать посылки, все кто чем мог помогал, кто-то одеждой, кто инструменты отправлял» [25, с. 3].

В 1970-е гг. в стране появилась проблема оттока молодых людей из сельской местности. В этих условиях бюро райкома КПСС и райком ВЛКСМ Даровского района от 2 марта 1979 г. постановили: «Создать сводный комсомольско-молодежный районный отряд (СКМОЖ) из выпускников средних школ для работы в животноводстве. Директорам, секретарям партийных, комсомольских организаций школ в срок до 4 марта 1979 г. провести индивидуальную работу с каждым выпускником 10-х классов по вступлению его в состав сводного отряда» [3, с. 1]. Во всех средних школах Даровского района были проведены собрания и вручены бойцам сводного отряда комсомольские путёвки на 2 года для работы в животноводстве.

12 марта 1979 г. в селе Красное Даровского района выпускники 10 б класса написали заявление о вступлении в сводный отряд всем классом, их примеру последовали выпускники Пиксурской, Даровской, Верхневондонской, Александровской и других школ. Первые известия об этом появились уже на следующий день в районной газете: «В 10 «б» не по-обычному многолюдно. И причиной тому – комсомольское собрание, на которое сюда пришли руководители школы, работники райкома партии и райкома комсомола. Мы хорошо знаем, что профессия животновода нелёгкая, но она очень нужная для нашего района и колхоза. Свой выбор мы сделали сознательно» [17. с. 2].

Именно в Даровском районе впервые в СССР был создан СКМОЖ для привлечения молодых людей к поднятию сельского хозяйства в деревне, а в последствии сводные отряды стали создаваться в других районах и областях страны.

Для обучения молодых людей, вступающих в СКМОЖ, в Даровском при учебно-производительном комбинате были организованы курсы по обучению мастеров машинного доения [12, с. 53–57]. Также выпускники курсов получали права на управление трактором.

Одним из бойцов сводного комсомольско-молодёжного отряда животноводов была Т.Н. Береснева, которая пришла на животноводческий комплекс колхоза «Россия» сразу после школы в 1979 г. Татьяна Николаевна так вспоминает это время: «В колхозе «Россия» пять лет работала оператором машинного доения, добилась неплохих результатов от закреплённой группы коров. После окончания срока договора с колхозом осталась работать на ферме. А в последующем сама обучала молодых доярок, занималась общественной работой» [15, с. 2]. Следуя её примеру, в период с 1979 по 1985 г. в сводный отряд животноводов в Даровском районе пошли 736 выпускников школ.

Новость о создании сводного отряда имела большую огласку во всём Советском Союзе. На энтузиастов ехали посмотреть корреспонденты областных и центральных газет, известные писатели и артисты, учёные. Встретиться и лично поблагодарить бойцов СКМОЖ приезжали сотый космонавт В. Савиных и дочь маршала Г.К. Жукова**.**

В результате создания сводного комсомольско-молодёжного отряда животноводов сельское хозяйство в Даровском районе «открыло второе дыхание». Начали строится новые фермы и жильё, дома культуры, пускались молокопроводы, появились новые тракторы и сельхозмашины. Л.В. Пупышева вспоминает: «В деревнях открывались детские сады, оживлялась работа школ, потому что бойцы сводного, а их было немало, оставались в деревне, создавали семьи и растили детей» [24, с. 3].

Наиболее отличившимся 30 бойцам сводного отряда были выданы туристические поездки в Болгарию, Вьетнам, Кубу, Чехословакию, ГДР, Югославию, Японию. В частности, Л.Н. Рожкина о поездке в Болгарию вспоминала: «Отличалась сельская местность Болгарии: дома добротные, целые особняки, чистота, везде много цветов, зелени, виноград растёт. Удивили меня огромные поля, где росли розы. Из них делали знаменитое болгарское розовое масло» [9, с. 4].

Бойцы сводного отряда были активными участниками общественной и творческой жизни общества. Самые целеустремлённые стали членами ЦК ВЛКСМ, депутатами областного, районного и сельского Советов, секретарями комсомольских организаций. Н.Н. Трошина, одна из первых в своем классе подала заявление в сводный отряд. Благодаря своей целеустремлённости Надежда Николаевна стала депутатом районного Совета. А также была избрана делегатом XIX съезда ВЛКСМ 1982 года [23, с. 2].

В числе первых вступила в отряд Т.Ф. Окулова в 1979 г. после окончания школы. Получив права трактористки, она работала в СПК «Маяк» 3 года. Благодаря отряду она получила не только бесценный опыт, но и верных друзей [8].

Самой большой наградой, которой был удостоен СКМОЖ, стало памятное красное знамя ЦК ВЛКСМ. Им отмечены трудовые успехи бойцов отряда в 1981 г. [20, с. 3]. Также многие даровляне были награждены медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «За преобразование Нечерноземья», знаками «Ударник XI пятилетки».

Сводный комсомольско-молодёжный отряд животноводов действовал в Даровском районе 10 лет. За это время в отряд вступили 960 выпускников средних школ района, многие из которых остались на своей малой родине и продолжают трудиться в разных областях, в том числе и в сельском хозяйстве [11, с. 1].

На прекращение работы в Даровском районе СКМОЖ повлияло несколько факторов. Во-первых, в конце 1980 – начале 1990 гг. в СССР начались

преобразования, которые затронули и сельское хозяйство [16, с. 49–52]. Многие колхозы и совхозы находились в убыточном состоянии, не выдерживали конкуренцию и постепенно закрывались. Даровляне лишались работы и перебирались в город. Во-вторых, для бойцов, вступивших в отряд в период в 1979–1982 гг. было много привилегий: при поступлении в учебные заведения, поездки по туристическим путёвкам, получение дефицитных товаров и т.д. Для выпускников следующих лет такого внимания уже не было [19, с. 3]. В результате воодушевление вступать в сводный отряд сразу после школы быстро утихало, и даровляне стали делать выбор в пользу получения среднеспецильного и высшего образования.

Несмотря на то, что СКМОЖ перестал существовать в 1989 г., вклад и трудовые подвиги жителей Даровского района в развитии сельского хозяйства неоценимы. В памяти бойцов то время вспоминается по-разному: «Для одних – это самые лучшие, самые насыщенные событиями годы, другие вспоминают только тяжкий труд и пытаются восстановить подорванное здоровье» [4, с. 1–2].

Спустя годы бойцы СКМОЖ поддерживают связь и собираются на юбилейные встречи. В.В. Пупова рассказывает: «Дружба между нами сохранилась до сих пор. Когда я встречаю бойцов СКМОЖ, у меня ощущение, что встретила родного человека. В настоящее время добрая половина сельских жителей – это бойцы сводного и их дети. Я преклоняюсь перед теми людьми, которые до сих пор работают в сельском хозяйстве» [13, с. 3]. В 2024 г. СКМОЖ исполнилось 45 лет. 18 октября 2024 г. в районном центре культуры и досуга состоялась торжественная встреча бойцов, посвящённая юбилею. Со словами благодарности обратился глава Даровского района О.Ю. Елькин: «Сводный комсомольско-молодёжный отряд внёс большой вклад в жизнь и в экономику нашего района. Благодаря вам, бойцам СКМОЖ, сельское хозяйство получило вторую жизнь. Патриотическое движение, зародившееся на нашей земле, было подхвачено молодёжью и стало всесоюзным движением» [19, с. 4].

Не обошли даровляне своим участием и работы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. 30 жителей посёлка, проявляя мужество и героизм, исправляли последствия этой ужасной трагедии, не давая разрастись ей до всемирного масштаба. Рискуя жизнью и здоровьем, получая сильные дозы радиации, они героически выполняли свой гражданский долг.

В районы Чернобыльской зоны были переброшены вертолётные части из Афганистана, в которых служил уроженец Даровского района Ю.В. Иванов. Районная газета сообщала: «Наш земляк Юра Иванов множество раз зависал на вертолёте над реактором, чтобы сбросить мешки с песком в его разрушившееся чрево. Фон радиации над ним был неизмерим, так как приборы были рассчитаны только до 2000 рентген в час» [2, с. 2].

В июне 1986 г. житель Даровского района В.Б. Журавлёв получил повестку из военкомата и был направлен в Майкоп, где была сформирована специальная рота из инженеров-механиков для ликвидации последствий на ЧАЭС. С 4 по 23 августа 1986 г. он находился в составе воинской части № 18576 в качестве водителя автомобилей ВУС 837. Владимир Борисович вспоминает: «Поначалу планировалось использовать для устранения катастрофы японскую радиоуправляемую технику, но она под действием радиации работать не стала. Зато наши железные грейдеры были безотказны. Из заражённой зоны они не выводились, дозиметры рядом с ними «зашкаливали» [6]. За свой трудовой подвиг В.Б. Журавлёв был награждён Орденом Мужества.

«Каждый день новая смена белой одежды, кровь на анализ, замеры радиации. Ставили, как правило, 3 рентгена, а фактически в 100 раз больше. Говорили, что нельзя почувствовать радиацию, но у самого блока я чувствовал жар. Такое ощущение, что зашёл в горячую баню. А ещё очень сильно, просто невыносимо, болела голова» – вспоминает Л.М. Елсуков [21, с. 5]. Он участвовал в ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС с 4 февраля по 15 апреля 1987 г., где находился в составе воинской части № 41173 в качестве старшего телеграфиста.

В октябре 1987 г. даровлянин М.А. Краев был вызван в райвоенкомат, откуда был направлен в зону Чернобыля. В должности заместителя командира батальона в составе воинской части № 44332 с 13 октября по 19 декабря 1987 г. участвовал в дезактивации объектов. Он делится своими воспоминаниями с корреспондентом районной газеты: «Мы жили в тридцати километрах от станции, в палатках. Кстати, обратный путь длился 5 часов. Через 10 километров первая остановка. Проверка на степень радиации, обработка, переодевание, пересадка на другие машины. Ещё через 10 километров всё повторялось. Бывало, только вернёшься, а тебя уже обратно направляют» [5, с. 2].

В.С. Козлов с 27 мая по 23 августа 1986 г. принимал участие в строительстве саркофага над уничтоженным энергоблоком с целью избежать последующего распространения радиоактивных элементов. Работая в опасных условиях, ценой невероятных усилий и собственного здоровья, внёс большой вклад в предотвращении развития катастрофы, ведь почти 95 % выброшенного радиоактивного топлива стало находится в пределах «укрытия» [1, с. 4]. Спустя десятилетия родина оценила подвиг героя: Василий Сергеевич был награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Таким образом, изучение трудовых подвигов жителей Даровского района в 50–80-е гг. XX в. выявило их значительный вклад в ключевые события советской эпохи. 155 даровлян активно принимало участие в масштабном проекте по поднятию целинных и залежных земель, проявив высокие трудовые качества и преданность делу. Около тысячи молодых людей прошли в 1970-е гг. через опыт работы в сводном комсомольско-молодёжном отряде животноводов родного региона. За 10 лет бойцы отряда внесли значительный вклад в развитие аграрного сектора не только в Даровском районе, но и во всей стране. 30 жителей поселка проявили мужество и героизм, участвуя в ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС. Рискуя собственным здоровьем, ликвидаторы Чернобыльской атомной электростанции спасли жизнь тысячам людей Советского Союза и Европы, а помощь в строительстве

саркофага над реактором способствовало предотвратить новые экологические катастрофы.

Библиографический список

1. *Арбузова Н.Н.* Ликвидаторы из Даровского // Слава труду. 2025. № 32. С. 4.
2. *Береснев С.А.* День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах // Слава труду. 2006. № 51. С. 2.
3. *Береснева Л.В.* Слово к выпускникам // Слава труду. 1979. № 23. С. 1.
4. *Береснева О.Н.* Известно всем – с таким отрядом любое дело по плечу! // Слава труду. 2009. № 58. С. 1–2.
5. *Верещагина Т.А.* К Дню памяти жертв радиационных аварий и катастроф // Слава труду. 2008. № 42. С. 3.
6. Воспоминания Владимира Борисовича Журавлёва.
7. Воспоминания Марии Алексеевны Большаковой.
8. Воспоминания Татьяны Фёдоровны Окуловой.
9. *Вылегжанина Т.С.* Как же молоды были, как верили в себя! // Вятский край. 2004. № 55. С. 4.
10. *Глазырин Н.М.* Лучшие люди Даровской МТС // Колхозная жизнь. 1954. № 87. С. 4.
11. *Двинин Д.А.* Юбилейная встреча настоящих бойцов // Кировская правда. 2004. № 39. С. 1.
12. *Демаков А.А.* Они были первыми! Киров, 2019. С. 53–57.
13. *Елькин В.А.* Они были первыми, первые и сейчас // Слава труду. 2019. № 49. С. 3.
14. *Жилин П.В.* В интересах всех миролюбивых народов // Колхозная жизнь. 1956. № 98. С. 5.
15. *Зимин В.И.* Вспоминая былые годы // Слава труду. 1999. № 48. С. 2.
16. *Козлов С.С.* Организационно-правовые основы аграрной реформы в СССР в 1980-х – начале 1990-х гг. // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 2. С. 49–52.

17. *Куимова Н.М.* Животноводство-ударное дело комсомола // Слава труду. 1979. № 31. С 2.
18. *Норкина Г.А.* Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! // Слава труду. 2024. № 83. С. 4.
19. *Норкина Г.А.* СКМОЖ – это часть нашей жизни // Слава труду. 2024. № 74. С. 3.
20. *Осипов М.Ю.* Душой и сердцем с бойцами // Слава труду. 1999. № 21. С. 3.
21. *Осипов М.Ю.* Ликвидаторы ЧАЭС // Слава труду. 2007. № 35. С. 5.
22. *Прокашева А.А.* Их награды за труд не сосчитать // Слава труду. 2005. № 39. С. 3.
23. *Пупова В.А.* СКМОЖ вспоминаю добром // Слава труду. 1999. № 18. С. 2.
24. *Пупова В.А.* СКМОЖ был одним из способов спасения животноводческой отрасли района // Слава труду. 2004. № 4. С. 3.
25. *Ржаницына А.П.* Время целины // Колхозная жизнь. 1964. № 35. С. 3.
26. *Сыкчин В.А.* Честный труд // Колхозная жизнь. 1964. № 89. С. 2.
27. *Хрущёв Н.С.* О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства. М., 1953.

Е.Г. Костина
кандидат исторических наук
доцент кафедры истории и политических наук
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: egkostina@mail.ru
А.М. Кузнецова
учитель истории МБОУ СОШ с УИОП № 74 г. Кирова
E-mail: kuznetsovaa.74@yandex.ru

УДК 908

История завода «Кирскабель» в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Е.Г. Костина, И.М. Рыжова

Аннотация. История градообразующих предприятий играет ключевую роль в формировании региональной идентичности и патриотического воспитания подрастающего поколения. В условиях современных вызовов, таких как цифровизация, глобализация и трансформация рынка труда, изучение вклада промышленных предприятий в развитие родного края приобретает особую значимость. Завод «Кирскабель», являясь одним из старейших и наиболее значимых предприятий Кировской области, представляет собой яркий пример эволюции промышленного производства – от военного времени до современных высокотехнологичных процессов. Его история отражает не только технический прогресс, но и трудовой подвиг работников, чьи достижения заслуживают сохранения и популяризации. Статья имеет своей целью рассмотрение наиболее сложных и ярких этапов истории и функционирования завода «Кирскабель» в условиях Великой Отечественной войны и восстановительного периода. Неоценимым ресурсом любого предприятия всегда являлись люди, совершавшие подвиг не только на фронте, но и в тылу.

Ключевые слова: Кирскабель, металлургия, Великая Отечественная война, послевоенный период.

До Великой Отечественной войны завод «Кирскабель» именовался «Кирсинский металлургический завод» и специализировался на производстве черных металлов. В июне 1939 г. завод был передан из треста «Росчермет» системы местной промышленности в систему авиационной промышленности. Существенная цель воссоединения металлургического завода с авиационной промышленностью была предназначена для организации, освоения и выпуска

совершенно нового вида продукции – листового электрона на магниевой основе как легкого по весу и прочного материала для самолётостроения.

В результате проведенных строительно-монтажных и организационных мероприятий, в 1940 г. было выплавлено 99 тонн электронных слитков. В 1941 г. завод продолжал производство высокоуглеродистой стали [1, с. 25].

В июне 1941 г. директор Кирсинского металлургического завода А.И. Назаров столкнулся с непредвиденными вызовами, связанными с началом Великой Отечественной войны**.** Мобилизация населения затронула и кадры предприятия. Среди первых добровольцев были как квалифицированные рабочие, так и недавние выпускники школ [11, с. 5]. Задокументировано коллективное обращение пятнадцати выпускников с просьбой о мобилизации [15, с. 3].

Кроме фронтовой мобилизации, происходило формирование партизанских отрядов: «С завода в отряд Калининского фронта были направлены А.А. Минеев, В.В. Запольских, Н.В. Бычкин, обладавшие навыками ориентирования на местности. В ряды противовоздушной обороны вступили В.И. Гришина, А.Я. Корсакова, В.Г. Дряхлова, Е.Ф. Плотникова, Н.И. Новикова, Н.В. Казаринова, прошедшие предварительную военную подготовку в местных кружках» [11, с.6].

Несмотря на отток кадров, завод продолжал работу. Сталевар Н.Н. Цылев инициировал переход на скоростные плавки и повышение качества металла. Эта инициатива была поддержана другими рабочими мартеновского, прокатного и вальцовочного цехов.

Для обеспечения растущих потребностей производства в электроэнергии было принято решение о строительстве новой электростанции. Задачу по подбору оборудования возложили на главного механика А.М. Горбунова. В условиях военного времени ему удалось добыть необходимое оборудование на эвакуируемых предприятиях Днепропетровска, несмотря на сложности с транспортировкой и бомбардировки [4, с.7]. Монтаж оборудования был проведен в сжатые сроки при содействии ленинградских специалистов.

Завод начал производство листов из алюминиевых авиационных сплавов, адаптируя технологические процессы к новым задачам. В частности, была внедрена инновационная для того времени практика использования мартеновских печей для получения дюралевых сплавов и модернизированы изложницы. Руководство прокатным цехом осуществляли Р.М. Мамиоффе и М.В. Ляпунов [1, с. 10].

В ноябре 1941 г. в связи с решением Государственного Комитета Обороны в посёлке Кирс началось формирование воинской части. Директору Кирсинского завода А.И. Назарову было поручено временное командование новой частью и решение задач по размещению и питанию прибывающего личного состава. Для размещения военнослужащих были мобилизованы различные ресурсы посёлка: расширены столовые, передано помещение детского сада, выделены продукты питания из заводских запасов. В этих мероприятиях активное участие принимали парторг ЦК ВКП(б) П.А. Суслов, помощник директора по торговле В.П. Суслов, начальник механического цеха М.А. Смехов, строители, комсомольцы и молодёжь посёлка [7, с. 11].

Вскоре в Кирс прибыло командование 61-й отдельной морской стрелковой бригады. Бригада формировалась из военнослужащих различных частей: полка морской пехоты из Ярославля, курсантов Новосибирской и Куйбышевской школ, моряков Тихоокеанского флота, выздоровевших солдат и офицеров из госпиталей, а также жителей посёлка Кирс и Кировской области в целом. Общая численность бригады составила около четырёх тысяч человек. Местные жители оказывали всестороннюю поддержку военнослужащим: принимали их в семьи, помогали в быту: «Кирсинцы принимали моряков в свои семьи, топили бани, женщины стирали белье, а мужчины делились табаком». А.Ф. Полуднищина приютила двух воинов, одного из которых, И.Ф. Макарова, она встретила снова через много лет на встрече ветеранов в 1991 г. [9, с. 2]. Моряки, в свою очередь, помогали местным жителям в домашних делах: «Моряки… помогали… чем могли: пилили и кололи дрова, носили воду, делились пайком» [14, с. 2].

В декабре 1941 г. 61-я отдельная морская стрелковая бригада отбыла на Карельский фронт. Среди ушедших на фронт были и работники Кирсинского завода: Л.Е. Филиппов, А.И. Курдяков (погиб в боях), В.С. Рыжков, М.М. Барышников, А.Н. Осколков, М.П. Горшков, П.М. Казаринов, В.С. Филиппов. А.А. Филиппов был направлен на Тихоокеанский флот, где служил на транспортных судах, доставлявших грузы из США: «Девять раз ходил он в США на кораблях… дважды тонул на подбитых немцами судах». На прощание жители Кирса подарили военнослужащим ножи, защитные пластины, печки-буржуйки и тёплые вещи [11, с. 7]. Письма с фронта сохранили Е.Н. Осколкова и А.П. Дуракова. Добрую память о жителях Кирса сохранили и раненые солдаты и офицеры, проходившие лечение в местном госпитале.

В конце марта 1942 г. директор Кирсинского завода А.И. Назаров был переведен в распоряжение отдела кадров Наркомата авиационной промышленности. Его последующая трудовая деятельность проходила на руководящих должностях в Москве и Московской области. Несмотря на смену профессиональной траектории, А.И. Назаров высоко оценивал период работы в Кирсе, считая его важным этапом становления управленческого опыта и навыков взаимодействия с трудовым коллективом.

В связи с переориентацией производства Кирсинского завода с выпуска изделий из черных металлов на цветные сплавы, на должность директора был назначен специалист по цветному металлу Ф.Т. Маленок. Новый директор несмотря на высокую квалификацию, отличался авторитарным стилем управления**.** А.М. Горбунов, занимавший в то время должность главного механика, вспоминал, что Ф.Т. Маленок «установил жесткий контроль над работой подчиненных, требуя полной отдачи и запрещая покидать завод без личного разрешения» [4, с. 15].

Одним из положительных аспектов деятельности Ф.Т. Маленка стала разработка и внедрение новых водоохлаждаемых изложниц, что положительно сказалось на производственном процессе. В то же время его авторитарный стиль управления приводил к конфликтам с главным инженером Куракиным.

Благодаря усилиям квалифицированных специалистов, таких как И.В. Утёмов и М.В. Ляпунов, была разработана новая калибровка валов стана «600», необходимая для выполнения заказа на изготовление сплава для танковых двигателей. Несмотря на сложности, связанные с необходимостью круглосуточной ручной обработки массивных деталей, задача была выполнена благодаря высокой квалификации и самоотверженности слесарей механического цеха и руководства ремонтно-механического цеха [16, с. 10].

Весной 1944 г. Ф.Т. Маленок был переведен в Ленинград, а директором завода стал В.Д. Кузнецов [8, с. 9].

За вклад в победу над врагом многие работники завода были удостоены государственных наград. В их числе В.Д. Кузнецов, Н.С. Шильников, В.А. Казаринов, Р.М. Мамиоффе, М.М. Мордвин, В.Н. Соколов, А.М. Горбунов, Н.С. Лещенко, М.Ф. Смехов, И.В. Утемов. 848 сотрудников завода были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в числе которых Герой Советского Союза Павел Николаевич Цылёв**.**

Послевоенный период на заводе «Кирскабель» стал временем интенсивного восстановления, модернизации и развития. В условиях ограниченных ресурсов, характерных для первых послевоенных лет, завод был вынужден искать внутренние резервы для наращивания выпуска продукции.

Несмотря на трудности, началось строительство новых корпусов. Возведение корпуса «В» (сейчас цех № 1), велось силами заводчан, часто с применением ручного труда и при нехватке квалифицированных строителей, о чем свидетельствуют воспоминания К.Г. Осколкова: «Чертежи сразу же отправлялись на объект, еще теплыми от наших рук. В коллективе строителей преобладали женщины с низкой квалификацией. Единственный грузоподъемный механизм – ручная лебедка» [12, с. 3].

Переход к более интенсивному развитию и расширению производственных мощностей связан с проектированием корпусов «Б» (для цеха по выпуску проводов связи и механического цеха) и «А» (для выпуска новых видов

продукции). Масштабы строительства впечатляли: «Один из них, ныне действующий, даже и цехом-то назвать неудобно. Это же целый новый завод под одной крышей, занимающий по площади более четырех гектаров, а по мощности он превосходил все прежнее предприятие» [4, с. 5].

Второй год послевоенной пятилетки ознаменовался вводом новых мощностей по выпуску сталь-алюминиевых проводов больших сечений, реконструкцией цеха № 3, позволившей увеличить скорость скрутки жил, и запуском цеха № 1 в новой части корпуса «Б». К 1956 г. численность персонала завода достигла 2700 человек, причем большинство составляли работники основного производства. В дальнейшем был запущен цех № 8 со станом непрерывного действия для производства заготовок из алюминия и сталь-алюминия, цех № 11 начал выпуск проводов в пластмассовой изоляции, а цех № 5 – жаростойких кабелей [5, с. 7].

Замена устаревшего оборудования и освоение новых видов продукции позволили заводу «Кирскабель» не только расширить рынки сбыта, но и существенно повысить качество выпускаемой продукции. Ряд кабелей и проводов был удостоен государственного Знака качества. К 1977 г. доля продукции, отмеченной этим знаком, превысила 50 %, что подтверждает эффективность проводимой на заводе политики в области качества. Кирсинские кабельщики добивались успехов и в профессиональных соревнованиях: волочильщик Е.С. Махлащев стал первым на заводе обладателем диплома «Мастер – золотые руки» [10, с. 3].

Процесс внедрения новых технологий и автоматизации производства на «Кирскабеле» сопровождался наглядными контрастами между устаревшим и современным оборудованием. Н.Ф. Васнев в своем очерке описывает эту ситуацию, противопоставляя полностью автоматизированный новый прокатный цех**,** где «людей и не заметишь», старому цеху с ручным трудом: «В старом прокатном цехе… разогретые болванки алюминия достают из печи вручную, а прокатчики у каждого стана щипцами ловят изогнутую петлей катанку и направляют ее в следующие валки» [2, с. 2]. Новый стан непрерывной

прокатки алюминия, выдававший сразу две заготовки, был уникальным техническим решением для того времени и превосходил мировые аналоги по скорости прокатки.

Внедрение нового, зачастую первого опыта отечественного производства оборудования требовало доработки и адаптации к условиям завода. Этот фактор стимулировал развитие рационализаторского движения на «Кирскабеле»: «Монтажникам, наладчикам, эксплуатационникам предстояло быть готовыми к тому, чтобы принять непосредственное участие в совершенствовании узлов, технологии, «учить» машины работать в цехах «Кирскабеля» с учетом его специфических условий» [3, с. 2]. В 1962 г. перед заводом стояла задача увеличить производство семижильных алюминиевых проводов для электрификации сельских хозяйств. Директор А.М. Горбунов предложил инновационное решение – перейти на выпуск трехжильных проводов с сохранением общего сечения, что позволило бы существенно ускорить производство. Эта идея, подтвержденная испытаниями, была одобрена в Москве и позволила заводу выполнить государственный заказ с экономией ресурсов. Для разработки технологии производства трехжильных проводов был объявлен заводской конкурс. Победителем стал проект, разработанный совместно А.М. Горбуновым, главным инженером Л.А. Монсовым, начальником конструкторского бюро А.А. Дураковым и начальником производственного отдела А.В. Кожиховым.

А.М. Горбунов подчеркивает важность таких качеств рационализаторов, как внимательность к деталям, неудовлетворенность существующим положением и стремление к постоянному совершенствованию: «Таких людей, которым на рабочих местах всегда что-то немножко не нравится, которых это беспокоит и волнует, а это очень хорошее качество, не дающее застаиваться мысли, на «Кирскабеле» немало» [3, с. 3].

В 1962 г. высокого звания «Лучший рационализатор области» были удостоены семеро работников «Кирскабеля»: В.В. Солопий, О.А. Сергеев,

В.П. Махнев и В.А. Ильичев, Г.А. Подшивалов, В.В. Осколков и Н.М. Едигарев.

Рационализаторское движение на заводе имело давние традиции и достигало значительных успехов. Так, за 1954 г. было внедрено 141 рационализаторское предложение, а с 1951 по 1955 гг. – 601 предложение, что принесло заводу более полумиллиона рублей экономии. Среди активных рационализаторов были работники цехов под руководством Н.А. Шишова, Н.Д. Сибирикова, М.А. Ариканя, А.В. Скотника [6, с. 3]. Для обмена передовым опытом лучшие рационализаторы «Кирскабеля» посещали Кировский машиностроительный завод, Кировский завод ОЦМ, Ижевский металлургический завод, Кирово-Чепецкую ТЭЦ, а также на кабельные заводы в Камске, Ташкенте, Москве и Подольске.

В период с 15 октября 1966 г. по 15 октября 1967 г. в ГПТУ № 24 проводилась «Эстафета трудовых вкладов в пятилетку», в которой участвовали все учащиеся и сотрудники. За этот год коллектив училища под руководством директора Е.Н. Осколкова достиг больших результатов. Был выполнен план подготовки молодых рабочих: успешно сдали экзамены и стали работать на производстве 148 человек, из них 83 с повышенными разрядами**.**

Силами учащихся был проведен ремонт всех учебных, производственных и жилых зданий. Построен стадион с комплексом спортивных площадок, с трибунами на бетонной основе на 1000 посадочных мест. Отремонтированы подъездные пути, озеленена территория училища. Построен стрелковый тир на дистанцию стрельбы до 50 метров. Заложен парк, в котором посажено 264 дерева. Построены памятник на братской могиле умерших от ран в эвакогоспитале, памятник кирсинцам, защищавшим Кирс от колчаковских войск в 1919 г. Заложено строительство учебного корпуса и общежития. Было подано 28 рационализаторских предложений по технике безопасности и 6 из них внедрены в производство. Проведены зимняя и летняя спартакиады, в результате чего выполнили нормы комплекса ГТО 226 человек. Было поставлено 28 концертов. Работали парашютный, планерный, мото-

и стрелковый кружки, волейбольная, футбольная, баскетбольная, лыжная, шахматная секции.

Как видим, послевоеннный период в истории завода «Кирскабель» характеризуется не только восстановлением послевоенного производства, но и активным внедрением новых технологий, модернизацией оборудования и развитием рационализаторского движения. Все это способствовало увеличению объемов производства, расширению ассортимента и повышению качества продукции, а также укреплению позиций завода как одного из ведущих предприятий кабельной промышленности.

Таким образом, за годы войны завод успешно мобилизовал трудовые ресурсы и перестроил производство, обеспечивая выпуск критически важных материалов для обороны страны, несмотря на кадровые потери и тяжелые условия. В послевоенный период предприятие активно восстанавливало и модернизировало производство, внедряя новые технологии и развивая рационализаторское движение, что способствовало росту объемов и качества продукции.

Библиографический список

1. Акты и отчеты о внедрении производства дюралевых сплавов и модернизации изложниц // Архив АО «Кирскабель». Ф. 3. Оп. 1. Д. 25.
2. *Васнев Н.Ф.* Огни «Кирскабеля» // Кировская правда. 1962. № 115. С. 2.
3. *Горбунов А.М.* Записки о модернизации завода в послевоенные годы // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1982.
4. *Горбунов А.М.* Как мы строили электростанцию в войну и работали под началом Маленка // Архив АО «Кирскабель». Ф. 14. Оп. 12. Д. 113.
5. Документы о качестве продукции, 1968–1984 гг. // Архив АО «Кирскабель». Ф. 23. Оп. 32. Д. 13.
6. *Дураков А.А.* Наш опыт модернизации производства // Прикамская новь. 1962. № 7. С. 3.

7. Информационные записки и отчеты о состоянии промышленности и мобилизационных мероприятиях в районе, июнь-декабрь 1941 года // Архив АО «Кирскабель». Ф. 14. Оп. 3. Д. 112.
8. Личное дело В.Д. Кузнецова // Архив отдела кадров АО «Кирскабель». Ф. 5. Оп. 21. Д. 14.
9. *Макаров И.Ф.* Воспоминания // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1981.
10. *Махлащев Е.С.* Рассказ о работе волочильщика и звании «Мастер – золотые руки» // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1972.
11. *Назаров А.И.* Записки директора завода // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1968.
12. *Осколков К.Г.* Воспоминания о строительстве корпуса «В» // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1975.
13. *Пестриков Г.* Кирсинский характер: очерки об истории завода «Кирскабель». Киров, 1992.
14. *Полуднищина А.Ф.* Воспоминания // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1991.
15. Приказы директора завода за 1941–1942 гг. // Архив АО «Кирскабель». Ф. 1. Оп. 1. Д. 56.
16. *Ситчихин Г.И.* Эпизоды заводской жизни // Музей завода «Кирскабель». Кирс, 1990.

Е.Г. Костина
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: egkostina@mail.ru
И.М. Рыжова
учитель истории МОАУ СОШ с УИОП № 37 г. Кирова
E-mail: odnorozhenkoirina16@gmail.com

УДК 82.01

Интерпретация фольклорных легенд в цикле К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы»

А.Г. Маслова

Аннотация. В статье анализируются стихотворения цикла К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы», ориентированные на русские фольклорные образы и легенды: «Село Филемониха», «Забайкальская вдова», «Витязь», «О чудодейном коне». В балладе «Село Филемониха» К.К. Случевский утверждает идею о силе любви, которая способна преодолеть конфликты и заронить глубокий след в народной памяти. Сюжет баллады опирается на реальное ростовское предание, описанное в книге «Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губернии, Ростовского уезда Александра Артынова». Жанровой основой стихотворения «Забайкальская вдова» являются святочные рассказы. В балладе высмеивается самоуверенный представитель полицейского управления, ставший благодаря действиям благонравной вдовы-богатырши объектом шуток и насмешек. В стихотворениях «Витязь» и «О чудодейном коне» пародируются русский былинный эпос и традиционные сказочные сюжеты, такие как чудесное исцеление богатыря и появление чудо-коня, помогающего герою преодолеть все испытания. В этих балладах поэт сатирически изображает своих современников: в обществе конца XIX в. витязи и богатыри потеряли свою былую мощь и доблесть, вместо подвигов они тратят время и силы на пустые разговоры и пьянство. В целом в произведениях К.К. Случевского возникает противопоставление героического легендарного прошлого и лишенного высоких идеалов настоящего.

Ключевые слова: русская поэзия конца XIX в., интерпретация фольклорных сюжетов и образов, предание, святочный рассказ, сказка, былина, пародия

Объектом исследования в данной статье является цикл К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы», сформированный поэтом для собрания

сочинений 1898 г. и включающий 30 стихотворений, объединенных по жанрово-тематическому принципу. Это произведения «полуописательные, полуэпические» [7, с. 35], имитирующие легенды и предания. В составе цикла можно увидеть баллады и сказы, в основе которых лежат мифологические сюжеты [4], культурно-исторические ситуации, отсылающие к осмыслению различных исторических событий и деятелей, например Петра I и патриарха Никона [2; 5], сюжеты и образы, раскрывающие особенности русского национального характера [3]. Особое место в цикле «Баллады, фантазии и сказы» занимает группа стихотворений, ориентированных на русские фольклорные образы и легенды: «Село Филемониха», «Забайкальская вдова», «Витязь» и «О чудодейном коне». Именно эти произведения являются предметом исследования в данной статье.

В основе сюжета баллады «Село Филемониха» – ростовское предание о любви княжича Улейбоя и девушки-богатыря по имени Филя. История, ставшая сюжетом произведения К.К. Случевского, описана в книге «Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губернии, Ростовского уезда Александра Артынова» и связана с селом Филемоново. Дочь ростовского воеводы Фили, отличавшаяся искусным владением оружия и талантом в ратном деле, была также «одной из первых красавиц Ростова, а ее ум и щедрость служили для других образцом» [1, с. 123]. Любовь, вспыхнувшая между княжичем Улейбоем, предводителем враждебных ростовцам яновцев, и Филей, положила конец раздорам. Факты, упоминаемые в опубликованных воспоминаниях А.Я. Артынова, творчески перерабатываются К.К. Случевским и наполняются яркими художественными деталями. Автор воспоминаний пишет, что воевода, оставшийся вдовцом, брал свою дочь с раннего детства в военные походы, поэтому она «пристрастилась к военному делу и хорошо владела оружием, а впоследствии водила в битву и отдельные отряды» [1, с. 123]. В балладе К.К. Случевского «Ростовский княжой воевода, / Без Фи́ли, красавицы дочки своей, / Седлать не подумает ратных коней / И делать не станет похода» [6, с. 65], ведь дочь его с детства «ребятам грозою была» [6,

с. 66], а, повзрослев, надела ратные доспехи и в бою «тяжким концом бердыша крошила» врагов [6, с. 65]. Упомянутый в книге А.Я. Артынова «огромный пес», разбудивший своим лаем спящую на поляне под тенью рябины и черемухи богатыршу при появлении заблудившегося Улейбоя, обретает у К.К. Случевского имя Ветроног, его верность Филе подчеркивается в балладе тем, что пса этого подарил Филе отец, и был Ветроног для Фили «от детства дружок <…> Чутьём за три поприща слышать он мог, / А силою – царь волкодавам» [6, с. 66]. Особое место в балладе К.К. Случевского занимает сцена неожиданной встречи Улейбоя и Фили. Если в источнике, из которого К.К. Случевский взял сюжет для своей баллады, кратко сказано, что заблудившийся княжич случайно оказался на поляне, где спала дочь ростовского воеводы, то у поэта возникает сказочное описание таинственных предчувствий-предвестий, которые сопровождают едущего по лесу Улейбоя: «Неладится княжичу! Сам он не свой: / И грезится словно в лесу, за листвой / Всё девичьи лики мелькают... / С досады коня своего горячит, / А видит всё то же, да то же!» [6, с. 66–67]. В книге воспоминаний о ростовской легенде написано, что разбуженная лаем пса Филя «тотчас надела на себя доспехи и, сев на коня, стала ожидать Улейбоя; но этот не дошел к ней и почтительно подал свой меч, признав себя ее пленником», после чего «Филя покраснела» и «как вихрь понеслась в свой стан» [1, с. 124]. Эти подробности находят творческое воплощение в балладе К.К. Случевского, показавшего смятение девушки, желавшей биться с противником, но вопреки этому вдруг испытавшей к нему чувство любви:

«На меч мой, – кричит он, – я сдаться хочу!»
А Филя коня поднимает,
Давно бы дала она волю мечу,
Да только вот кудри ползут по плечу
И ей разобраться мешают?
Да только вот солнце слепит, и невмочь,
Блистает доспех Улейбоя <…>

И как это сталось? Пошли наутёк,

Как будто бы сами собою,

И конь златогривый, и пёс Ветроног,

И храбрая Филя... Им вслед ветерок

Бежал над помятой травою… [6, с. 67–68]

Устремляющаяся прочь от предводителя вражеского войска красавица «победу с собой уносила». Состоявшаяся в скором времени свадьба положила конец вражде ростовцев и яновцев, а село, как пишет К.К. Случевский «с тех пор Филемонихой звали» [6, с. 68].

Очень похожая на сказку история о ростовском селе Филемонове привлекла К.К. Случевского чудесным сюжетом и яркими деталями, поэт, преобразуя предание в балладный текст, внес в него психологические подробности, раскрывающие томительные предчувствия юноши, наслышанного о подвигах ростовской красавицы-богатырши, и неожиданное смятение девушки, которая вместо привычного боевого азарта вдруг испытывает в своем сердце любовь к противнику и бежит от него «наутёк». К.К. Случевский утверждает идею о силе любви, которая способна преодолеть конфликты и заронить глубокий след в народной памяти, назвавшей село, где сыграли свадьбу, «Филемонихой».

Образ другой русской богатырши возникает в стихотворении «Забайкальская вдова»: «Было то почти недавно; / Там, где путь идёт в Сибирь, / Раз жила-была вдовица, / Ростом, силой – богатырь» [6, с. 78]. Если в «Селе Филемониха» мы видим связь с жанром предания, то здесь основой стала шуточная святочная история о женатом становом, позабывшем о супружеском долге и пожелавшем «приударить» за вдовой. В результате он был посрамлен богатыршей, которая на потеху всем связала приставшего к ней станового: «Помнят люди, как вдовицей / Был спелёнат становой; / Как лежал он у острога, / Созерцая небеса, – / Как до у́тра леденели / Два колючие уса» [6, с. 80]. В этой балладе высмеивается самоуверенный представитель полицейского управления, ставший благодаря действиям благонравной вдовы объектом шуток

и насмешек. В то же время смех в этом произведении носит шуточный, юмористический характер, так как связан со святочными обрядами, и в финале сообщается, что представитель власти оказался «добрейшим» человеком и сам «больше всех смеялся» над учиненным с ним «ряженьем» [6, с. 80].

В противоположность этим двум балладам о прекрасном чувстве любви, положившем конец войне, и о веселой святочной шутке, поставившей на место горе-любовника, следующие произведения цикла «Баллады, фантазии и сказы» носят пародийный и даже сатирический характер. В стихотворении «Витязь» пародируется русский былинный эпос. Богатырь, жаждущий победить Черномора или злого змея, но не знающий, куда направить своего коня, оказывается обманут морщинистым стариком (под маской которого скрывается сам Черномор), без устали рассказывающим витязю о мировом зле, о крамолах и «мерзостях людских» [6, с. 71]. Витязь, поддавшийся обману, вместо реальных подвигов посвятил свою жизнь «созерцанию крамол» и «россказням» старика, потерял и богатырский задор, и коня, и боевой меч: «Конь издох – лежит стреножен; / Точит ржавчина копьё! / Меч глядит из ветхих ножен», а богатырь опустил «очи долу и поникнул головой» [6, с. 71]. Эта поучительная баллада, на наш взгляд, символизирует современное К.К. Случевскому общество, которое много говорит об окружающем зле, о человеческих страданиях, но не способно предпринять какие-либо решительные шаги для их искоренения.

Другое стихотворение – «О чудодейном коне» – пародирует традиционные сказочные сюжеты, такие как чудесное исцеление богатыря и появление чудо-коня, помогающего герою преодолеть все испытания. Богатырь, изображенный К.К. Случевским, охвачен недугом: «Что ни сутки – лихоманка; / Чуть приступит – бьёт и бьёт» [6, с. 72], он возлагает надежды на знахарей и прочие волшебные силы и, увлеченный рассказами о чудодейном коне, которого можно, по словам встреченной богатырем «бабы», обрести в «запое», предается пьянству вместо того, чтобы совершать ратные подвиги: «Богатырь, по слову бабы, / Безустанно пьет да пьет. / По зароку исполняет, – / Только конь к нему

нейдет. / Конь гуляет где-то в поле! / Говорят, его видал / Некий странничек с Афона – / Да зарок молчанья дал» [2, с. 74]. Так иронично звучит финал стихотворения, имеющего подзаголовок «Из русской сказки», но сказочны здесь только описания «чудодейного» коня, которого на самом деле не существует. Как и в предыдущем случае, фольклорные образы нужны К.К. Случевскому, чтобы противопоставить подвиги прошлых времен современному обществу 1880–1890-х гг., в котором потеряны былые нравственные и патриотические ориентиры и которое нередко характеризуется как «эпоха безвременья».

Таким образом, в цикле «Баллады, фантазии и сказы» можно выделить произведения, ориентированные на русские национальные фольклорные сюжеты и жанры. В балладах К.К. Случевского присутствует связь с историческими преданиями и святочными рассказами, русскими былинами и сказками. Обращаясь к фольклорным легендарным сюжетам, поэт восхищается тем, как сила любви позволила русским людям преодолеть вражду и раздоры, как веселая шутка послужила утверждению добродетели. В то же время сказочные и былинные сюжеты переосмысливаются поэтом в контексте современности, он показывает, что витязи и богатыри потеряли свою былую мощь и доблесть, вместо подвигов они тратят время и силы на пустые разговоры и пьянство. Для К.К. Случевского такая метаморфоза русского человека представляется чем-то абсурдным, как будто душой русского богатыря завладели волшебные чары, а реальность оказалась похожа на сказку, в которой нет счастливого конца. В целом в произведениях К.К. Случевского возникает противопоставление героического легендарного прошлого и лишенного былых возвышенных идеалов настоящего.

Библиографический список

1. *Артынов А. Я.* Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губернии, Ростовского уезда Александра Артынова / с предисловием А.А. Титова. В 2 ч. Ч. 1. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1882.

2. *Ворожцова Н.А.* Философское осмысление русских культурно-исторических мифов в цикле К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы» // Филология и культура. 2024. № 3(77). С. 187–192.
3. *Маслова А.Г., Ворожцова Н.А.* Осмысление русского национального характера в цикле К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2025. № 3(33). С. 155–159.
4. *Маслова А.Г., Деньгина А.А.* Мифологические сюжеты и образы в цикле К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы» // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023). Сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2 т. Т. 1. Киров, 2023. С. 136–140.
5. *Пильд Л.* О метаисторических балладах Константина Случевского // История и повествование : сборник статей. М., 2006. С. 210–220.
6. *Случевский К.К.* Сочинения Случевского К.К. в 6 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1898. Т. 2. 366 с.
7. *Федоров А.В.* Поэтическое творчество К.К. Случевского // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. М.–Л.: Сов. писатель, 1962. С. 5–52.

А.Г. Маслова
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: ag.maslova@mail.ru

УДК: 82.0.821.

Проблема гибели детей в древнегреческой и библейской мифологии

К. А. Мартынюк О. М. Валова

Аннотация. Исследование нацелено на изучение мотива гибели детей в мифологическом контексте через призму культурных, социальных и этических аспектов. Прослеживается эволюция этого мотива – от реальных архаичных религиозных практик до символического переосмысления, опираясь на античные мифы (о Кроносе, Тантале, Ифигении) и библейские сюжеты (истории Авраама и Исаака, Моисея, избиения младенцев в Вифлееме). В работе проводится разграничение между религиозными (ритуальными) и нерелигиозными убийствами, раскрывается динамика отношения общества к жертвоприношениям: от принятия как сакрального «обмена» с божествами до гуманизации и отказа от реальных жертв в пользу символических форм. Исследование показывает, что мотив жертвоприношения детей выступает ключевым культурным архетипом, помогающим осмыслить природу насилия, моральные дилеммы и эволюцию представлений о ценности человеческой жизни, а также понять механизмы формирования социальных норм и этики.

Ключевые слова: жертвоприношение детей, мифология, этика, социальные нормы, моральные дилеммы, культурная эволюция.

Гибель детей, одна из самых страшных страниц как истории семьи, так и истории человечества, запечатлена в древнейших дошедших до нас памятниках и отражает глубокие культурные, социальные и психологические проблемы, связанные с насилием, жертвой и моральными дилеммами общества. В настоящее время исследование темы смерти детей, находящей место в текстах разных эпох, становится важным для понимания механизмов формирования социальных норм и этики. В статье рассматриваются проблемы, связанные с жертвоприношением и детоубийством в античной и библейской мифологии, раскрывающие изменения этических ориентиров в процессе формирования общества.

Согласно словарным определениям, жертвоприношение представляет собой обряд принесения живого существа (обычно убиваемого) высшей силе. В толковом словаре Ожегова оно трактуется как принесение жертвы божеству [9, с. 293], а Большой энциклопедический словарь расширяет это понятие, включая возможность принесения жертвы духам и иным сверхъестественным сущностям [1, с. 435].

М. М. Маковский указывает, что жертвоприношение имело целью общение с божеством, искуплением вины, очищением, благодарением, молитвой, гадание... Жертвоприношением у многих народов сопровождается, например, вкушение плодов, выгон скота на летние пастбища, обряд инициации. Исследователи сходятся во мнении, что в языческих культах происходило ритуальное убийство человека, которое позже сменилось на заклание животного и, наконец, приобрело символические формы. М. М. Маковский изучает этимологию слова «жертвоприношение» в разных языках и отражение в нём сущностных сторон данного явления. Так, он пишет, что в качестве жертвы в языческие времена «приносились люди, особенно дети-первенцы (девочки и мальчики)» [8, с. 149]. И далее: «Классическим предметом жертвоприношения была свежая (“новая”) кровь мальчика-первенца или жертвенного животного» [8, с. 151]. В ряде языков в слове «жертвоприношение» отразились значения, связанные с понятиями «парень», «юноша», «мальчик», «ребёнок», «девочка» [8, с. 149]; «кровь», «святой», «свежий», «чистый» и т.п. [8, с. 151].

В древних политеистических культурах – как в античном мире, так и в ближневосточных цивилизациях – жертвоприношение детей осмыслялось в рамках сакрального обмена с божествами: жизнь воспринималась как необходимая плата за благополучие общины, обильный урожай или победу в войне. Подобные ритуалы не были хаотичными: они строго регламентировались – для их проведения назначались специальные исполнители (жрецы), определялись место, время и точные словесные формулы. Плутарх писал так: «...сознательно и намеренно они [карфагеняне]

приносили в жертву своих собственных детей, а те, у кого детей для заклания не было, покупали их, словно птенцов или ягнят, у бедняков, и мать ребенка хладнокровно стояла рядом, не издавая ни единого стона, а если даже рыдала и плакала, то вызывала этим только презрение, дитя же ее все равно приносили в жертву...» [10]. Приведём пример из книги А. Л. Барковой «Славянские мифы»: «Византийский автор Лев Диакон в X в. рассказывал о том, что воины Святослава в ходе погребального воинского обряда топили грудных младенцев и петухов (видимо, речь шла об усмирении духа погибших воинов, которые могли насытиться только кровью) [1, с. 51].

Необходимо провести чёткое разграничение между религиозными (ритуальными) и нерелигиозными убийствами. Согласно А. В. Холопову, религиозные убийства представляют собой элемент религиозного ритуала и обусловлены соответствующими убеждениями, догматическими положениями и культовыми предписаниями. Их ключевая цель – реализация обряда, предполагающего лишение человека жизни в рамках так называемой «священной» задачи: жертвоприношения божеству, искупления греха, посвящения в культ или проведения мистического ритуала. Основной побудительный фактор в таких случаях – религиозный фанатизм, то есть безоговорочная вера, исключающая сомнения и провоцирующая нетерпимость и агрессивность [11].

В отличие от них, нерелигиозные (неритуальные) убийства мотивированы иными факторами: личными (месть, ревность), экономическими (корысть, грабёж), политическими, хулиганскими или идеологическими (не связанными с религией). Подобные преступления могут совершаться также в состоянии аффекта либо с целью сокрытия другого преступления. Их основная цель обычно заключается в устранении препятствия, получении материальной выгоды или мести.

Статья посвящена теме гибели и жертвоприношения детей. Под «детьми» в данном случае понимаются лица, которые либо соответствуют возрастному критерию, либо связаны родственными отношениями в рамках ритуала

посвящения. В литературе понятие «ребёнок» не обладает чёткими возрастными рамками – в отличие от таких сфер, как юриспруденция или демография. Границы детства варьируются в зависимости от культуры, теории жизненного цикла и литературного направления. Поэтому в статье термин употребляется в соответствии с контекстом или при явном указании возраста персонажа.

Обращаясь к античной мифологии, можно выделить миф о титане Кроносе (в римской традиции Сатурна), одержимом страхом утратой власти. Опасаясь, что дети поступят с ним так же, как он некогда поступил с отцом Ураном, Кронос пожирал новорождённых младенцев. Лишь Зевс избежал этой участи: его мать Рея спасла сына, подменив его камнем. Этот миф воплощает извечную борьбу за власть и неотвратимость течения времени – неслучайно имя Кроноса перекликается с греческим словом «хронос», означающим время [6, с. 20].

Миф о Тантале и его сыне Пелопе рассказывает о том, как Тантал сначала разгласил божественные тайны и похитил нектар с амброзией для смертных, а затем совершил ещё более страшное преступление. Устраивая пир для олимпийских богов, он из-за нехватки провизии (по другой версии – решив проверить всеведение богов) зарезал своего сына Пелопа и подал его мясо богам как изысканное угощение – подобно сыновьям Ликаона, предложившим Зевсу мясо своего брата Никтима. Боги в ужасе отвернулись, распознав жуткую природу блюда, но Деметра, поглощённая горем из-за похищения Персефоны, съела плечо юного Пелопа [4, с. 292–293].

Гибель детей освещает различные закономерности общественной и человеческой природы: Кронос уничтожает детей ради сохранения власти (какова же её сила!), Тантал испытывает богов, предлагая плоть ребёнка в качестве угощения. В обоих случаях подобные действия приводят к нарушению космического порядка.

Миф об Ифигении является одним из наиболее известных примеров, иллюстрирующих тему жертвоприношения. Перед походом на Трою вождь ахейцев Агамемнон должен был принести в жертву свою дочь Ифигению,

чтобы умилостивить богиню Артемиду, которая остановила ветер. В последний момент Артемида заменила девушку на лань и унесла Ифигению в Тавриду, где сделала её своей жрицей. Этот миф отражает не только идею искупительной жертвы, но и вмешательство богов в человеческие дела [6, с. 258–262].

Античное восприятие жертвоприношений отличалось двойственностью. С одной стороны, ритуал рассматривался как необходимое условие для искупления вины и получения милости богов: принесение жертвы призвано было восстановить нарушенный миропорядок. С другой – постепенно наметилась тенденция к гуманизации.

Подобные мифы, а также реальные культовые практики, демонстрируют противоречивое отношение античных обществ к детским жертвоприношениям. В критических ситуациях их могли воспринимать как крайнюю меру, способную умерить гнев богов и спасти общину. Однако со временем такие действия всё чаще оценивались как варварские. К IV в. до н.э. в греческом мире человеческие жертвоприношения практически исчезли, уступив место более гуманным формам религиозного культа [5]. А.Ф. Лосев писал, что в замене на жертвеннике Ифигении животным «сохраняется воспоминание о первоначальных людских жертвоприношениях, которые были обычными в эпоху первобытной дикости, но затем стали восприниматься как отвратительная жестокость, недостойная греков» [7, с. 592]

Поступок Медеи (из произведения Еврипида), приведший к гибели её детей, не может быть квалифицирован как жертвоприношение, поскольку его мотивация носила сугубо личный характер: убийство было совершено из мести Ясону, а не в качестве дара высшей силе ради получения каких-либо благ. Этот акт представляет собой предельно болезненный способ наказать супруга за предательство. Мотив детоубийства как вариация на тему преступления против кровного родства, как отмечает И. А. Черненко, очень древний и весьма часто встречается в мифологических и фольклорных сюжетах [12].

Также стоит упомянуть, что в греческих мифах встречаются сюжеты о детях, брошенных родителями из-за предсказанной им ужасной судьбы

(например, история Эдипа, Париса из Трои, Аталанты). Хотя это не жертвоприношение в строгом смысле, такие сюжеты отражают идею отказа от ребёнка как способа избежать грядущих бед.

Анализ темы детоубийства позволяет выделить три ключевых направления его развития:

– получение божественной милости (классический мотив);
– удержание власти;
– способ избегания грядущих бед.

В библейских текстах (как в Ветхом, так и в Новом Завете) прослеживается двойственная логика в осмыслении жертвоприношений детей, отражающая ключевые теологические сдвиги: с одной стороны, утверждается запрет человеческих жертв как принципиальное отличие монотеистической религии от языческих культов; с другой – сохраняется мотив испытания веры через угрозу жертвы.

Согласно исследованию Г. Гече, культ древних евреев характеризовался особым значением жертвоприношений: верующие признавали абсолютное право бога на человека и природу, принося в жертву самое ценное – первенцев, животных, первые плоды, считая жертву «пищей Яхве».

Изначально самой ценной жертвой считался человек, и человеческие жертвоприношения практиковались (например, дочь судьи Иеффая, ритуалы в долине Тофета) иногда даже царями (Ахаз «провёл сына чрез огонь»). Однако Ветхий Завет запрещает такие жертвы («Из детей твоих не отдавай на служение Молоху», Лев.18:21), и со временем они были вытеснены жертвоприношениями животных.

Ритуалы эволюционировали:

– жертвоприношения первенцев заменили выкупом (Исх.13:13);
– закрепилось разделение на кровавые (всесожжение и частичное сжигание) и мирные жертвы;
– в жертву приносили быков, волов, овец, птиц, а также растения (пшеница, вино, елей), благовония, соль;

– появилась жертва повинности (за ненамеренный грех, не сжигалась) [3, с. 49–50]

История Авраама и Исаака наиболее отчётливо иллюстрирует мотив проверки веры через угрозу принесения жертвы. В этом эпизоде Бог повелевает Аврааму принести в жертву сына, но в последний момент останавливает его, заменяя Исаака бараном. Данный сюжет знаменует переход к этическому монотеизму: ценность жизни утверждается как дар Божий, а жертва допускается лишь как символ абсолютной преданности, но не как практическая норма. При этом Исаак становится прообразом будущей искупительной жертвы, задавая важную символическую линию библейской традиции (Быт.22).

Параллельно в Библии развивается мотив чудесного спасения детей, противостоящий практике жертвоприношений. В книге Исход мать Моисея спасает младенца, пустив его в корзине по Нилу, где его находит и воспитывает дочь фараона – это классический тип героя, избегающего предначертанной гибели (Исх.2). Аналогичный паттерн прослеживается в истории Иоаса: несмотря на приказ царицы Гофолии истребить потомство Давида, её внук чудом спасается и впоследствии восходит на престол (4 Цар.3). В Новом Завете тот же мотив повторяется в рассказе об избиении младенцев в Вифлееме: Иисус избегает гибели, будучи увезённым в Египет, что соотносится с пророчеством Иеремии о плачущей Рахили – образе, воплощающем скорбь по погибшим детям (Мф.2).

Вместе с тем Библия не полностью отвергает образ жертвоприношения, а переосмысляет его в новых контекстах. Например, в царь Моава в безвыходной ситуации приносит в жертву своего первенца, после чего осаждавшие отступают – здесь ритуал сохраняет архаическую логику «обмена» с божеством: «И взял он [царь Моава] сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознёс его во всесожжение на стене. Тогда был великий гнев на Израиль, и они отступили от него и возвратились в свою землю» (4 Цар.11).

Однако именно история Авраама задаёт принципиальную альтернативу: вместо реального убийства – замещение жертвой животного и утверждение божественного провидения (место получает название «Господь усмотрит»).

Таким образом, библейские повествования выстраивают два взаимосвязанных мотива:

– спасение избранного ребёнка (Моисей, Иоас, Иисус) – подчёркивает идею избранности и божественного покровительства, формируя устойчивый мифологический паттерн;
– ритуальное жертвоприношение (царь Моава, испытание Авраама) – отражает эволюцию религиозных представлений: от архаических практик к этическому пониманию жертвы как символа, а не действия.

Этот дуализм раскрывает глубокие теологические и символические пласты: с одной стороны, отрицание варварских ритуалов, с другой – использование образа жертвы для утверждения новых религиозных принципов – ценности жизни, веры и божественной милости.

Библейские и античные мотивы жертвоприношения детей имеют глубокие общие корни: они отражают архаичную логику «обмена» с божеством, используют образ первенца как высшую жертву, включают мотивы замещения и спасения, связаны с темами власти, искупления и коллективной ответственности. Однако библейская традиция делает акцент на эволюции от реальных жертв к этическим нормам, утверждая ценность человеческой жизни и божественное милосердие. Античные мифы чаще сохраняют мифологическую логику ритуала, хотя и показывают тенденцию к смягчению практик.

Оба комплекса сюжетов служат зеркалом общественных страхов и идеалов: они помогают осмыслить насилие, жертву и моральные дилеммы, а в современной культуре продолжают работать как мощные символы, провоцирующие размышления о границах допустимого и природе человеческой этики.

Библиографический список

1. *Баркова А.Л.* Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М., 2022.
2. Большой энциклопедический словарь. М., 1993.
3. *Гече Г.* Библейские истории. М., 1989.
4. *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. М., 1992.
5. *Котельников К. Д.* Греки жертвуют людей. URL: https://diletant.media/articles/45332242/?ysclid=morb50txmu874405527 (дата обращения: 04.05.2026).
6. *Кун Н. А.* Легенды и мифы древней Греции. М., 1957.
7. *Лосев А.Ф.* Ифигения // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. А–К. М., 1991.
8. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
9. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 100 000 слов, терминов и выражений. М., 2015.
10. *Плутарх*. О суеверии. URL: https://clck.ru/3RVJZK (дата обращения: 27.01.2026).
11. *Холопов А. В.* Методика расследования ритуальных убийств: учебное пособие. Ч. I. СПб., 2005.
12. *Черненко И. А*. Антигерой на все времена: сюжет о детоубийце в немецкой литературе второй половины XVIII в. URL: https://clck.ru/3Tgqer (дата обращения: 04.05.2026).

К.А. Мартынюк

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: stud160150@vyatsu.ru

О.М. Валова

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров г. Киров
E-mail: usr09478@vyatsu.ru

УДК 8-81`1

Английские загадки о животных: семантико-квантитативная специфика

Е.А. Мишутинская, А.А. Ермакова, В.Н. Киселева

Аннотация. Загадки неоднократно становились объектом исследования лингвистов, т.к. разнообразие их семантических, структурных, функциональных и культурных особенностей неиссякаемо. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в выявлении количественной специфики английских пословиц о животных, а также существенных принципов, на которых основываются указанные загадки. Выдвигается две гипотезы: загадки о домашних животных превалируют над загадками о диких животных; большинство загадок опираются на внешние признаки животных. Проведенный анализ опроверг первую гипотезу, в то время как второе предположение подтверждается. Английская «загадочная» картина мира вербализует знания о животных, проживающих на всех континентах. Языковая игра и метафоризация при образовании загадок основываются на облике животных и их поведенческих особенностях. Антропоморфная метафора не играет значительной роли в образовании английских загадок о животных.

Ключевые слова: английский язык, загадки о животных, внешние признаки животного, поведенческие особенности, языковая игра.

Загадки являются популярным объектом лингвистических исследований, т.к. они предоставляют богатый материал для изучения в силу своих семантических, структурных и функциональных особенностей. Целью нашего исследования является анализ количественной специфики английских пословиц о животных, а также существенных принципов, на которых основываются

указанные загадки. Материалом для статьи стали загадки, отобранные методом сплошной выборки из двух сборников [2; 5]. Мы выдвигаем две гипотезы: загадки о домашних животных превалируют над загадками о диких животных; большинство загадок опираются на внешние признаки животных.

Анализируя количественную специфику английских загадок о животных, мы предполагаем, что наименования домашних животных составляют доминирующее большинство, т.к. человек знакомится с ними в детстве и обобщает свои знания и опыт общения с животными в загадках. Однако исследуемый материал опровергает наше предположение: наименования диких животных широко представлены в английских загадках. Для иллюстрации выдвинутого положения обратимся к данным, представленным в *таблице 1*. Заметим, что в таблице представлены лексические единицы, которые встречаются в двух и более загадках в английском языке.

Таблица 1

Лексическое наполнение и количественная специфика английских загадок о животных

Виды животных	Дикие		Домашние	
	Лексическая единица	Количество упоминаний	Лексическая единица	Количество упоминаний
Млекопитающие	Lion	5	Cat	12
	Hare	3	Kitten	4
	Fox	3	Dog	6
	Leopard	2	Cow	4
	Elephant	2	Horse	4
	Kangaroo	2	Donkey	2
	Cheetah	2	Rabbit	2
	Zebra	2	-	-
	Rhinoceros	2	-	-
	Boar	2	-	-
	Rat	2	-	-
	Mouse	4	-	-
Птицы	Owl	3	Cock	2
	Crow	2	Chicken	2
Другие виды	Snail	4	-	-
	Worm	3	-	-
	Spider	2	-	-
	Caterpillar	2	-	-

Примечание: составлена авторами.

Согласно представленной информации, наибольшей частотностью в загадках характеризуется лексическая единица cat, в два раза опережая ближайшего преследователя – dog. В таблицу не попали наименования turkey, duck, goose, pig, т.к. они отличаются единичной встречаемостью. Таблица позволяет увидеть разнообразие представленных наименований диких животных, среди которых мы не видим явного лидера. Стоит заметить, что в таблицу не вошли многие лексические единицы (bat, butterfly, camel, deer, finch, flamingo, flea, fly, giraffe, gnat, hedgehog, jellyfish, lizard, monkey, parrot, penguin, raccoon, shark, snake, sparrow, squirrel, tiger, turtle, unicorn, wolf, yak), наименования диких животных, которые встречаются только в одной загадке. Однако их присутствие в фонде загадок о животных в английском языке рисует яркую и пеструю картину многогранности представлений о животном мире в языке. Можно предположить, что загадки о домашних животных – более древние, а загадки о животных, проживающих в разных уголках мира, появились позднее, опираются, главным образом, на внешние признаки и поведенческие особенности животного, «загадывающему просто важно подчеркнуть активность денотата, его способность выполнять определенные действия» [3, с. 79]. Эта идея требует детального и скрупулезного изучения. Таким образом, наша первая гипотеза не подтверждается результатами исследования. Английские загадки о животных вербализуют знания о самых разных животных, проживающих на всех континентах планеты.

Перейдем к рассмотрению признаков, которые лежат в основе образования английских загадок о животных. Самая многочисленная группа загадок основана на языковом осмыслении (через метафорические переносы, каламбуры, парадокс, ономатопею) внешнего вида животных, а также их поведенческих особенностей. Любые части тела, которые выделяют животного, могут стать основой загадки о нем: рога *two horns grew on its brow* (snail); иглы *carries needles* (hedgehog); усы *born with whiskers* (kitten); хвост *red bushy tail* (fox); полосы *yellow skin with black stripes* (tiger); сумка на животе *has a pouch* (kangaroo); хобот *long trunk* (elephant); грива *long hair around its neck* (lion);

клюв *colorful beak* (finch); шпоры *wears spurs* (cock). Из поведенческих особенностей, которые наиболее активно используются для образования загадок, следует отметить способы передвижения (ползать, бежать, прыгать, летать); сезонное поведение (зимняя спячка, плетение паутины); физиологические особенности (поворот головы, выносливость).

Группа загадок, в которых обыгрываются черты и внешний вид человека, немногочисленна. Так, маленький воробей уподобляется невысокому пареньку в серой одежде в следующем примере: A little fellow dresses in grey, hops here and there and never goes away. Способность человека совершить что-либо, а именно, возвести дом, лежит в основе загадки о шелкопряде, построенной на метафорическом сравнении: A clever workman who builds a house Without a brick or beam, Its snow-white walls have no windows and doors. Агрессивность и жажда добычи акул уподобляется зубастому охотнику (toothy hunters – sharks), т.е. поведенческие особенности животного сравниваются с определенным видом деятельности человека, в то время как определение «toothy», прямой признак облика акулы, рисует метафорические образ охотника. Это пример одновременного действия антропоморфной и зоометафоры. В целом, антропоморфная метафора не является продуктивной в английском языке для создания загадок о животных. Интересно, что к этому же выводу приходят Н. И. Файзуллина и С. Хан, проводя анализ русских народных загадок о животных [4, с. 77].

Таким образом, анализ загадок про животных на английском языке показывает, что их построение опирается на два ключевых подхода: обращение к реальным свойствам животных и использование языковой игры и метафоры. В первом случае авторы загадок делают акцент на наблюдаемых характеристиках животных – внешний вид, поведение или биологические особенности. Например, в загадках часто подчеркиваются детали: пятнистость гепарда, полоски зебры или грива лошади. Не менее важны и поведенческие черты: жираф описывается через способность доставать листья с верхушек деревьев, белка – через привычку прятать запасы, а сова – через бесшумный

полёт. Нередко загадки затрагивают и биологические циклы или функции: превращение гусеницы в бабочку, линьку ящерицы или роль коровы в хозяйстве, дающей молоко. Такие загадки не только развлекают, но и выполняют образовательную функцию – они учат замечать детали, выделять ключевые признаки объектов, развивают наблюдательность и логическое мышление, особенно у детей.

В то же время значительная часть загадок строится не на знаниях о природе, а на особенностях языка. Здесь на первый план выходят каламбуры и созвучия: например, «Vitamin Sea» как то, что нужно рыбам для здоровья, или «Purr-ple» в качестве любимого цвета кошки обыгрывают звучание слов и вызывают улыбку за счет неожиданного сопоставления. Другой популярный приём – логические парадоксы и загадки “с подвохом”. Так, вопрос о том, с какой стороны скатится яйцо с крыши, если его снесёт петух, заставляет задуматься над биологической невозможностью ситуации. Или загадка про кенгуру и небоскрёб, где абсурдность сравнения («может ли кенгуру прыгнуть выше небоскрёба?») раскрывается в простом факте: здание вообще не умеет прыгать. Подобные загадки тренируют нестандартное мышление и учат внимательно относиться к формулировкам.

Культурные особенности, отраженные в таких загадках, во многом связаны с ценностями англоязычного общества. Прежде всего, это ярко выраженная любовь к юмору и самоиронии: даже короткие шутки нацелены на то, чтобы вызвать улыбку через нелепость или игру со стереотипами – например, когда говорится, что коровы носят колокольчики, потому что рога «не работают», или что пауки общаются через Всемирную паутину. Английский язык с его богатством омонимов и многозначных слов предоставляет широкие возможности для каламбуров: «duck-umentaries» для уток, «retail store» вместо «возвращения хвоста» у кота и другие подобные примеры требуют от слушателя языкового чутья. Практичность и наблюдательность тоже играют роль: многие загадки опираются на бытовые ситуации или реальные наблюдения за животными, что отражает традицию

замечать мелочи в окружающем мире. При этом тематика остается универсальной и доступной – животные знакомы людям с детства, а языковые игры не требуют специальных знаний, благодаря чему загадки сохраняют популярность как жанр фольклора, сочетающий развлечение с ненавязчивым обучением.

Как известно, «загадки «прочитываются» в пространстве той культуры, в которой бытуют» [1, с. 94], поэтому всегда интересно проводить сравнительный анализ материала в нескольких языках. Так, в русской культуре енот стереотипно рассматривается, как полосатое животное, намывающее свой обед в реке. Английская загадка о еноте построена на других признаках: I have a bushy tail and sharp teeth, I am known for my cleverness and love of nuts, what am I? Отмечается пушистый хвост, острые зубы, ум и любовь к орехам. Таким образом, в перспективе есть возможность расширения исследования за счет привлечения материала из других языков.

Библиографический список

1. *Орлова О.С.* Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos (искусство слова). 2023. № 1. С. 90–96. DOI 10.35231/25419803_2023_1_90.
2. *Соловьева Т.А.* 300 загадок на английском языке для школьников. Москва, 1963.
3. *Файзуллина Н. И., Хан С.* Файзуллина Н. И., Хан С. Русские и английские народные загадки о животных // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 76–80. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-76-80.
4. *Файзуллина Н. И., Хан С.* Русские и английские народные загадки о животных // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 75-79. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-i-angliyskie-narodnye-zagadki-o-zhivotnyh (дата обращения: 23.02.2026).
5. *Collis H.* 101 American English riddles. Chicago, 1996.

Е.А. Мишутинская
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков неязыковых направлений
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: elenamishutinskaya@yandex.ru
А.А. Ермакова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud179343@vyatsu.ru
В.Н. Киселева
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: kiseliova.kis987@gmail.com

УДК 338.243.7

Дискурс высшего образования как ценности и услуги в обществе массового потребления: социально-философский анализ

В.В. Пашков

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ дискурса высшего образования в условиях общества массового потребления. Рассматривается трансформация представлений об образовании от классической ценности и культурного института к специфической услуге, функционирующей по законам рынка. Особое внимание уделяется противоречию между гуманистической миссией университета и его экономической функцией, проявляющемуся в процессах коммерциализации, менеджериализации и цифровизации образовательной среды. Анализируются теоретические подходы к пониманию дискурса, позволяющие выявить его роль в формировании образовательной реальности, а также влияние

потребительской культуры на содержание и формы обучения. Показано, что современный образовательный дискурс носит многослойный характер и включает конкурирующие интерпретации образования как общественного блага, инструмента социальной мобильности и экономического ресурса. Обосновывается необходимость сохранения аксиологического ядра образования в условиях рыночных трансформаций. Делается вывод о формировании гибридной модели университета, обеспечивающей баланс между культурной миссией, социальной ответственностью и экономической эффективностью.

Ключевые слова: высшее образование, дискурс, общество потребления, университет, ценности, образовательные услуги.

Современное общество характеризуется переходом к постиндустриальной и потребительской модели социальности, в рамках которой трансформируются базовые социальные институты, включая систему высшего образования. Эти процессы сопровождаются усилением роли потребления как доминирующего социального механизма, что находит отражение в концепции общества массового потребления. В рамках данной модели происходит переосмысление базовых социальных институтов, включая систему высшего образования. Традиционно образование рассматривалось как фундаментальный культурный институт, обеспечивающий воспроизводство знаний, ценностей и социальных норм. Однако в условиях рыночной экономики и глобализации оно всё чаще интерпретируется как специфический вид услуги, подчинённый логике спроса и предложения. Это приводит к формированию нового дискурса высшего образования, в котором пересекаются различные интерпретации его сущности: как общественного блага, как инструмента социальной мобильности и как экономического ресурс. Актуальность исследования обусловлена тем, что трансформация образовательного дискурса затрагивает не только институциональные формы, но и аксиологические основания образования. Возникает необходимость философского анализа данных процессов с целью

выявления их противоречий и определения перспектив развития. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, включающий элементы социологического, философского и лингвистического анализа.

Понятие дискурса в современной философии выступает ключевым инструментом анализа социальных процессов. В рамках постструктуралистской традиции дискурс рассматривается как система правил, определяющих производство знания и распределение власти. В современной гуманитарной науке он понимается как совокупность коммуникативных практик, формирующих определённую область социальной реальности. В образовательной сфере дискурс включает тексты, нормы, ценности и институциональные установки, определяющие функционирование системы образования, и относится к институциональному типу, поскольку он регламентирован социальными нормами и выполняет специфические функции. Его структура включает участников коммуникации (преподаватели, студенты, администрация), цели (обучение, воспитание, социализация), а также стратегии и формы взаимодействия. Центральное место в образовательном дискурсе занимает аксиологический компонент. Как отмечает Я.В. Зубкова, ценности определяют содержание и направленность академического дискурса, формируя его смысловое пространство [8, с. 46]. Основной ценностью является знание, которое выступает одновременно как цель и результат образовательного процесса.

М. Фуко определяет дискурс как совокупность высказываний, формирующих объекты знания [13, с. 112–118]. В этом контексте образование выступает не только как механизм передачи знаний, но и как пространство их конструирования. Университет формирует определённые «режимы истины», определяя, какие знания считаются легитимными. Теория дискурсивной гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф подчеркивает, что социальная реальность является результатом борьбы интерпретаций [15, с. 134–140]. Применительно к высшему образованию это означает существование конкурирующих моделей:

гуманистической, технократической и рыночной. Ю. Хабермас, развивая концепцию коммуникативного действия, рассматривает общество как пространство рационального диалога [14, с. 89–95]. Университет в этой логике выступает институциональной формой коммуникативной рациональности. Однако в условиях рыночной экспансии происходит «колонизация жизненного мира», что приводит к деформации образовательных практик. Таким образом, дискурс высшего образования представляет собой многослойную структуру, включающую взаимодействие знания, власти и экономики.

Классическая модель университета, сформулированная В. фон Гумбольдтом, основывается на принципах академической свободы, автономии и единства преподавания и научного исследования [6, с. 45–52]. В этой модели знание обладает самоценностью и не сводится к инструментальной функции. Его основная цель – развитие личности и формирование способности к критическому мышлению. Университет выступает как культурный институт, обеспечивающий воспроизводство интеллектуальных традиций. Образование выполняет культурную миссию, обеспечивая воспроизводство ценностей и формирование личности. Знание в этой парадигме выступает как высшая ценность, не редуцируемая к экономической выгоде. Университет сохраняет автономию и выступает как пространство свободного поиска истины. Под влиянием этой модели формировалась идея университета нового и новейшего времени, изменялись методы и методики преподавания, в стены высших учебных заведений проникали как прогрессивные идеи классических университетских дисциплин, так и многочисленные новые направления естественно-научного и социально-гуманитарного знания выпускников [11, с. 25–30]. Однако сегодня эта модель университета многими считается устаревшей, особенно в условиях трансформации высшего образования под влиянием общества массового потребления, когда современный университет вынужден балансировать между подходами прошлого и настоящего, превращаясь в многофункциональную организацию, сочетающую образовательную, научную и коммерческую деятельность [10]. И для ее

критики есть веские основания, так как с развитием массового образования и усложнением экономики данная модель начинает подвергаться необратимым изменениям.

Общество массового потребления характеризуется: а) доминированием рыночных отношений; б) ориентацией на потребление как основную форму социальной активности; в) стандартизацией культурных практик; г) ростом символического потребления. Этому типу общества присуще доминирование символических форм потребления и стандартизация культурных практик. Ж. Бодрийяр утверждает, что современное потребление связано прежде всего с потреблением знаков, а не вещей [3, с. 82–86]. В этом контексте высшее образование приобретает символическую функцию: диплом становится маркером социального статуса. Это приводит к смещению акцентов с содержания образования на его внешние атрибуты. Г. Маркузе указывает на тенденцию формирования «одномерного человека», для которого характерна утрата критического мышления [9, с. 95–102]. В образовательной сфере это проявляется в стандартизации программ и снижении интеллектуальной глубины обучения. Д. Белл связывает развитие образования с переходом к постиндустриальному обществу, где знание становится ключевым ресурсом [1, с. 103–110]. Однако это знание всё чаще оценивается с точки зрения его экономической полезности.

Одним из ключевых процессов является коммодификация – превращение образования в товар. В рамках экономической теории образование рассматривается как услуга с определёнными характеристиками [2, с. 102–108]. Формируется рынок образовательных услуг, включающий: а) государственные и частные университеты; б) онлайн-платформы; в) корпоративные образовательные программы; г) международные образовательные сети. В формирующемся и развивающемся рынке образовательных услуг, университеты выступают как поставщики, а студенты – как потребители. Коммерциализация образования проявляется в развитии платного обучения, внедрении маркетинговых стратегий и усилении конкуренции между вузами.

Образовательные учреждения формируют собственный имидж, используя элементы рекламного дискурса [12, с. 80–92]. Потребительская модель образования предполагает ориентацию студентов на практическую полезность знаний, их востребованность на рынке труда и соответствие личным ожиданиям. Образование рассматривается как инвестиция в будущее. Это приводит к трансформации образовательного процесса: усиливается практическая направленность обучения, возрастает значение прикладных дисциплин, изменяется характер взаимодействия между преподавателем и студентом. Коммерциализация образования проявляется в: а) росте платного обучения; б) усилении конкуренции; в) внедрении маркетинговых стратегий; г) ориентации на потребительский спрос. Б. Кларк отмечает, что современные университеты трансформируются в предпринимательские организации [16, p. 67–75].

Менеджериализация предполагает внедрение принципов корпоративного управления в образовательную сферу. Это приводит к изменению логики функционирования университетов. Основные проявления университетской трансформации: а) ориентация на показатели эффективности; б) стандартизация образовательных процессов; в) внедрение систем оценки качества; г) изменение роли преподавателя. Студент в данной модели превращается в потребителя, а преподаватель функционирует как поставщик образовательных услуг. Это трансформирует педагогическое взаимодействие, смещая акцент с содержания на форму. Как отмечает Л.Н. Жилина, подобная трансформация может приводить к формализации образования и снижению его философской составляющей [7, с. 415–418]. Превращение образования в услугу и предмет потребления вымывает из него императивность, требовательность, принудительность, волевые усилия и упорство учащегося. В классической интеллектуальной традиции образование – это благо, которое надо заслужить упорным трудом. Потребитель образования как услуги предпочитает трудовым усилиям комфорт, преувеличенные амбиция и безответственность в отношении своего профессионального будущего. Как пишут российские исследователи

Г.М. Галас и Л.А. Брушкова: «Среди студентов отмечена тенденция к гедонистическому потребительскому поведению и недооценке значимости освоения ими общеобразовательных и профессиональных компетенций, необоснованные амбиции и уверенность в собственных способностях и возможностях, неопределенность в будущей профессиональной деятельности, незнание конъюнктуры рынка труда» [5, с. 43].

Цифровая трансформация образования является одним из ключевых факторов современного развития университета. Онлайн-образование, искусственный интеллект и образовательные платформы формируют новые модели обучения. Основные тенденции становления новой модели высшего образования: а) глобализация образовательного пространства; б) персонализация обучения; в) гибридные форматы; г) развитие EdTech-индустрии. Цифровизация расширяет доступ к высшему образованию, но одновременно усиливает конкуренцию и стандартизацию.

На тенденции и динамику развития современного университета заметное влияние оказывают средства массовой информации, которые в большой степени формируют общественное восприятие высшего образования. В медийном пространстве оно представляется одновременно как социальное благо, экономический ресурс и инструмент личного успеха. Анализ публикаций показывает, что СМИ активно обсуждают проблемы качества университетского образования, реформирования системы и трудоустройства выпускников. При этом высвечиваются и серьёзные проблемы, включая снижение качества образования, несоответствие подготовки требованиям рынка труда, коммерциализацию и недостаточное финансирование [12, с. 80–92]. СМИ способствуют формированию многозначного и противоречивого образа высшего образования.

Современное высшее образование представляет собой диалектическое единство противоположностей. Оно одновременно выступает как: а) общественное благо; б) экономическая услуга; в) культурный институт; г) элемент рыночной системы. С. Маргинсон подчеркивает, что даже

в условиях рыночных трансформаций образование сохраняет характеристики общественного блага [17, p. 411–425].

Сосуществование двух моделей образования – ценностной и сервисной – порождает ряд противоречий. Основным из них является конфликт между гуманистической миссией образования и его рыночной функцией. В рамках ценностного подхода образование ориентировано на развитие личности и формирование мировоззрения, тогда как сервисный подход делает акцент на удовлетворении потребностей потребителя и эффективности. Это противоречие проявляется также в различии критериев качества образования: глубина знаний и развитие личности против удовлетворённости обучающихся и востребованности выпускников. Современный университет вынужден балансировать между этими подходами, трансформируясь в многофункциональную организацию, сочетающую образовательную, научную и коммерческую деятельность [10].

Для сохранения баланса между ценностной и рыночной логикой необходимы: а) государственная поддержка; б) обеспечение доступности образования; в) сохранение академической автономии; г) развитие гуманитарной составляющей. Будущее образования связано с формированием гибридной модели, сочетающей различные логики.

В заключение отметим, что дискурс высшего образования в условиях общества массового потребления представляет собой сложную и противоречивую систему. Его анализ показывает, что образование не может быть сведено исключительно к услуге без утраты своей сущности. Оптимальное развитие возможно лишь при сохранении баланса между экономической эффективностью и культурной миссией высшего образования. Именно этот баланс определяет основные тенденции развития университета как ключевого института современного общества. Перспективы развития системы высшего образования связаны с необходимостью гармонизации этих подходов, что позволит сохранить гуманистическую миссию образования при адаптации к требованиям современного общества.

Библиографический список

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 2004.
2. *Беккер Г.* Человеческий капитал. М., 2003.
3. *Бодрияр Ж.* Общество потребления. М., 2006.
4. *Боков А.В.* Дискуссии о преподавании философии // Вестник РУДН. 2021. Т. 25. № 4. С. 523–531.
5. *Галас М. Л., Брешкова Л. А.* Ценность и качество высшего образования в представлениях современной российской молодежи // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 4(37). URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2023-4-37/galas-brushkova-tsennost-i-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-sovremennoy-molodezhi-rossii/ (дата обращения: 22.03.2026).
6. *Гумбольд В.* О внутренней и внешней организации высших учебных заведений. М., 2002.
7. *Жилина Л. Н.* Место философии в образовательном процессе высшей школы // Вестник РУДН. 2021. Т. 25. № 3. С. 412–420.
8. *Зубкова Я. В.* Ценности академического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. М. 2010.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ, 2003.
10. *Пономарева О. Н.* Модели и функции современных университетов. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-i-funktsii-sovremennyh-universitetov/viewer (дата обращения: 20.03.2026).
11. *Розов Н. С.* Ценностные основания образования // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 25–30.
12. *Рябова Т. С.* Концепт «высшее образование» в дискурсе российских СМИ // Вестник ТГПУ. 2020. № 4. С. 80–92.
13. *Фуко М.* Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
14. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия. М.: Весь Мир, 2000.
15. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 2004.
16. *Clark B.* Creating Entrepreneurial Universities. Oxford: Pergamon, 1998.

17. *Marginson S.* Higher Education and Public Good // Higher Education Quarterly. 2011. Vol. 65. № 4. P. 411– 425.

В.В. Пашков

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры истории и философии

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

E-mail: vv. pashkov@mail.ru

УДК 811.133.1

Нулевой артикль как элемент системы французского артикля: историко-грамматический и функциональный аспекты

О. М. Редкозубова

Аннотация. В статье рассматривается феномен нулевого артикля **в** системе французского артикля с историко-грамматической и функциональной точек зрения. Анализируются этапы становления артикля во французском языке, начиная со старофранцузского периода, когда система артикля находилась в стадии формирования, и до современного состояния языка. Особое внимание уделяется разграничению понятий нулевой артикль и отсутствие артикля, а также условиям, при которых отсутствие артикля приобретает грамматическую значимость. Описываются синтаксические ограничения безартиклевых форм, их противопоставленность существительным с артиклем по признаку предметности и роль в выражении абстрактных понятий, признаков и состояний. Рассматривается взаимодействие предлогов с оформлением существительного с артиклем или без него. В заключение подчёркивается, что нулевой артикль является значимым элементом системы французского артикля, однако его статус требует дальнейшего теоретического осмысления и систематизации.

Ключевые слова: нулевой артикль, система французских артиклей, безартиклевое имя, оппозиция положительный артикль / нулевой артикль.

Во французском языке окончательное распространение артикля на все семантические группы существительного, за исключением части имён собственных, заканчивается в XVI – XVII вв. Артикль становится постоянным спутником существительного, выразителем всех его грамматических значений. Однако в определённых случаях артикль отсутствует и в настоящее время, но уже в более ограниченных, строго определённых условиях. Существительное без артикля противопоставляется форме существительного с артиклем и определяется грамматическая функция отсутствия артикля. Случаи употребления безартиклевого имени в современном французском языке довольно часты. Грамматисты, использующие термин нулевой артикль (Ж. Дюбуа, Г. Гийом, Л. И. Илия), включают его в систему французского артикля. Однако среди лингвистов нет общего взгляда на значение, выражаемое нулевым артиклем. «Нулевой артикль – явление, нарождающееся во французском языке, его определение пока затруднительно, но ясно то, что он призван выразить самые тонкие и неуловимые нюансы значения» [3, с. 138].

Под термином нулевой артикль часто объединяются самые разные случаи отсутствия артикля, т.е. не существует теоретически обоснованной классификации случаев употребления безартиклевого имени в современном французском языке. Кроме того, наряду с термином нулевой артикль допускаются выражения «отсутствие артикля», «утрата», «опущение артикля» и т.п.

Обычно явления нулевого артикля в современном французском языке не отграничиваются от неупотребления артикля в предшествующие периоды истории языка. Особое внимание следует обратить на оформление существительного в старофранцузском языке, чтобы ответить на вопрос, можно ли считать случаи безартиклевого оформления существительного в этот период нулевым артиклем.

В старофранцузском языке случаи неупотребления артикля гораздо более часты, чем в современном языке. Это можно объяснить тем, что в ту эпоху система артикля находилась в стадии становления, артикль как новое средство выражения актуализации существительного вступил в конкуренцию с флексией [2, с. 6].

В своей работе, посвященной проблеме нулевого артикля Н.И. Янковская говорит о неправомерном употреблении термина нулевой артикль применительно к старофранцузскому периоду развития языка, так как в тот период система артикля окончательно ещё не установилась, и оппозиция положительный артикль / нулевой артикль не могла носить функционального характера. Теория нулевого артикля может быть приложима к французскому языку лишь с XIV – XV вв., когда артикль с окончательной утратой флексий в письменной форме речи становится главным актуализатором существительного, и за каждой артиклевой формой закрепляется своё функциональное значение.

Значение нулевого артикля противостоит значениям эксплицитных артиклевых форм. По мнению большинства лингвистов, нулевые показатели в языке имеют такую же выразительную силу, что и положительные показатели (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня). Нулевая форма определяется благодаря отношениям, существующим между членами одной парадигмы в широком смысле этого слова. Понятие нулевого артикля отчётливо вскрывает такое качество языка, как системность.

Однако широкий круг понятий и терминов, выводимый из положения о том, что в системе и отсутствие элемента может быть значимым, интерпретируется лингвистами по-разному. Зачастую термины нулевой показатель и (значимое) отсутствие показателя употребляются как равнозначные. О нулевом показателе возможно говорить тогда, когда он выражает строго определённые значения, противостоящие значениям положительных форм, т.е. когда оппозиция нулевой показатель / положительный показатель носит в языке функциональный характер.

Выделение нулевого артикля во французском языке может считаться правомерным лишь в том случае, если будет выявлено выражаемое им некоторое значение, противостоящее значениям эксплицитных артиклевых форм [2, с. 3].

Отсутствие артикля, противополагаясь его наличию, получило значение морфемы, как нулевой артикль, при котором существительное теряет свою полноценность в том смысле, что в предложении не обозначает никакого реального предмета, а представляет собой лишь простое наименование предмета, без всякого указания на его реальность [1, с. 323].

Такое существительное либо входит как составная часть в сложное выражение, например, *faire attention, prendre forme, и* в таком случае самостоятельной роли в предложении не имеет; либо оно является самостоятельным членом предложения, но обозначает не предмет, а признак, состояние, образ действия, приближаясь, таким образом, по своим функциям к другим частям речи.

Таким образом, существительное с артиклем противополагается в современном языке существительному без артикля, как существительное, обозначающее реальный предмет, «предметное», существительному, никакого предмета не представляющему, «непредметному».

С этой «непредметностью» существительного без артикля связаны некоторые синтаксические ограничения. В большинстве случаев такое существительное не может быть подчиняющим, т.е. не может иметь при себе ни определений, ни дополнений, ни придаточных предложений. Так, в выражениях *le nid d'oiseau, travailler avec courage,* существительные oiseau, courage не допускают никакого синтаксического распространения, какое бы было возможно при артикле, напр.: *le nid de l'oiseau qui s'est envolé; travailler avec un courage admirable.* В таких сочетаниях, как *le nid d'oiseau de proie, de proie* **не** является синтаксическим развитием существительного *oiseau,* так как здесь дополнением существительного *nid* является *d'oiseau de proie,* сочетание, которое, в свою очередь, состоит из существительного с дополнением,

указывающим на свойство предмета, и которое образует целое, соответствующее представлению об одном предмете: *un oiseau de proie*. Оно также не может быть замещаемо местоимением; чтобы замена была возможной, необходим артикль: *cet homme travaille avec un courage que j' admire*. Это ограничение не распространяется на те случаи, когда уществительное без артикля сохраняет установку определённости или еопределённости, как например, имена собственные, которые являются пределёнными сами по себе, а также существительные, теряющие rticle partitif и article indefini *des* после предлога *de* **[**1, с. 23].

Г. Гийом определяет значение нулевого артикля как конкретизацию существительного, конкретизацию смысла по форме. Наиболее существенным признаком такого оформления существительных в конструкции «глагол + существительное» является преодоление абстрактного в сторону конкретного. Нулевой артикль у Г. Гийома расположен на третьем тензоре, который следует за тензорами операции партикуляризации (артикль un) и операции генерализации (артикль le). Значение конкретизации является собственным значением нулевого артикля [2, с. 87].

Согласно Г. Гийому, каждый предлог имеет в потенции некоторую заданную схему реализации. Если предлог следует данной схеме, т.е. не противоречит ей, то существительное оформляется артиклем. Если же предлог отклоняется от этой схемы, он ей противоречит, и тогда существительное оформляется артиклем.

Предлог *à* связывается с идеей направленности к финальной точке и в этом значении употребляется с артиклем. Когда же идея проспекции отсутствует, появляется нулевой артикль *aller à pied, robe à col blanc.*

Предлог *de* имеет в потенции идею происхождения, направления от чего-либо, также идею принадлежности (*chien du berger*). Если же реализация предлога *de* вступает в противоречие с потенциальной схемой, существительное, следующее за *de*, оформляется нулевым артиклем (*chien de berger*).

Предлог *entre* указывает на существование некоторого интервала между объектами. Если эта схема сохранена, после entre существительное оформляется артиклем. Нулевой артикль говорит об отсутствии такого интервала (*entre amis, entre hommes*). Такая же ситуация складывается с предлогами *pour, par, sur* **и** т.д.

Таким образом, в современном французском языке выделяются определённый, неопределённый и партитивный артикли. Вместе с тем ряд учёных, рассматривая случаи отсутствия артикля перед существительным,

считают возможным говорить о нулевом артикле. Значение нулевого артикля противостоит значениям эксплицитных артиклевых форм, следовательно, нулевой артикль является элементом системы французских артиклей в её современном состоянии. Кроме того, многие лингвисты настаивают на разграничении понятий нулевой артикль и отсутствие артикля.

Библиографический список

1. *Богомолова О. И.* Современный французский язык. М., 1948.
2. *Янковская Н. И.* Проблема нулевого артикля в современном французском языке. (Автореферат). Архангельск, 1996.
3. *Guillaume G.* Le problème de l article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.

О. М. Редкозубова

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры немецкого и французского языков

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

E-mail: olgaredkozubova62@mail.ru

УДК 1.13.130.31

Правовые взгляды Вл. Соловьёва: право как минимум нравственности

Е. А. Счастливцева

Аннотация. Целью данной статьи является анализ положения Вл. Соловьёва «право как минимум нравственности». Эта формула раскрывается в работе «Оправдание добра». Следуя формуле, Соловьёв утверждает нравственное начало в праве и, как его продолжение – учение о нравственности как совершенствовании человека и человечества в целом. Лишённое внутреннего принуждения нравственное начало в человеке своим основным долгом утверждает внутреннюю свободу духа, духовной жизни. Идеалом государства для Вл. Соловьёва становится христианское государство, основанное на вселенском мире, охраняемом христианским воинством. Формула минимума нравственности означает (помимо идеи совершенства и внутренней свободы – это дело бесконечного нравственного совершенствования) также и то, что в праве должно быть нравственное начало, воплотившее идею о том, что нельзя переходить границы гуманности. Право не должно быть антигуманным: Соловьёв приводит примеры антигуманного законодательства, в частности, в средневековой Германии. Сегодня соловьёвское наследие, его христианские взгляды на государство ещё ждут своего исследования, но философ подвергал критике антигосударственные, анархистские позиции, по его мнению, именно анархисты не видели в праве силу, закон, способ остановить античеловеческий произвол. Именно государство, в том числе и право, и армия, должны защитить человека и мир в целом. Но до полного мира ещё далеко, говорит Соловьёв. Его прогноз простирался вплоть до войны между Азией и Европой. Методология данного исследования содержит герменевтический и общие логические методы исследования, некоторые элементы системного подхода.

Ключевые слова: Вл. Соловьёв, христианское государство, минимум нравственности, сила права, «Оправдание добра».

Придерживаясь принципа, что право – это «минимум нравственности», Соловьёв, доказывает этот постулат, выстраивая тонкую логическую цепочку выводов о том, что право содержит в себе нравственное начало или во всяком случае должно его содержать. Он говорит о социальной природе права. Философ придерживается мысли о том, что некоторых преступников можно исправить, поэтому нравственное их исправление, или даже излечение, предпочтительнее наказания с помощью физических мучений [см.: 2, с. 514–515]. Он начинает с того, что сам факт экономических бедствий есть свидетельство понимания того, что сами экономические отношения, как должно, не связаны с началами добра и не организованы нравственно [см.: 2, с. 518]. Соловьёв полагает, что именно с непризнанием всякой организации в хозяйственной жизни видится начало революционного анархизма. Так, существовала целая школа анархистов-консерваторов, не признающих этического начала в экономике. Соловьёв, напротив, утверждает, что ни в коем случае нельзя отделять нравственную область от хозяйства, и несостоятельность всякого социализма заключается в том, что он допускает между этими областями смешение (или ложное единство). И данное смешение создаёт «неразбериху» в хозяйственной жизни при социализме. Напротив, либерализм и анархическая идеология отделяют нравственность от хозяйственной жизни, и в этом философ видит начало безнравственности. «Признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника или потребителя всех благ – есть точка зрения ложная и безнравственная». Эти функции «нисколько не выражают существа и достоинства человека» [2, с. 519]. Здесь требуются некоторые пояснения. Соловьёв разделяет точку зрения Николая Коркунова, пришедшего к выводу, что функция права состоит в посредничестве между сферой экономических интересов и нравственных ценностей [1, с. 228].

Поскольку у человека есть сложная психическая и духовная жизнь, говорит Соловьёв, ему недостаточно простой необходимости труда для поддержания жизни. Человеку нужно хотя бы наслаждаться жизнью, не говоря

уже об удовлетворении духовных потребностей, и это с одной стороны. С другой стороны, нравственные ориентиры и образцы в экономике хорошо известны. Например, исключительный случай торговца, не повышающего цену необходимого товара при усиленном спросе, уже превращается в общее правило, как только правительство находит нужным регулировать цены товаров. «...При всём различии этих двух понятий – закона природы и закона положительного или государственного – этот последний, хотя и есть дело рук человеческих, уподобляется, однако, первому...» [2, с. 522]. И, тем не менее, «ни один помещик.., в силу закона 1861 г. не может теперь продавать или покупать крестьян иначе как в сновидении, тогда как, с другой стороны, ничто не препятствует любому добродетельному петербургскому домовладельцу, даже наяву… понизить цену на квартиры в видах чисто филантропических...» [2, с. 523]. Но если немногие пользуются случаем так поступить, то это доказывает лишь слабость их добродетели, а не подтверждает безнравственность экономической жизни, поскольку как только государство предъявит требования, производитель тотчас снизит цену и «железная» необходимость экономических законов «сразу окажется хрупкою, как стекло» [там же]. Из этих высказываний Соловьёва следует вывод, что можно узаконить некоторые нравственные нормы, возвести их в право, когда, например, в стране наступает тяжёлое время и требуется вмешательство государства, которое с помощью закона регулирует некоторые экономические и социальные требования. Точно так же можно поступить и в социальной сфере, допустим, в рабочем законодательстве. В силу этого право здесь выступает устроителем и гарантом справедливости, распространяя свое действие (силу закона) на различные сферы жизнедеятельности, не касаясь, однако, самого существа естественных законов хозяйственной, социальной и даже политической и культурной жизни, поэтому право и есть «минимум нравственности», поскольку не затрагивает своей справедливостью необходимых основ этих общественных сфер жизнедеятельности людей. Отсюда и право с «изменяющимся содержанием» П. И. Новгородцева.

В противоположность вышесказанному Вл. Соловьёв приводит пример несправедливого прусского эдикта 1739 г., по которому «ежели адвокат или прокурор, или нечто тому подобное осмелится сам или будет просить другого подать их королевскому величеству какую-нибудь докладную записку, то их королевскому величеству благоугодно, чтобы такое лицо было повешено без всякого милосердия и чтобы рядом с ним была повешена собака» [4, с. 569]. Принимая во внимание средневековую, прямо сказать, жестокость и не милосердность прусского уголовного законодательства, становится неудивительным кантовское понимание народного сопротивления только с помощью петиций и отрицание им народного бунта, ведь даже докладные записки, а не то что петиции, были запрещены, и не просто запрещены, а жестоко карались смертной казнью. Соловьёв привёл этот яркий исторический пример, чтобы показать, что явления несовпадения нравственности и права, хотя и не столь, может быть вопиющих, весьма обычное дело в жизни народов, поэтому и нужно заботиться о соблюдении элементарных норм нравственности в праве, а не отрицать право как таковое, в чём видится намёк на Л.Н. Толстого. «Такое заключение, – говорит Соловьёв, – чрезвычайно легко, но зато и совершенно легкомысленно» [2, с. 570]. Творчеству Вл. Соловьёва П.И. Новгородцев посвятил памятную речь, которая была оформлена в виде статьи [см.: 3]. Таким образом, размышляя над нравственными исканиями Новгородцева, мы приходим к нравственным идеям Вл. Соловьёва, к истокам нравственного начала в праве.

Теперь рассмотрим вопрос о том, каким образом право является минимумом нравственности. Между правом и нравственностью Вл. Соловьёв находит принципиальное отличие: право основано на внешнем принуждении, а нравственность – на внутреннем чувстве долга и стремлении к бесконечному совершенствованию. Не убить, не украсть, отдать долг кредитору – вот всё, что требует от человека право, то есть это, по существу, есть совершение минимального добра и недопущение известных проявлений зла. Причём этот минимум нравственности должен быть деятельным, а не обозначаться только

словами: «не гневайся!» вместо «не убивай». «Зачем с угрозою объявлять: не убей, когда следует кротко внушать: не гневайся?» [2, с. 580]. И, тем не менее, общество не допустит, чтобы в нём царило убийство, воровство и т.п. «…принудительный закон… есть *необходимое условие нравственного совершенствования* и как такое *требуется самим нравственным началом,* хотя и не есть его прямое продолжение» [2, с. 582]. В нравственной жизни, напротив, всякое принуждение есть зло и насилие. Насильственное вторжение внешней общественной организации в духовную сферу человека – этот тот род насилия, которое по праву считается *дьявольским*, поскольку основан на лжи (облекаем в форму ограничения внутренних благ, о чём и нужно говорить здесь особо) и зле. Вл. Соловьёв пишет о том, что право ограничивает только самые страшные проявления насилия, а такие, как клевета и оскорбление – не особенно, поскольку они не так угрожают человечеству. Однако теперь и эти действия подвержены правовому охвату, поскольку нарушают общественное спокойствие и права граждан, которые были признаны высшей ценностью и в России. Соловьёв же рассуждает здесь под углом зрения мести за причинённую обиду: если человек простит обидчика, как бы он ни был чувствителен к оскорблению, то тем самым он предотвратит общественную опасность, исходящую от обидчика [2, с. 589]. Сущность права философ видит в сохранении равновесия между свободой личности и общественным благом, и отсюда выводит положение о том, что преступника нельзя лишать жизни и что само лишение свободы должно длиться определённый срок, а не вечно. Следовательно, законы допускающие смертную казнь или бессрочное лишение свободы противоречат самому существу права [2, с. 590]. Но они противоречат так же и требованию нравственности, поэтому в этом пункте нравственность и право совпадают. Минимум права также заключается и в том положении, что ни один положительный закон не должен идти вразрез с «нравственным сознанием добра» [2, с. 591]. Говоря о нравственном начале в праве, необходимо коснуться и международного положения, выразителем которого является война. Соловьёв пишет о смысле войны.

В войнах, по мнению философа, выражается хроническая болезнь человечества. При всех «ужасах войны», Соловьёв говорит, что она бывает необходима, если её присутствие вызвано неотвратимыми условиями, при которых не было иного выхода как только закончить дело войной [см.: 2, с. 600]. Обращает на себя внимание тот факт, что философ не связывает сам факт войны с борьбой за существование. Истоки войны Вл. Соловьёв находит в мести, дикой злобе и в свирепом высокомерии людей – он обращается к Библии, к Кровавой песне Каинова внука Лемеха. Люди бы давно истребили самих себя, пишет Соловьёв, если бы не материнский инстинкт, заключающийся не только в продолжении рода, но и в особой защите потомства со стороны матери, в особой родовой организации со стороны бытовых условий общежития. Сильные роды редко полностью истребляли слабый род, в основном слабые присоединялись к более сильному на условиях подчинённости или в союзе на равных (федерации). Таким образом, «война сама порождала договоры и права как ручательство мира. Такие соединения родов уже представляют собою зародыш государства» [2, с. 604]. Интересен тот факт, что многие государства древности видели способ достижения мира в охвате, подчинении себе как можно большего количества государств. Так, здесь уместна будет ссылка на Нонния, цитирующего Цицерона: «...Но наш народ, защищая своих союзников, уже покорил весь мир» [4, с. 65]. Она может быть воспринята и в качестве иронии-упрёка в том, что защита союзников очень часто приводит к мировым захватам. Христианство, укоротив «Новуходоносорово дерево», всё же не подрубило основания войны – через «меч против злых» обрести мир и спокойствие. «Последователи новой веры видели для себя великое торжество в том, что две победоносные войны дали возможность кесарю Константину водрузить Крест Христов над старым неизменным зданием Римской империей» [2, с. 610]. В этом видится Соловьёву также движение христианского духа, уставшего искать высшее благо в «вечном Риме». «Тайная работа духовных сил» требовала не «ожидания Нового Иерусалима» как объединения всех политических и духовных идей, а реального

телесного объединения человечества. В этом месте философ намекает на три составляющие духовного прогресса всего человечества в будущем: 1) развитие национальностей, соответственное развитие международных связей всякого рода и 3) географическое распространение культурного единства на весь земной шар [2, с. 611]. Однако мыслитель тут же говорит, что первые попытки воплотить эти идеи в жизнь в истории человечества не увенчались успехом. Средневековая Европа погрязла в христианские и военные распри, которые всё же имели положительный конец образования национальных государств. «Прежние международные связи не исчезли, а внутренне усилились, и к ним присоединились новые» [2, с. 612]. Духовный авторитет римской церкви при внешнем спаде её влияния возрос, «во многом очистился от грубых средневековых злоупотреблений» и продолжает свои духовные «завоевания». Соловьёв говорит о международном техническом и научном сотрудничестве «всех образованных стран», о путях сообщения и международном обмене («обмене веществ») – всё это, по его мнению, «делает из культурного человечества одно целое». Таким образом, и в мировой истории должна воплотиться и уже воплотилась его идея всеединства, как своеобразного синтеза всех жизней народов в «одну общую жизнь». Так, культурное человечество становится *всем* человечеством. Он пишет о европейцах, которые, «захватив Америку на западе, Индию на востоке и Сибирь на северо-востоке», охватили своим влиянием большую часть земного шара. Даже мусульманский мир «кругом опутан и насквозь пронизан нитями европейской культуры и только в тропических пустынях Судана ещё может быть, и то без всякой надежды успеха, отстаивать свою дикую самобытность (царство дервишей) [2, с. 613–614].

Соловьёв прогнозирует в будущем противостояние между Азией и Европой. Он говорит, что у жёлтой расы не ценится человеческая жизнь, поэтому азиаты (монголы) не испугаются войны, как испугались её европейцы уже в XIX в., во время франко-прусской войны, которая была слишком кровавой (можем себе представить, если Париж сопротивлялся без малого

целый год). Казалось бы, рассуждает философ, должен наступить желанный мир, но до этого ещё очень далеко. «Неразумно было бы, однако, думать и поступать так, как будто бы этот близкий конец уже наступил… Есть еще народы, которые в случае всемирной войны рискуют немногим, а есть и такие, которые готовы рисковать даже очень многим… Эта главная раса, которой главный представитель, китайский народ, исчисляется по крайней мере в 200 млн душ, при величайшей племенной гордости отличается и крайним презрением к жизни, не только чужой, но и своей» [2, с. 616]. И, конечно, азиаты захотят, после того, как усвоят «западную культурную технику», доказать превосходство своих духовных начал над европейскими, и это найдёт своё выражение в последней, но наиболее ужасной всемирной войне. Для наступления всеобщего мира, по Соловьёву, необходимо политическое единство всех стран в форме всемирного международного союза или монархии, когда будет создано это вселенское тело, только тогда и наступит «Царство Правды и Вечного мира» [2, с. 619]. Всё это напоминает кантовское произведение «К вечному миру», где немецкий философ говорит о всемирном правительстве. Как пророка, его также можно сравнить с Фридрихом Ницше, когда Ницше говорит о декадансе европейской культуры, а Вл. Соловьёв – о противостоянии Востока и Запада, что имеет место в современном политическом мире. С одной точки зрения, Соловьёв встаёт на сторону противников войны, поскольку совесть как внутренний ограничитель противится всякой войне, с другой стороны, он понимает, что для установления такого положения нужно отказаться от военной службы, что в принципе невозможно [2, с. 620]. И он полагал, что во всяком государстве должна быть армия для защиты отечества. И в христианском государстве будет христианское воинство, но не будет войны. Воинство защищает мир, как, например, русские воины сражались против половцев, защищались от горцев и кочевников в XIX в. [2, с. 624, 681].

Соловьёв был против насильственной, захватнической войны, но он понимал необходимость защиты отечества от пришлых народов,

необходимость воинской службы на благо отечества, и он полагал, что в любом государстве должна быть армия, а значит и военная обязанность служения. И тем не менее философ выступает за христианский мир, но этот мир, видимо, придётся защищать с оружием в руках, пока не будет создана международная организация, которая включит в себя всё человечество, объединённое политически, но это потребует внутреннего перерождения всего человечества– оно должно одухотвориться Царством Правды и Вечного мира.

Библиографический список

1. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М., 2025.
2. *Соловьёв В. С.* Оправдание добра. СПб., 2022.
3. *Новгородцев П. И.* Идея права в философии Вл. С. Соловьёва // П. И. Новгородцев. Сочинения. М., 1995. С 285–299.
4. *Цицерон*. Философские трактаты. О государстве. Второй день. Книга 3. XXIII, 35. М., 1994.

Е.А. Счастливцева

доктор философских наук, доцент

Кировский филиал ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной̆ службы при Президенте Российской̆ Федерации»

E-mail: abcr@yandex.ru

УДК 130.3

К вопросу о месте, структуре и статусе духовности в модели субъектной онтологии

О.М. Холкин

Аннотация. В данной статье делается попытка прояснить вопрос о месте и структуре духовности в субъектной онтологии. Существующие точки зрения сводятся по характеру либо к редукционистским, либо к предельно широким

трактовкам духовности. При таких обстоятельствах возникает необходимость в умеренно холистической позиции, в рамках которой признаки духовности не просто бы постулировались, а выводились бы из ясных и отчетливых методологических оснований. При исследовании вопроса кроме общенаучных методов автор использовал также некоторые математические инструменты в целях более строгого подхода в выведении, описании и объяснении места, структуры и статуса духовности в целостном феномене внутреннего мира человека (субъектной онтологии). В результате было получено представление о духовности как частном случае концепта субъектной онтологии, в котором были определены ее место, структура и онтологический статус.

Ключевые слова: духовность, субъектная онтология, структурно-функциональная модель субъектности, структура духовности.

1. О правовых основах духовных начал российской идентичности

Указом Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г. утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее «Основы») [1].

Согласно Основам в состав традиционных ценностей включены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Из данных положений следует, что в них определены духовные основы российской идентичности, как в части общественного бытия, так и в части общественного (российского) сознания, включая сюда индивидуальное и групповое. Между тем обращают на себя внимание некоторые смысловые нюансы, требующие пояснений:

1. Из смысла Указа следует, что духовные основы главным образом сведены к правовым и традиционным нравственным ценностям. Между тем эти основы не исчерпываются данным видом ценностей, а также самим аспектом духовности.

2. Из выше названного правового акта также следует, что перечень ценностей представляет из себя суть содержание сформулированной идеологии. Между тем в силу ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Образовавшееся противоречие несомненно требует соответствующего пояснения и разрешения.

3. Приоритет духовного над материальным. Вопрос: может ли в обществе, основанном на либеральных принципах, прибыли как цели предпринимательской деятельности и бурно расцветающей «сухаревщины» в общественной психологии, реализована приоритетность духовного над материальным?

4. Может ли в современном либеральном обществе, глубоко социально гетерогенном в самых экзистенциально значимых аспектах, процветать гуманизм, милосердие, справедливость и коллективизм?

В связи с этим целым рядом отечественных философов, педагогов и общественных деятелей ставится вопрос о необходимости доводки формулировок о традиционных духовно-нравственных ценностях до уровня достаточной точности, понятности и релевантности. В этом смысле показательной является позиция и деятельность Межрегиональной Общественной организации «Центр Социальной Архитектуры «Сфера»», один из проектов которой называется: «Философско-методологический анализ указа президента РФ “Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” № 809 от 09.11.2022 с целью совершенствования формулировок Указа в контексте современных вызовов и угроз России» [3].

Из сказанного следует, что вопрос о духовности, ее сути и структуре имеет актуальное значение и в теоретическом, и в практико-ориентированном планах.

2. К постановке вопроса и интервале исследования

Поскольку вопрос о духовности поставлен в контексте субъектной онтологии, то так или иначе все определения, касающиеся духовности будут являться частными случаями определений внутреннего мира как базовой целостности. При таких обстоятельствах интервал исследования вопроса по меньшей мере должен состоять в последовательном определении базовой структурной модели субъектной онтологии как контекста и методологического основания духовности, выявления существенных признаков духовности, определения ее места, строения и статуса в рамках данного контекста.

Анализ отечественных исследований феномена духовности в свете данной постановки вопроса и в таком интервале, не дают убедительного ответа на поставленный вопрос. К примеру, Митрошенков О.А. определяет духовность как интегративную характеристику состояния общества и его членов [4, с. 37–46]. Между тем интегративный характер – это весьма частный аспект духовности. Интегративный характер имеют и другие состояния общественного и частного оборота, к примеру: нигилизм, обскурантизм, цинизм как мировоззренческие позиции, ценностные ориентации и волютативные выборы.

Е.Н. Симонишвили определяет духовность как интегральное качество человека, отражающее его целостность, его креативный потенциал, нравственные характеристики, способность к саморазвитию, свободному и ответственному выбору и направленному на ценности абсолютного характера [6, с. 5]. Между тем любое состояние духа народа или отдельного человека интегрально, поскольку выражает ситуативную целостность и не обязательно как способность духовного качества, а креативный потенциал, может быть направлен и на разрушение (саморазрушение) бытия, общества и человека.

Таким образом, имеются достаточные основания для продолжения исследований на данную тему, некоторые результаты из которых приводятся ниже.

3. К понятию духовности

К обобщенному инварианту определения духовности предварительно можно отнести следующее: духовность – это состояние (способность) внутреннего мира человека, направленного на осознание, оценку, свободное воление и практическую реализацию интересов субъектов огромного масштаба (общества, человечества, космоса в целом). Духовная онтология – это система высших идеаций (бесконечных образов, понятий, смыслов и т.п.), ценностей идеалов и значимостей, осознанных и свободных волений, основанных на этих смыслах и ценностных идеалах. Между тем данное определение не позволяет определить место и роль духовности в структуре внутреннего мира человека, а также его природу (статус). В наших же задачах – определить духовность (способность, состояние внутреннего мира человека или его рефлексивного сознания) в качестве частного случая этого мира, что предполагает предварительное построение модели внутреннего мира (субъектная онтология) с последующим выявлением в ней места духовности, ее компонентной структуры и модальностной природы.

4. Методологические основания построения структурной модели духовности

В качестве методологического основания построения представления о духовности в вышеназванном интервале истинности будет использована авторская структурно-функциональную модель субъективности (СФМС) [7, с. 64–83]. При этом считаем необходимым указать также на иное, но аналогичное представление о субъектной онтологии [5, с. 53–88], которое в данной статье используется частично с принятием во внимание только тех элементов, которые по своей природе не выходят за рамки внутреннего мира.

С применением элементов символического языка, позволяющего сделать определения более строгими, структурный аспект внутреннего мира

(рефлексивное сознание) может быть выражен формулой: S_v = (I,E,V), где S_v – компонентный состав внутреннего мира, I – когнитивное (функция познания), E – эмотивное (функция оценки значимостей), V – волютативное (воля – функция, импульс, связанный с обеспечением выбора среди альтернатив, вытекающих из образов и значимостей). Предполагается, что жизненный мир субъекта ограничен реальностью своего внутреннего мира, «имагинативным абсолютом» (Голосовкер), создаваемого органами чувств и интеллектом. Структура **I**-образа реальности во внутреннем мире субъекта моделируется подмножествами i из идей, концептов, классификаций, когнитивных фикций, чувственных (не эмотивных) феноменов и т.п (внутренний Универсум), которые по определению сопоставлены с соответствующими ситуациями или положением дел (по Витгенштейну). **E** – тезаурус субъективных значимостей, оценок субъектом мер соответствия конкретного положения дел (ситуаций) его субъективным потребностям и связанным с ним переживаниям. Эмотивная составляющая E субъектной структуры S выражает степень благоприятности ситуации для субъекта S. V – сфера выборов жизненной траектории, поступков, действий и принятия решений по реализации тех или иных выборов, имеющих экзистенциальное значение.

Итак, структурный аспект концепта субъектности сводится к трем компонентам: когнитивному (I), эмотивному (E) и волевому (V) и может быть выражен в виде следующей матрицы (*таблица* 1):

Таблица 1

«Матрица» структурных компонентов субъектности («вертикальный срез»):

I
E
V

В плане генеза внутреннего мира, развития от низших к высшим его модальностным состояниям в качестве базовой методологической основы также применяется СФМС-концепт [7, с. 64–78], не противоречащий логико-исторической систематике И.М. Забелина [2], согласно которой субъект (человечество) в своем генезе в направлении полной реализации способностей и возможностей проходит три стадии: биономия, социономия, ноономия. В терминах ФМС-концепта используются в том числе такие эквивалентные понятия: эгоцентризм (индивидуалоцентризм), социоцентризм, онтоцентризм, выражая соответствующий экзистенциальный масштаб. Принимая во внимание историко-генезную стадийность, с одной стороны, а с другой, – общенаучный принцип изоморфности отногенеза и филогенеза, то функционально-генетический «срез» внутренней субъектности каждого из вышеназванных компонентов «вертикального среза» можно свести к трем последовательно сменяемым модальностным состояниям субъектности: эгоцентризм (s), социоцентризм (c), онтоцентризм (w). Данный аспект субъектной онтологии может быть выражен формулой: S_h = (s,c,w), где S_h – процессуальный аспект субъектности, s – эгоцентричная модальность субъектности (масштаб сугубо личного опыта, «наивный субъектно-онтологический статус»), c – социоцентричная модальность («про-габитус Бурдье»-масштаб, «фикции и презумпции»-условная (конвенциональная) нормализация), w – мироцетричная модальность состояния («онтоцентричный» масштаб S в части проявления всех компонентов).

Схематически данный «срез» субъектности может быть выражен посредством следующей матрицы (*таблица 2*):

Таблица 2

«Матрица» модальностных состояний (стадий, степеней) субъектности («горизонтальный срез»):

s	c	w

Применяя правило умножения матриц S_v (I,E,V) и S_h (s,c,w), получаем следующую девятиэлементную производную матрицу полносубъектности (HS =

$S_v * S_h = (\mathrm{I,E,V}) * (\mathrm{s,c,w}) = (I * s + I * c + I * w) + (E * s + E * c + E * w) + (V * s + V * c + V * w$

) (см.: *таблица* 3).

Таблица 3

«Матрица» полносубъектности (СФМПС):

Is	Ic	Iw
Es	Ec	Ew
Vs	Vc	Vw

Получив многоединую компонентную матрицу HS можно на этом основании найти (исчислить) распределение всех возможных в этой системе констелляций компонентов с учетом модальностного положения (места) каждого из них. Поскольку каждая констелляция может состоять по определению из трех выше выявленных компонентов, фиксированных в столбцах и распределенных соответственно в одной их трех строчных позиций в «матрице», то их общее число должно составить 27 (9 * 3). Это означает, что наличное состояние внутреннего мира любого лица так или иначе всегда реализовано на той или иной из 27 констелляций. При этом с учетом всеобщего закона развития бытия можно предположить о проявлении в генезе внутреннего мира человека закона модальностного возвышения в части каждого из компонентов «вертикального среза» этого внутреннего мира: от низшей модальности к высшей с сохранением предыдущих в «снятом»

(валентно преображенном) виде. Согласно предложенной гипотезе о законе модальностного возвышения («закон внутреннего мира») существенным моментом данного возвышения является расширение масштаба (уровня, статуса) внутренней субъектности как изменения состояния внутреннего мира в направлении от индивидуалоцентричного к условно коммунитарному, а от последнего к бытийному, т.е. как движения (развития) к полномодальностному, целостному и гармоничному состоянию, которое можно было бы условно выразить как «Я-Мы-Всемир». При таких обстоятельствах к критерию модальностного возвышения субъекта и его внутреннего мира можно было бы отнести увеличение преображение внутренней мерности (нормативности) по всем компонентам в направлении всебытийного масштаба в части мировоззрения, мирозначимостей, мироволения, мироделания и мироответственности.

5. Место и статус духовного «среза» в структуре субъектной онтологии

В результате экспликации структурной модели внутреннего мира (субъектной онтологии в части сознания) получаем необходимое и достаточное условие для определения более строгого представления о месте и функциональной роли духовности в вышеописанной матрице. Это весь компонентный состав матрицы, реализованный на высшей модальности (онто(ноо)центричной) состояния внутреннего мира или субъектной онтологии (в части рефлексивного сознания), т.е. духовный «срез» выражен по совокупности всех базовых компонентов внутреннего мира, возведенных в степень высшей по характеру онто(ноо)номической модальности его состояния.

Если так, то к признакам, идентифицирующим каждый из компонентов «вертикального среза» структуры внутреннего мира в модальностном (статусном) отношении как духовный, следует отнести (соответственно):

– в когнитивной составляющей – идеи, понятия, концепции, теории, мировоззрение наиболее глубокого и широкого («вселенского») масштаба.

– в эмотивной (ценностной) составляющей – состав значимостей, вытекающих из субъектно-объективной по характеру ценностной направленности человека на максимизацию развития себя и реальности в данном контексте обстоятельств.
– в волютативной составляющей – осознанное, свободное воление (волеизъявление), основанное на духовно-когнитивной и духовно-эмотивной позиции субъекта.

6. Пример эмпирического применения модельных начал духовности

Вышеизложенное представление о духовности может быть применено, в частности, в качестве основания (порождающей модели) для систематизирования в осмысленную классификацию многоразличных учений русских философов. Так по своему доминирующему предмету (образы бытия, или системы ценностей, или волютативные проекты), а также характеру (в части смыслопостроений сугубо в духовном интервале) эти учения могут быть распределены на три группы:

– духовный статус в части учений познавательно-мировоззренческой направленности выполняется на концепциях всеединства и Богочеловечества (В. Соловьев), космизма (К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский, Н. Федоров), историософии (Н. Бердяев) и др.
– условия духовности (предельные ценности бытийного масштаба) выполняются на таких учениях как: персонализм (человек – высшая ценность (Н. Бердяев), «Искание абсолютного добра» (Н. Лосский), концепция «добродетельного человека» (Д. Мережковский) и др.
– условия духовности в волютативно-проективных проектах выполняются на таких учениях как концепт воли к «православию, самодержавию, народности» (К. Леонтьев), концепт человека, утверждающего не его собственную волю, а волю Бога (С. Франк), социально-политическая философия Н. Чернышевского, народничество, анархизм (М. Бакунин), марксизм (Г. Плеханов, В. Ленин) и др.

Заключение

В настоящей статье предложен подход, позволяющий представить духовность как частный случай структурно-функциональной модели субъектности (внутреннего мира человека, субъектной онтологии) с более строгим выявлением места, строения и онтологического статуса духовности как одного из интегральных состояний (высшая модальность) субъектной онтологии.

Библиографический список

1. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (дата обращения: 31.03.2026 г.)
2. *Забелин И.М.* Человек и человечество. М., 1970.
3. Межрегиональная Общественная организация «Центр Социальной Архитектуры “Сфера”. Проекты: идеология и философия». URL: http://criteriasfera.ru/page46148327.html (дата обращения: 31.03.2026 г.)
4. *Митрошенков О.А.* Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 56–64.
5. *Моисеев В.И.* Человек и общество: образы синтеза. Книга первая. М., 2012.
6. *Симонишвили Е.М.* Феномен духовности в русской философии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-duhovnosti-v-russkoy-filosofii/viewer (дата обращения: 27.02.2026 г.)
7. *Холкин О.М.* Функциональная модель субъективности: гипотеза и практические применения. Киров, 2016.

О.М. Холкин

преподаватель

Кировский филиал ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: o.holkin2010@yandex.ru

УДК 94(100)"1917/1991"

Социальное государство как классовый идеал рабочих

И.В. Чемоданов

Аннотация. Цель данной статьи – проследить процесс становления и развития социального государства на протяжении XX в. в контексте международного коммунистического движения и борьбы за социализм. Исследование проводилось с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения исторического опыта функционирования социального государства для разработки и осуществления более рациональных и эффективных преобразований в области современной социальной политики. Автор приходит к выводу, что классовый интерес рабочих не выходит за рамки капиталистической системы. Рабочий класс заинтересован лишь в создании и сохранении социального государства, что и осуществлялось в ряде стран и регионов мира в рамках реализации модели мобилизационного социализма. В свете исторического опыта XX в. должно быть существенно скорректировано положение классического марксизма о пролетариате как о гегемоне социалистической революции и могильщике капитализма.

Ключевые слова: социальное государство, рабочий класс, революция, капитализм, социализм, коммунистическое движение.

«У них же так мало желаний, что вы ничего им не можете предложить. А того, чего они хотят, они добьются безо всякого коммунизма.

Они станут владельцами трактиров, заведут жену, детей и будут тихо жить в своё удовольствие. Коммунизм, капитализм – какое им до этого дело? Капитализм даже лучше, потому что капитализм благословляет такое бытие».

А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий «Стажёры»

Социальное государство (нем. Sozialstaat) – это модель государства, политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. В современном мире стремление к социальному государству является одним из ключевых положений политических программ социал-демократов.

Важной вехой в становлении социального государства явилась Октябрьская революция 1917 г., которая победила во многом благодаря массовой поддержке со стороны рабочих. Большинство рабочих поддержало большевиков в Октябре 1917 г. и в последовавшей затем Гражданской войне, потому что большевики, придя к власти, сразу же приступили к строительству социального государства под идейным знаменем марксизма и лозунгами борьбы за социализм и коммунизм. Первые же декреты советской власти (о мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне, о рабочем контроле и т.д.) закладывали основы именно социального государства. Советскую Россию/СССР на полном основании можно считать первым в мире социальным государством.

Конструирование социального государства в советский период осуществлялось в контексте реализации модели мобилизационного социализма. Такая модель предполагала преодоление вековой отсталости страны, вывод её на один уровень с ведущими капиталистическими державами, создание мощного оборонного потенциала и достижение военно-стратегического паритета со странами Запада для обеспечения безопасности государства

и независимости его на международной арене. Причём осуществить эти задачи требовалось в предельно сжатые по историческим меркам сроки. Именно об этом говорил И.В. Сталин в своей знаменитой речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [3, с. 362]. Форсированная индустриализация, производственное кооперирование крестьянства, ликвидация неграмотности, разгром фашизма, овладение атомной энергетикой, прорыв в космос – всё это реальные достижения мобилизационного социализма [4, с. 67–68].

Для создания экономически развитого и сильного в военном отношении государства советскому народу, руководимому коммунистической партией, приходилось много и самоотверженно трудиться. Но для соответствующей трудовой мотивации важно было исключить ситуации, когда бы трудящееся большинство честно работало, а кучка тунеядцев вела сытую и роскошную жизнь за его счёт. Поэтому мобилизационный социализм предполагал обеспечение относительно сносного уровня жизни для подавляющего большинства населения, исключал наиболее явные, наиболее одиозные формы социального паразитизма и частное присвоение производимого общественного продукта. Организация производства в рамках мобилизационного социализма требовала устранения из социальной структуры советского общества эксплуататорских классов (помещиков, нэпманов, кулаков) и, соответственно, сводила к минимуму расточительное потребление.

Однако большевики, вставшие у руля страны в Октябре 1917 г., были искренне убеждены, что строят не «мобилизационный», а самый настоящий социализм (первую фазу коммунизма). Политический курс большевистской партии обосновывался в соответствующих программных и правовых документах. Политика большевиков находила широкую социальную опору в лице рабочего класса (численность которого росла и абсолютно и относительно) и большей части трудового крестьянства (сначала

единоличного, а позднее колхозного). До середины XX в. рабочим с коммунистами было по пути: рабочие поддерживали коммунистов в борьбе за социализм, а коммунисты (в рамках социалистического строительства) руководили процессом становления и развития того самого социального государства, за которое так ратовали рабочие. Покуда западные социал-демократы лишь декларировали социальное государство, коммунисты реально воплощали его в жизнь (в формате СССР, а затем и в странах т.н. «народной демократии»). Социальное государство ассоциировалось тогда именно и только с социализмом.

Однако уже в межвоенный период наблюдались некоторые явления, которые свидетельствовали об ограниченности революционно-социалистического потенциала рабочего класса. Прежде всего – это массовая поддержка рабочими некоммунистических, а подчас – и откровенно антикоммунистических партий и движений. Наиболее яркий пример – Германия. В период Веймарской республики (1919–1933 гг.) большинство немецких рабочих шло за социал-демократами, и лишь меньшая часть поддерживала коммунистов. Успехи социал-демократов на выборах в рейхстаг объяснялись тем, что они обещали рабочим именно социальное государство, контуры которого пусть блёкло, но всё же вырисовывались в формате Веймарской республики. А коммунисты возлагали надежды на грядущий общий кризис мировой капиталистической системы, который должен был обнажить все социальные язвы буржуазного общества, до предела обострить противоречия капитализма, привести к резкому падению уровня жизни большинства населения, выявить лицемерие и оппортунизм социал-демократов и толкнуть трудящихся в лагерь коммунистов. Иными словами, мировой экономический кризис должен был создать условия для победоносной мировой пролетарской революции, которую возглавят коммунисты.

И в 1929 г. грянул кризис. Но привёл он не к победе пролетарской революции, а к фашизации Германии и почти всей Европы. Руководство НСДАП, умело сыграв на реваншистских настроениях и бедственном

положении народа, максимально использовав все средства социальной демагогии, смогло обеспечить себе массовую поддержку со стороны немецких рабочих. Гитлер дал рабочим эрзац социального государства, а также заманчивые перспективы стать господами над рабами-недочеловеками. Идеи имперского величия и расового превосходства оказались для немецких рабочих более привлекательными, нежели идеалы социального равенства, братства и мира между народами. Разгромить фашизм удалось только благодаря СССР – первому в мире подлинно социальному государству.

Однако, как выяснилось, социальное государство вполне может существовать и при капитализме. Ещё после Первой мировой войны происходят значительные изменения в социально-экономической сфере западных стран: вводится всеобщее избирательное право, прогрессивное трудовое и социальное законодательство (8-часовой рабочий день, пособия по безработице, пенсии, расширение прав профсоюзов и т.д.). В целом, усиливается социальная функция государства. Правящий буржуазный класс начинает больше внимания уделять социальным проблемам населения, возрастает роль масс в общественно-политической жизни государства. Наблюдается явный сдвиг в сторону социального государства. Самые ранние примеры создания и функционирования социального государства в условиях буржуазной демократии – это «Новый курс» президента Ф. Рузвельта в США и реформы социал-демократов в скандинавских странах (концепция шведского «Народного дома» и т.д.) в 1930-х гг. После Второй мировой войны концепция социального государства (или «государства всеобщего благоденствия») – это основа политического курса практически всех развитых стран Запада. Социальное государство рассматривалось правящими кругами западных стран как своего рода прививка социализма в тело капитализма для предотвращения болезни – социалистической революции. А западный пролетариат, добившись реализации своего классового идеала (т.е. социального государства), во многом утратил свой революционный потенциал, что повлекло за собой кризис коммунистической идеологии и упадок международного

коммунистического движения.

Во второй половине XX в. коммунисты, руководствуясь теоретическими разработками классиков марксизма (о пролетариате как единственном подлинно революционном классе, о диктатуре пролетариата и т.д.), продолжали ориентироваться в основном на рабочих. Но для самих рабочих к тому времени социальное государство перестало ассоциироваться исключительно с тем строем, который существовал в СССР и странах «народной демократии». Установки на революционную смену существующей на Западе общественно-политической системы не находили должного отклика среди широких слоёв населения. Чтобы не растерять свою основную социальную базу и сохранить себя на политическом поле, коммунистам пришлось существенно корректировать свои программные установки. Поэтому в руководстве западных компартий в конечном итоге победили те, кто выступал не с марксистско-ленинских, а с еврокоммунистических позиций. Еврокоммунисты перестали ориентироваться на советский опыт борьбы за социализм и отказались признавать руководящую роль КПСС и СССР в международном коммунистическом движении. В условиях идеологического кризиса и краха коммунистических режимов в СССР и других странах социалистического содружества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. коммунистическое движение как реальная политическая сила, по сути, исчезает с общественно-политической арены западного региона [2].

Все ныне существующие в капиталистическом мире коммунистические партии и организации подразделяются на три группы:

1) **Еврокоммунисты**. Являются коммунистическими лишь по названию (и то далеко не всегда). Отвергают ключевые положений марксизма (о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, об уничтожении частной собственности, обобществлении средств производства) и потому вполне себе вписываются в рамки буржуазной политической системы.

2) **«Ортодоксальные коммунисты»** ленинско-сталинского толка. В той или иной степени продолжают ориентироваться на советский опыт

социалистического строительства. Нередко позиционируют себя «марксистско-ленинскими», «рабочими» партиями, но реальное влияние их на рабочих – ничтожно. Представляют собой что-то вроде сект или клубов исторической реконструкции. Занимают маргинальное положение на политическом поле.

3) Широкий конгломерат всевозможных **левацких субкультур** (преимущественно молодёжных), от троцкистов до сторонников ЛГБТ. В целом, испытывают те же проблемы, что и представители второй группы: политический вес и влияние на рабочих – практически нулевые.

Обратимся теперь к социалистическим странам. Здесь во второй половине XX в. среди рабочих усиливаются антисоветские и антикоммунистические настроения (профсоюз «Солидарность» в Польше, шахтёрское забастовочное движение в перестроечном СССР и др.). Предвестниками т.н. «бархатных революций» и развала соцлагеря стали массовые социальные протесты в наиболее индустриально развитых странах «народной демократии» – ГДР (1953 г.), Венгрии (1956 г.), Польше (середина 1950-х – начало 1980-х гг.), Чехословакии (1968 г.). Это не было случайностью. Дело в том, что к концу XX в. мобилизационный социализм выполнил свою главную историческую миссию: превращение отсталых аграрных и аграрно-индустриальных стран в индустриально-аграрные и индустриальные с мощными социальными гарантиями и ядерным щитом. Создав социальное государство и обеспечив его защиту от вражеских посягательств, рабочий класс СССР и других соцстран перестал нуждаться в мобилизационном социализме и коммунистической идеологии. Необходимо учитывать также, что техника и технологии, которые имелись на тот момент в соцстранах, несмотря на успехи индустриализации, по-прежнему допускали их капиталистическое использование. Это делало потенциально возможным ликвидацию социализма и возрождение капитализма. А при наличии социальных слоёв, кровно заинтересованных в легализации частной собственности на средства производства (обуржуазившаяся партийно-государственная и хозяйственная номенклатура, дельцы «теневой экономики»), подобного рода возможность превращалась

в реальность.

По мере укрепления социального государства истощался революционный потенциал рабочего класса. Капитализм перестал восприниматься рабочими как нечто ужасное. Более того, западный вариант социального государства (особенно с подачи антисоветской пропаганды) выглядел привлекательнее, чем «реальный социализм» (высокая зарплата и полный соцпакет в сочетании с обильными прилавками и отсутствием очередей за дефицитом). Тенденции к отказу от социализма и выходу из состава Советского Союза ярче всего проявлялись в исторически наиболее развитом регионе СССР – прибалтийских республиках (Эстонии, Латвии, Литве). Именно они стали «витриной перестройки».

Оппортунизм поздней КПСС находил мощную подпитку в среде самих рабочих (коммунистов и беспартийных). Поэтому с КПСС и правящими партиями в других странах соцлагеря произошло примерно то же, что и с западными компартиями. Коммунистические идеи выхолащивались, теряли популярность в народе, трудящиеся всё меньше верили в возможность построения коммунизма. «Отдалённая перспектива счастливого будущего теперь воспринималась как старая надоевшая песня, выгодная только «начальству», а начальники – как куча захребетников на шее рабочего человека. Коллективистские социалистические ценности как-то незаметно размылись, растворившись в житейской суете. Стала расхожей фраза, бытовавшая в рабочей среде: «Мне плевать, кто даёт мне деньги – коммунист или капиталист – лишь бы больше платил»!» [1, с. 27]. Изменения в умонастроениях рабочих влекли за собой существенную корректировку политического курса правящих компартий. Неслучайно лозунги горбачёвской перестройки и «бархатных революций» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы практически полностью копировали доктринальные установки еврокоммунистов.

Таким образом, классовый интерес рабочих не предполагает отказ от капитализма и переход к новой (коммунистической) общественно-

экономической формации. Рабочие заинтересованы лишь в создании и сохранении социального государства, что и осуществлялось на территории бывшей Российской империи и в целой группе стран «второго эшелона» капитализма, а также колониальной и колониальной периферии на протяжении XX в. в рамках реализации модели мобилизационного социализма. Она предполагала создание в предельно сжатые исторические сроки экономически развитого, сильного в военном отношении и – самое главное – социального государства. Такая модель, несмотря на свой безусловно прогрессивный характер, к строительству коммунизма имела лишь косвенное отношение. По мере выполнения мобилизационным социализмом своей исторической миссии происходила трансформация его в сторону капитализма: по более умеренному (современные т.н. «соцстраны») или по более радикальному, неблагоприятному варианту, с нанесением значительного ущерба как экономике страны, так и её внешнеполитическому влиянию (Россия и её бывшие союзники по СССР и соцлагерю). В свете исторического опыта XX в. должно быть существенно скорректировано положение классического марксизма о пролетариате как о гегемоне социалистической революции и могильщике капитализма.

Библиографический список

1. *Арапов А.С.* Мещанство и социализм. Очерки социальной психологии. Н.Новгород, 2008.
2. *Бакшаев М.В.* Фактор еврокоммунизма в формировании стратегии США в отношении СССР (конец 1960-х – середина 1980-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2023.
3. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1953.
4. *Табаков В.И.* Русь спасёт социзм (сталинское строительство социализма). Н.Новгород, 2004.

И.В. Чемоданов

кандидат исторических наук

преподаватель КОГПОБУ «Кировский технологический колледж»

E-mail: igor.che.modanov@gmail.com

РАЗДЕЛ III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

УДК 336.14

Трансформация системы финансового контроля в Российской Федерации на современном этапе

И.Ю. Акимова, К.В. Киммель

Аннотация Целью исследования является анализ современных тенденций развития системы государственного и муниципального финансового контроля в РФ, а также выявление направлений повышения его эффективности в условиях бюджетной консолидации. Методологическую основу составляют принципы системного анализа, методы сравнения, обобщения, формальной логики. Исследование опирается на анализ нормативной базы и практики деятельности контрольных органов. Актуальность: В условиях внешнего санкционного давления и необходимости оптимизации бюджетных расходов, качество финансового контроля становится критическим фактором обеспечения экономической безопасности государства. Основные результаты: В статье определены ключевые векторы трансформации финансового контроля: цифровизация контрольных мероприятий, унификация подходов внутреннего и внешнего контроля, усиление ответственности за неэффективное использование бюджетных средств. Выявлены недостатки в разграничении полномочий между Федеральным казначейством и Счетной палатой РФ. Предложены меры по совершенствованию риск-ориентированного подхода.

Ключевые слова: финансовый контроль, Счетная палата РФ, Федеральное казначейство, бюджетные средства, государственный аудит, цифровизация контроля.

Институт финансового контроля в Российской Федерации находится в стадии активной трансформации. Принятие Федерального закона

от 05.12.2017 № 362-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного и муниципального финансового контроля» заложило правовую основу для создания единой системы контроля, однако практическая реализация этих положений продолжается по настоящее время. В условиях современной геополитической и экономической нестабильности повышение эффективности финансового контроля приобретает особую значимость, выступая инструментом обеспечения экономической безопасности и рационального использования ограниченных ресурсов [1, с. 112].

Структурно система государственного финансового контроля в РФ представлена двумя основными уровнями: внешний (парламентский) контроль, осуществляемый Счетной палатой РФ и контрольно-счетными органами субъектов РФ, и внутренний (административный) контроль, реализуемый Федеральным казначейством, иными органами исполнительной власти, а также главными распорядителями бюджетных средств. Как верно отмечает Л.И. Воронина, «наличие дуализма в системе контроля порождает проблемы координации и риски дублирования функций, что снижает общую эффективность» [2, с. 25].

Современный этап развития финансового контроля характеризуется рядом ключевых тенденций.

Первая тенденция – цифровизация контрольной деятельности. Внедрение государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» (ГИИС «Электронный бюджет») позволило перейти к сплошному автоматизированному мониторингу операций со средствами бюджета. Как отмечается в отчетах Счетной палаты РФ, использование инструментов «удаленного контроля» и анализа больших данных позволяет выявлять риски неэффективного использования средств на ранних стадиях, до момента фактического осуществления необоснованных расходов [3].

Вторая тенденция – смещение фокуса с контроля «факта» (проверка уже совершенных операций) на контроль «предварительный» и «последующий» в рамках риск-ориентированного подхода. Федеральное казначейство активно развивает институт «сопровождения» крупных инвестиционных проектов, что позволяет предотвращать нарушения законодательства на этапе планирования и заключения контрактов. Данный подход соответствует лучшим мировым практикам государственного аудита, описанным, в частности, в работах Г. Беккера применительно к анализу экономического поведения агентов [5].

Третья тенденция – ужесточение ответственности за нарушения бюджетного законодательства. Внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Бюджетный кодекс РФ усилило санкции за нецелевое использование бюджетных средств и неисполнение государственных (муниципальных) контрактов. Однако, несмотря на ужесточение санкций, количество нарушений в сфере закупок остается стабильно высоким, что свидетельствует о необходимости совершенствования не столько репрессивных, сколько превентивных мер.

Несмотря на положительные сдвиги, в системе финансового контроля сохраняется ряд проблем. Во-первых, отсутствует единая методологическая база для проведения контрольных мероприятий различными органами. Часто подходы Счетной палаты и Федерального казначейства к оценке эффективности использования средств разнятся, что приводит к разночтениям и конфликту юрисдикций. Во-вторых, остается низкой эффективность контроля в сфере государственных корпораций, которые, обладая значительными бюджетными вливаниями, зачастую выведены из-под стандартных процедур казначейского сопровождения. В-третьих, остро стоит вопрос о кадровом обеспечении контрольных органов, поскольку цифровая трансформация требует от сотрудников новых компетенций в сфере IT-аудита и финансовой аналитики.

В целях совершенствования системы финансового контроля представляется необходимым: законодательно закрепить единые стандарты

внешнего и внутреннего государственного аудита; расширить полномочия Федерального казначейства в части контроля за деятельностью государственных корпораций; продолжить внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматического анализа закупочных процедур с целью выявления картельных сговоров и признаков неэффективного расходования средств.

Таким образом, трансформация системы финансового контроля в РФ идет по пути создания единого цифрового контура управления общественными финансами, что позволяет повысить прозрачность бюджетного процесса. Однако для достижения стратегических целей развития страны необходима не только технологическая модернизация, но и совершенствование правового регулирования, направленное на устранение межведомственных барьеров и унификацию контрольных процедур.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. *Воронина Л.И.* Совершенствование государственного финансового контроля в условиях цифровой экономики // Финансы и кредит. 2023. Т. 29. № 8. С. 22–38.
3. Отчет о деятельности Счетной палаты Российской Федерации за 2024 г. // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: http://www.ach.gov.ru (дата обращения: 25.03.2026).
4. Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного и муниципального финансового контроля» // Российская газета. 2017. 08 дек.

И.Ю. Акимова

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Орский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Akimova.I@mfua.ru
К.В. Киммель
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: 29279555@s.mfua.ru

УДК 336.67

Комплексный анализ финансового состояния промышленного предприятия

М.П. Бутылина

Аннотация. В условиях импортозамещения и повышенного внимания к оборонно-промышленному комплексу (ОПК) вопросы оценки финансовой устойчивости предприятий данной отрасли приобретают особую актуальность. В статье представлена методика комплексного анализа финансового состояния производственного предприятия, исследование базируется на данных бухгалтерской отчетности на примере Акционерного общества «Гаврилов-Ямский машиностроительный завод «Агат» за 2022–2024 гг. Проведен горизонтальный и вертикальный анализ баланса, оценка ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости. Особое внимание уделено прогнозированию вероятности банкротства с использованием различных мультипликативных моделей (Альтмана, Лиса, Таффлера, Иркутской ГЭА и модели А.В. Колышкина). Выявлены ключевые тенденции развития, сильные стороны и зоны риска в деятельности хозяйствующего субъекта, сформулированы выводы о типе его финансового состояния.

Ключевые слова: финансовый анализ, ликвидность, платежеспособность, финансовая устойчивость, банкротство.

Современные экономические условия, характеризующиеся волатильностью валютных курсов, высокими ключевыми ставками и переориентацией логистических цепочек, предъявляют повышенные требования к системам управления финансами на промышленных предприятиях.

Особую значимость данные процессы приобретают для предприятий оборонно-промышленного комплекса, которые, с одной стороны, имеют гарантированный государственный заказ, а с другой – сталкиваются с жесткими требованиями к себестоимости продукции и срокам исполнения контрактов.

Целью данной работы является проведение диагностического исследования финансового состояния АО ГМЗ «Агат» для выявления проблемных зон и потенциальных точек роста. Объект исследования выбран не случайно: предприятие является градообразующим и ключевым в своем регионе, обладая уникальными компетенциями в области производства топливорегулирующей аппаратуры для авиации. Для оценки ликвидности и финансовой устойчивости применялись традиционные методики, изложенные в трудах А.Д. Шеремета [4, с.162] и Г.В. Савицкой [3, с.482], предполагающие группировку активов и пассивов по степени срочности.

Акционерное общество «Гаврилов-Ямский машиностроительный завод «Агат» (далее – АО ГМЗ «Агат») ведет свою историю с 1968 г. Юридический адрес организации: Ярославская область, г. Гаврилов-Ям. Основной государственный регистрационный номер (ОГРН) присвоен 20 ноября 2002 г. Основным видом деятельности по ОКВЭД является 30.30.11 – производство двигателей летательных аппаратов и их частей.

Предприятие занимает уникальную нишу в отечественном машиностроении, являясь поставщиком критически важных компонентов (центробежные насосы, дозаторы топлива, ограничители оборотов) для двигателей самолетов марок Су, МиГ, Як, Ил и Ту. Продукция завода устанавливается как на военную, так и на гражданскую авиационную технику. Помимо авиационного направления, завод производит гидравлическую

аппаратуру для дорожно-строительной техники, сотрудничая с такими гигантами как «Брянский Арсенал» и «Автокран». В *таблице 1* представлены агрегированные показатели производственно-финансовой деятельности АО ГМЗ «Агат» за 2022–2024 гг.

За период с 2022 по 2024 гг. наблюдается устойчивый восходящий тренд основных результативных показателей. Выручка увеличилась на 61,27 %, что в условиях инфляции свидетельствует не только о ценовом факторе, но и о росте физических объемов производства либо расширении номенклатуры выпускаемой продукции.

Положительным фактом является опережающий рост валовой прибыли (73,77 %) по сравнению с ростом выручки, что указывает на эффект масштаба и относительное снижение условно-постоянных расходов в структуре себестоимости. Об этом же свидетельствует снижение показателя затрат на рубль продаж с 0,81 до 0,80 руб. [2].

Таблица 1

Агрегированные показатели производственно-финансовой деятельности АО ГМЗ «Агат» за 2022–2024 гг. (тыс. руб.)

Показатель	2022	2023	2024	Абс. изменение 2024/2022	Темп прироста, %
Выручка от продаж	2 664 999	3 498 684	4 297 749	+1 632 750	61,27
Себестоимость продаж	2 164 928	2 835 737	3 428 788	+1 263 860	58,38
Валовая прибыль	500 071	662 947	868 961	+368 890	73,77
Рентабельность продаж (по валовой прибыли), %	18,76	18,95	20,22	+1,46 п.п.	-
Затраты на 1 рубль продаж	0,81	0,81	0,80	-0,01	-1,79

Примечание: составлено автором

Для понимания источников финансирования роста необходимо рассмотреть изменения в структуре баланса предприятия (*таблица 2).*

Снижение стоимости основных средств на 3,77 % при росте выручки свидетельствует о высокой фондоотдаче и, вероятно, консервативной инвестиционной политике (возможно, использование арендованного имущества или высокая загрузка существующих мощностей).

Увеличение дебиторской задолженности в 2,33 раза (на 133,5 %) является тревожным сигналом [2]. Это может быть связано с вынужденным кредитованием потребителей (особенно в сегменте ОПК, где возможны задержки бюджетного финансирования) либо с агрессивной политикой стимулирования сбыта за счет товарных кредитов. Отношение роста дебиторской задолженности к росту выручки (133 % / 61 %) показывает, что долг растет быстрее продаж, что снижает качество выручки.

Таблица 2

Горизонтальный анализ баланса АО ГМЗ «Агат» (тыс. руб.)

Наименование показателя	2022	2024	Изменение	%
ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ	596 666	584 686	-11 980	-2,01
ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ, всего	3 659 066	4 876 571	+1 217 505	+33,27
в т.ч.: запасы	2 652 561	3 382 423	+729 862	+27,52
Дебиторская задолженность	553 183	1 291 764	+738 581	+133,51
Денежные средства	451 302	199 884	-251 418	-55,71
БАЛАНС	4 255 732	5 461 257	+1 205 525	+28,33
СОБСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ	1 735 042	1 802 340	+67 298	+3,88
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	401 560	328 750	-72 810	-18,13
КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	2 119 130	3 330 167	+1 211 037	+57,15
в т.ч.: кредиторская задолженность	1 513 557	2 216 852	+703 295	+46,47
Заемные средства	516 005	929 880	+413 875	+80,21
БАЛАНС	4 255 732	5 461 257	+1 205 525	+28,33

Примечание: составлено автором

Падение объема денежных средств на 55,7 % при одновременном росте краткосрочных обязательств на 57 % создает предпосылки для кассовых разрывов. Предприятие финансирует рост, по сути, «чужими» средствами (кредиторской задолженностью), что является рискованной стратегией.

Финансирование прироста активов на 1,2 млрд руб. произошло преимущественно за счет притока краткосрочных обязательств (+1,2 млрд руб.). Доля собственного капитала в структуре баланса (коэффициент автономии) снижается, что увеличивает финансовую зависимость от внешних контрагентов.

Ликвидность баланса определяется как степень покрытия обязательств активами, срок превращения которых в денежную форму соответствует сроку погашения обязательств [3, с.460].

Таблица 3

Анализ ликвидности баланса (по группам активов и пассивов)

Соотношение	2022	2023	2024	Норматив	Вывод
А1 (деньги) vs П1 (кредиторка)	453322 < 1603125	323723 < 2233821	202384 < 2400287	А1 >= П1	Дефицит наиболее ликвидных средств
А2 (дебиторка) vs П2 (краткоср. кредиты)	553183 > 516005	744068 > 416470	1291764 > 929880	А2 >= П2	Зона покрытия
А3 (запасы) vs П3 (долгосрочные пассивы)	2652561 > 401560	3061680 > 347278	3382423 > 328750	А3 >= П3	Зона покрытия
А4 (внеоб. активы) vs П4 (капитал)	596666 < 1735042	656804 < 1788706	584686 < 1802340	А4 <= П4	Соблюдается (наличие собственных оборотных средств)

Баланс предприятия нельзя признать абсолютно ликвидным. Наблюдается хронический недостаток денежных средств для покрытия наиболее срочных обязательств (дефицит А1-П1 вырос до –2,19 млрд руб. в 2024 г.).

Коэффициент абсолютной ликвидности упал до 0,06, что означает способность предприятия погасить немедленно лишь 6 % своих краткосрочных долгов. Это низкий уровень платежеспособности.

Коэффициент быстрой ликвидности (0,45) почти в два раза ниже нормы, что говорит о зависимости предприятия от продажи запасов для расчетов по текущим долгам *(таблица 4).*

Таблица 4

Динамика относительных коэффициентов ликвидности

Коэффициент	2022	2023	2024	Норматив	Изменение
Текущей ликвидности (ОА/КО)	1,73	1,56	1,46	1,5-2,5	Снижение (к нижней границе)
Быстрой ликвидности ((ДЗ+Деньги)/КО)	0,47	0,40	0,45	>0,8-1,0	Критически низкий
Абсолютной ликвидности (Деньги/КО)	0,21	0,12	0,06	>0,2	Падение ниже нормы

Примечание: составлено автором

Финансовая устойчивость определяет долгосрочную стабильность предприятия и его независимость от внешних кредиторов (*таблица 5).*

Таблица 5

Определение типа финансовой устойчивости (тыс. руб.)

Показатель	2022	2023	2024
Собственные оборотные средства (СОС)	1 138 376	1 131 902	1 217 654
СОС + Долгосрочные кредиты	1 539 936	1 479 180	1 546 404
Общая величина источников (с ККБ*)	3 659 066	4 129 471	4 876 571
Величина запасов	2 652 561	3 061 680	3 382 423

Показатель	2022	2023	2024
Тип устойчивости	Неустойчивое	Неустойчивое	Неустойчивое

** ККБ – краткосрочные кредиты банков*

Примечание: составлено автором

Анализ обеспеченности запасов источниками финансирования демонстрирует классическую картину *неустойчивого финансового состояния*. Несмотря на наличие положительной величины СОС, предприятию не хватает собственных и долгосрочных источников для покрытия растущих запасов (дефицит составляет –1,83 млрд руб. в 2024 г.). Покрытие запасов осуществляется за счет краткосрочных кредитов, что нарушает золотое правило финансирования (долгосрочные вложения должны покрываться долгосрочными источниками).

Для верификации выводов об устойчивости был применен ряд популярных и специализированных моделей прогнозирования банкротства. Наряду с классическими моделями (Альтмана, Лиса, Таффлера, Иркутской ГЭА) использована модель А.В. Колышкина, предложенная в работе [1, с. 246]. Результаты сведены в итоговую *таблицу 6*.

Таблица 6

Сводные результаты оценки вероятности банкротства

Модель	Значение Z-счета (2024)	Интерпретация результата
Двухфакторная Альтмана	-1,57	Низкая вероятность
Пятифакторная Альтмана	1,51	Высокая вероятность (зона неопределенности/риска)
Модель Лиса	0,03	Высокая вероятность
Модель Таффлера	0,48	Относительно стабильное состояние
Модель ИГЭА (Иркутск)	2,44	Минимальная вероятность (до 10 %)

Модель	Значение Z-счета (2024)	Интерпретация результата
Модель Колышкина (3-я)	0,95	Хорошие перспективы

Примечание: составлено автором

Разброс результатов моделей объясняется их специализацией.

1. Классические модели (Лиса, 5-факторная Альтмана), чувствительные к доле заемного капитала и низкой рентабельности, сигнализируют о высоком риске.
2. Модели, учитывающие специфику российской экономики или операционный денежный поток (ИГЭА, Колышкин, Таффлер), показывают удовлетворительное состояние.

Предприятие не является банкротом в текущем моменте и обладает операционной прибылью, однако структура его капитала крайне неоптимальна. Высокая зависимость от краткосрочного заемного финансирования создает риски потери устойчивости при малейших сбоях в поступлении выручки или ужесточении кредитной политики банков.

Проведенный комплексный анализ финансового состояния АО ГМЗ «Агат» за 2022–2024 гг. позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. *Положительные тенденции:* предприятие демонстрирует уверенный рост выручки и валовой прибыли, что свидетельствует о высоком спросе на продукцию (как в рамках ГОЗ, так и гражданского сектора). Производственная деятельность рентабельна, наблюдается положительный эффект масштаба.
2. *Проблемные зоны:*
   - качество роста выручки низкое из-за опережающего роста дебиторской задолженности. Компания фактически кредитует своих контрагентов
   - платежеспособность находится на неудовлетворительном уровне (критически низкие значения абсолютной и быстрой ликвидности).

Финансовая «подушка безопасности» в виде денежных средств исчерпана.

- финансовая устойчивость классифицируется как неустойчивая. Финансирование основной деятельности (запасов) осуществляется за счет «коротких» кредитов, что является нарушением финансовой дисциплины.
- растет долговая нагрузка, при этом происходит замещение долгосрочных кредитов более дорогими и рискованными краткосрочными.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие рекомендации для АО ГМЗ «Агат»:

- усилить работу с дебиторской задолженностью (факторинг, ужесточение договорной дисциплины, реструктуризация долгов);
- провести рефинансирование части краткосрочных кредитов в долгосрочные для приведения структуры пассивов в соответствие со структурой активов;
- оптимизировать запасы для высвобождения части оборотного капитала;
- найти возможности для увеличения доли собственных средств в обороте за счет капитализации прибыли.

Таким образом, АО ГМЗ «Агат», обладая мощным производственным и технологическим потенциалом, имеет уязвимую «финансовую архитектуру». Менеджменту необходимо сместить фокус с наращивания объемов производства на повышение качества финансового управления и сбалансированность денежных потоков.

Библиографический список

1. *Казаков А.В., Колышкин А.В.* Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 241–266.

2. Официальная бухгалтерская отчетность АО ГМЗ «Агат» за 2022–2024 гг. // Система профессионального анализа рынка и компаний (СПАРК).
3. *Савицкая Г.В.* Анализ хозяйственной деятельности предприятия. М., 2022.
4. *Шеремет А.Д., Негашев Е.В.* Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. М., 2023.

М.П. Бутылина
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры экономики и государственного и муниципального управления АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)»
E-mail: marina.butylina@mail.ru

УДК 336.67

Методология диагностики финансового состояния хозяйствующего субъекта в современных экономических условиях

М.П. Бутылина

Аннотация. В представленной статье осуществляется многоаспектный анализ теоретико-методологических оснований исследования финансового состояния предприятия, позиционируемого в качестве фундаментального инструмента оценки экономической жизнеспособности хозяйствующего субъекта. Автором проведен детальный компаративный анализ концептуальных подходов ведущих научных школ к интерпретации сущностного наполнения категории «финансовое состояние». Систематизирована релевантная информационная база анализа, адаптированная к регламентам нового ФСБУ 4/2023. Предложена авторская типология методических подходов к диагностике, охватывающая коэффициентный метод, абсолютные индикаторы финансовой устойчивости и эконометрические модели прогнозирования банкротства. Акцентирована проблема адаптации зарубежных диагностических методик к специфике российской практики хозяйствования. Сформулированы практико-

ориентированные рекомендации по конструированию комплексной системы оценки финансового положения предприятия.

Ключевые слова: финансовое состояние, платежеспособность, ликвидность, финансовая устойчивость, методика анализа.

В условиях современной рыночной экономики категория финансового состояния приобретает значение интегрального индикатора эффективности функционирования хозяйствующего субъекта. Финансовое состояние представляет собой сложную, многокомпонентную экономическую категорию, отражающую способность предприятия финансировать свою деятельность, своевременно обслуживать обязательства и обеспечивать поступательное развитие [3, с.11].

Проведенный анализ научной литературы позволяет констатировать отсутствие единого подхода к трактовке исследуемой категории. *В таблице 1* систематизированы основные теоретические подходы к определению сущности финансового состояния.

Таблица 1

Основные теоретические подходы к определению категории «финансовое состояние предприятия»

Авторы	Ключевая характеристика подхода	Определяющие параметры
В.Е. Губин, О.В. Губина	Ресурсно-обеспечивающий подход	Способность к самофинансированию
Г.В. Савицкая	Конкурентно-ориентированный подход	Конкурентоспособность, доходность, исполнение обязательств
А.Д. Шеремет, Е.В. Негашев	Процессно-капитальный подход	Оборот капитала, размещение ресурсов
А.Н. Жилкина	Потенциально-ориентированный подход	Экономический потенциал, деловая активность
О.А. Толпегина	Инвестиционно-ориентированный подход	Угрозы банкротства, инвестиционные риски

Примечание: составлено автором

Наиболее полной представляется трактовка Г.В. Савицкой [6, с. 439], согласно которой финансовое состояние субъекта хозяйствования выступает

параметром его конкурентоспособности, средством описания процесса применения капитала и характеристикой, позволяющей исполнять обязательства компании перед всеми контрагентами. В данном определении органично сочетаются статический аспект (оценка на конкретную дату) и динамический (способность генерировать ресурсы во времени).

Существенный вклад в развитие теории финансового анализа внесли А.Д. Шеремет и Е.В. Негашев, рассматривающие финансовое состояние как совокупность показателей, на основании которых можно оценить степень воздействия оборота капитала на работу субъекта хозяйствования. Данный подход акцентирует внимание на процессуальном характере финансовых отношений [8, с.139].

С позиций системного подхода финансовое состояние необходимо рассматривать как результат взаимодействия всех элементов финансово-хозяйственной деятельности: производственных процессов, маркетинговой стратегии, инвестиционной политики и управления персоналом. Ключевым аспектом выступает анализ структуры капитала, позволяющий определить степень финансовой независимости и потенциальную устойчивость к внешним шокам.

Таблица 2

Система факторов, формирующих финансовое состояние предприятия

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ		
Внутренние факторы: –	Внешние факторы прямого воздействия: –	Внешние факторы косвенного воздействия: –
Структура активов и пассивов Эффективность использования ресурсов Качество управления оборотным капиталом Инвестиционная политика	Контрагенты (поставщики, покупатели) Кредитные организации Государственные регуляторы Рыночная конкуренция –	Макроэкономическая конъюнктура Отраслевые особенности Институциональная среда Технологические изменения –

Примечание: составлено автором

Информационная база финансового анализа представляет собой многоуровневую систему данных, обеспечивающую формирование

объективных выводов о текущем положении предприятия и перспективах его развития. Качество аналитических процедур находится в прямой зависимости от полноты, достоверности и сопоставимости исходной информации.

Центральное место в информационном обеспечении занимает бухгалтерская (финансовая) отчетность. С вступлением в силу ФСБУ 4/2023 требования к формированию отчетности претерпели существенные изменения [2]. В соответствии с новым стандартом, бухгалтерская отчетность должна представлять собой единую информационную систему, содержащую данные о хозяйственной активности предприятия и его финансовом положении, сформированные по строго установленным формам.

Федеральный закон № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» в ст. 13 закрепляет комплекс требований к отчетности:

- достоверное представление о финансовом положении;
- формирование за отчетный период (12 месяцев);
- включение данных всех подразделений, включая филиалы;
- подписание руководителем предприятия [1].

В современных условиях наблюдается расширение информационной базы за счет внедрения цифровых технологий. Корпоративные информационные системы (ERP, CRM) позволяют автоматизировать сбор и обработку данных, обеспечивая аналитиков оперативной информацией для принятия управленческих решений.

Таблица 3

Структура информационной базы анализа финансового состояния

Тип источников	Состав	Назначение	Периодичность
Официальная отчетность	Баланс, ОФР, ОДДС	Базовая оценка, внешний анализ	Квартальная, годовая
Управленческий учет	Данные о затратах, себестоимости	Внутренний анализ, детализация	Оперативная
Первичная документация	Договоры, накладные, счета-фактуры	Углубленный анализ, верификация	По мере необходимости
Внешние источники	Статистика, отраслевые данные	Сравнительный анализ	По мере публикации
Прогнозные данные	Макропрогнозы,	Перспективный	Регулярно

	сценарные условия	анализ	

Примечание: составлено автором

Особую значимость приобретает соблюдение принципа сопоставимости информации. Балансовые показатели за отчетный год и предшествующие периоды должны формироваться по аналогичным правилам, что обеспечивает корректность трендового анализа. Как справедливо отмечает А.Р. Николаева, бухгалтерская (финансовая) отчетность в современных условиях выступает не просто формой констатации фактов хозяйственной жизни, а ключевой информационной основой для принятия обоснованных управленческих решений, особенно в контексте перехода на новые федеральные стандарты [4, с. 94].

Методология анализа финансового состояния базируется на комплексе взаимосвязанных подходов, позволяющих всесторонне оценить положение предприятия. Традиционно выделяют два основных направления: анализ абсолютных показателей и расчет относительных коэффициентов.

Абсолютные показатели финансовой устойчивости представляют собой количественные характеристики, позволяющие определить степень зависимости предприятия от внешних источников финансирования. Ключевыми индикаторами выступают:

- величина собственных оборотных средств (СОС);
- суммарная величина собственных и долгосрочных заемных источников (СДИ);
- общая величина источников покрытия запасов (ОВИ).

Сопоставление указанных показателей с объемом материально-производственных запасов дает возможность идентифицировать тип финансовой устойчивости (*таблица 4*).

Таблица 4

Типология финансовой устойчивости по абсолютным показателям

Тип устойчивости	Условие	Характеристика
Абсолютная	Запасы < СОС	Высокая автономия, минимальный риск

Нормальная	СОС ≤ Запасы < СДИ	Допустимое привлечение долгосрочных займов
Неустойчивая	СДИ ≤ Запасы < ОВИ	Использование краткосрочных обязательств
Кризисная	Запасы ≥ ОВИ	Дефицит источников формирования запасов

Примечание: составлено автором

Относительные показатели (коэффициенты) позволяют проводить сопоставления в динамике и сравнивать предприятия различного масштаба. *В таблице 5* представлена система ключевых коэффициентов финансовой устойчивости.

Анализ ликвидности и платежеспособности занимает центральное место в диагностике финансового состояния, поскольку характеризует способность предприятия своевременно и в полном объеме выполнять краткосрочные обязательства.

Таблица 5

Система коэффициентов для оценки финансовой устойчивости

Показатель	Формула расчета	Нормативное значение	Экономический смысл
Коэффициент автономии	СК / Валюта баланса	≥ 0,5	Доля активов, покрываемая собственным капиталом
Коэффициент финансовой зависимости	Заемный капитал / СК	≤ 1	Степень зависимости от внешних источников
Коэффициент маневренности	СОС / СК	0,2–0,5	Способность поддерживать уровень СОС
Коэффициент обеспеченности запасов	СОС / Запасы	0,6–0,8	Доля запасов, финансируемых за счет СОС

Примечание: составлено автором

Традиционная методика предполагает группировку активов по степени ликвидности и пассивов по срочности погашения:

Группировка активов:

- А1 (наиболее ликвидные) – денежные средства и краткосрочные финансовые вложения;
- А2 (быстрореализуемые) – краткосрочная дебиторская задолженность;
- А3 (медленнореализуемые) – запасы, НДС, долгосрочная дебиторская задолженность;
- А4 (труднореализуемые) – внеоборотные активы.

Группировка пассивов:

- П1 (наиболее срочные) – кредиторская задолженность;
- П2 (краткосрочные) – краткосрочные заемные средства;
- П3 (долгосрочные) – долгосрочные обязательства;
- П4 (постоянные) – собственный капитал.

Таблица 6

Алгоритм оценки ликвидности баланса

Алгоритм оценки ликвидности баланса				
Формирование информационной базы	Группировка активов (А1-А4)	Группировка пассивов (П1-П4)	Сравнение групп	Вывод о ликвидности
- Бухгалтерский баланс на отчетную дату - Расшифровки статей (при необходимости)	Распределение по степени ликвидности	Распределение по срочности погашения	А1 ≥ П1 А2 ≥ П2 А3 ≥ П3 А4 ≤ П4	Выполнение всех неравенств → абсолютно ликвидный баланс Невыполнение → анализ коэффициентов ликвидности

Примечание: составлено автором

Коэффициентный анализ ликвидности предполагает расчет трех основных показателей:

- коэффициент абсолютной ликвидности (А1 / (П1+П2));
- коэффициент быстрой ликвидности ((А1+А2) / (П1+П2));
- коэффициент текущей ликвидности ((А1+А2+А3) / (П1+П2)).

Диагностика вероятности банкротства представляет собой самостоятельное направление финансового анализа, позволяющее оценить риски утраты платежеспособности в перспективе. В мировой практике наибольшее распространение получили многофакторные модели, интегрирующие различные показатели деятельности предприятия (*таблица 7*).

Практическое применение западных моделей в российских условиях должно осуществляться с осторожностью, поскольку они не учитывают специфику отечественной экономики, включая особенности налогообложения, отраслевой структуры и инфляционных процессов [7, с. 33]. В связи с этим целесообразно использование адаптированных методик, разработанных российскими учеными (модели О.П. Зайцевой, Р.С. Сайфуллина, Г.Г. Кадыкова).

Таблица 7

Сравнительная характеристика моделей прогнозирования банкротства

Модель	Факторы	Применимость к российским условиям
Двухфакторная модель Альтмана	2 коэффициента	Ограниченная (не учитывает отраслевую специфику)
Пятифакторная модель Альтмана	5 показателей	Средняя (требует адаптации весовых коэффициентов)
Модель Р. Лиса	4 показателя	Ограниченная (разработана для Великобритании)
Модель Р. Таффлера	4 показателя	Средняя (ориентирована на промышленные предприятия)
Модель Г. Спрингейта	4 показателя	Выше средней (близка к условиям развивающихся рынков)

Примечание: составлено автором

Комплексная диагностика финансового состояния предполагает сочетание различных методических подходов:

- горизонтальный и вертикальный анализ отчетности;
- коэффициентный анализ;
- факторный анализ;
- интегральные модели оценки рисков.

Только системное применение указанных методов позволяет получить объективную картину финансового положения предприятия и сформировать обоснованные рекомендации по его улучшению [5, с. 126].

Таблица 8

Комплексная методика диагностики финансового состояния

Уровень 1: Экспресс-диагностика –	Уровень 2: Углубленный анализ –	Уровень 3: Прогнозная диагностика –
Горизонтальный и вертикальный анализ баланса Оценка динамики выручки и прибыли Расчет ключевых коэффициентов ликвидности	Детальный анализ финансовой устойчивости Факторный анализ рентабельности Оценка деловой активности и оборачиваемости –	Расчет показателей вероятности банкротства Сценарное моделирование Разработка рекомендаций по финансовому оздоровлению –

Примечание: составлено автором

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Финансовое состояние предприятия представляет собой многомерную экономическую категорию, отражающую реальное положение хозяйствующего субъекта в определенный временной период и его способность к самофинансированию и развитию.
2. Информационная база финансового анализа включает многоуровневую систему источников, центральное место в которой занимает бухгалтерская отчетность, формируемая в соответствии с требованиями ФСБУ 4/2023 и ФЗ № 402-ФЗ.
3. Методология диагностики финансового состояния базируется на комплексном применении абсолютных и относительных показателей, позволяющих оценить ликвидность, платежеспособность, финансовую устойчивость и деловую активность предприятия.
4. Прогнозирование вероятности банкротства требует использования адаптированных к российским условиям моделей, учитывающих отраслевую специфику и макроэкономические особенности.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку отраслевых методик анализа, учитывающих специфику различных видов экономической деятельности, а также совершенствование инструментария прогнозирования финансового состояния в условиях цифровой трансформации экономики.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (действ. ред.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2026).
2. Приказ Минфина России от 19.04.2023 № 53н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская отчетность».
3. *Негашев Е.В.* Проблемы логического обоснования методов анализа финансовой устойчивости коммерческой организации. М., 2024.
4. *Николаева А.Р.* Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности как информационной основы управления предприятием // Молодой ученый. 2026. № 7 (610). С. 94–96.
5. *Почиковская Е.А., Сенкевич Е.С.* Комплексные методики оценки финансового состояния предприятия // 76-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов: тезисы докладов. Минск, 2025.
6. *Савицкая Г.В.* Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г.В. Савицкая. М., 2023.
7. *Федорова Е.А., Довженко С.Е., Тимофеев Я.В.* Какая модель лучше прогнозирует банкротство российских предприятий? // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 41. С. 28–35.
8. *Шеремет А.Д.* Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций М., 2022.

М.П. Бутылина

кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры экономики и государственного и муниципального управления
АОЧУВО «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)»
E-mail: marina.butylina@mail.ru

УДК 338.012

Оценка деятельности общеобразовательной организации: показатели, риски, методики, проблемы

Е.Г. Ефимова, К.В. Никишова

Аннотация. В современных условиях образовательные организации являются полноценными субъектами экономических отношений, деятельность которых также подвержена рискам. Вопросы обеспечения экономической безопасности являются актуальными и для данного вида организаций. Анализ предложенных авторских методик, позволяет сказать, что они не подходят для оценки деятельности общеобразовательных организаций, так как специфика образования не позволяет рассматривать его как «чистый рынок». В настоящем исследовании авторами были выделены и сгруппированы показатели, которые могут быть использованы для анализа и оценки деятельности общеобразовательных организаций в аспекте обеспечения безопасности их функционирования. На примере одной из общеобразовательных организаций проведена оценка её деятельности и конкурентный анализ, выполненные на основе официальных данных. Результаты исследования показали, что для проведения комплексного анализа и оценки деятельности образовательных организаций необходимы адаптированные методики, учитывающие «нематериальный» характер образовательных услуг.

Ключевые слова: образовательная организация, риск, образовательный риск, конкуренция, классификация рисков, методики оценки.

В реальном секторе экономики образовательная организация – это

полноценный субъект экономических отношений, подверженный рискам наравне с коммерческими организациями (предприятиями).

Актуальность темы исследования заключается в том, что, во-первых, оценка рисков деятельности образовательной организации также необходима, как и для любого хозяйствующего субъекта; во-вторых, её проведение позволяет выявить конкретные виды рисков для принятия необходимых управленческих решений по снижению их влияния, в т.ч. способов упреждения их наступления; в-третьих, для анализа и оценки рисков необходимы методики, позволяющие провести корректную оценку рисков.

Проблема, которую мы выделяем, заключается в отсутствии конкретной адаптированной методики оценки рисков деятельности образовательных организаций, что требует дополнительного исследования.

Понятие «риск» является характерным для деятельности образовательных организаций, что подтверждается исследованиями разных авторов [11, 10, 7, 4, 8, 5]. При этом образовательные организации в условиях перехода российской экономики к рыночной системе хозяйствования в 1990-е гг., вынуждены быть активными субъектами рынка» [9, с. 138]. С этого времени сфере образования, с одной стороны, появляется большое число негосударственных образовательных организаций, а с другой стороны, после реформы системы образования (2012 г.) введены показатели эффективности образовательной деятельности, в т.ч. формирующие условия конкуренции.

Конкуренция среди образовательных организаций специфична [6, 3] и существенно отличается от рыночной. Данное отличие возникает в силу того, что их деятельность имеет социальный характер (услуги образования являются социально значимыми), поддерживается государством (финансирование, гранты и др.) и большинство этих услуг не может быть реализовано по рыночным ценам, т.к. они могут стать недоступными для граждан с низким или даже средним уровнем доходов. Тем не менее понятие «конкуренция» и «конкурентная среда» также характерны для образовательных организаций, где некоторые авторы применяют понятие соперничества за ресурсы,

потребителей образовательных услуг и результаты деятельности [7, 9, 3].

Поскольку на сегодняшний день адаптированная методика оценки рисков для общеобразовательных организаций не предложена, мы определили некоторые показатели, которые позволяют формировать базу для дальнейших исследований и оценки эффективности их деятельности (*рисунок 1*).

Рисунок 1. Базовые показатели оценки деятельности общеобразовательной организации

Примечание: составлено авторами

На основе представленной на *рисунке 1* группировке показателей проведён анализ показателей деятельности общеобразовательной организации, определены её конкурентные позиций (рейтинг) и тенденции развития.

Анализ и оценка показателей деятельности выполнен на примере МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2», функционирующей в городском округе Каменск-Уральский Свердловской области (далее – школа № 2). Для конкурентного анализа (рейтинговой оценки) выбраны ещё две школы по следующим параметрам: территориальному (в одном районе городского округа, в шаговой доступности для потребителей образовательных услуг), по организационно-правовой форме (муниципальное автономное образовательное учреждение – МАОУ) и по типу образовательной организации

(средняя образовательная школа – СОШ).

Школа № 2 имеет лицензию на ведение образовательной деятельности [1], реализует её на основе бюджетного финансирования в соответствие с государственным заданием, в т.ч. имеет доход от приносящей доход деятельности по дополнительным образовательным программам на платной основе (целевая деятельность). Школа полнокомплектная, с набором обучающихся с 1-го по 11-ый классы.

Анализ данных бухгалтерского баланса школы № 2 [2] позволяет заключить, что за 2020–2024 гг. общие доходы растут (с 35 754, 9 тыс. до 75 757,5 тыс. руб., или на 211,8 %), в их структуре доля доходов от приносящей доход деятельности в среднем составляет – 2–4 %. В 2024 г. были выделены денежные средства из госбюджета на проведение капитального ремонта, что улучшило условия для реализации образовательной деятельности.

С одной стороны, финансовые показатели отражают возможности школы для развития и реализации образовательных программ. С другой стороны, для комплексной оценки важно учитывать результаты обучения, кадровый состав и общественную оценку, представленные в блоках на *рисунке 1.*

Динамика численности учащихся школы № 2 является показателем её востребованности и конкурентной позиции (*рисунок 2*).

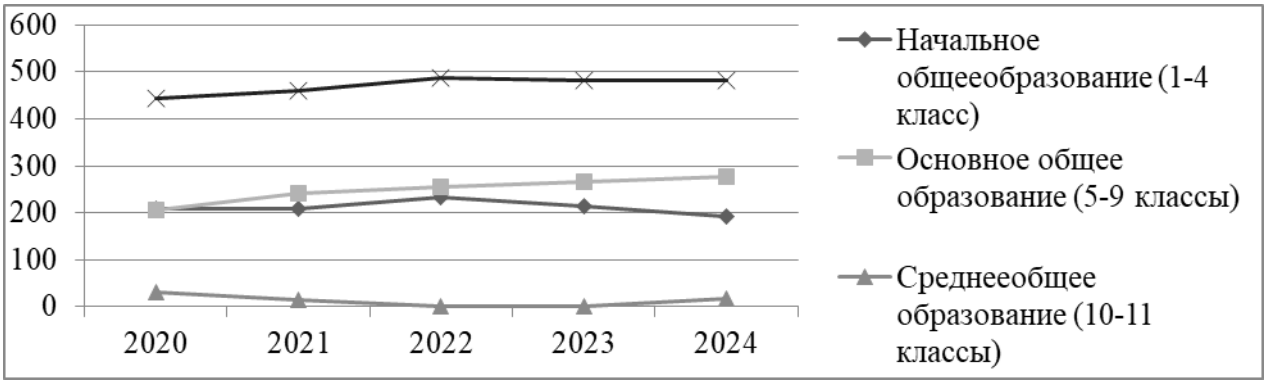

Рисунок 2. Динамика численности учащихся школы № 2 [2]

Примечание: составлено авторами

По данным *рисунка 2* общее число учащихся снижается с 2022 г. Рост за период исследования имеет только число учащихся 5–9 классов; снижается

число учеников начальной школы (1–4 классы), что в итоге влияет на общую численность. Кроме того, в 2022–2023 учебном году не было набора учеников в 10-ый, и, соответственно, в 11-ый класс в 2023–2024. При повторении таких ситуаций потенциальный риск – снижение объёмов финансирования. Важны причины, вызвавшие отсутствие набора учащихся в 2022 и 2023 гг., выявление которых, позволит предпринять необходимые управленческие решения, чтобы избежать повторения ситуации.

Проанализируем далее динамику доли успеваемости учащихся школы № 2, представленных на *рисунке 3*.

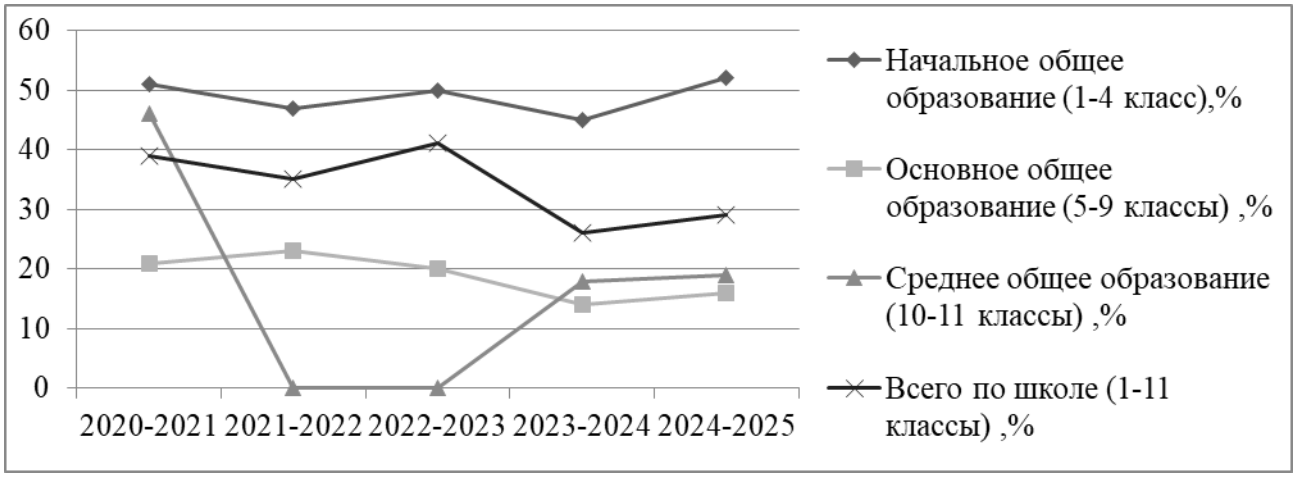

Рисунок 3. Доля учащихся, успевающих на оценки «4» и «5» по ступеням образования [1]

Примечание: составлено авторами

По всем ступеням образования наблюдается снижение успеваемости, кроме учеников начальной школы (1–4 классы), но и здесь их доля имеет небольшой прирост относительно 2020–2021 учебного года. Необходимо сказать, что график успеваемости учащихся 10–11 классов за период обучения на рисунке 3 требует условной корректировки – соединения линии 2021 до 2023 г., т.к. в 2022 и 2023 гг. набора в 10-ый и 11-ый класс не было. Но даже на скорректированном графике – число успевающих имеет отрицательную динамику. В перспективе для деятельности школы возможен риск снижения показателей набора учащихся, поскольку на него оказывают влияние качество

образовательных программ и образовательных услуг, квалификация педагогического состава, состояние социально-психологической среды, мотивация учащихся и др.

Проанализируем динамику показателя качества образовательной деятельности – процент не сдавших ОГЭ и ЕГЭ в школе № 2 (*рисунок 4*).

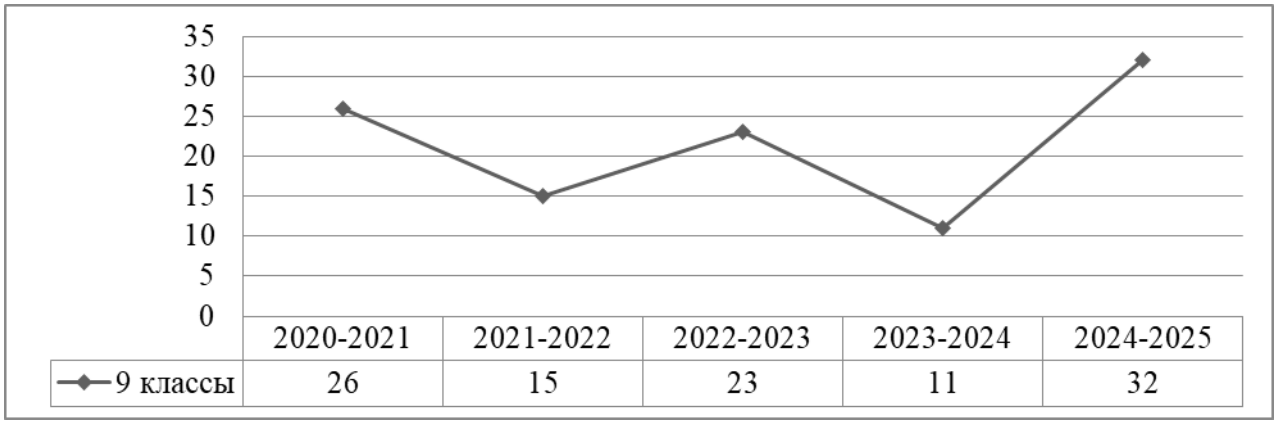

Рисунок 4. Процент учащихся, не сдавших ОГЭ / ЕГЭ, % [2]

Примечание: составлено авторами

По графику *рисунка 4* наблюдается динамика роста числа учащихся, не сдавших ОГЭ в 9 классах (с 26 до 32 %), а не сдавших ЕГЭ за период не было. Тем не менее рост числа не сдавших ОГЭ можно определить, как фактор влияния на успешность сдачи ЕГЭ после 11 класса.

Потенциальный риск здесь заключается в возможном снижении результатов освоения образовательных программ и репутации школы № 2, на что также влияет недостаточный уровень подготовки учащихся к итоговой аттестации в ходе образовательного процесса (субъективный фактор), в т.ч. неэффективность используемых методик преподавания школьных предметов, особенно в выпускных классах, низкая мотивация самих учащихся (объективный для деятельности школы фактор) и др.

Проанализируем далее кадровый состав школы № 2 по общему числу педагогов и уровню образования (*рисунок 5*).

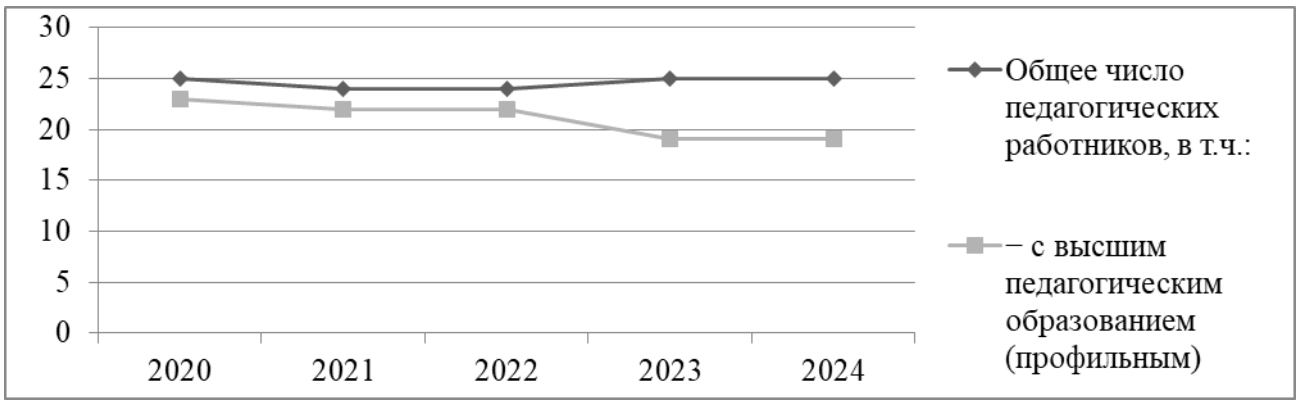

Рисунок 5. Динамика общего числа педагогических работников и по уровню образования [2]

Примечание: составлено авторами

По графикам *рисунка 5* с 2022 г. число педагогов с профильным образованием несколько снижается, несмотря на устойчивое значение общего числа (25 чел.) педагогов с высшим образованием. Доля педагогов с профильным образованием снизилась с 23,5 % в 2020 г. до 19,5 % в 2024 г.

Отрицательная динамика педагогов с профильным образованием в перспективе может вызвать риск снижения кадрового потенциала школы, что негативно повлияет на качество образовательной деятельности, уровень подготовки учащихся к итоговой аттестации, в т.ч. косвенно – на применение новых, прогрессивных методик обучения, мотивацию учащихся и др.

Проанализируем далее показатели конкурентных позиций школы № 2.

На *рисунке 6* приведены показатели независимой оценки деятельности образовательных организаций – МАОУ СОШ № 2, № 5 и № 20 на основе уровня удовлетворённости родителей обучающихся.

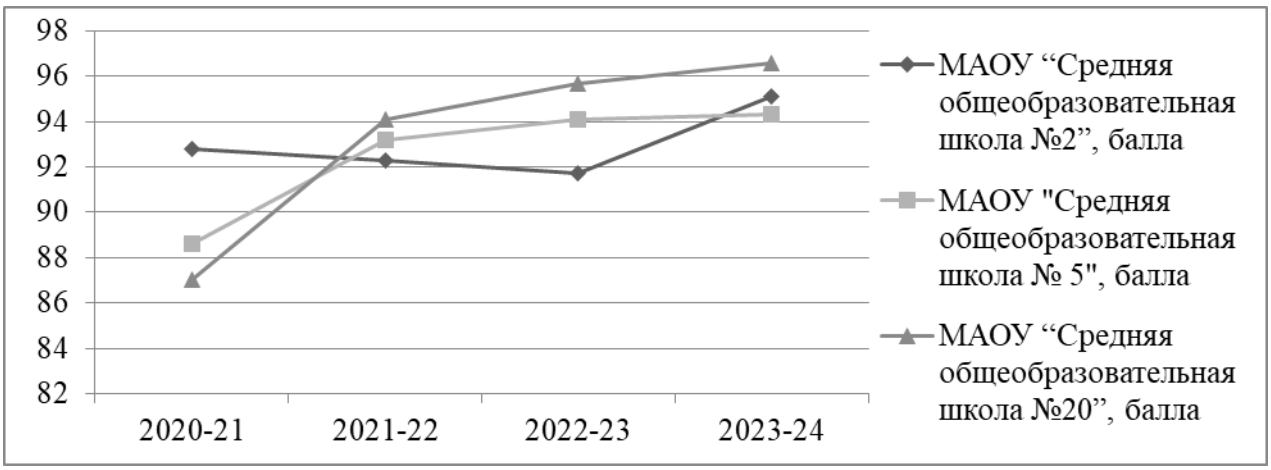

Рисунок 6. Независимая оценка сравниваемых образовательных организаций (уровень удовлетворённости родителей) [2]

Примечание: составлено авторами

Анализ графиков *рисунка 6* позволяет определить для школы № 2 риск, связанный со сравнительно низкими значениями уровня удовлетворённости родителей учеников до 2023 г. После этого видна тенденция роста показателя и в 2024 г. он был выше, чем по школе № 5. Отличительной характеристикой тренда школы № 2 является наличие отрицательной динамики с 2021 по 2023 гг.

Данная ситуация имеет тесную связь с динамикой исследованных выше показателей деятельности школы № 2 (см. *рисунки 2–5*). Риск, по-нашему мнению, может заключаться в снижении репутации и доверия к школе со стороны родителей учащихся. В перспективе это может влиять на снижение её конкурентных позиций и набор (количество) учащихся.

Проанализируем показатели результатов идентификации школ по данным Управления образования Каменск-Уральского городского округа [1], где мы сделали выборку по исследуемым школам (*рисунок 7*).

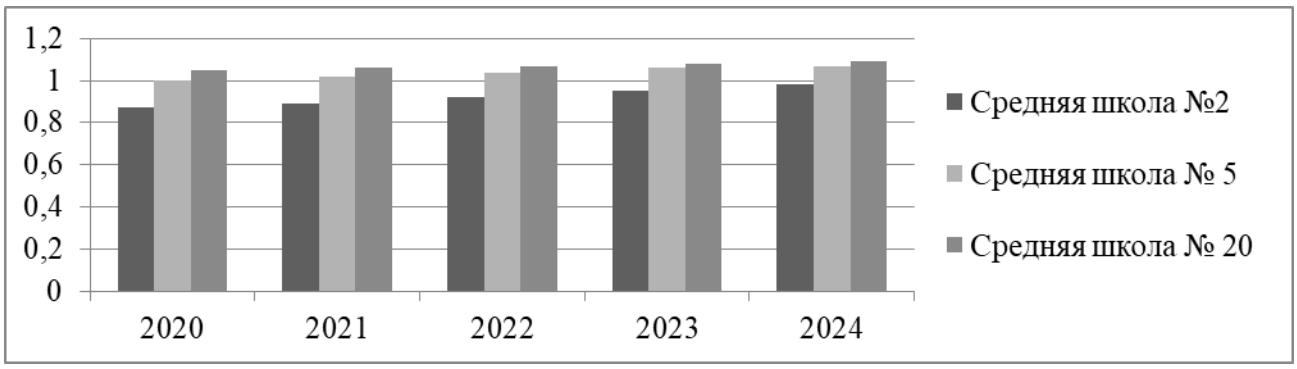

Рисунок 7. Индекс качества образования сравниваемых школ, % [1]

Примечание: составлено авторами

Несмотря на ежегодный рост индекса школа № 2 стабильно занимает нижнюю позицию в рейтинге сравниваемых школ. Её показатели увеличились с 0,88 до 0,98 %, но остаются меньше 1, чем у школ № 5 и № 20.

По-нашему мнению, риск для школы № 2 заключается в закреплении за ней статуса аутсайдера, что в долгосрочной перспективе может вызвать отток мотивированных учащихся и снизить востребованность образовательных услуг школы среди родителей.

На *рисунке 8* приведены показатели идентификации индекса социального благополучия сравниваемых школ, составленные на основе данных Управления образования Каменск-Уральского городского округа [1]. Поясним суть индекса: его рассчитывают по факторным показателям, характеризующим социальное благополучие образовательной организации прежде всего на основе характеристики семьей учащихся. Данный индекс рассчитывается для каждой школы, предоставившей сведения о характеристике семей учащихся. Расчёт индекса выполняется методом многомерного регрессивного анализа, где наиболее значимыми являются такие переменные, как показатель уровня образования родителей ученика; показатель состояния учащихся на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних (девиантное поведение учеников); показатель состава семьи (полная/ неполная).

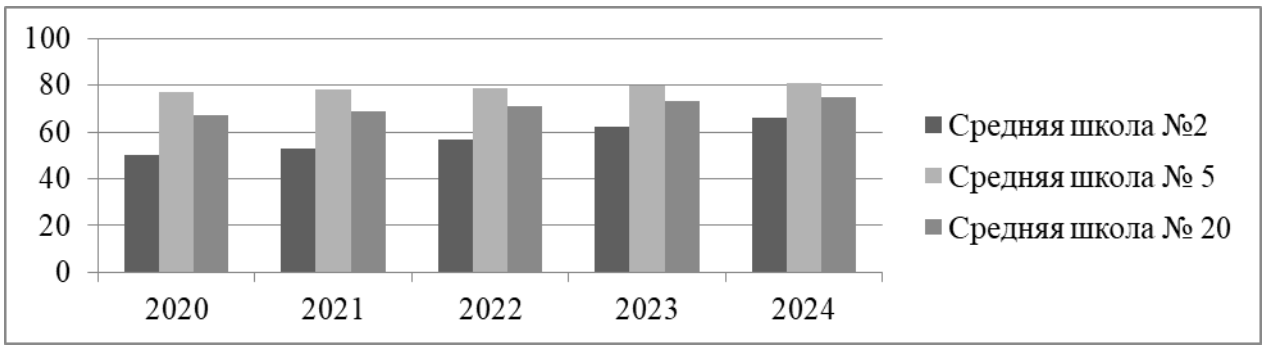

Рисунок 8. Индекс социального благополучия школ, балл [1]

Примечание: составлено авторами

По динамике индекса социального благополучия на *рисунке 8* школа № 2 также стабильно занимает последнее место в рейтинге, значительно уступая школам № 5 и № 20.

На наш взгляд, основной причиной относительно низкого рейтинга школы № 2 по индексу социального благополучия, является сформированный в предыдущие годы уровень социального статуса., на что повлияли большинство проанализированных выше показателей, которые составляют качественно-количественную оценку деятельности общеобразовательной организации. Сложившаяся ситуация может вызвать, например, риск сохранения низкого уровня социального благополучия, что повлияет на степень вовлечённости родителей, общий психологический климат школы и мотивацию учащихся.

Исследуем ещё один показатель деятельности школы № 2, который также имеет значение для формирования рейтинга – на *рисунке 9* приведена динамика распределения выпускников основного уровня образования и количество поступивших в профессиональные образовательные организации (СПО, НПО).

На *рисунке 9* видна тенденция роста числа выпускников основного уровня образования школы № 2, при этом число поступивших в профессиональные образовательные организации (ПОО) с 2022 г. снижается. Так в 2022 г. из 36 выпускников в ПОО поступили 86 %, в 2023 г. из 44 поступили 47,7 %, а в 2024 г. из 56 только 25 человек или 44,6 %.

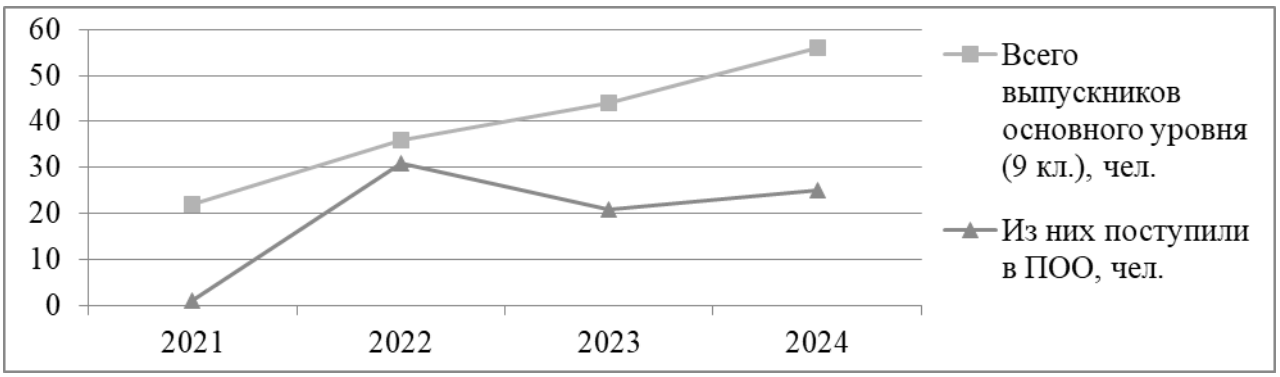

Рисунок 9. Распределение выпускников 9-х классов школы № 2 [2]

Примечание: составлено авторами

Кроме влияния на рейтинг школы № 2, здесь можно определить риск накопления выпускников, не определившихся с дальнейшим получением образования в профессиональной сфере. Это влечёт угрозу роста числа несовершеннолетних, не занятых учёбой или работой, и вызвать рост латентной безработицы и неформальной занятости, что само по себе является фактором социально-экономических угроз на локальном уровне. Руководству школы необходимо проводить анализ и выявление основных причин данного риска, усилить организацию и проведение профориентационной работы для учащихся, начиная с 6–7 классов.

На *рисунке 10* представлена динамика доходов от приносящей доход деятельности в школе № 2.

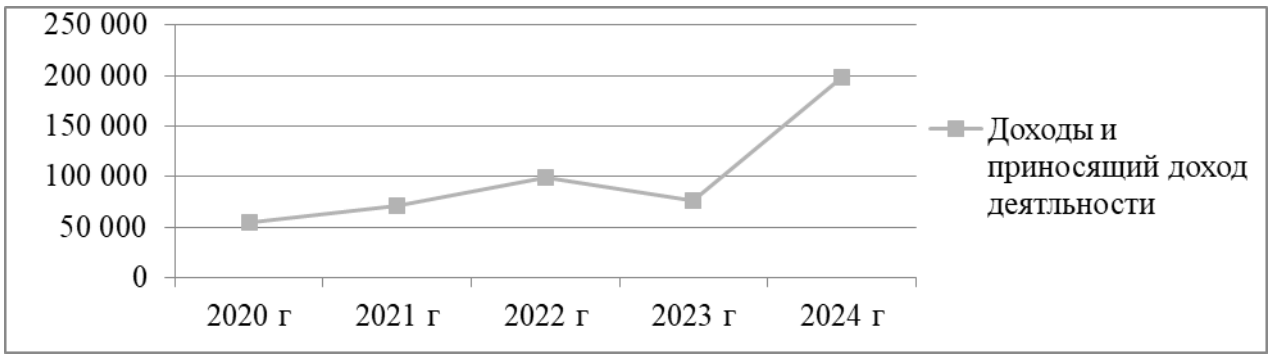

Рисунок 10. Доходы от приносящей доход деятельности (оказание платных услуг), рублей [2]

Примечание: составлено авторами

Объём доходов от приносящей доход деятельности к 2024 г. значительно вырос, однако, согласно данным бухгалтерского баланса и финансовой

отчётности школы № 2 [2], он не связан с развитием именно платных образовательных услуг. Фактически увеличение произошло за счёт целевых безвозмездных поступлений от сторонних организаций, которые были отнесены к данной категории по правилам учёта. Средства направлены на капитальный ремонт и закупку оборудования. Эти финансовые поступления можно считать инвестициями в основные фонды и материальную базу школы, что благоприятно повлияет на процесс образовательной деятельности, повышая возможности её развития. Для перспективного привлечения дополнительных внебюджетных средств из независимых источников руководству школы № 2 рекомендуется развивать взаимодействие с местными органами власти, что позволит инициировать заключение договоров о социальном партнерстве (шефстве) с предприятиями муниципалитета или региона.

В заключение проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Экономические категории «риск» и «конкуренция» являются характерными для деятельности общеобразовательных организаций.
2. Наиболее значимыми показателями, влияющими на конкурентные (рейтинговые) позиции можно назвать кадровый состав, образовательные результаты и социальное положение (*см. рисунок 1*).
3. Для комплексного анализа и оценки деятельности образовательных организаций необходима адаптация существующих методик, в связи с тем, что традиционные подходы не учитывают специфику некоммерческого сектора и «нематериальный» характер образовательных услуг [7, 10].
4. Разработка корректной методики вызывает необходимость дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Управление образования Каменск-Уральского городского округа: статистика. – URL: https://obrku.ru/component/search/?searchword=статистика&ordering=newest&searchphrase=all (дата обращения: 29.03.2026).

2. Финансово-хозяйственная деятельность // МАОУ СОШ № 2 г. Каменск-Уральский. URL: https://school2ku.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoj-organizatsii/ finansovo-khozyajstvennaya-deyatelnost (дата обращения: 19.02.2026).
3. *Надточий Ю.Б.* Конкуренция в процессе обучения в образовательных организациях высшего образования // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 5. С. 111-123. DOI: 10.37791/2687- 0657-2023-17-5-111-123.
4. *Причинин А.Е.* Об актуальности выявления и анализа рисков в образовательной практике // Школьные технологии. 2014. № 3. С. 112–118.
5. *Простова Д.М.* Оценка экономической безопасности социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы экономической безопасности в условиях многополярности современного мира: монография: в 2 ч. Челябинск, 2025. Ч. 2. С. 40–57.
6. *Рубин Ю.Б.* Конкуренция в российском образовании: теория и противоречивые реалии // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 5. С. 17–30. https://doi.org/10.15826/umpa.2017.05.058
7. *Руднева Т.И., Стрекалова Н.Б.* Образовательные риски в инновационных условиях педагогической деятельности. Самара, 2018.
8. *Соложнин А.В.* Управление рисками в образовании // Народное образование. 2010. № 7. С. 94–99.
9. *Сударкина Х.В.* Маркетинг образовательных услуг вуза: особенности, возможности, перспективы // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 8. С. 138–142.
10. *Сухин И.Г.* Риски в образовании: идеи и подходы к их устранению // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т.1. № 5 (78). С. 29–42. DOI 10.24412/2224–0772–2021–78–29–42
11. *Чубарова О.И.* Образовательный риск как экономическая категория, его сущность // Ползуновский вестник. 2005. № 1. С. 199–208.

Е.Г. Ефимова
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург
E-mail: levstrelkov@mail.ru
К.В. Никишова
студент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург
E-mail: nik.kristina2003@yandex.ru

УДК 338.45.01

Современные подходы к управлению качеством продукции в высокотехнологичных отраслях

О.С. Жданова, М.П. Колбин

Аннотация. В современных условиях ускоренного технологического развития предприятия высокотехнологичных отраслей сталкиваются с возрастающими требованиями к качеству продукции. Применяемые ранее методы управления качеством становятся недостаточными, что обуславливает необходимость перехода к более современным подходам. В настоящей статье представлены результаты анализа современных подходов в области управления качеством продукции. Основными методами исследования являлись системный анализ, сравнительный анализ и метод обобщения. В результате исследования предложены направления совершенствования систем управления качеством на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности с учетом инновационного развития. Наиболее эффективными в современных условиях являются подходы, направленные на совершенствование технологических

процессов и предотвращения дефектов. Область применения результатов исследования – в практической деятельности на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности при совершенствовании систем управления качеством, а также в образовательном процессе и научных исследованиях.

Ключевые слова: управление качеством, высокотехнологичные отрасли, промышленность, инновация.

Уже несколько десятилетий во всем мире большое значение придается качеству продукции. Высокое качество продукции стало главным условием успеха промышленных предприятий в конкурентной борьбе на рынке. В современных условиях успех предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности зависит от степени удовлетворения требований покупателей. Только в этом случае предприятие будет иметь устойчивый спрос на свою продукцию и получать прибыль. Степень удовлетворения требований потребителей соответствующей продукцией определяется её качеством. Качество продукции является главным фактором её конкурентоспособности. И хотя, кроме качества, в конкурентоспособность входят цена, сроки поставки, техническое совершенство, гарантии, сервисное обслуживание и ряд других слагаемых, качество составляет 70 % весомости всех показателей конкурентоспособности.

Качество продукции представляет собой материальную основу удовлетворения как производственных, так и личных потребностей людей, и этим определяется его уникальная общественная, экономическая и социальная значимость. В конечном итоге, именно качеству отдают предпочтение покупатели и заказчики при выборе продукции. Чем выше качество продукции, тем большим богатством обладает общество и тем большими материальными возможностями оно располагает для своего дальнейшего прогресса [4].

В качестве объекта исследования в настоящей статье выступают предприятия высокотехнологичных отраслей с высоким уровнем автоматизации производственных процессов, применением инновационных технологий и использованием значительной доли НИОКР.

Основные методы исследования:

1) системный анализ – для изучения системы управления качеством, включающих процессы, ресурсы и результаты деятельности предприятия;

2) сравнительный анализ – для сопоставления традиционных и современных подходов к управлению качеством (TQM, Lean, Six Sigma, цифровые решения);

3) метод обобщения – для систематизации существующих подходов и выявления общих закономерностей их развития.

Традиционно основой управления качеством является процессный подход, согласно которому качество формируется на всех стадиях жизненного цикла продукции. Современные системы управления качеством базируются на международных стандартах (например, ISO 9001), которые определяют требования к построению и функционированию системы менеджмента качества.

Согласно ГОСТ Р ИСО 9001:2015 [1] и ГОСТ Р 58876-2020 [2], система менеджмента качества (СМК) является частью общей системы управления предприятия, применительно к качеству, и включает в себя совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов предприятия, нацеленных на разработку и реализацию политик и целей в области качества, а также на оптимизацию и управление процессов предприятия в интересах достижения поставленных целей, необходимых для поддержания высокого уровня качества и постоянного его улучшения.

Система менеджмента включает в себя действия по описанию процессов организации, определения входов и выходов этих процессов, привлечение ресурсов, необходимых для их обеспечения, документацию, описывающую управление этими процессами, определение критериев результативности

и выявление возможных рисков. Система менеджмента качества дает возможность высшему руководству рационально использовать имеющиеся ресурсы, учитывая долгосрочное планирование, основанное на поставленных стратегических целях.

Поддержание высокого уровня качества всегда было и остается одной из приоритетных и наиболее сложных задач, которые постоянно решают при производстве продукции или оказании услуг. Потребитель ожидает продукцию (услугу), с характеристиками, которые смогут удовлетворить его потребности и оправдать ожидания. При этом потребности и ожидания потребителей постоянно меняются, из-за чего предприятиям приходится постоянно анализировать их, испытывать давление со стороны конкурентов и идти в ногу с техническим прогрессом.

В *таблице 1* представлены результаты анализа современных подходов к управлению качеством продукции в высокотехнологичных отраслях, с примерами российских предприятий и достигаемой эффективности от их применения в практической деятельности.

Таблица 1

Современные подходы к управлению качеством продукции в высокотехнологичных отраслях

№ п/п	Наименование подхода	Содержание, решаемые задачи	Эффективность	Примеры
1	Концепция TQM и системный подход	Контроль качества по всей цепочке жизненного цикла высокотехнологичного продукта	Достигается за счет отлаженного взаимодействия всех подразделений высокотехнологичного предприятия	Госкорпорация «Росатом», ПАО «ОАК», ГК «Герофарм»
2	Бережливое производство (Lean) и 6 Сигм (Six Sigma)	Систематическое устранение потерь и уменьшение вариативности	Достигается за счёт оптимизации процессов и статистики управления качеством	Госкорпорация «Ростех», «Северсталь»
3	Процессный подход ISO 9001:2015	Постоянная оптимизация и повышение доверия клиентов	Достигается за счёт риск-ориентированного мышления и процессного подхода	АО «ГалоПолимер», ПАО «ОДК–Сатурн»

4	Отраслевые стандарты серии ISO	Предотвращение дефектов и снижение потерь	Достигается за счет требований к самим процессам, а не к продукции	ПАО «ЛУКОЙЛ» АО «АвтоВАЗ»
5	Цифровизация и Индустрия 4.0.	Повышение точности и стабильности, ускорение принятия управленческих решений	Достигается за счёт непрерывного мониторинга процессов и анализа данных, повышая производительность	АО «ВМП «АВИТЕК», ПАО «КАМАЗ»

Анализ действующих ГОСТов в области управления качеством продукции, отраслевых стандартов, а также передовой практики российских предприятий (в том числе кировских) позволил выделить 5 основных подходов к управлению качеством в высокотехнологичных отраслях:

1. концепция TQM и системный подход – обеспечение контроля качества по всей цепочке жизненного цикла высокотехнологичного продукта;
2. бережливое производство (Lean) и «Шесть сигм» (Six Sigma) – систематическое устранение потерь при производстве высокотехнологичной продукции;
3. процессный подход (принципы современного менеджмента качества ISO 9001:2015) – постоянная оптимизация, повышение доверия;
4. отраслевые подходы и стандарты (например, для организаций авиационной, космической и оборонной отраслей промышленности и др.) – предотвращение дефектов, устранение потерь с учетом отраслевой специфики;
5. цифровизация процессов управления качеством – повышение точности, стабильности, ускорение процессов принятия решений.

Как показали результаты анализа, традиционные методы управления качеством, основанные преимущественно на контроле готовой продукции, не обеспечивают необходимого уровня эффективности, особенно на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности. В связи с этим возникает необходимость внедрения современных подходов, ориентированных на управление качеством на всех стадиях жизненного цикла высокотехнологичной продукции.

К особенностям управления качеством в высокотехнологичных отраслях можно отнести:

1. высокая сложность продукции и производственных процессов;
2. значительная доля научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);
3. короткий жизненный цикл инновационной (высокотехнологичной) продукции;
4. высокая степень автоматизации и цифровизации производства;
5. повышенные требования к надёжности и безопасности продукции.

В подобных условиях нужно учитывать не только текущие параметры, но и потенциальные риски. В связи с этим, широко распространяется применение цифровых технологий, позволяющих осуществлять мониторинг и анализ данных в режиме реального времени, и также позволяет прогнозировать различные отклонения [3].

Например, одним из современных подходов управления качеством, является технология Big Data. Она анализирует большие данные позволяя собирать и обрабатывать информацию о процессах и продуктах в реальном времени, и выявлять параметры влияющие на качество продукции. Это помогает прогнозировать причины возникновения брака за счёт исследования производственного процесса, качества сырья и квалификации персонала. После выявления дефектов, инженеры получают визуализацию и рекомендации для корректировки процессов, что позволяет в будущем снизить дефекты и увеличить качество продукции.

Применение цифровых технологий в управлении качеством продукции позволяет существенно повысить эффективность производственных процессов за счёт перехода от традиционного контроля к непрерывному мониторингу и анализу данных в режиме реального времени. Использование датчиков, систем обработки больших данных и предиктивной аналитики обеспечивает своевременное выявление отклонений и предупреждение дефектов на ранних стадиях.

Внедрение цифровых решений в системы менеджмента качества предприятий высокотехнологичных отраслей способствует повышению стабильности технологических процессов, снижению уровня брака и оптимизации затрат на обеспечение качества. Кроме того, появляется возможность прогнозирования потенциальных рисков и принятия управленческих решений на основе объективных данных.

В целом, цифровизация управления качеством ориентируется не на устранение последствий, а на предотвращение возникновения проблем, что особенно важно в высокотехнологичных отраслях промышленности в современных условиях.

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. М., 2020.
2. ГОСТ Р 58876-2020. Системы менеджмента качества организаций авиационной, космической и оборонной отраслей. Требования. М., 2020
3. *Васильев В. А.,* Александрова С. В., Александров М. Н. Управление качеством и цифровые технологии. М., 2020.
4. *Цагалова А.С., Домбровская.* Основы системы управления качеством в условиях рыночной экономики. URL: Основы системы управления качеством в условиях рыночной экономики (дата обращения: 31.03.2026)
5. *Шамилева Э.Э., Фызылова Н.Н.* Управление качеством продукции на предприятии. URL: Управление качеством продукции на предприятиях (дата обращения: 31.03.2026)

О.С. Жданова

кандидат экономических наук

доцент кафедры Государственного и муниципального управления

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: nogovitsina@vyatsu.ru

М.П. Колбин

магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: goodmishapro@mail.ru

УДК 339.92

Финансово-экономическое присутствие Китая и России в Африке и Юго-Восточной Азии в инфраструктурных и энергетических проектах

В.П. Захарова, М.А. Захарова

Аннотация. В данной статье исследуется финансово-экономическое присутствие России и Китая в такие стратегических важных регионах, как Африка и Юго-Восточная Азия, а также выявляются совместные российско-китайские интересы в данных регионах. Китай, обладая колоссальным финансовыми ресурсами, реализует масштабные стратегии по созданию целых систем транспортных коридоров и активно вкладывается в проекты «зеленой» энергетики, в то время как Россия фокусируется на более точечном присутствии, делая акцент на высокотехнологичных секторах: в нефтегазовых и атомных проектах, модернизации ключевых транспортных узлов. Ключевым направлением в российско-китайском сотрудничестве является сочетание китайских финансов с российскими технологиями и ресурсами, которое позволяет минимизировать риски, повышать эффективность в условиях глобальной нестабильности и создавать альтернативную модель международного развития, основанную на взаимном учете национальных интересов и технологическом партнерстве.

Ключевые слова: Российско-китайское сотрудничество, Африка, Юго-Восточная Азия, транспортная инфраструктура, энергетика.

В настоящее время на международной арене наблюдается тенденция к увеличению геополитического и экономического давления на Россию и Китай через различные торговые санкции, финансовые и технологических

ограничения, блокировку трансграничных транспортных коридоров, понижения уровня дипломатических отношений. Данные процессы главным образом наблюдаются со стороны стран Запада, которые долгое время являлись основными партнерами для этих государств, что в свою очередь привело к нарушению привычного и устоявшегося сотрудничества и необходимости для России и Китая в поиске новых рынков сбыта своей продукции, технологий, ресурсов, их поставщиков и в формировании альтернативных торговых путей. Таким образом, обладая огромным ресурсным, транспортно-логистическим потенциалом в силу своего экономико-географического положения и схожим международным давлением, российско-китайское сотрудничество приобретает всё большую актуальность, особенно в рамках энергетических и инфраструктурных проектах, во многом связанных именно с усилением своего влияния и присутствия в новых транспортных коридорах.

Для России и Китая главный интерес представляют страны Африки и Юго-Восточной Азии, а взаимовыгодное партнерство позволит эффективно распределить между ними финансово-экономическую и научно-технологическую поддержку африканским странам и странам Юго-Восточной Азии, расширить ресурсную базу и укрепить их влияние в данных регионах за счёт инвестиций в энергетическую и транспортную инфраструктуру и кредитования местных компаний, а также помощи в освоении и эксплуатации месторождений полезных ископаемых.

Развитие транспортной инфраструктуры представляет большую значимость для Китая, особенно в рамках инициативы «Один пояс – один путь», поскольку одной из её основных целей является создание масштабной и устойчивой сети транспортных, торговых и экономических коридоров, связывающих Азию, Африку и Европу. Важно не просто помочь в строительстве железных дорог и морских портов, а закрепиться в главных транспортно-логистических узлах за счёт огромных финансовых вложений, так как транспорт – это ключ к энергетике.

Россия уступает Китаю в масштабах финансирования и не является ключевым игроком в строительстве транспортной инфраструктуры в страх Юго-Восточной Азии и Африки. Вместо этого она стремится закрепиться в отдельных транспортных проектах, связанных с энергетическим сектором, что является приоритетным направлением для России, так как, обладая большими запасами природного газа и нефти, а также многолетним опытом в области ядерной энергетике, страна нуждается в альтернативных рынках сбыта своих ресурсов. Взамен Юго-Восточная Азия может получить доступные энергоресурсы и научно-технологическую помощь в строительстве объектов энергетической инфраструктуры, например, атомных электростанций.

В Юго-Восточной Азии наиболее масштабным и интересным проектом для Китая является Паназиатская железнодорожная система, которая соединила бы его напрямую с Сингапуром через Мьянму, Лаос, Вьетнам, Камбоджу, Таиланд и Малайзию. Она позволит создать альтернативный сухопутный маршрут и расширить рынки сбыта для китайских товаров. Особенно актуальным в рамках данного проекта является сотрудничество с Таиландом и Вьетнамом, поскольку Паназиатская железная дорога будет проходить рядом с их протяженной береговой линией и, соответственно, с крупнейшими портами. Уже была построена дорога из Китая через Лаос (Китая финансировал более 50 % строительства), которая должна стать частью будущего маршрута в Таиланд, и активно, но поэтапно, с 2017 г., реализуется строительство дороги через сам Таиланд [7; 8]; к тому же, в феврале 2025 г., было одобрено совместное строительство железнодорожной линии через Вьетнам [7]. Таким образом, Китай, финансируя через инвестиции и кредитование строительство транспортной инфраструктуры в Юго-Восточной Азии, закрепляется в регионе и в ближайшей перспективе многие транспортные узлы смогут попасть под его влияние.

Россия так же развивает сотрудничество со станами Юго-Восточной Азии в транспортной сфере, но она не участвует в крупных проектах, из-за

ограниченности финансовых ресурсов и удаленности региона, который, к тому же, находится под сильным влиянием США и Китая.

Для России такой проект, как Паназиатская железная дорога, является очень актуальным, поскольку через него может существенно сократиться путь грузов в страны Юго-Восточной Азии. Поэтому, учитывая возможности двух стран, перспективным вариантом в сотрудничестве с Китаем становится совместное строительство транспортной инфраструктуры, но при которой главным инвестором и кредитором является Китай, а поставщиком оборудований и технологий, например, рельсов, вагонов, – Россия [1].

Китай является лидером по инвестициям в энергетический сектор Юго-Восточной Азии, он вкладывается как в возобновляемые, так и невозобновляемые источники энергии, однако в настоящее время именно последние начинают играть всё большую роль в структуре инвестиций. Во многих странах региона уже были построены крупные солнечные, ветровые и гидроэлектростанции, а, благодаря китайскому финансированию в регион, Юго-Восточная Азия стала ведущим мировым экспортером оборудований для солнечной энергетики, что главным образом обусловлено появлением крупнейших заводов, поддерживаемых китайскими инвесторами, в основном на территории Таиланда, Вьетнама, Малайзии и Камбоджи [6]. Кроме этого, в процессе строительства находятся ГЭС в Лаосе и Мьянме, для дальнейшего экспорта электроэнергии в Таиланд и Вьетнам. В целом, для Китая важно развивать финансово-экономическое сотрудничество в области зеленой энергетике, поскольку таким образом он сможет увеличить экспорт в регион солнечных панелей, ветрогенераторов и другого необходимого оборудования, а также получить доступ к критически важным ресурсам через финансовое внедрение в местные компании. К тому же Китай снизит собственную зависимость от угля за счёт импорта чистой электроэнергии из Лаоса, Вьетнама и Мьянмы в южные провинции.

Для России энергетический сектор Юго-Восточной Азии также представляет значительный интерес, в первую очередь из-за сотрудничества

в области атомной, нефтегазовой энергетике и частично в отдельных проектах зеленой энергии. Главным энергетическим партнерам России в регионе является Вьетнам, на территории которого действуют совместные проекты по добыче нефти (месторождение «Белый тигр», разрабатывается «Зарубежнефтью»), газа (месторождение «Лан Тай», доля «Газпрома» – около 50 %), а также активизировались поставки СПГ. Помимо нефтегазовой отрасли, Вьетнам проявляет интерес к развитию атомной энергетике при содействии российских компаний и в 2026 г., в марте, было подписано соглашение о совместном строительстве АЭС «Ниньтхуан-1» [10]. Помимо этого, укрепляется сотрудничество с Мьянмой, где разведка нефтегазовых месторождений ведется с 2018 г., а также в ближайшее время будет начато строительство атомной электростанции малого модульного реактора [9]. Что касается участия российский компаний в возобновляемой энергетике, то они поставляли оборудование для ГЭС в Лаосе и Вьетнаме. Строительство новых СПГ-терминалов в первую очередь во Вьетнаме, Лаосе, Мьянме, где нужны дешевые источники энергии, а также атомных электростанций – ключевые направления развития России в данном регионе.

Несмотря на то, что Китай в современных условиях уделяет большое внимание сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии именно в рамках солнечной, ветровой и гидроэлектроэнергии, а Россия – нефтегазовой и атомной, существует возможность совместной деятельности в шельфовых проектах Вьетнама и Мьянме, где к российским компаниями могут присоединиться китайские, и будут построены совместные газопроводы, которые в будущем способны превратиться в крупные СПГ-хабы. Всё это позволит и России, и Китаю не только укрепить двустороннее партнерство, но и расширить влияние в регионе.

Африка – регион, обладающий огромными запасами полезных ископаемых, поэтому он выступает и как рынок сбыта высокотехнологичных товаров из Китая и России для развития инфраструктуры, и как поставщик таких ресурсов, как золото, палладий, платина, медь, кобальт и других

редкоземельных металлов, которые критичны для наукоёмкого и высокотехнологичного производства, включая составляющие для энергетики и транспорта.

Африканские страны получают огромное финансирование от китайских компаний и банков, которые вкладываются главным образом в транспортную отрасль Анголы, Нигерии, Кении, Эфиопии и Демократическую Республику Конго. Для достижения собственных целей в рамках инициативы «Один пояс – один путь», а именно создание новых транспортных коридоров, а также стабильного сообщения между объектами инфраструктуры, Китай не просто строит новые железные дороги и порты, но и модернизирует построенные бывшими колониальными державами. Так, например, были введены в эксплуатацию линии Танзания – Замбия, Эфиопия – Джибути, благодаря чему Эфиопия получила доступ к порту Красного моря в Джибути, Момбаса – Найроби, Хартум – Порт-Судан, железная дорога в Нигерии, а также порт Доралех в Джубути, где обрабатывается 90 % эфиопского импорта и находится китайская военная база, и порт Лекки в Нигерии. Строительством всех объектов занимались китайские подрядчики при участии африканских местных компаний, а банк Китая «EXIM Bank» спонсировал более 80 % всех затрат [1; 4; 11]. В настоящее время при ключевом участии Китая строится крупнейший порт Восточной Африки – Багамойо в Танзании. Такая разветвленная инфраструктура помогает Китаю получать не просто доступ к дешевым ресурсам, но и новые рынки сбыта своей продукции в обход санкциям.

Российское присутствие значительно уступает китайскому в Африке, но активно обсуждаются менее крупные проекты по модернизации железных дорог в Египте и Анголе, для которых Россия имеет опыт поставки железнодорожных вагонов и обучения специалистов в транспортной области.

Африканский континент является одним из самых быстрорастущих энергетических рынков в мире, что связано с увеличением экономического и демографического потенциала, при этом в настоящее время многие жители и производства не получают стабильное энергоснабжение, что негативно

сказывается на развитии промышленности и уровне жизни населения. По этой причине, а также по необходимости в африканских ресурсах и диверсификации рынков сбыта, Россия и Китай принимают активное финансово-экономическое участие в строительстве энергетической инфраструктуры в регионе.

Китай – один из крупнейших инвесторов в объекты энергетической инфраструктуры Африки и её строитель. В настоящее время он стремится к развитию в регионе зеленой энергетики, для того чтобы появилась возможность для увеличения экспорта оборудования для ветровых и солнечных электростанций [2].

В Анголе китайские компании «Sinopec» и «CNPC» контролируют 30 % добычи нефти и разрабатывают новые месторождения, а также строят нефте- и газопроводы. При этом Китай получает важный для него ресурс, а Ангола – развитие инфраструктуры. В стране при финансово-экономической поддержке Китая также строятся ГЭС, солнечные электростанции [6]. В ЮАР китайские компании в основном занимаются строительством в секторе солнечной энергетики. Так, была построена крупнейшая в стране солнечная электростанция «De Aar» и планируются проекты по производству концентрированной солнечной энергии – «Redstone» и «Mooi Plaats». Большую часть оборудования поставляют также китайские компании, среди которых «Trina Solar, BYD» и «JA Solar». В Эфиопии основной акцент также делается на возобновляемых источниках, а в других странах Африки, например, Судане, Танзании, Мозамбике, Алжире, ЮАР – традиционных, то есть нефти, угля и газе [2].

Российские энергетические компании стремительно увеличивают свое присутствие в Африке: «Газпром» расширил свою деятельность в Танзании, заключив сделку по разведке и добыче природного газа, «Лукойл» подписал Меморандум о взаимопонимании с Демократической Республикой Конго в целях активизации добычи нефти [5]. Помимо этого, многие африканские страны заинтересованы в развитии атомной энергетики, поэтому «Росатом» ведёт переговоры с Руандой, Мали и Демократической Республикой Конго

о строительстве АЭС при помощи России, а в Египте уже строится АЭС «Эль-Дабаа», для которой Россия предоставила кредит в размере 25 млрд долларов. Также перспективным направлением является продолжение сотрудничества с «Газпромом», «Лукойлом», «Роснефтью» в Алжире, Египте, Анголе, Ливии, Конго и Камеруне по добыче нефти и газа. Кроме этого, Россия может увеличить экспорт СПГ в Египет, Алжир и Марокко, с которыми уже наблюдается значительный рост из-за переориентации с европейского рынка. Более того, учитывая тенденцию возможного перехода к зеленой энергетике, российские компании, например, «Роснано» со своими дочерними предприятиями, может принимать техническое участие в солнечной и гидроэнергетике, поставлять для них оборудование, как уже было реализовано ранее при строительстве ГЭС в Эфиопии, Гвинее и Намибии.

Российско-китайская деятельность в энергетическом секторе Африки уже проявилась в совместных проектах «Роснефти» и «CNPC» по нефтегазовой разведке в Алжире, «Роснефти» и «Sinopec» в Египте во время работы на средиземноморском шельфе; также «Лукойл» и «CNOOC» принимали участие в тендерах на шельфовые месторождения в Нигерии. Однако необходимо учитывать, что, вероятно, в ближайшем будущем общие интересы России и Китая в Африке – это прежде всего традиционные источники энергии, поэтому на первые план выходят перспективы сотрудничества именно в нефтегазовой и угольной отраслях. Поэтому привлекательными становятся обсуждение совместных СПГ-проектов в Алжире, Египте, Мозамбике, Судане, Южной Судане и Анголой при участии «Газпрома», «Роснефти», «НОВАТЭК», «Зарубежнефти» и «Sinopec», «CNPC», «CNOOC».

Кроме того, к перспективным российско-китайскому сотрудничество можно отнести проекты в водородной энергетике в Намибии (проект «Namibia Green Hydrogen Project»), ЮАР (проект «Hydrogen Valley») и Марокко (проект «Atlas Green Hydrogen»), в которых Россия готова предоставить технологии электролиза на базе атомной энергии, поставлять технологии производства

голубого водорода, а Китай – строить инфраструктуру, хранилища и логистические центры.

В условиях глобальной конкуренции сотрудничество Китая и России позволяет оптимально распределить нагрузку в проектах и получить максимальную выгоду. Несмотря на то, присутствие Китая в данных регионах практически во всех сферах проявляется намного сильнее, поскольку он обладает намного большими финансовыми возможностями, Россия занимает лидерство в атомной и газовой отрасли. Поэтому перспективы сотрудничества главным образом заключатся в объединении китайских инвестиций вместе с российскими ресурсами и технологиями в реализации совместных проектов.

Библиографический список

1. *Мастепанов А.М.* Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества России со странами Восточной Азии // Энергетическая политика. URL: https://energypolicy.ru/problemy-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossiiso-stranami-vostochnoj-azii/regiony/2023/10/16/?ysclid=mbgp5xuk61513785332 (дата обращения: 04.06.2025).
2. *Щелоков А*. «Кредитная ловушка» или взаимовыгодное сотрудничество: зачем Китай пытается закрепиться в Африке // Московские новости. URL: https://www.mn.ru/smart/kreditnaya-lovushka-ili-vzaimovygodnoe-sotrudnichestvo-zachem-kitaj-pytaetsya-zakrepit-sya-v-afrike (дата обращения: 04.06.2025).
3. *Kaiman J.* China says it built a railway in Africa out of altruism, but it’s more strategic than that // Los Angeles Times. URL: https://www.latimes.com/world/asia/la-fg-china-africa-ethiopia-20170804-htmlstory.html (дата обращения: 04.06.2025).
4. *Moriyasu K.* China-aided trans-Africa railway line likely to transform regional trade // Nikkei Asia. URL: https://asia.nikkei.com/Economy/China-aided-trans-Africa-railway-line-likely-to-transform-regional-trade (дата обращения: 04.06.2025).

5. Russia to capitalise on Africa’s growing energy demand // Intellinews. URL: https://www.intellinews.com/russia-to-capitalise-on-africa-s-growing-energy-demand-375357/?source=congo (дата обращения: 04.06.2025).
6. *Sarkar A.* Whats-next-for-southeast-asias-china-backed-solar-boom // Energy Tracker Asia. URL: https://energytracker.asia/whats-next-for-southeast-asias-china-backed-solar-boom/ (дата обращения: 03.06.2025).
7. *Sharma A.* How China is building high-speed railway connectivity in Southeast Asia // Global Order. URL: https://www.globalorder.live/post/connecting-the-east-china-southeast-asia-high-speed-railway-project (дата обращения: 04.06.2025).
8. *Strangio S.* China’s Bet on Railways in Southeast Asia Is Starting to Pay Off // The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2025/04/chinas-bet-on-railways-in-southeast-asia-is-starting-to-pay-off/ (дата обращения: 04.06.2025).
9. Supporting Myanmar’s Energy System // Rosatom. URL: https://rosatomnewsletter.com/2025/04/28/supporting-myanmars-energy-system/#:~:text=Russia %20and %20Myanmar %20have %20signed,Aung %20Hlaing %27s %20visit %20to %20Moscow. (дата обращения: 04.06.2025).
10. Vietnam, Russia agree to quickly sign nuclear power plant deal // Reuters. URL: https://www.reuters.com/business/energy/vietnam-russia-agree-quickly-sign-nuclear-power-plant-deal-2025-05-12/ (дата обращения: 03.06.2025).
11. The 5 largest Chinese railways in Africa // CNN World. URL: https://edition.cnn.com/2016/11/21/africa/gallery/chinese-african-railways (дата обращения: 04.06.2025).

В.П. Захарова
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
E-mail: victoriazaharova@icloud.com
М.А. Захарова

кандидат экономических наук
доцент кафедры экономики и государственного и муниципального управления
Кировский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Zakharova.M@mfua.ru

УДК 334.758.6

Корпоративные слияния и маркетинг: комплексный подход к оценке эффективности и росту стоимости бизнеса

М.Е. Зубов, Д.С. Коробкин, А.М. Сальников

Аннотация. В научной литературе и на практике по традиции целесообразность проведения слияния двух и более компаний оценивают исключительно на основе финансовых показателей, таких как изменения рыночной стоимости компаний, чистой приведенной стоимости проекта по слиянию, снижению операционных или управленческих издержек после объединения. Авторы работы полагают, что данный подход является не совсем корректным, поскольку он игнорирует главный капитал компании – брэнд и лояльных ему потребителей. Нельзя исключить ситуацию, что потребители после слияния компаний снизят свою лояльность брэнду, что непременно отразится на финансовом состоянии объединенной компании. Кроме того, в результате слияния часть брэндов могут ликвидированы, что создаст благоприятные условия для оттока клиентов к конкурентам. В работе предложено изменить подходы к оценке целесообразности проведения слияния и оценить его не только с позиций «чистого» финансового менеджмента, но и со стороны маркетинга.

Ключевые слова: M&A, брэндинг, капитал брэнда, эффективность, стоимость бизнеса.

Рынок корпоративного контроля является важнейшим индикатором деловой активности и структурных преобразований в экономике. В условиях адаптации российского бизнеса к новым геополитическим и макроэкономическим реалиям вопросы эффективности сделок слияний и поглощений (далее – M&A) приобретают особую актуальность. С одной стороны, интеграционные процессы позволяют компаниям консолидировать ресурсы, расширять рыночное присутствие и реализовывать эффект масштаба. С другой стороны, эмпирические данные свидетельствуют о высоком проценте неудачных сделок: по различным оценкам, от 60 до 80 % интеграций не создают заявленной акционерной стоимости [3, с. 951 – 955].

Анализ причин неудач показывает, что традиционные подходы к оценке эффективности M&A фокусируются преимущественно на финансовых аспектах – расчете синергетического эффекта, дисконтированных денежных потоков, окупаемости инвестиций. При этом маркетинговая составляющая – сохранение лояльности клиентской базы, интеграция брэндов, удержание и наращивание доли рынка – зачастую остается на периферии анализа либо учитывается фрагментарно [2, с. 29; 2, с. 63 – 64; 2, с. 140]. Особую значимость данная проблема приобретает на российском рынке, характеризующемся высокой волатильностью потребительских предпочтений, структурными изменениями в экономике и активными процессами импортозамещения. В этих условиях игнорирование маркетинговых факторов при планировании и оценке сделок M&A способно нивелировать даже самые впечатляющие финансовые прогнозы.

Цель настоящего исследования – разработка и обоснование комплексного подхода к оценке эффективности сделок слияний и поглощений, интегрирующего финансовые и маркетинговые показатели.

В экономической науке сложились два основных направления исследования эффективности слияний и поглощений. Первое, восходящее к работам М. Дженсена и Р. Ролла, рассматривает M&A через призму максимизации акционерной стоимости. Ключевым понятием здесь выступает

синергетический эффект – превышение стоимости объединенной компании над суммой стоимостей отдельных компаний до сделки. Синергия классифицируется на операционную (экономия на масштабе, оптимизация издержек), финансовую (снижение стоимости заимствований, оптимизация налогообложения) и управленческую (повышение эффективности менеджмента) [4, с. 257–259]. Второе направление, представленное в трудах И. Ансоффа и М. Портера, акцентирует внимание на стратегических аспектах интеграции: усилении конкурентных позиций, доступе к новым рынкам и технологиям, реализации долгосрочных целей развития. Однако оба подхода оставляют без должного внимания маркетинговую составляющую успеха интеграционных процессов.

Между тем, как справедливо отмечают современные исследователи, именно в пост-интеграционный период проявляются ключевые риски, связанные с потерей лояльности потребителей, конфликтом брэндов и размыванием рыночных позиций [5, с. 113–114]. Д. Аакер, основоположник теории капитала брэнда, убедительно доказал, что для компаний потребительского сектора стоимость брэнда может достигать 30–50 % рыночной капитализации. Следовательно, любая сделка M&A с участием таких компаний должна оцениваться не только с позиций финансовой синергии, но и с точки зрения сохранения и приумножения капитала брэндов [1, с. 380–381]. В российских условиях, характеризующихся высокой значимостью импортозамещения и перестройкой потребительских предпочтений, маркетинговые факторы приобретают дополнительный вес. Уход западных конкурентов открыл новые ниши для отечественных производителей, однако занятие этих ниш требует не просто производственных мощностей, но и грамотной маркетинговой стратегии, которую можно реализовать, в том числе, через интеграционные процессы.

Традиционная система оценки эффективности сделок M&A базируется на совокупности финансовых показателей, среди которых ключевое место занимают: расчет синергетического эффекта как разницы между стоимостью

объединенной компании и суммой стоимостей компаний до сделки; чистая приведенная стоимость (NPV) сделки, учитывающая инвестиционные затраты и премию акционерам поглощаемой компании; внутренняя норма доходности (IRR) и срок окупаемости инвестиций; анализ динамики мультипликаторов (EV/EBITDA, P/E) объединенной компании. Данные показатели позволяют оценить финансовую целесообразность сделки, однако они не отражают реакцию рынка и потребителей на интеграционные процессы. Для восполнения этого пробела предлагается включить в систему оценки следующие маркетинговые метрики. Первая группа – показатели рыночных позиций. Динамика доли рынка объединенной компании в сравнении с суммарной долей компаний до сделки. Снижение этого показателя в течение 6 – 12 месяцев после завершения интеграции сигнализирует о проблемах с удержанием потребителей. Дополнительно анализируется динамика относительной доли рынка по отношению к ключевым конкурентам. Вторая группа – показатели лояльности клиентов. Индекс потребительской лояльности (NPS), рассчитываемый до и после сделки. Исследования показывают, что снижение NPS более чем на 10 процентных пунктов в пост-интеграционный период коррелирует с долгосрочным падением выручки на 15–20 %. Также оценивается коэффициент удержания клиентов (retention rate) в разрезе ключевых сегментов. Интеграция указанных групп показателей осуществляется через построение сбалансированной системы индикаторов успеха сделки M&A. Финансовые метрики выступают базовыми критериями, без достижения которых сделка не может быть признана эффективной. Маркетинговые показатели выполняют функцию опережающих индикаторов, позволяющих на ранних стадиях выявить проблемы пост-интеграционного периода и своевременно скорректировать стратегию.

Апробация предложенной методологии была проведена на примере гипотетической сделки по слиянию двух российских компаний, работающих на рынке товаров повседневного спроса (FMCG). Компания «Альфа» занимает прочные позиции в премиальном сегменте с долей рынка 8 %, компания «Бета»

представлена в масс-сегменте с долей 12 %. Основная цель сделки – создание диверсифицированного портфеля брэндов и реализация синергии в дистрибуции. Традиционный финансовый анализ показал наличие операционной синергии: ожидаемое снижение себестоимости за счет консолидации закупок сырья – 5 %, экономия на логистике – 7 %, сокращение дублирующих административных функций – 15 %. Совокупный синергетический эффект оценен в 180 млн. руб. ежегодно. NPV сделки при ставке дисконтирования 12 % положительный, срок окупаемости – 3,2 года.

Однако применение комплексного подхода выявило ряд маркетинговых рисков. Во-первых, анализ NPS показал существенный разрыв в лояльности потребителей: у премиального брэнда «Альфа» индекс составлял 62 %, у масс-брэнда «Бета» – 38 %. Сохранение дифференцированных стратегий требовало дополнительных инвестиций в маркетинг. Во-вторых, оценка капитала брэндов по упрощенной методике показала, что на долю марочных активов приходится 42 % совокупной стоимости компаний-участниц, что требовало особого внимания к стратегии брэнд-портфеля. На основе выявленных рисков была скорректирована пост-интеграционная программа: принято решение о сохранении двух самостоятельных брэндов с четким позиционированием в разных ценовых нишах, разработан план кросс-промоактивностей для постепенного знакомства потребителей с расширенным портфелем, создана единая система лояльности с дифференцированными условиями для разных сегментов. Итоговый расчет эффективности с учетом маркетинговых факторов показал, что ожидаемый синергетический эффект может быть ниже первоначальных оценок на 12–15 % в первый год из-за необходимых инвестиций в удержание лояльности, однако в долгосрочной перспективе (3 – 5 лет) правильно выстроенная маркетинговая стратегия обеспечит дополнительный рост доли рынка на 3 – 4 процентных пункта.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, традиционные финансовые подходы к оценке эффективности сделок M&A обладают существенной ограниченностью,

поскольку не учитывают маркетинговые факторы успеха интеграционных процессов. Игнорирование этих факторов является одной из ключевых причин высокого процента неудачных сделок. Во-вторых, предложенный комплексный подход, интегрирующий финансовые показатели синергетического эффекта и маркетинговые метрики (динамика доли рынка, индексы лояльности, оценка капитала брэнда, показатели маркетинговой синергии), позволяет получить более полную и достоверную картину перспектив сделки. В-третьих, апробация разработанного подхода на условном примере подтвердила его практическую значимость: учет маркетинговых рисков позволил скорректировать пост-интеграционную стратегию и повысить вероятность достижения заявленных целей сделки. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку количественных методов интеграции маркетинговых и финансовых показателей в единую модель оценки, а также на эмпирическую верификацию предложенного подхода на базе данных о реальных сделках российского рынка M&A.

Библиографический список

1. *Аакер Д.* Создание сильных брендов. М., 2020.
2. *Ансофф И.* Стратегический менеджмент. Классическое издание. СПб., 2019.
3. *Дамодаран А.* Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов. М., 2021.
4. *Митенков А. В.*, *Клеванский В. Ф.* Разработка новых подходов к прогнозированию и оценке эффективности сделок слияния и поглощения. // Экономика промышленности. 2025. № 18(2). С. 254–264.
5. *Трачук А. В.*, *Линдер Н. В.* Инновационная деятельность промышленных компаний: измерение и оценка эффективности. // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. Т. 10. № 2. С. 108–121.

М.Е. Зубов

магистрант

Ярославский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: mihailzubov38@gmail.com
Д.С. Коробкин
магистрант
Ярославский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: korobkind01@mail.ru
А.М. Сальников
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры «Менеджмент и общегуманитарные науки»
Ярославский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: AMSalnikov@fa.ru

УДК 338.312

Lean Six Sigma как инструмент повышения экономической безопасности промышленного предприятия

Е.В. Каранина, М.В. Сметанин

Аннотация. В условиях роста внутренних операционных рисков промышленные предприятия нуждаются в инструментах, сочетающих эффективность и безопасность. В статье обосновывается, что методология Lean Six Sigma способна укреплять экономическую безопасность за счёт системного устранения потерь и ошибок. Данная методология может внести весомый вклад в развитие системы обеспечения экономической безопасности с позиции минимизации рисков операционных процессов, наряду с категориями финансовых, производственных, экологических и прочих рисков. Рассмотрены теоретические основы модели, проанализирован реальный кейс

и предложена дорожная карта масштабирования подхода в практику деятельности российских компаний. Объект – промышленное предприятие, предмет – влияние Lean Six Sigma на его устойчивость. Использованы DMAIC, анализ KPI, картографирование процессов. Работа представляет практическую ценность для менеджеров, стремящихся повысить надёжность бизнеса через операционное совершенство.

Ключевые слова: операционные риски, операционная устойчивость; экономическая безопасность предприятия, Lean Six Sigma, системный подход

В условиях современной экономической нестабильности промышленные предприятия сталкиваются с беспрецедентным давлением. Рост внутренних операционных рисков требует внедрения инструментов, способных сочетать высокую эффективность с надежной защитой активов. Традиционные методы управления часто фокусируются лишь на финансовой отчетности, упуская из виду операционные угрозы. В статье обосновывается, что методология Lean Six Sigma способна укреплять экономическую безопасность за счёт системного устранения потерь и ошибок. Рассмотрены теоретические основы, проанализирован реальный кейс и предложена дорожная карта масштабирования подхода.

Актуальность темы обусловлена необходимостью перехода от реактивного управления кризисами к проактивной защите бизнеса. Экономическая безопасность понимается не просто как отсутствие банкротства, а как состояние защищённости от внутренних и внешних угроз, способных подорвать финансовую устойчивость. Для промышленного сектора особенно острыми являются риски, связанные с ростом себестоимости, снижением качества продукции и неэффективным использованием активов. Внутренние угрозы, такие как хронические простои оборудования или высокий уровень брака, создают уязвимости, снижающие гибкость предприятия. Внешние угрозы усиливаются именно тогда, когда организация ослаблена изнутри. Поэтому современное понимание безопасности включает обеспечение

операционной надёжности. Ключевыми компонентами здесь выступают финансовая устойчивость, эффективность бизнес-процессов и качество управления рисками. Именно в этих областях Lean Six Sigma может сыграть решающую роль.

Цель статьи заключается в обосновании влияния Lean Six Sigma на устойчивость промышленного предприятия через системное устранение внутренних источников уязвимости. Объектом выступает промышленное предприятие, предметом – влияние методологии Lean Six Sigma на его экономическую безопасность. Были применены методы DMAIC, анализ ключевых показателей эффективности, картографирование процессов и статистический анализ. Новизна работы состоит в рассмотрении Lean Six Sigma не только как инструмента повышения эффективности, но и как механизма проактивной защиты от внутренних экономических угроз. Практическая значимость выражается в возможности адаптации предложенного подхода на других промышленных предприятиях, где внутренняя неэффективность становится скрытой угрозой выживанию. Структура статьи включает вводную информацию, теоретический обзор методологии, анализ практического кейса и рекомендации по внедрению.

Бережливое производство (Lean) зародилось в середине XX в. на заводах Toyota и изначально было направлено на устранение всего, что не создаёт ценности для клиента. Были выделены семь видов потерь – от перепроизводства до простоев, – и предложена система, позволяющая их систематически выявлять и устранять. В отличие от традиционных подходов, где эффективность оценивалась по загрузке оборудования или объёму выпуска, Lean сместил фокус на поток создания ценности и удовлетворённость потребителя [3, с. 210].

Методология Six Sigma, в свою очередь, появиласть в Motorola в 1980-х как ответ на растущие требования к качеству. Она опиралась на статистический контроль процессов и стремилась снизить вариативность до уровня, при котором дефекты встречаются реже чем в 3,4 случаях на миллион

возможностей [5, с. 45]. Со временем Six Sigma превратился в строгую проектную дисциплину с чёткой структурой – DMAIC (Define, Measure, Analyze, Improve, Control) – и иерархией ролей: от Green Belt до Master Black Belt [1, с. 8].

Интеграция Lean и Six Sigma произошла естественным образом: первая методология ускоряла процессы и устраняла избыточность, вторая – обеспечивала стабильность и предсказуемость. Lean Six Sigma стал не просто набором инструментов, а философией управления, ориентированной на постоянное улучшение через данные, вовлечение сотрудников и клиентоориентированность. Эта синергия особенно ценна в промышленности, где даже небольшие колебания в качестве или задержки в поставках могут привести к значительным финансовым потерям.

Экономическая безопасность – это не просто отсутствие банкротства. Это состояние защищённости предприятия от внутренних и внешних угроз, способных подорвать его финансовую устойчивость, конкурентоспособность или репутацию [2, с. 92]. Для промышленного сектора особенно острыми являются риски, связанные с ростом себестоимости, снижением качества продукции, неэффективным использованием активов, а также внутренними злоупотреблениями.

Внутренние угрозы часто недооцениваются. Например, хронические простои оборудования, высокий уровень брака или избыточные запасы – всё это не только тратит деньги, но и создаёт уязвимости: снижает гибкость, увеличивает время реакции на изменения рынка, ослабляет позиции в переговорах с поставщиками и клиентами. Внешние угрозы – такие как санкции, колебания курсов или рост цен на сырьё – усиливаются именно тогда, когда предприятие уже ослаблено изнутри.

Поэтому современное понимание экономической безопасности включает не только защиту от мошенничества или шпионажа, но и обеспечение операционной надёжности. Ключевые компоненты здесь – финансовая устойчивость, эффективность бизнес-процессов, качество управления рисками

и способность к адаптации. Именно в этих областях Lean Six Sigma может сыграть решающую роль.

Операционная эффективность – это не абстрактный показатель, а реальный щит от экономических угроз. Когда процессы прозрачны, стабильны и лишены потерь, предприятие получает свободу манёвра: оно может быстрее реагировать на кризисы, перераспределять ресурсы, внедрять инновации без разрушения текущей деятельности [8, с. 27].

Снижение потерь напрямую влияет на финансовую устойчивость. Например, сокращение времени цикла производства позволяет быстрее получать выручку и снижает потребность в оборотном капитале. Уменьшение брака – не только экономия на материалах, но и защита от возвратов, судебных исков, потери клиентов. Оптимизация логистики снижает зависимость от внешних поставщиков и повышает предсказуемость затрат.

Кроме того, сам подход Lean Six Sigma формирует культуру ответственности и прозрачности. Когда каждый сотрудник обучен выявлять проблемы и участвовать в их решении, снижается вероятность скрытых злоупотреблений, ошибок и саботажа. Это позволяет укрепить внутренний контроль без чрезмерного бюрократического давления. В итоге, Lean Six Sigma становится не просто инструментом повышения эффективности, а механизмом проактивной защиты от внутренних экономических угроз.

Для анализа был выбран машиностроительный завод, выпускающий компоненты для энергетического оборудования. Предприятие работает на экспорт, имеет сложную цепочку поставок и высокие требования к качеству со стороны заказчиков. До внедрения Lean Six Sigma основными проблемами были: высокий уровень незавершённого производства, частые простои из-за несогласованности между цехами, а также рост затрат на переделку продукции.

Система экономической безопасности на предприятии традиционно фокусировалась на финансовой отчётности, контроле за закупками и защите коммерческой тайны. Однако операционные риски – такие как вариативность качества сварных швов или нестабильность сроков поставки – долгое время

не воспринимались как угрозы безопасности [12, с. 156]. Лишь после серии штрафов за срывы контрактов руководство обратило внимание на необходимость системного улучшения процессов.

Первый пилотный проект был запущен в цехе окончательной сборки. Целью стало сокращение времени цикла на 25 % за шесть месяцев. Команда Green Belt под руководством Black Belt применила DMAIC-подход. На этапе Define были чётко сформулированы требования клиентов и границы проекта. На Measure – собраны данные о текущих временах операций, простоев, передвижения деталей. Анализ (Analyze) выявил ключевую проблему: отсутствие стандартизированных рабочих мест и хаотичное планирование смен.

В качестве улучшений (Improve) были внедрены: визуальное управление, ячейковая организация рабочего пространства, система «тянущего» производства (Kanban) и ежедневные короткие совещания у линии. На этапе Control была настроена система мониторинга KPI и обучены сменные мастера [11, с. 312]

Аналогичные проекты были запущены в логистике (сокращение времени обработки заказов) и в отделе контроля качества (снижение вариативности замеров).

Через год после старта программы удалось сократить время цикла на 31 %, уровень незавершённого производства – на 42 %, а количество рекламаций – на 67 %. Финансовый эффект составил более 18 млн руб. в год за счёт снижения издержек и избежания штрафов.

Но ещё важнее – изменилась природа рисков. Ранее предприятие постоянно находилось в состоянии «пожаротушения»: срывы сроков, авральные переработки, конфликты между подразделениями [9]. После внедрения Lean Six Sigma появилась предсказуемость. Процессы стали прозрачными, а отклонения – видимыми в реальном времени. Это позволило перейти от реактивного управления к проактивному [7, с. 210].

Кроме того, укрепился внутренний контроль: стандартизация операций снизила возможности для неформальных решений и злоупотреблений. В итоге, предприятие не только стало эффективнее, но и значительно устойчивее к внутренним экономическим угрозам.

Текущий опыт показал, что применение Lean Six Sigma особенно эффективно в производственных и логистических подразделениях. Однако потенциал подхода не ограничен ими. Перспективным направлением является распространение его на функции, напрямую влияющие на экономическую безопасность: финансы, закупки, ИТ-поддержку и управление персоналом [4, с. 118].

Например, в закупках можно применить Lean Six Sigma для снижения рисков зависимости от одного поставщика или выявления необоснованного роста цен. В финансах – для автоматизации и стандартизации расчётов, что снизит вероятность ошибок и манипуляций. В ИТ – для повышения надёжности систем учёта и защиты данных.

Особое внимание следует уделить интеграции Lean Six Sigma в систему корпоративного риск-менеджмента. Сейчас управление рисками часто ведётся отдельно от операционного менеджмента. Создание единой платформы, где риски идентифицируются через карты потока создания ценности, позволит выявлять уязвимости на ранней стадии.

Предлагается трёхлетняя дорожная карта, разделённая на три этапа. Первый год – закрепление успехов в производстве и запуск пилотных проектов в смежных функциях. Второй год – масштабирование лучших практик, создание внутреннего центра компетенций, обучение новых Green Belt. Третий год – полная интеграция методологии в корпоративную культуру и системы управления.

Ключевыми ресурсами станут: поддержка топ-менеджмента, выделение бюджета на обучение, внедрение цифровых инструментов (например, программ для Value Stream Mapping и статистического анализа), а также изменение

системы мотивации – включение KPI по улучшению процессов в оценку руководителей.

В стратегическом горизонте (3–5 лет) ожидается снижение операционных издержек на 15–20 %, сокращение числа внутренних инцидентов (ошибок, простоев, нарушений) на 50 % и повышение скорости реакции на внешние вызовы. Это позволит предприятию не только сохранить, но и укрепить свои позиции на рынке [8, с. 31].

Более того, культура непрерывного улучшения станет барьером для неэффективных практик и внутренних угроз. Сотрудники, обученные видеть и устранять потери, будут естественно сопротивляться действиям, которые ведут к расточительству или нестабильности. Вследствие этого экономическая безопасность перестанет быть набором защитных мер и превратится в свойство всей системы.

В ходе работы было показано, что Lean Six Sigma – это гораздо больше, чем набор инструментов для повышения эффективности. Методология обладает значительным потенциалом как средство укрепления экономической безопасности промышленного предприятия [10, с. 5]. Её сила заключается в способности не просто оптимизировать отдельные операции, а системно устранять внутренние источники уязвимости: потери, вариативность, несогласованность и непрозрачность процессов.

Было рассмотрено, как теоретические основы Lean и Six Sigma пересекаются с ключевыми принципами обеспечения экономической безопасности – предсказуемостью, контролируемостью и устойчивостью [6, с. 145]. Проанализирован реальный кейс, в котором внедрение методологии позволило не только сократить издержки и повысить качество, но и кардинально изменить характер рисков: с хаотичных и реактивных – на управляемые и проактивные. Это подтверждает, что операционное совершенство напрямую усиливает защиту от внутренних экономических угроз.

На основе полученных данных разработаны проектные предложения, направленные на масштабирование подхода за пределы производственных цехов – в сферы логистики, закупок, финансов и управления персоналом. Предложена дорожная карта, которая позволяет поэтапно интегрировать культуру непрерывного улучшения в саму ткань корпоративного управления. Вследствие этого создаются условия, при которых экономическая безопасность перестаёт быть функцией отдельной службы и становится свойством всей организации.

Практическая ценность проделанной работы состоит в том, что предложенный подход может быть адаптирован на других промышленных предприятиях, особенно тех, где внутренняя неэффективность становится скрытой угрозой выживанию. Lean Six Sigma, будучи правильно внедрённым, не только делает бизнес быстрее и дешевле – он делает его надёжнее. А в условиях нестабильности именно надёжность становится главным конкурентным преимуществом.

Библиографический список

1. *ГОСТ Р ИСО 13053-1-2015*. Количественные методы улучшения процессов. Шесть сигм. Часть 1. Методология DMAIC. М., 2016.
2. *Анисимов В.М., Трухов А.П.* Инструменты Lean Six Sigma в системе управления производственными процессами // Экономика промышленности. 2024. Т. 17, № 1. С. 89–104.
3. *Вумек Дж.П., Джонс Д.Т.* Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М., 2021.
4. *Окрепилов В.В.* Менеджмент качества и экономика качества: учебник для вузов. СПб., 2020.
5. *Панде П.С., Ньюман Р.П., Кавано Р.Р*. Стратегия Six Sigma: как GE, Motorola и другие ведущие компании совершенствуют мастерство. М, 2020.
6. *Репин В.В*. Процессный подход к управлению: моделирование и описание бизнес-процессов. М., 2021.

7. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, человек и общество. М., 2022.
8. *Соловых К.М.* Lean Six Sigma: практическое руководство по внедрению методологии на промышленных предприятиях // Менеджмент качества. 2023. № 4. С. 24–35.
9. Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда. Методические рекомендации по внедрению бережливых технологий на промышленных предприятиях. URL: https://производительность.рф (дата обращения: 15.02.2026).
10. *ISO 9001:2015.* Quality management systems – Requirements. Geneva, 2015.
11. *Pyzdek T., Keller P.A.* The Six Sigma Handbook. New York, 2018.
12. *Lean Enterprise Institute*. Lean Lexicon: A Graphical Glossary for Lean Thinkers. Cambridge, 2020.

Е.В. Каранина

доктор экономических наук, профессор

профессор кафедры финансов и экономической безопасности

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: karanina@vyatsu.ru

М.В. Сметанин

магистрант

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: stud229151@vyatsu.ru

УДК 336.64

Управление дебиторской задолженностью как элемент экономической безопасности предприятия: теоретический и методический аспекты

Е.В. Каранина, О.С. Игнатьева

Аннотация. В статье исследуется роль дебиторской задолженности в системе экономической безопасности предприятия. Раскрыта экономическая и правовая сущность дебиторской задолженности как объекта управления, показана её двойственная природа: с одной стороны, как инструмента конкурентной борьбы и стимулирования сбыта, с другой – как источника финансовых рисков и иммобилизации оборотных средств. Систематизированы основные классификационные признаки дебиторской задолженности, что позволяет более дифференцированно подходить к её оценке. Особое внимание уделено организационным основам и методике анализа рисков, связанных с дебиторской задолженностью. Представлен комплекс ключевых показателей для оценки её оборачиваемости, качества и влияния на финансовое состояние организации. Теоретические положения проиллюстрированы обобщённой методикой анализа, включающей этапы от сбора информации до принятия управленческих решений. Статья носит обзорно-методический характер и служит теоретической основой для последующей практической диагностики рисков и разработки мероприятий по их минимизации в конкретных хозяйствующих субъектах.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, экономическая безопасность, финансовые риски, управление оборотным капиталом, кредитная политика, оборачиваемость, платежеспособность.

В современной рыночной экономике, характеризующейся высокой степенью конкуренции и динамичностью хозяйственных связей, дебиторская задолженность (ДЗ) превратилась из второстепенного элемента учёта в стратегически важный актив, требующий профессионального управления. Её формирование объективно обусловлено практикой коммерческого

кредитования, выступающей действенным инструментом привлечения и удержания клиентов [7, с. 65]. Однако неконтролируемый рост ДЗ и ухудшение её качества создают прямые угрозы экономической безопасности предприятия: дефицит ликвидности, рост доли сомнительных долгов, снижение оборачиваемости капитала и, как следствие, утрата финансовой устойчивости.

Актуальность исследования обусловлена противоречивой природой дебиторской задолженности. С одной стороны, её наличие – необходимое условие расширения продаж, с другой – источник системного финансового риска. Цель статьи заключается в систематизации теоретических подходов к пониманию сущности ДЗ, а также в представлении организационных и методических основ её анализа для целей обеспечения экономической безопасности предприятия.

1. Экономико-правовая природа и классификация дебиторской задолженности

Дебиторская задолженность представляет собой комплексный экономико-правовой феномен. С позиции гражданского права, в соответствии со ст. 128 ГК РФ, она является имущественным правом, входящим в состав имущества организации [1]. Это право требования к контрагентам (дебиторам) возникает из договорных обязательств (поставки, оказания услуг) и иных юридических фактов.

Одно из распространенных определений рассматривает дебиторскую задолженность как обязательства юридических и физических лиц перед организацией, возникающие в процессе ее хозяйственной деятельности. Это определение базируется на принципах бухгалтерского учета, в частности на балансовом уравнении, которое отражает двойную запись операций: каждая хозяйственная операция фиксируется в равной сумме по дебету и кредиту соответствующих счетов, при этом организация выступает одновременно и как кредитор, и как дебитор [8, с. 62]. С точки зрения бухгалтерского учета, дебиторская задолженность часто трактуется как имущественное право, относящееся к объектам гражданских прав [6, с. 145], а управление

дебиторской задолженностью оказывает существенное влияние на риски финансовой устойчивости, платежеспособности и структуры капитала хозяйствующего субъекта [5, с. 226].

В экономическом аспекте ДЗ – это форма временного отвлечения оборотных средств предприятия в расчёты с покупателями и заказчиками [9, с. 143]. По сути, предоставление отсрочки платежа является инвестированием в текущую деятельность контрагента, что сопряжено с рисками невозврата.

Авторами выделяются следующие ключевые функции ДЗ в деятельности предприятия:

1. Маркетинговая: инструмент повышения конкурентоспособности и стимулирования спроса за счёт предоставления коммерческого кредита.
2. Финансовая (инвестиционная): форма вложения средств в расчёты, требующая оценки эффективности (сопоставления выгод от роста объёма продаж с издержками на финансирование задолженности и рисками потерь).

Для эффективного управления необходима детальная классификация ДЗ. В практике финансового анализа её принято структурировать по следующим признакам [8, с. 116; 10, с. 85]:

- По срокам возникновения: краткосрочная (погашение в течение 12 месяцев) и долгосрочная.
- По ликвидности: высоколиквидная, среднеликвидная, неликвидная (безнадёжная).
- По качеству и обеспеченности: обеспеченная гарантиями, сомнительная, безнадёжная.
- По виду контрагентов: задолженность покупателей и заказчиков, по выданным авансам, по расчётам с бюджетом, с подотчётными лицами, прочая.
- По степени планирования и контролируемости: нормативная (в рамках установленных лимитов и сроков) и просроченная.

Такая классификация позволяет перейти от оценки общего объёма ДЗ к дифференцированному управлению её отдельными компонентами, что является основой для минимизации рисков.

2. Организационные основы и методика анализа рисков дебиторской задолженности

Управление ДЗ должно быть встроено в общую систему корпоративного управления и обеспечено соответствующими организационными структурами (финансовая служба, отдел кредитного контроля), регламентами (кредитная политика, процедуры инкассации) и информационными системами. Особую важность имеет обучение персонала, ответственного за работу с дебиторами, в области финансового анализа и риск-менеджмента.

Методика анализа ДЗ носит комплексный характер и направлена на выявление рисков, связанных с её объёмом, структурой и оборачиваемостью. В обобщённом виде её можно представить в виде последовательных этапов (см. *таблицу 1*, источник в тексте), начиная от определения объекта и формирования информационной базы (бухгалтерская отчётность, данные аналитического учёта) и заканчивая разработкой управленческих решений [4, с. 121].

Таблица 1

Сложности и способы контроля дебиторской задолженности (фрагмент)

Сложность	Способ контроля
Отсутствие непрерывной работы с ДЗ	Систематизация данных о сумме, сроках возникновения задолженности
Отсутствие информации о сроках погашения	Сбор данных о кредитной истории контрагентов
Низкая прослеживаемость эффективности продаж в кредит	Использование автоматизированных систем учёта и контроля

Центральное место в анализе занимает расчёт системы коэффициентов, позволяющих дать количественную оценку состояния ДЗ:

1. Коэффициент оборачиваемости ДЗ (Кодз): Кодз = Выручка / Средняя величина ДЗ. Показывает, сколько раз за период задолженность преобразуется в денежные средства.
2. Период погашения ДЗ (Ппдз): Ппдз = 360 / Кодз. Отражает среднее количество дней, в течение которого средства находятся в расчётах с дебиторами.
3. Удельный вес ДЗ в оборотных активах (УВдз): УВдз = (ДЗ / Оборотные активы) * 100 %. Характеризует, какая часть мобильных ресурсов отвлечена из оборота.
4. Удельный вес сомнительной задолженности (УВсдз): УВсдз = (Сомнительная ДЗ / Общая ДЗ) * 100 %. Прямой индикатор качества портфеля дебиторской задолженности.

Увеличение Ппдз и УВдз, а также рост УВсдз сигнализируют о нарастании рисков: замедлении оборачиваемости капитала, угрозе ликвидности и потенциальных финансовых потерях. Анализ должен проводиться в динамике и в увязке с кредиторской задолженностью, так как их соотношение определяет чистый финансовый цикл и потребность в финансировании.

Таким образом, дебиторская задолженность является важнейшим объектом управления в системе обеспечения экономической безопасности предприятия. Её двойственная природа – как источника роста и как носителя риска – требует от менеджмента взвешенного, системного подхода.

Теоретический анализ позволяет утверждать, что основой такого подхода должно стать:

1. Чёткое понимание экономико-правовой сущности и функций ДЗ.
2. Применение детальной классификации для сегментации задолженности.
3. Создание организационных условий для постоянного мониторинга и контроля.
4. Регулярное применение комплексной методики анализа, основанной на расчёте и интерпретации ключевых коэффициентов оборачиваемости и качества.

Представленные в статье теоретические и методические положения формируют базис для последующей прикладной работы – диагностики конкретных рисков на уровне отдельного предприятия, разработки адаптированной кредитной политики и внедрения технологий оперативного управления, направленных на оптимизацию величины и структуры дебиторской задолженности, а следовательно, на укрепление финансовой устойчивости и экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
3. *Артеменко В.Г.* Анализ финансовой отчетности. М., 2010.
4. *Бланк И.А.* Стратегия и тактика управления финансами. Киев, 2012.
5. *Каранина, Е.* Комплексный подход к оценке стратегической позиции промышленного предприятия по уровню рисков как значимый инструмент стандартизации риск-менеджмента в России // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2013. № 1. С. 224–229.
6. *Каранина Е.В.* Финансы: учебник для вузов. Киров, 2015.
7. *Каранина Е. В.* Риск-система предпринимательства: концептуальные основы формирования и факторной оценки // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 1(25). С. 64–72.
8. *Ковалев А.И., Привалов В.П.* Анализ финансового состояния предприятия. М., 2004.
9. *Максименко М.Н.* Дебиторская задолженность: анализ, контроль, управление. СПб., 2020.
10. *Симоненко Л.И., Столярова М.А.* Анализ дебиторской и кредиторской задолженности // Экономический анализ: теория и практика. 2022.

Е.В. Каранина

доктор экономических наук, профессор
профессор кафедры финансов и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: karanina@vyatsu.ru
О.С. Игнатьева
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud207722@vyatsu.ru

УДК 004.056

Обеспечение информационной безопасности как фактор экономической устойчивости хозяйствующих субъектов

А.В. Котанджян, Л.Д. Неустроева, К.К. Шибанова

Аннотация. В статье рассматривается современная ситуация в области информационной безопасности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации. Основное внимание уделяется взаимосвязи информационной безопасности и экономической устойчивости, следовательно, определяется влияние информационной безопасности на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта. В статье анализируются нормативно-правовые акты, регламентирующие информационную безопасность, приводится статистика по некоторым показателям информационной безопасности, а также анализируются имеющиеся случаи влияния информационной безопасности на экономику субъекта. Кроме того, в статье приводятся возможные мероприятия по повышению информационной безопасности. Показано, что с течением времени увеличивается количество случаев нарушения информационной безопасности, и, учитывая взаимосвязь данной отрасли безопасности с экономической устойчивостью, наблюдается рост экономических потерь от реализации кибератак на субъекты. В качестве

возможных мероприятий предлагаются различные государственные и корпоративные решения. Перспективными направлениями развития данного вопроса являются усовершенствование мер повышения информационной безопасности с помощью искусственного интеллекта и методов прогнозирования.

Ключевые слова: информационная безопасность, экономическая устойчивость, киберпреступления, хозяйствующий субъект, меры защиты, мероприятия

В современных условиях все большую актуальность приобретает обеспечение информационной безопасности хозяйствующих субъектов РФ, которое является одной из целей Стратегии обеспечения национальной безопасности РФ до 2030 г. [2]. Тенденция к цифровой трансформации, которая проявляется в различных сферах общественной жизни, включая экономику, набирает значительные обороты. В этих условиях вопросы обеспечения информационной безопасности, а также ее взаимосвязь с другими сферами хозяйственной жизни, становятся особенно актуальными.

Особую значимость приобретает изучение теоретических основ и практического опыта осуществления информационной безопасности, на основании которых возможно успешное построение комплекса мероприятий в этой области, способных повлиять и на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта.

Предметом исследования являются взаимосвязь информационной безопасности и экономической устойчивости субъекта, а также формирования комплекса мероприятий в области обеспечения информационной безопасности.

Задача исследования заключается в выявлении зависимости экономической устойчивости от информационной безопасности хозяйствующего субъекта.

Информационная безопасность представляет собой одну из составляющих системы экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Основным

документом, регламентирующим положения по обеспечению информационной безопасности, считается Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента от 5.12.2016 № 646 [1].

Согласно доктрине, информационная безопасность (далее ИБ) – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [1].

Обеспечение информационной составляющей экономической безопасности осуществляется соответствующими службами, которые в совокупности создают систему информационной безопасности хозяйствующего субъекта.

Службы обеспечения информационной безопасности в основном направлены на выявление и ликвидацию угроз ИБ. Согласно доктрине, угроза информационной безопасности РФ – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере [1].

В современных условиях подсистема информационной безопасности в контексте экономической безопасности оказывает значительное влияние на экономическую эффективность хозяйственной деятельности, и, следовательно, данному виду безопасности должно уделяться больше внимания.

Для осуществления информационной безопасности необходимо регламентировать основные положения информационной безопасности, предмет и объект защиты, способы защиты и ответственность за нарушение установленных правил [9, с. 317]. В Российской Федерации действует следующая нормативно-правовая база по вопросам информационной безопасности:

– Указ Президента РФ от 05.12.2016г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»;
– ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и защите информации»;
– ФЗ № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных»;
– ФЗ № 98-ФЗ от 29.07.2004 «О коммерческой тайне».

Приведенные нормативные акты обеспечивают регулирование основных вопросов в области информационной среды. Кроме того, законодатель предусмотрел ответственность за нарушения в области информационной безопасности, которая рассматривается в рамках уголовного, административного, гражданского и трудового кодекса. Так, например, в рамках УК РФ предусмотрена глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая регламентирует составы преступления и степень ответственности за них.

Таким образом, информационная безопасность представляет собой часть обеспечения экономической безопасности субъекта. В рамках осуществления безопасности ИТ-систем субъекта специализированные службы проводят работу в отношении определенных угроз, ликвидации и минимизации их последствий.

В научной литературе понятие «экономическая устойчивость» трактуется по-разному, в зависимости от автора и аспекта его внимания к данному термину.

С. А. Жиронкин, Е. А. Таран, О. Г. Алешина определяют устойчивость экономики как способность экономики определенного субъекта успешно восстанавливаться после шокового воздействия [8, с. 229].

Акбердина В.В. определяет экономическую устойчивость (резильентность) как способность экономики полностью восстанавливаться после воздействия шоков различной природы за счёт внутренних адаптивных свойств [5, с.10].

Исходя из этого, можно обобщить определения и сделать вывод о том, что под экономической устойчивостью понимается такое состояние экономики

субъекта, при котором будет обеспечиваться функционирование и развитие экономики в неопределенных условиях, а также достижение целевых показателей.

Устойчивость экономической системы подвергается оценке аналитиками и экономистами, чтобы была возможность осуществлять планирование и прогнозирование мероприятий по сглаживанию возможных последствий.

Угрозы информационной безопасности являются шоковыми состояниями для экономики субъекта. В связи с тем, что киберпреступления и различного рода кибератаки на предприятие в большинстве случаев носят непредсказуемый и неожиданный характер, при их реализации на экономический субъект возникают непредвиденные траты, приостановление деятельности и так далее [10, с. 84]. Это оказывает прямое влияние на экономику предприятия, а также характеризует взаимосвязь информационной безопасности и экономической устойчивости компании.

Таким образом, информационная безопасность оказывает значительное влияние на экономическую систему хозяйствующего субъекта, следовательно, информационная безопасность способствует обеспечению экономической безопасности.

Рассмотренные теоретические основы обеспечения информационной безопасности требуют понимания основных угроз, областей и способов, которые используются при подрыве информационной безопасности.

Обратимся к статистике в части информационной безопасности за период 2023–2025 гг. Данные о кибератаках на российские компании за период 2023–2025 гг. приведены в *таблице 1*.

Таблица 1

Количество кибератак на российские компании и их влияние на экономику

Показатель	2023	2024	2025	Изменение, %
Количество кибератак, тыс. шт.	32	31,5	33	103,12
Потери экономики, млрд руб.	156,5	200	210	134,19

Источник: ГК «СОЛАР»: Кибератаки на кредитно-финансовую отрасль в 2025 г. URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/6391/ (дата обращения: 21.03.2026).

Примечание: составлено авторами

За рассматриваемый период наблюдается увеличение количества кибератак на экономические субъекты на 3 %. Это характеризует развитие данной отрасли преступлений. Это подтверждается увеличением показателя экономических потерь на 34 % за период с 2023 по 2025 гг. Динамика характеризует тенденцию к росту преступлений и еще большему росту экономического ущерба.

Рассмотрим аналитику информационной безопасности в *таблице 2* в разрезе способов совершения кибератак на субъекты.

Таблица 2

Способы совершения кибератак на российские компании

Способ	2023, %	2024, %	2025, %	Изменения, п.п.
Заражение вредоносным программным обеспечением	40	29	41	1
Эксплуатация уязвимостей	12	8	8	-4
Сетевые атаки	7	10	4	-3
Веб атаки	2	8	2	0
Использование нелегитимного ПО	5	7	2	-3
Прочие	33	38	43	10

Источник: ГК «СОЛАР»: Кибератаки на российские компании в 2025 г. URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/6432/ (дата обращения: 21.03.2026).

Примечание: составлено авторами на основе источника

Согласно статистике, наибольшая доля среди способов кибератак приходится на использование зараженного программного обеспечения. В большинстве случаев это ситуации, когда антивирусное ПО выявило в инфраструктуре зараженный объект, который невозможно удалить.

Рассмотрим статистику инцидентов информационной безопасности в разрезе отраслей, которые подвергаются кибератакам в большей и меньшей степени за 2025 г. *(рисунок 1)*.

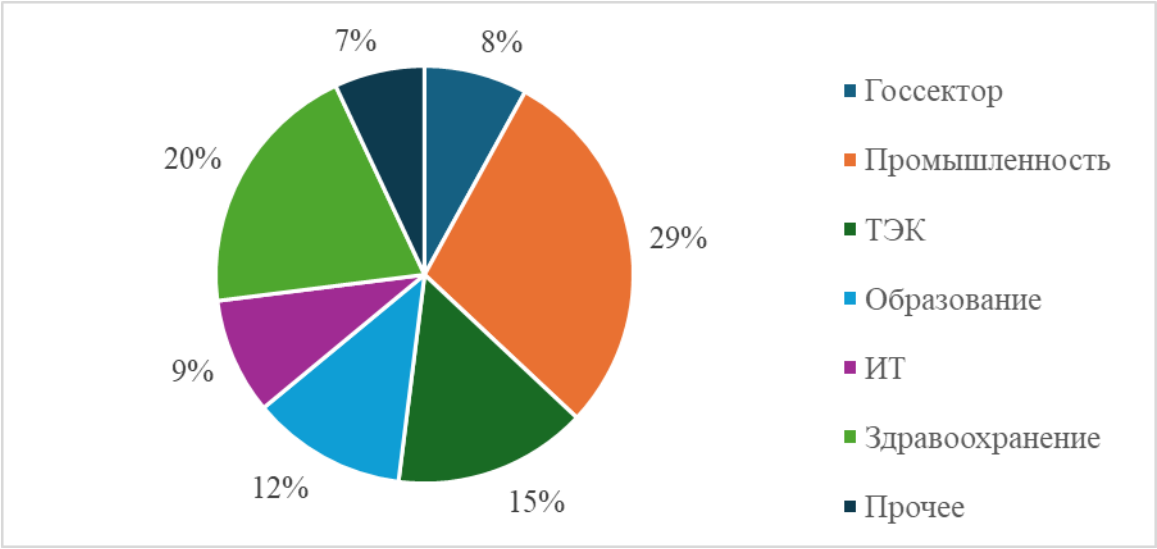

Рисунок 1. Распределение инцидентов информационной безопасности по отраслям, 2025 г. [7]

Примечание: составлено авторами

Лидирующие по количеству атак отрасли в 2025 г. – промышленность, здравоохранение и топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что информационная безопасность оказывает значительное влияние на стабильное функционирование различных отраслей экономики РФ. Ущерб, причиненный компаниям данных отраслей способен сильно повлиять на успешную деятельность организаций, а также оказать влияние на информационную безопасность и экономическую устойчивость всего государства [10, с. 84].

Согласно рассмотренным данным количество кибератак увеличивается, способы становятся более продуманными, технически сложными и проработанными. Рассмотренная статистика позволяет сделать вывод о том, что наблюдается рост количества кибератак, а также увеличение экономического ущерба от их реализации.

Перед каждым экономическим субъектом возникает задача – осуществление информационной безопасности для стабильного функционирования, предотвращения рисков и угроз и минимизации экономических потерь [6, с. 21]. Для этого необходимо разработать ряд мероприятий в области обеспечения информационной безопасности.

На государственном уровне реализовывалась национальная программа «Цифровая экономика», главная задача которой – введение цифровых технологий в экономику и социальную сферу. Одним из ключевых направлений национального проекта было выделено обеспечение информационной безопасности цифрового пространства, защита от киберугроз. Проект был завершен в 2024 г., с 2025 г. началось осуществление национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [4].

В качестве мероприятий по обеспечению информационной безопасности организации выступает аудит информационной безопасности, то есть оценка системы защиты информационного пространства хозяйствующего субъекта с целью выявления и оценки рисков, обеспечения соответствия установленным правилам и стандартам. В качестве нормативно-правового акта, регламентирующего основы информационной безопасности, выступает государственный стандарт ISO/IEC 27001:2013 «Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности» [3]. Стандарт подготовлен на основе ранее существующего международного стандарта по осуществлению информационной безопасности экономического субъекта. Стандарт позволяет регламентировать и унифицировать основные положения по обеспечению информационной безопасности для упрощения реализации мероприятий в этой сфере и проверки качества осуществляемых мероприятий.

На базовом уровне необходимо обеспечить систематическую проверку безопасности информационного пространства, то есть проверять стандартные правила использования и защиты конфиденциальных данных (частота смены пароля, использование двухфакторной аутентификации, факты предоставления доступа посторонним лицам и т.д.). Постоянная проверка позволит минимизировать риски и угрозы возникновения серьезных информационных преступлений и позволит повысить уровень информационной безопасности хозяйствующего субъекта через повышение киберграмотности сотрудников и причастных к обеспечению информационной безопасности людей [10, с. 83].

Исследование, проведенное в рамках статьи, показало, что существует явная взаимосвязь информационной безопасности и экономической устойчивости, согласно статистике с портала СОЛАР. Проблемы информационной безопасности хозяйствующего субъекта способны наносить серьёзный экономический ущерб финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта.

Активная политика в области разработки, внедрения и реализации мероприятий по обеспечению информационной безопасности хозяйствующего субъекта является стратегически важной задачей для поддержания стабильного функционирования, развития и повышения конкурентоспособности и экономической устойчивости субъекта.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefcb2787580144c4bd05be466415f9/ (дата обращения: 25.03.2026)
2. Стратегия обеспечения национальной безопасности РФ до 2030 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 21.03.2026)
3. Государственный стандарт «Методы и средства обеспечения безопасности. Система менеджмента информационной безопасности» ((ISO/IEC 27001:2013, ЮТ) // КонсультантПлюс. URL: https://www.altirixgroup.com/wp-content/uploads/2022/07/gost-r-iso-mek-27001-2021-sistemy-menedzhmenta-informaczionnoj-bezopasnosti.-trebovaniya.pdf (дата обращения: 21.03.2026)
4. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Национальные проекты РФ. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/ (дата обращения: 09.03.2026)

5. *Акбердина В.В.* Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19-20 апреля 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 8–15.
6. *Альджадуои А.Д.х., Млечко А.В.* Обеспечение информационной безопасности России // Наука и бизнес: пути развития. 2022. № 10. С. 20–24.
7. Кибератаки на российские компании в 2025 г. // ГК «СОЛАР». URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/6432/ (дата обращения: 21.03.2026).
8. *Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О. Г.* Устойчивость экономики к шокам на макро- и мезоуровнях: типология и условия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 61. С. 225–249.
9. *Казакова Е.Б., Нарматова С.Э.* Правовые аспекты информационной безопасности в свете новых вызовов и угроз национальной безопасности современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 316–319.
10. *Листопад М.Е., Нагуманов А.З.* Инструменты обеспечения информационной безопасности в экономике России // Экономика: теория и практика. 2020. № 2(58). С. 81–86.

А.В. Котанджян

кандидат экономических наук, доцент

доцент кафедры финансов и экономической безопасности

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: asyaviva@yandex.ru

Л.Д. Неустроева

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: tsen_vobul@mail.ru

К.К. Шибанова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: ksushashib@mail.ru

УДК 65.015

Сравнительный анализ профстандартов риск-менеджера 2018 и 2025 годов

О.А. Малиновская, М.Ю. Виссарова

Аннотация. В условиях стремительной трансформации российской экономики и усиления глобальной неопределённости роль профессионального управления рисками становится ключевой для обеспечения устойчивости бизнеса и государственных структур. Статья посвящена анализу нового профессионального стандарта «Специалист по управлению рисками», после появления которого предыдущий стандарт 2018 г. утратил свою силу. Актуальность вопросов, касающихся совершенствования профессиональных стандартов в области управления рисками обусловлена сложными экономическими условиями и ростом числа рисков, в которых вынуждены работать отечественные предприятия и банковская система. Цель работы – выявить отличия от предыдущей версии стандарта, провести сравнительный анализ на основе функциональной карты видов профессиональной деятельности. Результаты, полученные по итогам работы, будут полезны специалистам по управлению рисками, кадровым специалистам, а также другим пользователям для расширения знаний.

Ключевые слова: риск-менеджмент, специалист по управлению рисками, профессиональный стандарт, трудовые действия, трудовые функции, бизнес-процессы.

Одной из важнейших проблем, которые приходится решать в настоящее время руководителям организаций и банков, является нехватка

квалифицированных специалистов в области управления рисками. Страна нуждается в специалистах, способных не только предвидеть, анализировать и предотвращать риски, но и самостоятельно строить эффективную систему управления рисками, предлагать инновационные решения в данной области.

Обеспечить качество и эффективность профессиональной деятельности специалистов, в том числе в области риск-менеджмента, призваны профессиональные стандарты. В профессиональных стандартах описаны не только основные функции и задачи профессий, но и перечень необходимых навыков, знаний и качеств, предоставляют основу для развития профессиональных компетенций высококвалифицированного специалиста.

Понятие «профессиональный стандарт» определено в ст. 195.1 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Согласно указанной статьи «профессиональный стандарт – это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции».

Первый профессиональный стандарт для специалистов по управлению рисками был принят в нашей стране в 2015 г., впоследствии был доработан и принят в 2018 г. следующий стандарт для этой профессии. А 18 апреля 2025 г. утвержден новый профессиональный стандарт для специалистов по управлению рисками [3], который введен взамен стандарта 2018 г. и действует с 1 сентября 2025 г. до 1 сентября 2031 г. Структура профессионального стандарта остается неизменной, представлена на *рисунке 1* [3].

-I раздел. Общие сведения. Указывается наименование и краткое описание разновидности профессиональной деятельности.

-II раздел. В данной части стандарта РФ описываются трудовые функции, которые входят в профессиональный стандарт. Также в данном разделе составляется функциональная карта того вида профессиональной деятельности, по которому разрабатывается стандарт. В виде таблицы приводится перечень обобщенных трудовых функций. В состав каждой функции входит несколько трудовых, каждая из которых имеет свой номер уровня квалификации.

-III раздел. В данном разделе приводится характеристика обобщенных функций трудовой деятельности. Для каждой обобщенной функции в данном разделе профессионального стандарта приводится список наименований должностей, требования к опыту работы и образованию, а также другая информация. Кроме этого, делается структурированное описание каждой трудовой функции, которая входит в состав обобщенной. Дается информация о трудовых действиях, необходимых знаниях и навыках, а также другие характеристики.

-IV раздел. Информация о разработчиках профессионального стандарта.

Рисунок 1. Структура профессионального стандарта [3]

Так же, как и в стандарте 2018 г., профессиональный стандарт 2025 г. имеет внутреннее кодирование обобщенных трудовых функций и трудовых функций – X/XX.X (*рисунок 2*) [4].

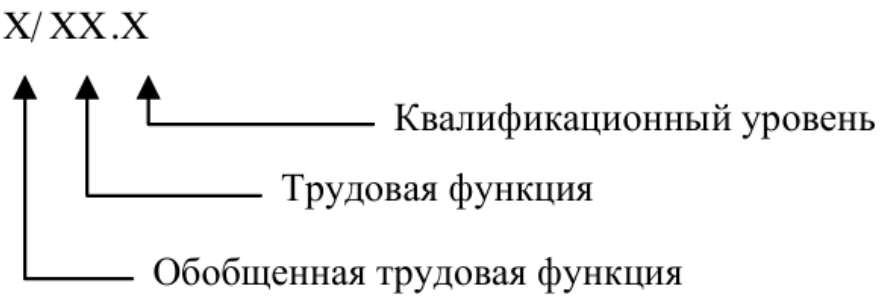

Рисунок 2. Система кодирования трудовых функций, принятая в профессиональном стандарте [4]

Основные изменения (на основе анализа функциональной карты вида профессиональной деятельности), которые введены новым профессиональным стандартом для специалистов по управлению рисками, представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Основные изменения в профессиональный стандарт

«Специалист по управлению рисками»

Приказ Минтруда РФ от от 30 августа 2018 г. № 564н	Приказ Минтруда России от 18 апреля 2025 г. № 264н	Суть внесенных изменений
I Раздел. Общие сведения		
Основная цель вида проф. деятельности	Краткое описание вида проф. деятельности	От постановки цели вида профессиональной деятельности осуществлен переход к краткому описанию
Формирование стратегической интегрированной системы управления рисками, поддержание уровня рисков, обеспечивающего непрерывную экономически безопасную деятельность и устойчивое развитие организации, социально-экономических систем и процессов на различных уровнях управления	Создание и защита ценностей организации за счет реализации риск-ориентированного подхода к управлению организацией путем встраивания инструментов риск-менеджмента в бизнес-процессы организации и принятие управленческих решений	Конкретизировано, чем занимаются специалисты в данной области
Группа занятий: - Управляющие финансово-экономической и административной деятельностью, не входящие в другие группы - Аналитики систем управления и организации - Руководители служб и подразделений в сфере финансовой деятельности и страхования - Руководители в области определения политики и планирования деятельности - Руководители учреждений, организаций и предприятий	Группа занятий: - Управляющие финансово-экономической и административной деятельностью, не входящие в другие группы - Аналитики систем управления и организации -Руководители служб и подразделений в сфере финансовой деятельности и страхования -Административный и иной исполнительный среднетехнический персонал	Из группы лиц, к которым применяется профессиональный стандарт, исключены: -руководители в области определения политики и планирования деятельности, -руководители учреждений, организаций и предприятий. Введена группа: административный и иной исполнительный среднетехнический персонал
II.Раздел. Описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт (функциональная карта вида профессиональной деятельности)		
A. Анализ и оценка рисков A/01.5. Определение ситуации (контекста) и идентификация рисков в деятельности организации	A. Осуществление вспомогательных функций в управлении рисками A/01.4. Отдельные работы для целей формирования	Изменены трудовые функции раздела, выделены как вспомогательные, уровень квалификации снижен с 5 до 4

A/02.5. Сбор и обработка релевантной аналитической информации для анализа и оценки рисков A/03.5. Определение комплекса аналитических процедур и методов анализа и оценки рисков с позиции их идентификации по функциональным областям A/04.5. Анализ рисков, в том числе в зависимости от целей организации, вероятности и объема экономических потерь, вероятности стабилизации прибыли, роста стоимости активов, уровня экономической безопасности в разрезе отдельных видов риска на основе установленных методических принципов и подходов A/05.5. Оценка уровня (пороговых значений, условных зон) рисков в разрезе отдельных видов A/06.5. Оценка комплексного (интегрального) уровня рисков организации	основополагающих документов по управлению рисками организации (политика, принципы, цели, задачи, распределение ответственности) A/02.4. Отдельные работы для целей разработки методических материалов и осуществления оценки рисков, включая идентификацию и анализ влияния рисков на цели организации, в рамках принятия решений и функционирования ключевых бизнес-процессов	Введены возможные наименования должностей, профессий: -помощник специалиста службы управления рисками (риск-менеджмента) -младший специалист службы управления рисками (риск-менеджмента)
B. Разработка отдельных функциональных направлений управления рисками B/01.6. Выработка мероприятий по воздействию на риск в разрезе отдельных видов и их экономическая оценка B/02.6. Документирование процесса управления рисками и корректировка реестров рисков в рамках отдельных бизнес-процессов и функциональных направлений B/03.6. Оказание методической помощи и поддержка процесса	B. Оценка влияния рисков на цели, ключевые показатели эффективности и решения, принимаемые в организациях B/01.5. Формирование основополагающих документов по управлению рисками организации (политика, принципы, цели, задачи, распределение ответственности) B/02.5. Разработка методических материалов по оценке рисков, включая идентификацию и анализ влияния рисков на цели организации, в рамках принятия решений	Изменены трудовые функции раздела (от разработки направлений управления рисками осуществлен переход к оценке влияния рисков на организацию), уровень квалификации снижен с 6 до 5. Введены возможные наименования должностей, профессий: Специалист службы управления рисками (риск-менеджмента)

управления рисками для ответственных за риск сотрудников организации - владельцев риска B/04.6. Разработка методической и нормативной базы системы управления рисками и принципов управления рисками в рамках отдельных бизнес-процессов и функциональных направлений	и ключевых бизнес-процессов B/03.5. Сбор данных, исследование и проверка данных для последующей оценки рисков организации B/04.5. Оценка влияния рисков на цели организации в рамках принятия решений и функционирования ключевых бизнес-процессов, подготовка материалов по результатам оценки рисков и их влияния B/05.5. Подготовка материалов по оценке эффективности управления рисками в организации и отчетности по рискам	
C. Построение интегрированной системы управления рисками	C. Оценка влияния рисков на цели, ключевые показатели эффективности и решения, принимаемые в кредитных организациях	Введена обобщенная трудовая функция для кредитных организаций. Введены возможные наименования должностей, профессий: Специалист службы управления рисками (риск-менеджмента)
D. Методическое обеспечение, поддержание и координация процесса управления рисками	D. Внедрение элементов управления рисками, актуализация и обеспечение работы элементов управления рисками в бизнес-процессах, включая процесс принятия решений в организациях	Изменены трудовые функции раздела (кроме методологической функции добавились встраивание процесса управления рисками в бизнес-процессы организации, мониторинг, раскрытие информации, оценка эффективности), уровень квалификации снижен с 7 до 6. Введены возможные наименования должностей, профессий: -ведущий специалист службы управления рисками (риск-менеджмента) -главный специалист службы управления рисками (риск-менеджмента)

		-руководитель структурного подразделения службы управления рисками (риск-менеджмента)
E. Стратегическое регулирование, контроль и аудит процесса управления рисками	E. Внедрение элементов управления рисками, актуализация и обеспечение работы элементов управления рисками в бизнес-процессах, включая процесс принятия решений в кредитных организациях	Введена обобщенная трудовая функция для кредитных организаций. Введены возможные наименования должностей, профессий: -ведущий специалист службы управления рисками (риск-менеджмента) -главный специалист службы управления рисками (риск-менеджмента) -руководитель структурного подразделения службы управления рисками (риск-менеджмента)
F. Стратегическое управление рисками организации	F. Разработка и реализация риск-ориентированного подхода к управлению в организациях	Изменены трудовые функции раздела, уровень квалификации снижен с 8 до 7. Введены возможные наименования должностей, профессий: -вице-президент по рискам, -руководитель службы управления рисками, -директор по управлению рисками, -руководитель исследовательским центром (институтом) в сфере управления рисками
G. Отсутствует	G. Разработка и реализация риск-ориентированного подхода к управлению в кредитных организациях	Введен дополнительный раздел по кредитным организациям Введены возможные наименования должностей, профессий: -руководитель службы управления рисками

Примечание: составлено авторами

Из группы лиц, к которым применяется новый профессиональный стандарт «Специалист по управлению рисками», исключены руководители

в области определения политики и планирования деятельности, руководители учреждений, организаций и предприятий. Подразумевается, что данная деятельность ведется специально обученными квалифицированными специалистами в своей области.

Новым стандартом введены сотрудники, которые выполняют в сфере риск-менеджмента вспомогательные функции, в связи с чем введены такие наименования профессий как помощник специалиста службы управления рисками и младший специалист службы управления рисками. Им могут поручаться отдельные работы для целей формирования основополагающих документов по управлению рисками организации, для целей разработки методических материалов и осуществления оценки рисков, включая идентификацию и анализ влияния рисков на цели организации. Достаточным уровнем квалификации данных сотрудников признан 4 уровень, образование – средне-профессиональное.

Введены трудовые функции для специалиста службы управления рисками (оценка влияния рисков на цели, ключевые показатели эффективности и решения, принимаемые в организациях, обобщенные трудовые функции B), уровень квалификации 5, образование – среднее профессиональное (программы подготовки специалистов среднего звена и дополнительное профессиональное образование в области управления рисками) или высшее образование.

Для обобщенной трудовой функции D кроме методологической функции добавились новые: встраивание процесса управления рисками в бизнес-процессы организации, мониторинг, раскрытие информации, оценка эффективности. Эти функции возлагаются на специалистов с квалификацией не ниже 6 (ведущий, главный специалисты службы управления рисками и ее руководитель), имеющих высшее образование, опыт практической работы в сфере управления рисками, внутреннего контроля или внутреннего аудита, а также национальную или международную сертификацию в области риск-менеджмента.

Разработка и реализация риск-ориентированного подхода к управлению в организациях возлагается на руководителей в сфере риск-менеджмента (обобщенная трудовая функция F), имеющих уровень квалификации не ниже 7.

Одно из принципиальных отличий «нового» профессионального стандарта 2025 г. от «старого»2018 г. – появление обобщенных трудовых функций, на основе которых формируются квалификации, для кредитных организаций (обобщенные трудовые функции C, E, G).

Новый профессиональный стандарт для специалистов по управлению рисками является более проработанным и адаптированным для российских компаний и банков, он будет служить надежным ориентиром по формированию необходимых знаний, умений и компетенций в профессиональном развитии специалистов по управлению рисками.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026). URL:: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=mnhe4itf2z836449830)дата обращения: 02.04.2026).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2018 № 564н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по управлению рисками”». (Зарегистрирован 17.09.2018 № 52177).
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.04.2025 № 264н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по управлению рисками”». (Зарегистрирован 28.05.2025 № 82370).
4. *Алексеев А.О.* Анализ профессионального стандарта «Специалист по управлению рисками» // Master's Journal. 2018. № 1. С. 128–138.

О.А. Малиновская

кандидат экономических наук

доцент кафедры финансов и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: olesya_pihota@mail.ru
М.Ю. Виссарова
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: stud143359@vyatsu.ru

УДК 336

Значение импортозамещения для экономики России в современных условиях

О.А. Малиновская, Е.С. Юферев

Аннотация. В условиях беспрецедентного внешнего давления и масштабных санкционных ограничений импортозамещение трансформировалось из элемента экономической политики в ключевой фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России. Разрыв сложившихся за десятилетия глобальных цепочек поставок, ограничение доступа к зарубежным технологиям и финансовым ресурсам создали прямую угрозу функционированию критически важных отраслей промышленности, АПК и IT-сектора. В этой связи стратегическая задача формирования суверенной экономики, способной производить конкурентоспособную продукцию на внутреннем рынке, приобрела исключительную остроту. В статье рассматривается значимость политики импортозамещения для экономики России в условиях внешнеэкономических ограничений, технологических вызовов и трансформации глобальных цепочек поставок. На основе анализа динамики импорта за 2010–2024 гг. выделены ключевые этапы изменений, обусловленные санкционным давлением, пандемией и перестройкой логистических маршрутов. Приведены различные научные

подходы к определению импортозамещения и раскрыты основные направления его реализации в современной России. Особое внимание уделено действующим мерам государственной поддержки, а также стратегическим документам, направленным на укрепление технологического суверенитета и повышение конкурентоспособности отечественного производства.

Ключевые слова: импортозамещение; технологический суверенитет; санкции; экономическая безопасность; государственная поддержка; инновации.

С начала 2014 г. политика импортозамещения постепенно заняла стратегическое место в системе экономического развития России, однако особую важность она приобрела в 2020 г., вместе с приходом COVID-19. За карантинными мерами последовали масштабные санкционные ограничения, которые радикально изменили условия международного сотрудничества и привели к логистическому кризису. В связи с этими изменениями перед государством встал вопрос обеспечения о повышении конкурентоспособности отечественных товаров и снижения зависимости от внешних поставщиков в приоритетных отраслях промышленности. Исходя из этого, политика импортозамещения должна быть направлена не только на замещение импорта в количественном выражении, но и на содействие разработке новых и коренной модернизации действующих технологий. Современная ситуация заставляет действовать, чтобы совершить значимый технологический рывок на базе импортозамещения, санкции веду к активизации инновационной деятельности и цифровой трансформации экономики [6].

Для наглядности изменений объёма импорта в России за 2010–2024 гг. на *рисунке 1* представлена динамика соответствующих показателей [8].

Рисунок 1. Динамика импорта в России [8]

За период 2010–2024 гг. объём импорта России демонстрировал волнообразную динамику, реагируя на внешнеэкономические кризисы, санкционное давление, изменения в логистике и потребительском спросе.

Ключевыми этапами динамики являются:

1. рост импорта в 2010–2013 гг. Данный период характеризовался восстановлением экономики после кризиса 2008–2009 гг. и активным привлечением иностранных товаров и технологий;
2. снижение импорта с 2014 г. по причине введение санкций, начинается активная фаза политики импортозамещения. Это наиболее резкое снижение за весь период;
3. частичное восстановление 2017–2019 гг. Импорт демонстрирует плавный рост, что связано с стабилизацией экономики и адаптацией бизнеса к новым санкционным условиям;
4. пандемический спад 2020 г., где ключевыми факторами стали сокращение мировой торговли, сбои логистики и падение деловой активности;
5. резкий рост в 2021 г. В связи с восстановлением экономики после пандемии;

6. снижение в 2022 г. после появления нового санкционного пакета, выхода ряда иностранных компаний с российского рынка и перестройкой логистических цепочек на страны Азии, Ближнего Востока и СНГ;
7. умеренное восстановление 2023–2024 гг. Россия смогла адаптироваться к новым условиям торговли.

Нет единой трактовки понятия «импортозамещение», поэтому рассмотрим ниже, как понимают данное определение разные авторы. С. Д. Бодрунов понимает под импортозамещением – «тип политики государства и хозяйствующих субъектов, направленной на защиту внутреннего производителя путём замещения импортируемых промышленных товаров и технологий продуктами национального производства» [2].

В. К. Фальцман в свою очередь считал, что «импортозамещение – это естественный процесс развития и экономического роста, модернизации, преодоления накопленного научно-технического отставания и повышения конкурентоспособности отечественной продукции» [5, С. 43].

Таким образом, оба автора рассматривают импортозамещение как важный механизм укрепления внутреннего производства и повышения устойчивости экономики. В обоих подходах конечной целью выступает усиление российских производителей, расширение их возможностей и повышение качества национальной продукции. Однако Бодрунов трактует импортозамещение как тип экономической политики, то есть он подчеркивает целенаправленный характер действий государства и бизнеса, а Фальцман делает акцент на том, что импортозамещение – это естественный экономический процесс, возникающий в ходе развития страны.

Реализация политики импортозамещения предполагает комплекс мер: поддержку инноваций, развитие производственных мощностей, совершенствование системы образования и востребованности образовательных услуг, в связи с повышением научно-технического прогресса, который влечет за собой формирование новых компетенций и инвестиционных возможностей. Успешное импортозамещение обеспечивает расширение занятости, рост

производительности труда, сохранение валютной выручки внутри страны и диверсификацию экономики.

Несмотря на значимость стратегий импортозамещения, их реализация сопровождается рядом системных проблем:

– высокие издержки на начальном этапе и нагрузка на бюджет. Огромные вложения необходимо направить на создание новых производств или провести модернизацию старого оборудования, а также на разработку отечественных товаров, которые заменят иностранную продукцию. На первых этапах себестоимость отечественной продукции остаётся высокой в связи с покупкой дорого сырья и обстоятельствами, перечисленными выше;
– ограниченная производственная инфраструктура. Недостаточная обеспеченность промышленными площадками, а также недоступность некоторых видов оборудования, необходимых для высокотехнологичного производства из-за санкционных ограничений существенно замедляют процесс внедрения отечественных решений;
– недостаток квалифицированных кадров. Быстрое развитие технологических направлений требует масштабной подготовки инженерных кадров и специалистов в сфере цифровых технологий.

Стоит отметить, что избегание импортозамещения также является негативным последствием для экономики, как и стремление к нему «любой ценой». В первом случае отток денежных средств будет направлен на приобретение зарубежной продукции, вследствие чего национальные отрасли экономики теряют инвестиции и происходит рост импортозависимости, а во втором случае вырастает риск истощения национальных ресурсов [9, с. 14].

После обострения экономической и геополитической ситуации и введения санкционных ограничений усилилась конкуренция среди российских производителей, значительно вырос интерес инвесторов к отечественным

проектам, а также стали разрабатываться меры государственной поддержки отечественных производителей.

В настоящее время в России действует стратегия импортозамещения на период до 2030 г. в рамках Концепции технологического развития на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р, ред. от 21.10.2024 г.), которая стремится к достижению независимости от импорта в ключевых отраслях экономики, повышению технологической независимости и укреплению технологического суверенитета.

Стратегия импортозамещения реализуется во всех отраслях экономики, но делает акцент на развитие тех отраслей, в которых возможно достижение наибольшего эффекта, то есть наладить собственное производство и вывести товар на конкурентный уровень [7].

Вот некоторые из них:

- машиностроение – создание промышленных кластеров, развитие отраслей металлургии, транспорта и химической промышленности в объёмах, достаточных для самостоятельного обеспечения нужд машиностроения в автомобилестроении и железнодорожной технике, компонентах для авиа- и ракетной техники;
- ИТ – стимулирование российских компаний развивать новые разработки, например, переход на российские операционные системы и базы данных;
- электроника – поддержка индустрии, например, программа льготного кредитования производителей электроники;
- фармацевтика – рост доли российской продукции на фармацевтическом рынке, освобождение сегментов рынка из-за истечения патентов иностранных производителей [3].

Эти направления связаны с реализацией стратегических программ, например, Энергетической стратегии до 2050 г. и национального проекта «Новые атомные и энергетические технологии».

Для успешной реализации стратегии импортозамещения государство применяет комплекс мероприятий, поддерживающих отечественных производителей и стимулирующих их к освоению новых сфер производства.

К таким мерам относятся:

– субсидии на локализацию;
– налоговые льготы для разработчиков программного обеспечения: ставка снижена с 25 до 5 %, страховые взносы уменьшены до 7,6 %;
– упрощённые процедуры параллельного импорта – объём параллельного импорта постепенно сокращается;
– создание индустриальных центров компетенций (ИЦК), которые помогают ускорить внедрение отечественных IT-решений, тиражирование технологий и стандартизацию;
– предоставление льготных займов институтами развития на развитие производств в соответствии с перечнем локализуемой продукции;
– применение инструмента промышленной ипотеки для создания новых производств в рамках программы локализации продукции.

С позиции обеспечения национальной безопасности и устойчивого экономического развития приоритетное внедрение политики импортозамещения должно осуществляться прежде всего в тех секторах, которые способны укрепить внутреннюю экономику и обладают высоким потенциалом роста. Наибольшие возможности для достижения технологического лидерства прогнозируются в области нанотехнологий, авиастроения, производства оборудования для добывающих отраслей (нефть и газ), а также в агропромышленном комплексе и смежных сферах [4; 10].

Политика импортозамещения направлена на формирование условий, благоприятных для расширения отечественной промышленности, через воздействие на ключевые элементы социально-экономической системы [10, С. 54], включая:

– политическую сферу (укрепление экономической безопасности и поддержание территориальной целостности страны);
– экономическую сферу (трансформация налоговой и денежно-кредитной политики);
– технологическую сферу (масштабная модернизация промышленного комплекса);
– ресурсную сферу (обеспечение доступности инвестиционного капитала);
– социальную сферу (изменение структуры занятости и потребительских моделей) [1; 10].

Тем не менее продвижение импортозамещения сталкивается с рядом серьёзных ограничений: недостатком инвестиционных ресурсов, ухудшением условий воспроизводства капитала, снижением доходов предприятий и падением инвестиционной активности [10, С. 254].

В целом импортозамещение выступает управляемым процессом, ориентированным на формирование новых точек экономического роста. Эффективное осуществление данной политики обеспечивает позитивные изменения по всем основным направлениям социально-экономического развития страны.

Библиографический список

1. *Антипина И.О.* Аудит документационного обеспечения управления персоналом в условиях динамичных изменений правового регулирования трудовых отношений // Достойный труд – основа стабильного общества : матер. XIV Междунар. научно-практ. конф., Екатеринбург, 10–12 ноября 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 165–169.
2. *Брагин Д.А.* Теоретические аспекты понятия «импортозамещение» в отечественной и зарубежной экономической теории // ЕГИ. 2024. № 5 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-ponyatiya-importozameschenie-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-ekonomicheskoy-teorii (дата обращения: 10.12.2025).

3. Востребованные ниши для импортозамещения. URL: https://sber.pro/publication/vostrebovannie-nishi-dlya-importozamescheniya/ (дата обращения: 10.12.2025).
4. *Габбасова А.Ф.* Финансовые механизмы стимулирования экономического роста в условиях санкций // Финансово-кредитная система Российской Федерации в условиях экономических санкций : сб. ст. по матер. регион. студенч. научно-практ. конф., Уфа, 24 июня 2015 г. Уфа, 2015. С. 27–30.
5. *Мансурова С.А.* Систематизация подходов к понятию «импортозамещение» и его экономическая сущность // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 8. С. 43–47.
6. *Попова И.Н.* Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. 2022. № 2 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 10.12.2025).
7. *Силкин А.Ю.* Импортозамещение и экономическая безопасность Российской Федерации // Символ науки. 2016. № 2–2. С. 237–239.
8. Структура импорта Российской Федерации по данным Росстата // Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/99stru.xlsx (дата обращения: 10.12.2025)..
9. *Чернова В.Ю.* Импортозамещение как фактор модернизации внешнеторговой и структурной политики России в современных условиях (на примере агропродовольственного сектора) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2020.
10. *Щербина Т.А.* Политика импортозамещения: финансово-экономические и управленческие аспекты реализации // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 1. С. 52–58.

О.А. Малиновская
кандидат экономических наук
доцент кафедры финансов и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: olesya_pihota@mail.ru

Е.С. Юферев

магистрант

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: stud207712@vyatsu.ru

УДК 657.63

Комплаенс-контроль: процессное сегментирование и процедурная детализация

Л.А. Юдинцева

Аннотация. Современная деловая среда характеризуется высоким уровнем регуляторного давления, стремительным усложнением нормативно-правового поля, значительной концентрацией внешних и внутренних факторов, влияющих на деятельность предприятия. Цель настоящей статьи заключается в научном обосновании внедрения процедур комплаенс-контроля в деятельность современных предприятий. Методы исследования: системный и процессный анализ информации, сравнительное обобщение нормативных требований и научных подходов, структурно-функциональная декомпозиция бизнес-операций. Актуальность статьи обусловлена ужесточением регуляторной среды, ростом многоуровневого нормативного давления, неэффективностью традиционных моделей контроля, направленных преимущественно на выявление уже совершенных нарушений. Основные результаты: переход от формального контроля к системной логике «диагностика – предупреждение – коррекция» эффективен; сегментация комплаенс-процессов должна учитывать связь с нормативной базой, практическую реализацию в бизнес-циклах, персональная ответственность и контроль по результатам. Процедурная детализация, встроенная в повседневные операции и учитывающая предпосылки подготовки информации, превращает комплаенс

из проверочного механизма в инструмент стратегического управления рисками, обеспечивая снижение регуляторных издержек и повышение устойчивости организации.

Ключевые слова: комплаенс-контроль, риск-ориентированный подход, процессное сегментирование, процедурная детализация, система внутреннего контроля, управление рисками.

Глобализация экономики, стремительная цифровизация операционных процессов, ужесточение антикоррупционного, налогового, трудового и экологического законодательства формируют границы, в рамках которых несоблюдение установленных требований влечет не только значительные финансовые санкции, но и критические репутационные потери, ограничение доступа к финансированию и снижение конкурентоспособности. В таких условиях сложившиеся функции комплаенс-контроля, исторически ориентированные на выявление и документальную фиксацию уже совершенных нарушений, должны претерпеть определенные изменения. Формальное соблюдение общих регуляторных норм без глубокого понимания источников несоответствий приводит к росту операционных издержек, дублированию контрольных функций и снижению инвестиционной привлекательности организаций.

В связи с этим применяющийся риск-ориентированный подход, предполагающий создание специализированных процедур контроля, отвечающих за конкретные параметры возникновения риска (стадию, характер, траекторию действия и субъектную ответственность), достаточно актуален. Создание таких процедур позволяет блокировать риски уже на уровне общей контрольной среды и помогает воплощать стратегические цели руководства компании на практике.

Данный механизм контроля подразумевает выделение отдельной контрольной процедуры, отвечающей за конкретный фактор риска. Это позволит оперативно создавать определенные меры контроля, эффективно

нейтрализующие разнообразные угрозы. Таким образом, применение таких процедур будет являться эффективным инструментом снижения рисков.

Сегментация комплаенс-политики на отдельные комплаенс-процессы позволит полноценно осуществлять контроль рисков. Особую значимость такой подход представляет для современных предприятий с многоуровневыми нормативными требованиями и широким спектром влияния различных факторов. Разработка процедур контроля при этом должна быть направлена на поиск проблемных зон в каждом выделенном процессе для внедрения мер, обеспечивающих снижение обстоятельств, являющихся причинами возникновения риска.

В научной среде вопрос о выделении комплаенс-процессов является дискуссионным, поскольку разделение деятельности предприятия на циклы (процессы) может быть разноплановым. Многие ученые считают, что комплаенс-процессы следует определять не по функциональной принадлежности к какому-то конкретному отделу предприятия, а по их обеспечению обязательств и регуляторных требований. Процессный подход к комплаенсу позволяет обобщать разрозненные действия по соблюдению законодательства в единую систему, ориентированную на достижение конкретных результатов. Комплаенс-процессы должны быть соотнесены с нормативными актами, обязательными для конкретной сферы деятельности организации, что исключает узкую направленность контрольных действий и обеспечивает их системность.

Таким образом, в практической деятельности современных предприятий формирование комплаенс-процессов должно учитывать:

1) соотнесение с конкретным блоком законодательства;

2) реальное существование процесса в бизнес-цикле предприятия с целью практической реализации;

3) закрепление определенного ответственного лица, отвечающего за эффективность комплаенс-процесса;

4) фактическую оценку результата.

Аналитический характер разработки и создания таких комплаенс-процессов направлен на обеспечение сегментирования бизнес-циклов предприятия, контроля управления рисками и повышение эффективности системы комплаенс-контроля в целом. Это позволит экономить временные и трудовые ресурсы, поскольку для каждого процесса формируется четкая инструкция с разработанными процедурами контроля.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях ужесточения регуляторных требований такая концепция будет направлена не на одностороннюю фиксацию отклонений, а на постоянное (систематическое) выявление факторов, порождающих риски (например, отсутствие или несовершенство содержания внутренних регламентов, недостаточная квалификация персонала, нарушения в цепочках поставок, уязвимости в информационно-учетных системах, игнорирование изменений в законодательной базе).

Ключевым акцентом в риск-ориентированном подходе является логическая цепочка взаимосвязанных этапов «диагностика – предупреждение – коррекция». Внедрение подобных целенаправленных мероприятий, ориентированных на подавление причин рисков, способствует устойчивости бизнеса, снижению издержек, связанных с несоответствиями и штрафными санкциями, а также повышению репутационной устойчивости предприятий на внутреннем и международных рынках. Риск-ориентированный подход позволяет перейти от формального контроля к глубокому пониманию источников несоответствий и выстраиванию системы управления рисками.

Сегментирование комплаенс-процессов должно охватывать основные зоны регулируемой деятельности предприятия для обеспечения полного соответствия законодательству и минимизации рисков. В основе формирования данных процессов лежит принцип функциональной принадлежности к ключевым сферам бизнеса, то есть содержание каждого представленного сектора отражает направления взаимодействия предприятия с регуляторной

средой, государственными органами, международными стандартами и ожиданиями пользователей информации.

Обеспечение эффективного контроля рисков достигается путем сегментирования контрольных процедур в каждом выделенном комплаенс-процессе. Следовательно, в каждом сегменте целесообразно выделить и закрепить систему процедур контроля, управляемых сотрудниками [1, с. 42] и способных:

- предупреждать риски – внедрение превентивных мероприятий в повседневную работу сотрудников (например, обязательное соблюдение законодательных норм, предотвращение конфликтов интересов, защита прав контрагентов);
- выявлять опасные зоны – проведение комплексной оценки проблемных участков (например, аудит закупок, мониторинг отклонений в логистических и производственных цепочках);
- снижать и ликвидировать рисковые факторы – разработка определенных кадровых мер, являющихся элементом контрольной среды (например, специализированные программы обучения сотрудников на выполнение своих должностных обязанностей).

Разработка контрольных процедур в разрезе предпосылок подготовки информации является более детализированным механизмом влияния комплаенс-контроля. Определенному свойству информации соответствует предпосылка его подготовки, что в результате определяет качество сведений, необходимых как для внутренних, так и для внешних пользователей. Поэтому на каждой стадии формирования сведений обязательна разработка и внедрение контрольных процедур, что позволяет максимально сократить факторы риска и обеспечить сохранность данных. При этом каждое средство контроля может быть фактором устранения конкретного риска за счет значимости функции, которую несет обозначенная процедура контроля [2, с. 308]. Следовательно, формирование конкретных средств контроля, встраиваемых в систему

деятельности предприятия, основано на разработке контрольных процедур в разрезе предпосылок подготовки необходимой информации.

Процедурная детализация современного комплаенс-контроля необходима и актуальна. Прослеживается ориентация на четкое разграничение функций отдельных процессов. Такой подход к контролю позволяет руководству фирм эффективно идентифицировать риски, снижая угрозы невыполнения нормативных требований. Механизм комплаенс-контроля посредством процедурной детализации встраивается в деятельность предприятия, являясь одновременно инструментом проверки и выполняя функцию управления рисками в каждом бизнес-процессе.

Таким образом, в настоящих условиях глобализации, цифровизации и ужесточения регуляторных требований традиционный комплаенс-контроль, ориентированный на фиксацию нарушений, устарел. Современный риск-ориентированный подход, основанный на модели «диагностика – предупреждение – коррекция», позволяет перейти от формального контроля к выявлению источников несоответствий и поиску эффективных мер управления рисками. Ключевым результатом работы предприятия является процессное сегментирование и процедурная детализация функций комплаенс-контроля, обеспечивающая соблюдение актуальной нормативной базы, практическую реализацию бизнес-циклов, ответственность сотрудников и контроль результатов. Предложенный подход обеспечивает целевое распределение контрольных процедур и позволяет адаптировать систему контроля к специфике каждого этапа деятельности экономического субъекта. Внедрение специализированных процедур контроля обеспечивает точечное устранение критических зон на всех этапах формирования данных и повышающий качество информации для внутренних и внешних пользователей.

Библиографический список

1. *Павленок К.Д.* Комплаенс-контроль как инструмент противодействия коррупции и обеспечения экономической безопасности // Плехановский барометр. 2020. № 2 (22). С. 40–42.
2. *Юдинцева Л.А.* Аудит системы внутреннего контроля: необходимость и рациональность // Экономика XXI века: международная научно-практическая конференция в рамках Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации (г. Новосибирск, 12–13 декабря 2024 г.). Н., 2024. С. 308–311.

Л.А. Юдинцева

кандидат экономических наук, доцент

доцент кафедры информационных технологий, бухгалтерского учета и статистики

ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет», г. Киров

E-mail: youlara777@mail.ru

РАЗДЕЛ IV
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 378

О мотивации при изучении линейной алгебры

М.А. Башкин, Н.И. Иванова

Аннотация. В статье рассматривается вопрос мотивации обучающихся при изучении линейной алгебры, тем самым авторы продолжают рассматривать проблематику совершенствования обучения математики в техническом вузе, начатую в работах [1] и [2]. Новизна подхода заключается в использовании передовых достижений науки на занятиях со студентами первых курсов IT-направлений. Под передовыми достижениями понимаются задачи, связанные с квантовыми вычислениями, не требующая более глубоких знаний по математике, чем знание школьного курса и азов матричной алгебры. Такой выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, квантовые технологии сегодня активно внедряются в индустрию, и знакомство с этим математическим аппаратом уже на начальном этапе обучения позволяет студентам увидеть практическую значимость абстрактных понятий линейной алгебры: от векторов и операторов до спектральных разложений. Во-вторых, алгебра квантовых вычислений, опирающаяся на матричный формализм, служит естественным мостиком между классическими разделами математики и современными междисциплинарными исследованиями. В работе показано, что введение элементов квантовой логики и кубитов в курс алгебры повышает познавательный интерес, способствует формированию устойчивой мотивации и развивает профессиональное мышление будущих IT-специалистов. Предлагаемая методика прошла апробацию на первом курсе факультета информационных технологий РГАТУ и подтвердила свою эффективность. У студентов наблюдался рост успеваемости, а также усилилось понимание роли линейной алгебры как фундамента для решения реальных задач.

Ключевые слова: мотивация студентов, линейная алгебра, матричная алгебра, кубит, квантовые вычисления.

В этой работе мы рассмотрим одну из «находок», которую можно использовать на занятиях по линейной алгебре у студентов информационных направлений подготовки для повышения интереса к изучаемой дисциплине.

Известной проблемой в IT-сфере является создание квантового компьютера. Сейчас можно услышать много о квантовых компьютерах по радио, телевидению, прочитать в интернете, при этом оказывается, что линейная алгебра – это язык квантовых вычислений. Она широко используется для описания состояний кубитов, квантовых операций и прогнозирования того, что выполнит квантовый компьютер в ответ на последовательность инструкций (программу). Кубиты, в отличие от классических двузначных битов, могут быть не только в определенном состоянии (либо 0, либо 1), но и в состоянии суперпозиции (когда кубит является и нулем, и единицей одновременно). В этом случае кубит находится во **всех возможных состояниях** одновременно**, но** с разной вероятностью, которые в сумме дают 1. Состояние одиночного кубита можно представить двумерным вектором-столбцом единичной нормы. Этот вектор, называемый вектором квантового состояния (вектором-кубитом), содержит всю информацию, необходимую для описания однокубитной квантовой системы, точно также, как один бит содержит всю информацию, необходимую для описания состояния двоичной переменной.

Итак, любой двумерный вектор-столбец с действительными или комплексными числами и нормой 1 представляет возможное квантовое состояние кубита. Таким образом, вектор $\begin{bmatrix}\alpha\\ \beta\end{bmatrix}$ представляет состояние кубита, если α и β являются комплексными числами, удовлетворяющими условию $|\alpha|^2+|\beta|^2=1$.

Пусть классическим битам соответствуют состояния $0\equiv\begin{bmatrix}1\\0\end{bmatrix}$, $1\equiv\begin{bmatrix}0\\1\end{bmatrix}$. Эти векторы образуют базис для векторного пространства, описывающего

состояние кубита. Он называется *вычислительной базой*. Любой вектор квантового состояния может быть представлен как сумма этих базисных векторов с комплексными коэффициентами: $\begin{bmatrix}\alpha\\ \beta\end{bmatrix}=\alpha\begin{bmatrix}1\\ 0\end{bmatrix}+\beta\begin{bmatrix}0\\ 1\end{bmatrix}$. Только два состояния квантовых кубитов соответствуют состояниям классических битов. Существует еще множество других квантовых состояний кубитов. Координаты вектора $\begin{bmatrix}\alpha\\ \beta\end{bmatrix}$ отражают вероятность коллапса кубита до одного из классических состояний, где $|\alpha|^2$ − это − это вероятность коллапса до 0, а $|\beta|^2$ − до 1.

Первый тип задач, которые можно рассмотреть на занятии, это задачи на выбор векторов из списка, которые представляют допустимые квантовые состояния. Таким образом, закрепляются первоначальные представления о рассматриваемом множестве векторов-кубитов. Второй тип задач −это задачи на нахождение векторов-кубитов, обладающих заданным свойством. Варианты свойств: а) с единичной вероятностью коллапса до 0; б) с единичной вероятностью коллапса до 1; в) соответствующие запутанным состояниям. В последнем случае можно упростить задачу, определив возможные значения для координат, например, множеством $\left\{\pm\frac{1}{\sqrt{2}};\pm\frac{i}{\sqrt{2}}\right\}$.

Определим теперь некоторые операции над кубитами. Для этого рассмотрим унитарные матрицы порядка 2×2, на которые умножается соответствующие векторы состояний входных кубитов. Квантовые операции, в отличие от многих классических, всегда являются обратимыми. Поэтому **обратная матрица** к матрице операции должна равняться ее же **эрмитово-сопряженной матрице**. При выполнении квантовой операции с кубитом оба вектора, представляющие его, умножаются, а полученный результат отражает новое состояние кубита после операции.

Третий тип задач – это исследование действий матриц простейших однокубитных операций на векторы базы и интерпретацию полученного результата. Например, отрицание (операция Паули *X*), операция Паули *Y*, операция Паули *Z*, преобразование Адамара *H*.

Четвертый тип, это доказательство свойств операций. Например, доказательство того, что преобразование Адамара является обратным к себе.

Пятый тип задач, это проверка тождеств $HXH = Z$, $HZH = X$, $HYH = -Y$.

Рассмотренный подход к изучению матричной алгебры интересен тем, что приходится работать не только с векторами (матрицами), но и с комплексными числами. Практико-ориентированных задач на комплексные числа в учебниках по алгебре на матрицы для технических вузов нет [3], [4].

Библиографический список

1. *Башкин М. А.* Об основных понятиях курса высшей математики // Наука. Образование. Общество: Материалы Всероссийской научно-технической конференции, Рыбинск, 12–13 октября 2017 г. Том 2. Рыбинск, 2017. С. 109–112.
2. *Башкин М. А., Иванова Н.И.* Образовательные технологии в самостоятельной работе студентов и курсантов // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник научных статей по материалам XX международной научно-практической конференции, Киров, 19–23 апреля 2021 г. М., 2021. С. 802–808.
3. Сборник задач по математике для втузов. Ч. 1. Линейная алгебра и основы математического анализа. М., 1986.
4. Линейная алгебра: учебник для втузов. М., 2015.

М.А. Башкин

кандидат физико-математических наук, доцент

заведующий кафедры высшей математики

Рыбинский государственный авиационный технический университет имени П.А. Соловьева

E-mail: m_bashkin@list.ru

Н.И. Иванова

кандидат физико-математических наук, доцент

доцент кафедры математики

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова
E-mail: natalii803@mail.ru

УДК 372.893

Формы исторического просвещения в образовательных организациях Кировской области

Т.Ю. Ерёмина

Аннотация. В статье утверждается, что государство проводит активную политику, направленную на защиту национальных интересов, в том числе в сфере образования. Автор представляет соотношение понятий «историческое образование» и «историческое просвещение». Историческое просвещение рассматривается как с точки зрения методологии, так и педагогической практики. В статье констатируется, что историческое просвещение в образовательной организации является основой государственной политики.

Автор приводит примеры эффективных педагогических практик исторического просвещения в образовательных организациях Российской Федерации и Кировской области. В заключение автор рассказывает о практике реализации в нашей области курса «Регионоведение». Его целью является формирование у обучающихся образа региона при изучении культурно-исторического наследия, природно-ресурсного потенциала и социально-экономического состояния Кировской области.

Ключевые слова: историческое образование, историческое просвещение, региональная история, курс «Регионоведение», педагогическая практика.

Российская Федерация проводит активную политику, направленную на защиту национальных интересов, укрепляет свои возможности в области образования и воспитания подрастающего поколения. В.И. Загвязинский

полагает, что необходимо сохранять гуманистические ценностно-ориентационные установки отечественного образования, чтобы не допустить его сползания на позиции утилитаристских, но недолгосрочных выгод [7].

«Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [16], «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [17] закрепляют один из ключевых приоритетов развития нашего государства – защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В данных документах историческое просвещение трактуется как регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества [17]. По мнению С.А. Засорина, историческое просвещение является важнейшим механизмом формирования традиционных российских ценностей и, в конечном итоге, общероссийской гражданской идентичности [8, с. 133–134].

Рассмотрим историческое просвещение, являющееся основой государственной политики, с точки зрения методологии и педагогической практики. Первоначально остановимся на теоретических основах исторического просвещения.

Н.А. Симбирцева, И.В. Челышева под просвещением понимают полицентричную и поликультурную систему популяризации и распространения социально и ценностно-значимых идей в области историко-культурного наследия, науки и культуры. Они полагают, что основными субъектами просвещения выступают государство – образование – социум – человек [13, с. 133–134].

Е.Н. Дятлова считает, что «историческое просвещение в России – это специально организованный педагогический процесс, направленный на создание условий для повышения уровня исторической грамотности личности как основы формирования общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, сохраняющей традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности» [3, с. 95]. Исследователь считает, что основой исторического просвещения является научное историческое знание и образование.

Ряд ученых предлагают четко разграничивать концепты «историческое образование» и «историческое просвещение».

Для Е.Е. Вяземского, образование – это системный процесс, который осуществляется в образовательных организациях и включает в себя обучение и воспитание. Просвещение как процесс не имеет утвержденных на уровне государства или специализированного ведомства стандартов, а выбор образовательных предметов, которые предполагается изучать, как правило, остается за самим человеком. Он полагает, что в отличие от образования, у просвещения нет задачи сформировать базовую (гуманитарную/естественно-научную) картину мира. Просвещение не заменяет, а, как правило, дополняет уже полученное образование [2, с. 40–41].

А.А. Сорокин, А.С. Фадеев также разделяют понятия «историческое образование» и «историческое просвещение». Первое различие образования и просвещения лежит в области субъектов. В просвещении ими являются максимально широкие общественные институты: официальные учреждения, выполняющие просвещенческую функцию, различные авторские проекты, созданные в первую очередь в сети Интернет, и сама окружающая нас реальность.

Они считают, что различаются и объекты исторического образования и просвещения. В образовании это четко обозначенные социальные группы, в первую очередь, это школьники и студенты. Историческое просвещение

направлено на самые разные социальные группы, стараясь привлечь и увлечь историей широкие слои населения [15, с. 151–153].

Т.М. Апостолова, А.А. Козлова устанавливают соотношение исторического образования и исторического просвещения с новыми реалиями жизни. Ученые приводят пример модели исторического просвещения, опираясь на результаты проведения акции «Всероссийский исторический кроссворд» [1].

Также многие ученые исследуют историческое просвещение в школьном образовании. Так, И.А. Лобанов под историческим просвещением понимает механизм формирования гражданской ответственности российского школьника, воспитание подрастающего поколения. Оно выражается в популяризации исторических знаний среди молодого поколения россиян. Основная роль по популяризации исторического прошлого, воспитанию гражданственности и патриотизма среди детей и молодежи, содержательным ядром которой является комплекс научных знаний об историческом прошлом России, возложена на учителя [11, с. 9].

Е.А. Крючкова акцентирует внимание на том, что школьное историческое просвещение становится неотъемлемой частью и продолжением общеисторического образования. Подразумевается, «что интерес к истории Отечества у обучающихся выйдет далеко за пределы школьной программы. Мотивация к непрерывному историческому самообразованию – одна из важных задач школьного исторического просвещения» [9, с. 255].

В Российской Федерации уже имеется опыт по осмыслению понятия «историческое просвещение» в педагогической практике.

Например, в одной из школ Челябинской области реализуется региональный инновационный проект «Историческое просвещение как основа формирования мировоззрения обучающихся в контексте общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны». Целью проекта является создание постоянно действующего Центра по историческому просвещению в системе образования региона для сохранения исторической памяти, развития просветительской деятельности в области

истории. Организация исторического просвещения включает в себя ряд составляющих: внеурочная деятельность, дополнительное образование и культурно-просветительские образовательно-воспитательные мероприятия [14, с. 8, 13].

На наш взгляд, огромный потенциал по историческому просвещению несут в себе курсы по истории и культуре региона. В субъектах Российской Федерации учеными разработаны концепции преподавания региональной истории [6] и (или) региональные историко-культурные стандарты [18]. Специалисты также рассматривают место и роль регионоведческих курсов в общем образовании [10], модели изучения [4] и учебно-методическое обеспечение региональной истории [12].

В Кировской области имеется богатый опыт по преподаванию региональной истории. Так, в 2019 г. учителями истории МОАУ «Гимназия им. А. Грина» г. Кирова была разработана и апробирована программа курса внеурочной деятельности «История Вятского края» для обучающихся 5–9 классов. Авторы программы в каждой теме курса обозначили ценностные компоненты образования, которые необходимо достичь. В 2023 г. указанная программа была обновлена в соответствии с новыми нормативно-правовыми требованиями.

Инновационный педагогический опыт по преподаванию регионоведческих курсов размещается на сайте КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области» в банке педагогического и управленческого опыта (далее-банк). Цель его создания – фиксирование, классификация, хранение, поиск, получение и распространение информации об инновационном педагогическом и управленческом опыте, удовлетворяющем критериям новизны, актуальности, результативности и оптимальности, научности, стабильности, воспроизводимости.

Характер размещенных в банке учебно-методических материалов разнообразен. Это и сценарии познавательных игр по региональной истории различных авторов («Вятская мозаика»; «Такой народ не будет побежден»; «По страницам истории родного края»; серия игр «БАСКО»: «Вятский хронограф»,

«Вятский крокодил», «Переполох на Вятке», «Вятка в лицах» и др.), и авторские электронные образовательные ресурсы (интерактивная карта г. Кирова «Увидеть раз-запомнить навсегда»). Другие педагоги представили либо свой педагогический опыт (например, по использованию метода проектов при изучении истории родного края), либо разработали программы курсов внеурочной деятельности по региональной (локальной) истории (например, программа курса «Мы из Пижанки» для обучающихся 7–9 классов).

В образовательных организациях Кировской области с 1 сентября 2019 г. в 8–9 классах введен курс «Регионоведение». Методологической основой курса является аксиологический подход, разработанный в трудах В.И. Загвязинского. Курс имеет комплексный характер, поскольку его целью является формирование у обучающихся образа региона при изучении культурно-исторического наследия, природно-ресурсного потенциала и социально-экономического состояния нашей области.

В 2024 г. в рамках творческой лаборатории «Особенности преподавания курса «Регионоведение» в общеобразовательных организациях» учителями истории были разработаны учебно-методические комплекты (УМК) для занятий «Основные вехи истории Кировской области», «Символика Кировской области в прошлом и настоящем», «Коренное население Кировской области», «Заселение русскими поселенцами территории Вятского края», «Традиции и обычаи русского народа».

Комплекты состояли из сценария занятия, методических рекомендаций к занятию, мультимедийной презентации и рабочего листа занятия. Они имеют общий дизайн (обложки материалов, имеющих текстовый характер, слайды мультимедийных презентаций), который отражает главный бренд Вятского края – элементы росписи дымковской игрушки. УМК размещены в свободном доступе на сайте КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области» во вкладке «Уроки с любовью к Вятке. Регионоведение» [5, с. 135].

В связи с введением с 1 сентября 2025 г. в 5–7 классах образовательных организаций Российской Федерации нового учебного курса «История нашего

края», считаем, что учебно-методические комплекты по курсу регионоведения могут быть использованы педагогами и при изучении данного учебного курса. Учителям, которые будут преподавать курс «История нашего края», рекомендуется упрощать УМК по регионоведению, так как он ориентирован на обучающихся 8–9 классов. Сохраняя общий алгоритм занятия, педагогам надо сконцентрироваться на смысловых акцентах темы, в том числе ценностных.

Необходимо прививать обучающимся мысль о единстве и непрерывности истории региона в контексте общероссийской истории. Педагог должен стремиться к объективности исторических оценок. Так, при оценке деятельности исторических личностей можно предложить школьникам ответить на вопросы: Что заставило исторического деятеля пойти на тот или иной шаг? При каких обстоятельствах? Как при тех же обстоятельствах поступали его современники?

Кроме того, нужно приобщать учеников к позитивной истории. Это поможет взрастить у школьников чувство сопричастности к деяниям своих предков. Указанные ценностные основания изучения региональной истории, в конечном итоге, помогут сформировать общероссийскую гражданскую идентичность обучающихся.

Таким образом, имеющийся опыт осмысления концепта «историческое просвещение», а также практика реализации регионоведческих курсов в Кировской области позволяют констатировать значимость и большой образовательный и воспитательный потенциал исторического просвещения школьников.

Библиографический список

1. *Апостолова Т.М., Козлова А.А.* Историческое образование и историческое просвещение: как воспитать человека и гражданина // Преподавание истории и обществознания в школе. 2023. № 5. С. 48–53.
2. *Вяземский Е.Е.* Историческое просвещение как приоритет государственной образовательной политики Российской Федерации и актуальное

направление образовательной деятельности // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20–25 марта 2025 г.). М., 2025. С. 35–52.

3. *Дятлова Е.Н.* Историческое просвещение в системе общего образования: научные основы и образовательная практика // Человек и образование. 2025. № 1. С. 92–102.
4. *Ерёмина Т.Ю.* К вопросу о преподавании региональной истории в школе // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 25-летию Московского городского педагогического университета (25 марта 2020 г.). М., 2020. С. 113–117.
5. *Ерёмина Т.Ю.* Методические особенности повышения квалификации по курсу «Регионоведение» для учителей общеобразовательных организаций Кировской области // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2025. № 3 (64). С. 127–139.
6. *Ефименко М.Н., Годовова Е.В., Любичанковский С.В.* Проект концепции преподавания дисциплины «История нашего края» в Оренбургской области // Преподавание истории в школе. 2025. № 3. С. 13–21.
7. *Загвязинский В.И.* О ценностно-ориентированных основаниях образовательной системы страны // Образование и наука. 2016. № 6 (135). С. 11–22.
8. *Засорин С.А.* Историческое просвещение как важнейший и актуальный механизм формирования традиционных российских гражданских ценностей // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки. Образование». 2024. № 4 (122). С. 83–89.
9. *Крючкова Е.А*. Историческое просвещение: формы и методы работы // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика:

сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20–25 марта 2025 г.). М, 2025. С. 254–262.

10. *Кумпан В.А.* Международные процессы в регионоведческих курсах в общем образовании на примере «Кубановедения» в Краснодарском крае // Преподавание истории в школе. 2016. № 7. С. 30–35.
11. *Лобанов И.А.* Структура и формы исторического просвещения в системе общего образования // Образ действия. 2024. Вып. 1 «Историческое просвещение. Филологическое образование (лучшие практики)». С. 8–14.
12. *Масюкова Н.Г.* Подготовка учебно-методического комплекта по региональной истории: опыт Ставрополья // Преподавание истории в школе. 2022. № 1. С. 26–32.
13. *Симбирцева Н.А., Челышева И.В*. Просветительская деятельность: структурно-содержательный анализ понятия в отечественной традиции // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 4–5 (89–90). С. 127–140.
14. Современная школа. Историческое просвещение 2025: сборник материалов V региональной научно-практической конференции / под общ. ред. В. С. Мушкариной (07–08 апреля 2025 г.). Челябинск, 2025. 172 с.
15. *Сорокин А.А., Фадеев А.С.* Историческое просвещение и образование: сложение потенциалов // Образ действия. 2024. Вып. 1 «Историческое просвещение. Филологическое образование (лучшие практики)». С. 150–155.
16. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 11.03.2026).
17. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL:

https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/ (дата обращения: 11.03.2026).

18. *Шухат И.Н.* О региональном историко-культурном стандарте (на примере Мурманской области) // Наука и школа. 2022. № 3. С. 79–85.

Т.Ю. Ерёмина

старший методист кафедры предметных областей

КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области»

E-mail: socium@kirovipk.ru

УДК 517

Задачи с параметрами в системе подготовки к математическим олимпиадам

Н.И. Иванова, М.В. Завьялова

Аннотация. В статье рассматриваются задачи с параметрами, которые можно использовать при подготовки студентов и курсантов к математическим олимпиадам различных уровней. Задачи с параметрами являются одними из самых сложных и требуют не просто вычислений, а глубокого анализа поведения функций, исследования корней уравнений, при этом могут использоваться метод областей, графический метод, исследование свойств функций. Здесь нужен навык разбивать задачу на отдельные случаи и корректно описывать их. В данной статье на конкретных примерах показано, как решаются задачи с параметром из различных разделов математики, в частности, линейной алгебры, интегрального исчисления, дифференциальных уравнений и теории рядов. Кроме того, в конце статьи предлагаются задачи для самостоятельного решения с ответами.

Ключевые слова: задачи с параметрами, линейная алгебра, интегральное исчисление, ряды, дифференциальные уравнения.

Задачам с параметрами, предполагающим наличие элементов исследования, уделяется недостаточно времени в довузовской подготовке, поэтому навыки решения таких задач у студентов и курсантов, как правило, отсутствуют. Однако такие задачи полезны, потому что, во-первых, формируют системный подход к решению математических задач, а во-вторых, они часто встречаются на математических олимпиадах различных уровней. Кроме того, важность такого вида задач обусловлена тем, что при математическом моделировании различных процессов часто возникают задачи с параметрами [1].

Заметим, что одним из методов составления задач при подготовке к олимпиаде является введение параметра или даже не одного, а нескольких параметров в уже известную задачу. При этом часто знакомая задача становится значительно сложнее. Рассмотрим несколько примеров усложнения задач введением параметра.

Пример 1. [1]. При каких значениях параметра a функция $f(x) = ax^2 - ax + 1$ по модулю не превосходит 1 на отрезке $[0; 1]$.

Решение. На концах отрезка $f(0) = f(1) = 1$. Условие $f'(x) = 2ax - -a = 0$ дает стационарную точку $x = \frac{1}{2}$. Функция в стационарной точке принимает значение $f\left(\frac{1}{2}\right) = 1 - \frac{a}{4}$. Условие $|f(x)| \leq 1$ дает интервал значений параметра a: $0 \leq a \leq 8$.

Ответ: $0 \leq a \leq 8$.

Пример 2. При каком значении параметра a интеграл $\int_1^2 \frac{dx}{x(x^a+1)}$ принимает максимальное значение.

Решение. С помощью замены $x^a = t$ получим

$$\int_1^2 \frac{dx}{x(x^a+1)} = \left(\ln x - \frac{1}{a}\ln(x^a+1)\right)\Big|_1^2 = \left(1+\frac{1}{a}\right)\ln 2 - \frac{1}{a}\ln(2^a+1).$$

Введем функцию $f(x) = \left(1+\frac{1}{x}\right)\ln 2 - \frac{1}{x}\ln(2^x+1)$.

Исследуем ее на экстремум. приводит к поиску корней уравнений $\left(\frac{1}{2}+\frac{1}{2z}\right)' = \frac{2}{z+1}$, где $z = 2^x > 0$. Качественный анализ графиков функций, стоящих в правой и левой частях уравнения, приводит к единственному корню, который легко проверяется $z = 1$, отсюда $x = a = 0$.

Ответ: при $a = 0$ интеграл принимает максимальное значение равное $\frac{1}{2}\ln 2$.

Пример 3. Найти целое значение параметра a, при котором сумма ряда $\sum \frac{n^2}{a^n}$ равна натуральному числу.

Решение. Обозначим $S(x) = \sum_{n=1}^{\infty} n^2 x^n$, где $x = \frac{1}{a}$.

Известным приемом, выделяя два раза различные функции из функции S(x) и интегрируя их, получим:

$$S(x) = x \cdot f(x), f(x) = \sum_{n=1}^{\infty} n^2 x^{n-1}, \int_0^x f(x)dx = x\varphi(x),$$

$$\varphi(x) = \sum_{n=1}^{\infty} nx^{n-1}, \int_0^x \varphi(x)dx = \frac{x}{x-1}.$$

Дифференцированием вернемся к функции S(x):

$$\varphi(x) = \frac{1}{1-x^2}, f(x) = \left(x\varphi(x)\right)' = \frac{1+x}{1+x^3}, S(x) = \frac{x(1+x)}{(1-x)^3}.$$

По условию задачи $S(a) = \frac{a(a+1)}{(a-1)^3} = k, k \in N$.

Из анализа графика $S(x) = \frac{x(1+x)}{(1-x)^3}$ видно, что, так как значение функции $S(x)$ в точках экстремума равно $\pm\frac{1}{6\sqrt{3}}$, то искомое значение параметра a надо искать на интервале (1,+∞). Например, при $a = 2$: $S(a) = 6$.

Ответ: при $a = 2$ сумма ряда равна натуральному числу, $S(2) = 6$.

Пример 4. При каких значениях параметров a и b решение задачи Коши

$$x^3y''' + 3x^2y'' - 2xy' + 2y = ax^b, y(1) = \frac{a}{9}, y'(1) = 1, y"(1) = 1 + \frac{8a}{9}$$

ограничено на бесконечности.

Решение. Замечая, что исходное дифференциальное уравнение – уравнение Эйлера, решаем его известным методом, вводя новую переменную $x = e'$. Для функции y(t) получим уравнение

$$y''' - 3y' + 2y = ae^{bt}. \quad (1)$$

Соответствующее характеристическое уравнение после упрощения примет вид $k^3 - 3k + 2 = (k-1)^2(k+2) = 0$.

По корням этого уравнения строим общее решение соответствующего однородного уравнения

$$y_0(t) = (C_1 + C_2 t)e' + C_3 e^{-2t}, y_0(x) = (C_1 + C_2 \ln x)x + \frac{C_3}{x^2}.$$

При построении частного решения необходимо рассмотреть случаи:

1) Пусть $b = 1$. Тогда частное решение уравнения (1) ищется в виде $y_ч(t) = At^2 e'$. Методом неопределенных коэффициентов находим $A = \frac{a}{6}$. Тогда общее решение исходного уравнения выглядит следующим образом

$$y(x) = (C_1 + C_2 \ln x + \frac{a}{6}\ln^2 x)x + \frac{C_3}{x^2}.$$

Заметим, что только при $a = 0$ можно рассчитывать на возможность существования ограниченного на бесконечности решения. Начальные условия при $a = 0$ дают систему для нахождения произвольных постоянных, решая которую, получим $C_1 = C_3 = 0, C_2 = 1$. Решение задачи Коши $y = x \ln x$ не ограничено на бесконечности.

2) Пусть $b = -2$. Тогда частное решение уравнения (1) ищется в виде $y_ч(t) = Ate^{-2t}$. В итоге получим $y(x) = (C_1 + C_2 \ln x)x + \frac{C_3}{x^2} + \frac{a}{9}\frac{1}{x^2}$.

Из начальных условий получим $C_1 = C_3 = 0,\ C_2 = 1 + \frac{2a}{9}$.

Из условия ограниченности на ∞ получим решение $y = -\frac{2}{x^2}$ при $a = -\frac{9}{2}$.

3) Пусть $b \neq -2, 1$. Тогда частное решение уравнение (1) ищется в виде $y_ч(t) = Ae^{bt}$. Аналогично,

$$y(x) = (C_1 + C_2 \ln x)x + \frac{a}{(b-1)^2(b+2)}x^b.$$

Из начальных условий получим

$$C_1 = \frac{a(b-4)}{9(b-1)^2}, C_2 = 1 + \frac{a(2b-5)}{9(b-1)}, C_3 = \frac{a(b+1)}{9(b+2)}.$$

Тогда решение задачи Коши примет вид

$$y(x) = \left(\frac{a(b-4)}{9(b-1)^2} + \left(1 + \frac{a(2b-5)}{9(b-1)}\right)\ln x\right)x + \frac{a(b+1)}{9(b+2)x^3} + \frac{ax^4}{(b-1)^2(b+2)}.$$

Ограниченное на бесконечности решение может существовать при выполнении следующих условий $a(b-4) = 0, b < 0, a = \frac{9(1-b)}{2b-5}$.

Как видно, ни при одном из значений параметра a и b система не разрешима. Таким образом, при $b \neq -2,1$ ограниченных на бесконечности решений нет.

Ответ: ограниченное на бесконечности решение исходной задачи Коши существует при $b = -2,\ a = -\frac{9}{2}$.

Задачи для самостоятельного решения

1. Решить уравнение $\frac{1+x-\sqrt{2x+x^2}}{1+x+\sqrt{2x+x^2}} = a^2 \cdot \left(\frac{\sqrt{2+x}+\sqrt{x}}{\sqrt{2+x}-\sqrt{x}}\right)$.

Ответ: при $0 < a \leq 1 \quad x = \frac{(a-1)^2}{2a}$, при остальных a решений нет.

2. При каких значениях a и b уравнение $bx + \frac{1}{x^2} = a$ имеет три корня.

Ответ: при произвольном значении b и $a > \frac{3\sqrt[3]{b^2}}{\sqrt[3]{4}}$.

Библиографический список

1. *Иванова Н.И.* Задачи с параметрами и методы их решения // Актуальные проблемы преподавания математических и естественно-научных дисциплин в образовательных организациях высшего образования. Сборник докладов очно-заочной научно-методической конференции. Кострома, 2021. С. 10–17.

Н.И. Иванова

кандидат физико-математических наук, доцент

доцент кафедры математики

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова
E-mail:natalii803@mail.ru
М.В. Завьялова
преподаватель кафедры математики
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова
E-mail: ya.mary.k@yandex.ru

УДК 37.032.5

Управленческие компетенции в структуре личности российского предпринимателя

В.И. Майковская

Аннотация. Предпринимательство является неотъемлемой частью экономической жизни общества, поскольку малые и средние предприятия выполняют важные социально-экономические задачи в жизни страны. В российской действительности деятельность компаний зависит от макроэкономических и геополитических событий, что требует от национальных предпринимателей гибкости как ответа на высокий уровень неопределенности окружающей среды. Непредсказуемость степени влияния последней вызывает интерес к изучению сущности предпринимательских компетенций в структуре личности предпринимателя, что обуславливает актуальность темы публикации. В связи с этим цель публикации заключается в выявлении совокупности компетенций в структуре личности российского предпринимателя, которые обеспечивают устойчивость предпринимательской структуры с учётом степени влияния факторов внешней среды. Для реализации цели проведён анализ по результатам исследования Консалтингового агентства RosExpert и аналитического доклада АНО «Национальные приоритеты».

Установлен перечень выявленных управленческих компетенций, составляющих профиль успеха предпринимателя. Обоснована актуальность утверждения проекта профессионального стандарта «Предприниматель». Рассматривается роль данного стандарта в системе разделения общественного труда.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, предпринимательские компетенции, управленческие компетенции, профессиональный стандарт, факторы внешней среды.

На рубеже XX – XXI ст. предпринимательство стало неотъемлемой частью экономической жизни общества. Малые и средние предприятия выполняют важные социально-экономические задачи в жизни каждой страны, создавая рабочие места и стимулируя инновации в удовлетворении потребностей. По состоянию на март 2022 г. в России было зарегистрировано 4 млн. индивидуальных предпринимателей, что составляло менее 5 % предпринимательских структур [4]; по состоянию на ноябрь 2024 г. в секторе малого и среднего предпринимательства было занято 28 млн. человек [9].

В условиях быстро формирующейся в России новой экономической модели – экономики предложения, – направленной на расширение производства отечественных товаров, услуг и технологий, а также рост совокупного спроса на фоне внешних вызовов, предприниматели сталкиваются с определёнными проблемами. Российский бизнес в последнее десятилетие существует на перекрестке «цикличного» макроэкономического кризиса и серьёзных геополитический изменений [6], что ориентирует его фокус не на стратегическое управление, а на операционное, позволяя в краткосрочном периоде сосредоточиться на выживании и сохранении позиций.

В настоящей российской действительности деятельность компаний зависит от макроэкономических и геополитических событий, вызвавших изменение институциональной среды, преобразивших структуру ресурсов и бюджетной политики страны. Предпринимателям при планировании деятельности приходится учитывать санкции, которые продолжают отвлекать

ресурсы, снижать экономическую эффективность производства и качество потребления. Поэтому актуальность набирает приоритизация в направлении быстрых результатов. Современные макроэкономические факторы выдвигают значительное количество препятствий и ограничений, требуя от лидеров бизнеса гибкости как ответ на высокий уровень неопределённости и масштабные структурные изменения в экономике. Среди злободневных управленческих компетенций предпринимателя – способность к быстрому принятию решений в условиях небольшого объёма информации и готовность переключиться на соответствующий ситуации сценарий событий. Таким образом, чтобы быть успешным в условиях новой экономической модели, необходимо обладать конкретными навыками и знаниями, которые формируют предпринимательские компетенции.

Тема факторов внешней среды, актуализирующих сущность предпринимательских компетенций, является предметом изучения и теоретиков, и практиков в экономической науке. Интерес представляет исследование Консалтингового агентства RosExpert [6], проведённое посредством онлайн-анкет (111) и личных интервью (59) со 170 респондентами (руководителями бизнес-единиц и ключевых бизнес-функций). Пять ключевых вызовов, дестабилизировавших работу предпринимательских структур в 2023 г., а также сделанный на 2026 г. прогноз представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Оценка результатов влияния факторов внешней среды, % [6]

№ п/п	2023 год		2026 год (прогноз)	
	Факторы внешней среды	Степень влияния	Факторы внешней среды	Степень влияния
1.	Команда (проблемы текучести кадров, мотивации, выгорания)	46	Команда (проблемы текучести кадров, мотивации, выгорания)	41
2.	Геополитическая ситуация	23	Геополитическая ситуация	16
3.	Изменение рыночной конкуренции	21	Изменение рыночной конкуренции	27
4.	Волатильность финансовых рынков и другая экономическая неопределённость	17	Волатильность финансовых рынков и другая экономическая неопределённость	16

5.	Цифровая трансформация и технологические изменения	17	Цифровая трансформация и технологические изменения	35

Анализ данных таблицы 1 с позиций начала 2026 г. позволяет не согласиться с прогнозной степенью влияния факторов «Геополитическая ситуация» и «Волатильность финансовых рынков и другая экономическая неопределённость», поскольку в реалиях сегодняшнего дня очевидна гораздо более сильная степень их влияния. Значимость факторов команды и цифровых технологий, безусловно, остаётся существенной.

Неустойчивость степени влияния факторов внешней среды вызывает интерес к изучению предпринимательских компетенций, поскольку их наличие в структуре личности предпринимателя позволяет понимать, какие именно особенности личности помогают предпринимателям достигать успеха в тех или иных непостоянных условиях. Таким образом, предпринимательские компетенции представляют собой совокупность знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для успешного ведения бизнеса [3].

Принято считать, что термин «компетенция» в научный оборот впервые ввёл американский психолог Р. Уайт **в** статье «Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции» в 1959 г., чтобы описать способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающей средой [8]. В последующие десятилетия понятие компетенций стало широко использоваться в сфере управления персоналом и приобрело множество определений, суть которых едина: это набор знаний, навыков и личного опыта, необходимый для эффективного выполнения определённой деятельности. В управлении персоналом это набор профессиональных знаний и умение их применять.

Результаты исследования Консалтингового агентства RosExpert содержат и так называемый «профиль успеха» – совокупность управленческих компетенций в структуре личности российского предпринимателя, которые обеспечивают устойчивость предпринимательской структуры с учётом степени влияния факторов внешней среды, представленные в *таблице 2.*

Таблица 2

Оценка составляющих профиля успеха, % [6]

№ п/п	2023 год		2026 год (прогноз)	
	Конструкция профиля успеха	Степень влияния	Конструкция профиля успеха	Степень влияния
Компетенции			*Компетенции*	
1.	Ориентация на результат	68	Ориентация на результат	46
2.	Планирование и определение приоритетов	62	Создание нового	60
3.	Гибкость и адаптивность	54	Гибкость и адаптивность	46
4.	Привлечение и удержание талантов	51	Привлечение и удержание талантов	70
5.	Формирование команды (толерантность к неопределенности)	51	Глобальное мышление	49
Цифровые навыки			*Цифровые навыки*	
6.	Работа с данными	65	Работа с данными	51
7.	Инновационность	49	Применение технологий	
8.	Клиентоцентричность	46	Клиентоцентричность	57
ESG практики			*ESG практики*	
9.	Забота о сотрудниках	86	Забота о сотрудниках	95
10.	Этичное рыночное поведение	73	Этичное рыночное поведение	68
11.	Активная социальная позиция	27	Активная социальная позиция	30

Результаты в *таблице 2* представлены в виде процента респондентов, выбравших компетенцию/навык как приоритетную от числа ответивших на конкретный вопрос.

Анализ данных *таблицы 2* с позиций начала 2026 г. позволяет констатировать смену составляющих профиля успеха за три года в оценке респондентов, а также их прямую зависимость в оценках от влияния факторов внешней среды в каждом анализируемом временном промежутке.

Неустойчивость степени влияния факторов внешней среды актуализует вопрос компетентности как совокупности свойств личности, которые обеспечивают эффективность действий в зависимости от изменчивости этих факторов. В данном ракурсе компетентность – это потенциальная готовность решать задачи, которая включает в себя содержательный (знание) и процессуальный (умение) компоненты и предполагает знание существа проблемы и умение её решать; это постоянное обновление знаний и владение новой информацией для успешного применения этих знаний в конкретных

условиях, т. е. обладание оперативным и мобильным знанием. Компетентность – это обладание определённой компетенцией, т.е. знаниями и опытом собственной деятельности, позволяющими выносить объективные суждения и принимать необходимые решения в конкретной сфере [5].

Синонимами к слову «компетентность» являются слова «осведомленность, грамотность, подготовленность, авторитетность, квалификация, знания, опыт», а также слова, подчеркивающие уровень компетентности: «профессионализм, мастерство, экспертиза, умение» [11]. Основной антоним к слову «компетентность» – некомпетентность и синонимичные слова «безграмотность, невежество, неосведомленность, неопытность, неподготовленность» [10].

Несколько иной взгляд на компетентность в структуре личности российского предпринимателя зафиксирован в аналитическом докладе «Предпринимательство: новая роль и компетенции в экономике России» [9] АНО «Национальные приоритеты» [12]. Данный социальный институт создан с целью повышения осведомлённости граждан о возможностях и результатах национальных проектов (программ) и расширения их участия в реализации. Доклад содержит оценку результатов реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2019–2024 гг., а также выделяет ключевые направления поддержки МСП до 2030 г.

В докладе отмечается, что на фоне внешних вызовов в России формируется новая экономическая модель – экономика предложения, – направленная на расширение производства отечественных товаров, услуг и технологий и обеспечение роста совокупного спроса. Для построения новой модели экономического роста были сформулированы ключевые задачи, в связи с чем актуализировано внимание изменении роли сектора МСП от источника рабочих мест к движущей силе развития новой экономики России. Авторы доклада отметили, что для достижения обозначенных задач в секторе МСП недостаточно существующих ныне компетенций, поскольку фокус предпринимательства смещается с запуска собственного бизнеса к его

развитию и расширению. В связи с этим авторы доклада составили перечень необходимых предпринимательских компетенций и «мягких» навыков, среди которых: 1) знание основ ведения бизнеса; 2) развитие клиентского сервиса; 3) навыки внедрения принципов «бережливого производства»; 4) навыки цифровизации и автоматизации; 5) компетенции в сфере внешнеэкономической деятельности; 6) совмещение предпринимательской и научной деятельности; 7) способность делегирования и выход за «рамки эго»; 8) навыки принятия решений в условиях неопределенности; 9) наличие любопытства; 10) гибкость ума и умение анализировать обстановку. Среди десяти обозначенных компетенций и навыков пять («3», «6», «7», «8», «10») относятся к области менеджмента или самоменеджмента, т.е. фактически являются управленческими.

В докладе «Предпринимательство: новая роль и компетенции в экономике России» обозначен курс предполагаемых необходимых социальных изменений с участием образовательной инфраструктуры, который предусматривает для развития названных выше компетенций создание «бесшовного» образовательного процесса от преподавания основ предпринимательства в рамках общего образования (в школе) до его плавного перетекания в создание собственного дела на фоне непрерывного обучения в образовательных учреждениях СПО и вузах.

Разница в подходах к пониманию предпринимательской компетенции и её структуры формирует необходимость институализации данной дефиниции. В законодательстве РФ понятие компетенции зафиксировано в Методике оценки уровня квалификации педагогических работников как новообразование субъекта деятельности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки, представляющее собой системное проявление знаний, умений, способностей и личностных качеств, позволяющее успешно решать функциональные задачи, которые составляют сущность профессиональной деятельности [7]. В ст. 73 ФЗ 273 «Об образовании в Российской Федерации»»

прямо указано, что профессиональное обучение направлено на приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции [1].

Из сферы управления персоналом понятие компетенций было перенесено в федеральные государственные образовательные стандарты, в которых оно выглядит как требования к кандидатам на вакансию.

В целях выполнения поручения Президента Российской Федерации Рабочая группа Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка утвердила и направила на согласование Национальному Совету при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям проект профессионального стандарта «Предприниматель», в котором согласно Общероссийскому классификатору занятий предпринимательство отнесено к одноимённой области профессиональной деятельности с кодом ОПД 34.

Стандарт содержит определение предпринимательства к видам экономической деятельности по ОКВЭД как профессиональной деятельности со сквозным (межотраслевым) характером за исключением тех, в которых решение предпринимательских задач не предусмотрено законодательством РФ.

В данном документе выделены группы занятий по ОКЗ и установлено описание трудовых функций как функциональная карта вида профессиональной деятельности с возможным наименованием должностей (профессий рабочих) и уровнями (подуровнями) квалификации.

Стандарт рассматривает пути достижения квалификации (образование и обучение, опыт практической работы, особые условия допуска к работе и другие характеристики); содержит описание трудовых действий, необходимых знаний, умений и навыков в разрезе возможных наименований должностей (профессий рабочих).

Разработанный Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», Ассоциацией содействия развитию предпринимательства «Национальная ассоциация обучения предпринимательству», Ассоциацией участников финансового рынка «Совет по развитию профессиональных квалификаций», НОЧУ ВО Московский

финансовый промышленный университет «Синергия» [2], профессиональный стандарт «Предприниматель» раскрывает предпринимательство как вид профессиональной деятельности в системе разделения общественного труда, устраняет нормативно-правовые коллизии и формирует вектор развития российского образования.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mkx1wcl19l367651183 (дата обращения: 23.03.26).
2. Протокол № 2 заседания Рабочей группы Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка от 10.03.25. URL: https://asprof.ru/site/public/elfinder/Docs/Protokol %20от %2010.03.25.pdf?ysclid=mkx2eejy4i37342092 (дата обращения: 21.03.26).
3. *Балабанова А.В.* Предпринимательские компетенции: содержание, принципы формирования и развития. URL: https://www.scinotes.ru/jour/article/view/1090/889 (дата обращения: 24.01.26).
4. Какие компетенции нужны современному предпринимателю // Русская школа управления: официальный сайт. 17.03.2022. URL: https://uprav.ru/blog/kompetentsii-sovremennogo-predprinimatelya/ (дата обращения: 25.01.26).
5. Компетентность // Свободная энциклопедия Wikipedia : официальный сайт. 15.07.2026. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0 %9A %D0 %BE %D0 %BC %D0 %BF %D0 %B5 %D1 %82 %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %82 %D0 %BD %D0 %BE %D1 %81 %D1 %82 %D1 %8C (дата обращения: 25.01.26).
6. Компетенции будущего: кто будет управлять бизнесом в России в 2026 г. (экспертный отчёт по результатам исследования) // Консалтинговое агентство RosExpert : официальный сайт. 2023.

URL: https://zoon.ru/msk/business/konsaltingovoe_agentstvo_rosexpert/?ysclid=mn381t6d5x300206754 (дата обращения: 17.01.26).

7. *Кузнецова И.В., Шадриков В.Д.*. Методика оценки уровня квалификации педагогических работников. М., 2010.
8. Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции. Роберт Уайд // Проект «Расписание уроков»: официальный сайт. 2026. URL: https://aimfirst.ru/docs/science/article/motivation-reconsideredconcept-of-competence?ysclid=mn3cz1l7lv514969280 (дата обращения: 18.01.26).
9. Предпринимательство: новая роль и компетенции в экономике России: национальные приоритеты (экспертный аналитический доклад) // Комитет по развитию малого, среднего бизнеса и потребительского рынка Ленинградской области : официальный сайт. 2025. URL: https://msp.lenobl.ru/ru/news/80084/ (дата обращения: 18.01.26).
10. Словарь синонимов (антонимы). URL: Sinonim.org (дата обращения: 18.01.26).
11. Словарь синонимов. URL: https://sinonim.org (дата обращения: 18.01.26).
12. Учреждена автономная некоммерческая организация «Национальные приоритеты» // Правительство России : официальный сайт. 2019. URL: http://government.ru/docs/38512/ (дата обращения: 17.01.26).

В.И. Майковская

доктор педагогических наук,

доцент кафедры менеджмента

АОЧУВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

E-mail: v_maykovskaya@mail.ru

УДК 373.2

Народные праздники как инструмент комплексного развития личности дошкольника, сохранения у него культурно-исторического наследия и формирования гражданской идентичности

Л.М. Машковцева, Ю.С. Мохова

Аннотация. В статье рассматривается роль народных праздников в сохранении культурно-исторического наследия и воспитании подрастающего поколения в контексте Года единства народов России. Показано, как традиции и фольклор – песни, танцы, игры, обряды – способствуют формированию национальной идентичности, нравственных ценностей и творческих способностей у детей, укрепляют связь поколений и помогают осознать общность исторической судьбы многонационального народа. Приведены примеры влияния конкретных народных праздников (Масленица, Пасха, Иван Купала) на развитие личности ребенка: они развивают эмоциональный интеллект, воспитывают уважение к традициям, стимулируют воображение и эстетический вкус. Подчеркивается, что участие в праздничных мероприятиях создает атмосферу единения, дает положительный эмоциональный опыт и закладывает основы гражданской идентичности с раннего возраста.

Ключевые слова: народные праздники, культурно-историческое наследие, традиции, национальная идентичность, воспитание детей.

В эпоху глобализации и стремительного развития информационных технологий вопрос сохранения культурно-исторического наследия остается актуальным. В соответствии с Указом Президента РФ от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» задача воспитания у подрастающего поколения уважения к культурным ценностям народов страны, укрепления гражданской идентичности и осознания общей исторической судьбы многонационального российского общества занимает центральное место в системе современного отечественного образования [1, с. 1].

Общество, как единый социальный организм, в котором традиции являются основой стабильности и преемственности в сфере общественных отношений и культурной системы народа, нацелено на органичное развитие национальной самоидентичности и культуры. В связи с этим в последние годы наблюдается устойчивый интерес к своему духовному наследию [6, с. 127].

Согласно определению С.И. Ожегова, традиции – это то, что передается от поколения к поколению: идеи, воззрения, эстетические предпочтения, модели поведения, обычаи, укоренившиеся в быту. Передача традиций потомкам осуществляется через фольклорные формы: народную музыку, танцы, устное творчество и т.д. [11, с. 1158].

И.А. Панкеев отмечает, что поступательное развитие невозможно без многовекового опыта и традиций, ставших частью культурного достояния России. Поэтому сохранение культурных обычаев – одна из важнейших задач общества [12, с. 15].

Многообразие фольклора – сказки, песни, пословицы, поговорки, хороводы – хранит ключевые ценности русского языка. В произведениях устного народного творчества отражены: самобытные черты национального характера; нравственные ориентиры; представления о добре, красоте, правде, мужестве, трудолюбии и верности; уважительное отношение к труду и восхищение человеческим мастерством. С учетом вышесказанного фольклор представляет собой значимый ресурс для интеллектуального и морального воспитания детей, обеспечивая комплексное воздействие на их личностное становление [8, с. 7].

Народные праздники – эффективный механизм передачи духовных ценностей между поколениями и формирования национальной идентичности. Как средство патриотического воспитания они объединяют наблюдения за сезонными изменениями, погодой, поведением животных и растений – и связывают их с трудовой деятельностью и разными аспектами общественной жизни [9, с. 244].

Каждый праздник имеет свои ритуалы, приметы и особенности. Русский народ не только сохранил традиционные торжества, но и продолжает их отмечать – прежде всего из уважения к своей истории, корням и обычаям.

Праздник – это особое эмоциональное состояние, вызванное значимым событием. В жизни человека личное и общественное тесно связаны: торжества, связанные с историей страны и ее традициями, помогают осознать свою связь с народом. Праздник выполняет важную социальную функцию – в нем человек ощущает себя частью коллектива. Через праздник проявляются все формы культуры сообщества: от норм поведения до демонстрации костюмов и исполнения обрядов [10, с. 118].

С развитием общества одни праздники сменяются другими, отражая дух времени. При этом элементы старых традиций сохраняются в новых формах и продолжают радовать детей.

Многие исследователи (Ж.Н. Тельнова, В.Л. Малашенкова, М.В. Мякишева, Е.В. Намсинк) подчеркивают, что приобщение к традициям следует начинать с дошкольного возраста [5, с. 4].

Народный праздник – источник радости, объединяющий взрослых и детей, и способ осознать себя частью большого народа. Он должен стать для ребенка ярким событием, которое запомнится надолго. Праздник – действенный инструмент художественного воспитания, развивающий эстетический вкус: красочное оформление пространства, костюмов, музыкально-литературный материал помогают детям развить чувство прекрасного [2, с. 29].

Народные торжества создают атмосферу единения и праздничного настроения, помогая детям приобщиться к национальной культуре через песни, танцы и игры.

Игра – важная часть праздника, дающая заряд положительных эмоций. Это значимый вид детской деятельности, который удовлетворяет потребность в движении, действии и познании окружающего мира. Русские народные игры ярко отражают любовь к веселью и активности. Многие из них созданы для

развлечения и соответствуют цели праздника – создать атмосферу радости и доброжелательности [9, с. 245].

Народные праздники оказывают значительное влияние на развитие ребенка. Рассмотрим основные направления этого влияния:

1. Формирование нравственных ориентиров:
   - «Масленица» помогает детям понять ценность прощения и доброты через традиционные обряды и игры;
   - участие в праздновании «Пасхи» способствует осознанию важности семьи, уважения к старшим и заботы о близких;
   - «День Ивана Купала» формирует представление о гармонии природы и единстве человека с окружающим миром.
2. Развитие эмоционального интеллекта:
   - «Святки» с песнями, играми и колядками развивают эмпатию и эмоциональную отзывчивость;
   - «Троица» учит замечать красоту природы через украшение домов зеленью и цветами;
   - «Покров» создает ощущение защищенности и единства с сообществом.
3. Социальное развитие:
   - «Праздник урожая» учит детей сотрудничать, помогать друг другу и работать в команде;
   - «Рождество» развивает навыки взаимопомощи и благотворительности;
   - весенние праздники формируют умение организовывать совместные мероприятия и распределять роли.
4. Культурное обогащение:
   - народные гуляния знакомят с фольклором, песнями, танцами и обычаями;

- обрядовые праздники передают знания о традициях предков и исторической памяти;
- ярмарки открывают мир народных промыслов и ремесел.

5. Творческое развитие:
   - хороводные игры развивают музыкальный слух, координацию и чувство ритма;
   - народные костюмы формируют эстетический вкус и понимание красоты;
   - праздничные забавы стимулируют воображение и креативность.
6. Практическое применение:
   - «Праздник Осени» помогает детям осознать цикличность природных процессов;
   - «Новый год» учит планировать, готовиться к событию и создавать подарки своими руками;
   - «Масленица» знакомит с традициями гостеприимства и щедрости.
7. Формирование идентичности:
   - участие в народных праздниках помогает ребенку осознать свою принадлежность к народу и культуре;
   - традиционные костюмы и обряды воспитывают гордость за свое наследие;
   - совместные торжества укрепляют связь поколений и передают семейные ценности [7, с. 495].

На праздниках решаются задачи эстетического, физического, интеллектуального и нравственного воспитания. Песни и танцы развивают музыкальные и художественные способности, а основой этих видов творчества выступает игра: каждое движение танца или песня рождается из игрового образа. Народные песни – это мини-спектакли, доступные каждому. Дети любят хороводы – сочетание движения и пения: они просты, понятны и являются подлинным образцом музыкальной и поэтической культуры.

В хороводах используются естественные движения, которым не нужно специально обучать. То же касается и народных песен: при их разучивании ребенок чувствует себя свободно и быстро запоминает текст [3, с. 347].

При организации народного праздника следует учитывать местные обычаи, игры и региональные особенности. Подготовка и проведение народного праздника способствуют развитию дружеских отношений между детьми, привычки играть сообща, а также воспитывают уважение к малой родине и представителям разных национальностей. Знакомя детей с традициями и обычаями на праздниках и расширяя их представления о родной стране и крае, мы способствуем их интеллектуальному развитию [4, с. 10; 5, с. 6].

В результате участия в народных праздниках у детей формируется устойчивая связь с этнокультурными традициями, что способствует развитию культурной идентичности и осознанию исторической общности с народом. Кроме того, праздничная деятельность активизирует творческие способности, стимулирует инициативное поведение и обеспечивает положительный эмоциональный опыт, который выступает ресурсом для личностного развития и повышения жизненной энергии.

Библиографический список

1. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : Указ Президента РФ от 25.12.2025 № 962 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 52 (ч. I). Ст. 9876.
2. *Анисимкина Н.М.* Народные праздники как средство приобщения дошкольников к народной культуре и традициям // Педагогический форум. 2018. № 1(1). С. 29–31.
3. *Бурляева Е.Н., Толмачева Н.В.* Значение народной песни в воспитании дошкольника // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2017. С. 346–349.
4. *Васильева М.А., Гербова В.В., Комарова Т.С.* Программа воспитания, обучения и развития в детском саду. М.: Мозаика-Синтез, 2011.

5. Дошколятам о нашем Отечестве. Парциальная программа по патриотическому воспитанию детей старшего дошкольного возраста / Ж.Н. Тельнова, В.Л. Малашенкова, М.В. Мякишева, Е.В. Намсинк. Омск, 2022.
6. *Зенкова Е.А., Акоева Н.Б.* Актуализация традиций в современном обществе как фактор сохранения нематериального культурного наследия // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4(79). С. 126–134.
7. *Золотова Т.Н.* Традиционный календарный праздник в культуре России XX – начала XXI вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1(23). С. 493–504.
8. *Князева О.Л.* Приобщение детей к истокам русской народной культуры. М.: Детство-пресс, 2024.
9. *Коноваленко Ю.В., Константинова Н.М.* Роль народных праздников в воспитании детей дошкольного возраста // Школа как платформа для успешной социализации обучающихся на уровне профессионального образования. 2020. С. 243–246.
10. *Майборода М.В.* Функциональные трансформации праздника и его предназначение в обществе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4(30). С. 116–122.
11. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 2024.
12. *Панкеев И.А.* Обычаи и традиции Русского народа. М., 1999.

Л.М. Машковцева
кандидат педагогических наук
старший воспитатель
МКДОУ «Детский сад № 88» города Кирова
E-mail: lariskin1@yandex.ru
Ю.С. Мохова
учитель-логопед
МКДОУ «Детский сад № 88» города Кирова
E-mail: yu.mohova2015@yandex.ru

УДК 159.9.072

Исследование жизненной перспективы методом направленных фантазий: практика управляемой визуализации «Путешествие к будущему Я»

Т.В. Пивоварова, Л.В. Фридман

Аннотация. В статье обосновывается актуальность использования метода направленных фантазий для диагностики глубинных представлений личности о собственном будущем. Цель исследования – разработка сценария управляемой визуализации, проведение сеанса с группой участниц и качественный анализ выявленных образов, символов и эмоциональных паттернов. В исследовании приняли участие женщины в возрасте от 35 до 60 лет. Процедура включала групповое медитативное погружение по авторскому сценарию «Путешествие к будущему Я» с последующим структурированным самоотчетом. В результате были выделены повторяющиеся темы: свет как маркер осознанности, природные стихии как ресурс восстановления, зеркало и взгляд как индикатор внутренней честности, подарок-символ как психологический «якорь». Образ будущего во всех случаях оказался связан с движением от тревоги к покою, обретением «своего места» и внутренней зрелостью. Метод направленных фантазий показал эффективность как инструмент изучения жизненной перспективы.

Ключевые слова: направленные фантазии, управляемая визуализация, жизненная перспектива, образ будущего, психологический анализ, символ, эмоциональные паттерны.

В современной психологии сохраняется запрос на методы, позволяющие актуализировать глубинные представления личности о будущем, минуя механизмы социальной желательности и сознательного контроля. К числу таких методов относится техника направленных фантазий (управляемой визуализации), которая создает условия для проникновения в область неотрефлексированных ценностей, страхов и ожиданий [1; 5]. В отличие от прямого опросного метода, визуализация опирается на образно-

символическое мышление и обращается к дорефлексивным пластам внутреннего опыта [6].

Цель настоящей работы – разработать сценарий управляемой визуализации «Путешествие к будущему Я», провести сеанс с группой участников и выполнить качественный психологический анализ полученных отчетов с выделением повторяющихся тем, символов и эмоциональных паттернов.

Исследование проводилось в групповом формате. Участниками выступили четыре женщины в возрасте от 35 до 60 лет. Процедура включала следующие этапы: 1) вводная инструкция и создание «капсулы времени» как ресурсного состояния; 2) перемещение в образ будущего (фиксация места, времени суток, телесных ощущений); 3) встреча с повседневностью (детали быта, деятельности, социальной роли); 4) взгляд в зеркало и получение вербального послания от будущего «Я»; 5) обретение символического подарка; 6) возвращение в актуальное состояние «здесь и сейчас». После завершения сеанса участницы заполняли структурированный опросник, где фиксировали ключевые образы, эмоции и телесные ощущения. Анализ отчетов проводился по следующим категориям: общая атмосфера и место действия, социальная роль, эмоциональный фон, символический ряд [2; 4, с. 6].

Результаты показали, что у каждой участницы сформировался индивидуальный, но структурно сходный образ будущего. У участницы № 1 зафиксирован образ вершины горы, лето, золотистый свет, роль «созерцателя» и «мудреца». В зеркале отмечены «ясные сияющие глаза». Фраза будущего «Я»: «Гармония, покой и созерцание». Подарок – перо Жар-птицы как символ вдохновения, не обременяющего обязательствами.

У участницы № 2 доминирует образ весеннего солнечного города, прогулка по тротуару, роль «реализованной женщины», грация и уверенность. Послание: «Ты все правильно делаешь». Подарок – фигурка-неваляшка, символизирующая баланс и устойчивость в движении.

У участницы № 3 представлен образ дома у моря, раннее утро, рядом муж и собака, роль профессионала и хозяйки. В зеркале – «молодость, сияющие

глаза, легкость и сила». Фраза будущего «Я»: «Ты сохранила себя – живую, настоящую». Подарок – морская галька как теплый «якорь» дома и покоя.

У участницы № 4 возникает образ светлой квартиры в утренних лучах, статичное бытие, роль «хозяйки своей жизни». Послание: «Ты уже пришла туда, куда долго боялась идти». Подарок – ключ как символ личных границ и полноправного владения собственной судьбой.

Сводный анализ позволил выделить повторяющиеся символические ряды. Метафора света (солнце, золотистое сияние, светлая квартира) присутствует во всех отчетах и интерпретируется как универсальный маркер осознанности, ясности и избавления от тревожной неопределенности. Природные стихии (гора, водопад, море, растения) выступают в качестве главного исцеляющего ресурса и источника восстановления внутренних сил.

Значимым элементом стал образ зеркала и «сияющих глаз» – это признак обретения честности с собой и возвращения жизненной энергии. Во всех случаях отмечен контраст между актуальным состоянием (телесные зажимы, фоновая тревога, страх) и образом будущего (расслабленность, грация, мягкое лицо). Послания от будущего «Я» носят исключительно поддерживающий характер («Ты все сделала правильно», «Ты уже пришла») и выполняют функцию валидации жизненного пути [3].

Подарки-символы (перо, неваляшка, галька, ключ) выполняют роль когнитивных и эмоциональных «якорей», позволяющих удерживать найденное равновесие и смягчать последствия экзистенциального кризиса.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что метод направленных фантазий продемонстрировал свою эффективность как инструмент диагностики жизненной перспективы. Образ будущего у всех участниц оказался связан с движением от напряжения к покою, обретением «своего места» и внутренней зрелости, причем достижения измеряются не столько внешними успехами, сколько состоянием «быть в ладу с собой». Полученные данные могут быть использованы в консультативной практике для укрепления ресурсных состояний и построения индивидуальных траекторий к желаемому будущему.

Перспективой для дальнейших исследований является, прежде всего, целесообразность расширения выборки, в том числе мужчин и представителей разных возрастных когорт, что позволит выявить гендерные и возрастные особенности образа будущего. Перспективным представляется также проведение количественного анализа с использованием методов контент-анализа и факторного анализа символических паттернов, а также сравнение данных, полученных в экспериментальной и контрольной группах. Например, с применением плацебо-визуализации или опросников временной перспективы. Лонгитюдные наблюдения могут дать ответ на вопрос о динамике образа будущего в процессе психологического консультирования.

Библиографический список

1. *Кроссли М.Л.* Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков, 2013.
2. *Менегетти А.* Введение в онтопсихологию. М., 2004.
3. *Обухов А.С., Чурилова Е.Е.* Современные подходы к исследованию личности через нарративные тексты // Преподаватель XXI век. 2009. С. 331–341.
4. *Турушева Ю.Б.* Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. С. 6.
5. *Зайцева Ю.Е.* Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 118–136.
6. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.

Т.В. Пивоварова

кандидат психологических наук,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний»

E-mail: Tanyabeer@yandex.ru

Л.В. Фридман

магистрант

ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»

E-mail: fridmoxs@mail.ru

УДК 159.922.7.

Травля, как деструктивное взаимодействие подростков в современном образовательном пространстве

Е.С. Трещалова

Аннотация. Статья содержит краткий обзор деструктивного взаимодействия в среде подростков, которое проявляется через ряд исходных признаков. Травлю следует рассматривать как сложную систему взаимоотношений, в которой выражаются и проявляются различные формы переживаний и поведения всех участников процесса Представлены результаты исследования социометрического статуса подростка как предиктора ролевого поведения в ситуации школьной травли, что может представлять практическую значимость исследования. Анализ работы Д. Олвеуса позволил выявить следующие позиции травли: прямой активный буллинг – проявления физической и вербальной агрессии и косвенный активный буллинг – проявления изоляции, сплетни, заговоры, бойкоты, игнорирование просьб [5, с. 317]. В эмпирическом исследовании отражены результаты сравнения, полученные в группе мальчиков и девочек о наличии выявленной распространенности и специфики буллинга по Опроснику Д. Олвеуса «Буллинг» [5, с. 321]. Сравнение проведено с использованием критерия Манна-Уитни. Представлены результаты социометрического исследования межличностного взаимодействия подростков.

Ключевые слова: деструктивное взаимодействие, травля, косвенный и прямой активный буллинг, социометрическое исследование.

Деструктивное взаимодействие в среде подростков может носить разрушительный характер. Ложным является мнение большинства взрослых о том, что в целом это нормальные и лишь частично проблемные взаимодействия. Однако, на самом деле часто такие ситуации выходят из-под контроля взрослых или остаются незамеченными. Тем не менее для большинства родителей и педагогов проблема травли среди подростков связана с нарастающей тревогой. Данная проблема опасна тем, что травля – не просто конфликт между двумя равными сторонами, а преднамеренное систематическое агрессивное поведение группы лиц по отношению к одному человеку, включающее неравенство социальной или физической власти [5, с. 318]

В работах Т.Г. Гришиной, А.А. Нестеровой, буллинг рассматривается не просто как отдельный поведенческий акт, а как сложная система взаимоотношений, в которой выражаются и проявляются различные формы переживаний и поведения всех участников процесса [1, с. 15].

Как отмечают А.А. Приходько, И.Ю. Суворова те программы, которые пытаются решить проблему травли среди подростков затрагивают лишь, просветительские аспекты, а не помощь в реальной системной борьбы с проблемой [2, с. 137].

В современном образовательном пространстве проблема травли носит системный характер. Трудно найти количественный показатель проявления данного явления, так как он может варьироваться в зависимости от методологии исследований. В действительности значительная часть российских школьников постоянно сталкивается с той или иной формой травли. Это может проявляться как в явной физической агрессии, так и в более скрытых, но не менее разрушительных формах, таких как вербальные оскорбления, унижения, угрозы, распространение слухов, социальная изоляция и бойкот. Особую тревогу вызывает рост кибертравля, ставшая актуальной темой научных дискуссий. Зих И., Фаррингтон Д., Лорент В. Дж., Ттофи М.

отмечают, что традиционные формы все еще встречаются гораздо чаще [6, с. 15–19].

Теоретический анализ травли, как деструктивного взаимодействия подростков дан в работах В.В. Авдеева, Б.Г. Ананьева, И.А. Баевой, Л.Ф. Бурлачук, И.В. Дубровиной, Б. Краус, А.А. Реан, В.И. Слободчикова, Д.И. Фельдштейна и других [3, с. 987; 4, с. 380; 2, с. 137–140].

В узком смысле деструктивное взаимодействие представляет собой такую форму поведения, которую в обществе рассматривают как нежелательное, требующее пресечения и предупреждения.

Деструктивное поведение подростков по мнению А. А. Приходько, И.Ю Суворовой, проявляется через ряд исходных признаков:

- отклонение от социальных норм, принятых в обществе или пренебрежение ими;
- социальная изоляция и скрытность;
- отрицательная общественная оценка;
- компенсация деструктивными поведенческими актами имеющегося личностного неблагополучия и социальной дезадаптации;
- характерность проявления индивидуального и половозрастного деструктивного поведения;
- отклоняющееся поведение [2, с.137–139].

Вышеперечисленные признаки в школьной среде помогают понять и раскрыть системную природу травли. Практически приходит понимание, что назрела настоятельная необходимость поиска системных путей разрешения данного явления. Для этого необходимо, во-первых, понимание содержания самого понятия и его основных признаков, как деструктивного вида взаимодействия. Во-вторых, необходимо формирование представлений о современном образе участников обозначенного взаимодействия, их социально-психологической характеристики («жертве», «агрессору», «наблюдателям»). В-третьих, провести анализ психологических последствий травли, которые могут влиять на изменение социализации личности подростка.

На основании этого нами было проведено исследование с целью определения социометрического статуса подростка как предиктора ролевого поведения в ситуации школьной травли на базе одной из школ г. Кирова

В исследовании принимали участие учащиеся 7-х классов. Общее количество испытуемых – 43 человека. В гендерном соотношении – 21 девочка и 22 мальчика.

В качестве гипотезы сформулировано предположение о том, что в зависимости от занимаемого социометрического статуса проявляются разные роли поведения в ситуации школьной травли: у подростков с низким социометрическим статусом («пренебрегаемые», «изолированные») преобладает роль «жертвы», у подростков с высоким социометрическим статусом («звезды», «предпочитаемые») преобладает роль «защитника» или «инициатора» травли.

Для исследования были использованы методы:

- общенаучные теоретические методы (анализ научной литературы по проблеме исследования, сравнительный анализ, обобщение, систематизация);
- –эмпирические методы (наблюдение, психодиагностические: опросники и тесты: Опроснику Д. Олвеуса «Буллинг». Тест агрессивности (Басса-Перри, адаптация С.Н. Ениколопова); Социометрия (Дж. Морено) [5, с. 321; 4, с. 380;].
- методы математико-статистической обработки данных

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы специалистами для нормализации отношений в среде подростков, снижения у подвергающихся травле страха, агрессии. Полученные результаты позволяют разработать коррекционную программу, направленную на снижение готовности участвовать в травле и коррекции деструктивных стилей общения, формировании конструктивных коммуникативных навыков.

Представленные в *таблице 1* результаты сравнения, полученные по опроснику Д.Олвеуса «Буллинг» в двух классах, выявили позиции: проявления буллинга и подверженность ему.

Таблица 1.

Сравнение гендерных результатов выявленной распространенности и специфики буллинга по Опроснику Д. Олвеуса «Буллинг» (n=43)

респонденты	Прямой активный буллинг	Косвенный активный буллинг	Прямой пассивный буллинг (виктимизация	Косвенная виктимизация (косвенный пассивный буллинг
девочки	3,5 ± 1,24	4,3 ± 1,7	4,8 ± 0,7	4,4 ± 1
мальчики	4,35 ± 1,95	4,5 ± 1,7	3,2 ± 0,6	4,7 ± 2,7
достоверность	0,06	0,07	0,05	0,06

Достоверность по критерию Манна-Уитни при $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$

Как видим, результаты, представленные в таблице 1, отражают выраженность распространенности и специфики буллинга, которое диагностируется суммой баллов, полученных за ответы на вопросы в соответствующих блоках.

Результаты по критериям «Прямой активный буллинг», «Косвенный активный буллинг» и «Косвенная виктимизация» (косвенный пассивный буллинг). У мальчиков и девочек не выявлена достоверность в различии. Это значит, что как у тех, так и у других проявляется в поведении наличие или предрасположенность к травле. По критерию «Прямой пассивный буллинг» (виктимизация) выявлена достоверность различий по критерию Манна-Уитни при $p \leq 0,05$. Это слабая значимость, но тем не менее она проявляется. Следует отметить, что среди опрошенных: у 20 мальчиков и 20 девочек ярко выражена склонность к травле вербальной. Среди девочек прямой пассивный буллинг выше. Это говорит о том, что большинство учеников используют не физическую, а вербальную агрессию во взаимодействии. При этом у обучающихся активный буллинг проявляется несколько раз в неделю.

Проведение социометрического исследования обусловлено значимостью статуса личности в условиях межличностного взаимодействия подростков.

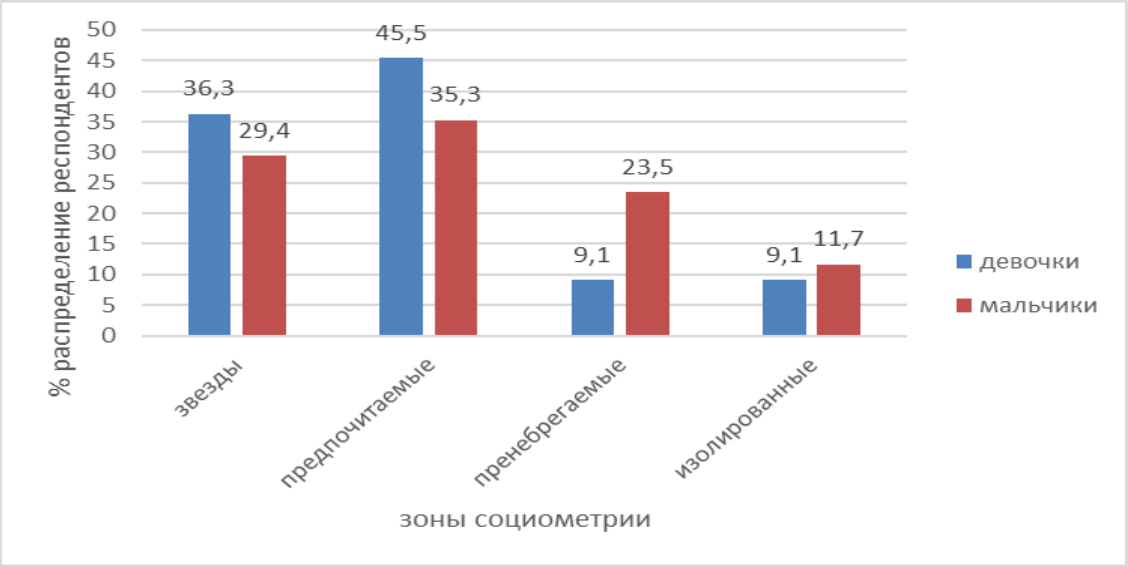

Рисунок 1. Относительный показатель социометрических позиций подростков 7 «Г» класса по методике «Социометрия» Дж. Морено (n=28)

Примечание: составлено автором

Как видим на *рисунке 1*, что 9,1 % девочек и 11,7 % мальчиков попали в число изолированных. Для подростков характерно проявление затруднений в правильной оценке себя, что приводит к затруднениям в поиске адекватной для себя референтной группы. Данное затруднение приводит к тому, что они уходят в себя или иногда становятся агрессивными, в результате чего возникают проблемы в сфере взаимоотношений со сверстниками (высокая тревожность, конфликтность, неумение управлять своими эмоциями).

В беседе с подростками категории «Звезды» было выявлено, что у них формируется достаточно устойчивый статус в системе взаимоотношений с другими подростками, именно они во многом влияют и на развитие личностных качеств других подростков, и на формирование социальных установок.

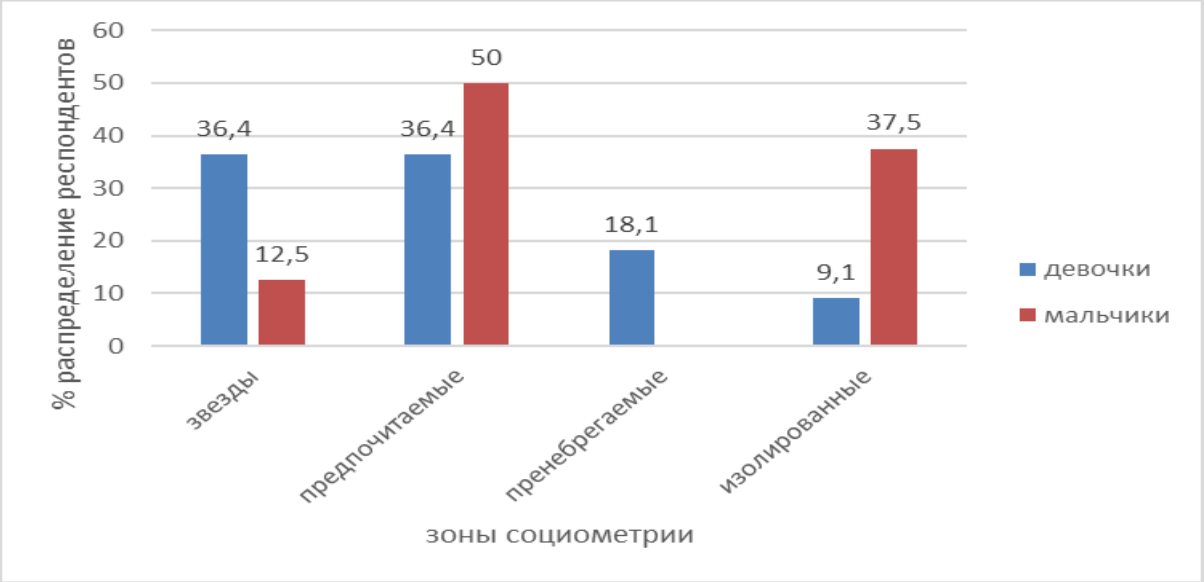

Рисунок 2. Относительный показатель социометрических позиций подростков 7 «В» класса по методике «Социометрия» Дж. Морено (n=27)

Примечание: составлено автором

Как видим на *рисунке 2,* в число изолированных попали 9,1 % девочек и 37,5 % мальчиков. В процентном соотношении в данном классе больше подростков изолированных. Мы предполагаем, что результаты связаны с тем, что у подростков с одноклассниками происходит взаимодействие в системе объективных отношений, которые складываются в их повседневной жизни и в школьном классе. Следует обратить внимание на то, что исследование проводилось в начале учебного года, когда классы были вновь сформированы и не все дети были между собой знакомы. Коллектив только начинал формироваться, а отношения еще не совсем сложились, на тот момент шло «освоение» территории и распознавание рядом находящихся. Надлежит учитывать и то, что не каждый подросток может добиться моментального признания, так как индивидуальные особенности и установки многих подростков мешают занять высокое статусное место, социализироваться именно в той социальной группе, которая для них является желательной.

Таким образом, эмпирические данные указывают на системную природу травли и определяют отношения между членами класса. Своевременное выявление социального статуса и специфики травли позволит охарактеризовать

личность подростка и понять либо он ловко использует образ жертвы, но не является подобной по сути, либо это действительно подросток, который переживает направленную на него агрессию.

Правильно подобранная психологом методика позволит предотвратить обозначенный процесс в момент зарождения и предотвратить его последствия. Не устранение травли в момент развития и становления личности подростка может приводить к разрушительным и необратимым последствиям.

Библиографический список

1 *Гришина Т.Г.* Исследование буллинга среди школьников: обзор зарубежных исследований // Современная прикладная психология: теория и практика. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. М., 2017. С. 14–17.

2 *Приходько А.А., Суворова И.Ю.* Школьный буллинг: системность и противодействие // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 136–144. URL: https : // psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2022_n4/Prikhodko_Suvorova

3 *Реан А.А., Коновалов И.А.* Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 292–301.DOI:10.24411/2073-0454-2020-10500

4 *Jimerson, S. R., Swearer, S. M., Espelage, D. L.* Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective. New York, 2010.

5 *Olweus D.* Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // Social Withdrawal, inhibition, and Shyness in Childhood. Mahwah, 1993. P. 315–341.

6 *Zych I., Farrington D., Llorent V. J., Ttofi M. M.* Protecting Children against Bullying and its Consequences. London, 2017.

Трещалова Е.С.

психолог

студия развития детей с ОВЗ

магистрант
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
E-mail: katena_iam@mail.ru

УДК 373.3.016:028

Эффективность процесса формирования навыка чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования

И.В. Шабашёва, П.Д. Козлова

Аннотация. Вопрос проблематики формирования навыка чтения у учащихся начальных классов приоритетен в настоящее время потому, что у весомой части этой группы учеников наблюдается заметное отставание от принятой в школе нормы усвоения разных компонентов данного навыка: слогового анализа, артикуляции, зрительного восприятия, скорости (беглости) чтения, правильного понимания прочитанного текста и пр. Поэтому разработка и внедрение результативных и доказавших свою функциональность на практике психолого-педагогических методов и приемов формирования навыка чтения учащихся начальных классов сегодня представляется весьма актуальной проблемой в педагогической науке и практике. В связи с этим можно сформулировать цель настоящей статьи, которая заключается в обосновании эффективности современных методов и приемов формирования навыка чтения учащихся начальных классов.

Ключевые слова: чтение, навык чтения, внутренняя речь, выразительность чтения, правильность чтения, осознанность (понимание) чтения, методы и приемы формирования навыка чтения.

Проблема формирования читательской компетентности сегодня актуальна как никогда. Поскольку, как верно отмечает исследователь А.В. Гончарик, с одной стороны, «формирование навыка чтения повышает грамотность и связано с образованностью, а также формирует идеалы, обогащает

внутренний мир учащегося начальных классов» [1]. В свою же очередь, именно сегодня все чаще наблюдается тенденция, связанная с дефицитом знаний у учащихся данной возрастной категории, что во многом обусловлено снижением интереса к чтению и низким уровнем развития навыка чтения на I ступени общего среднего образования. Поскольку, как указывает исследователь и практикующий педагог С.Н. Моцук, «какую бы деятельность учащихся I ступени общего среднего образования мы не затронули, каждая из них базируется на чтении: правильном, осознанном, быстром» [2], что предполагает сформированность навыка чтения. Поэтому, овладение учащимися начальных классов навыком чтения является важнейшей проблемной задачей, стоящей перед современными педагогами начальной школы.

Тем самым овладение навыком чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования, сегодня, становится одним из ключевых факторов успешного обучения в современной школе. Поскольку, в принципе, несформированность данного навыка преследует ощутимые и заметные трудности в освоении различных предметов учебной программы в начальных классах, а также существенно понижает учебную мотивацию у учащихся и ограничивает их когнитивные возможности, направленные, в свою очередь, на усваивание и обработку необходимой учебной информации. И, кроме того, в данном контексте вопрос проблематики формирования навыка чтения у учащихся начальных классов приоритетен в настоящее время еще и потому, что у весомой части этой группы учеников наблюдается заметное отставание от принятой в школе нормы усвоения разных компонентов данного навыка: слогового анализа, артикуляции, зрительного восприятия, скорости (беглости) чтения, правильного понимания прочитанного текста и пр. Поэтому разработка и внедрение результативных и доказавших свою функциональность на практике психолого-педагогических методов и приемов формирования навыка чтения учащихся начальных классов сегодня представляется весьма актуальной проблемой в педагогической науке и практике.

Проблемой навыка чтения в свое время занимались Л.С. Выготский, Л.А. Мосунова, К.Д. Ушинский, А.Г. Асмолов и М.П. Воюшина и др. Не осталась в стороне от данной проблемы и отечественная педагогика. Вопросами формирования навыка чтения учащихся начальных классов занимались такие современные белорусские исследователи и педагоги, как О.Н. Поплавская, С.Н. Моцук, А.Г. Биба, Л.С. Васюкович, Д.Р. Жаркова и Н.В. Крицкая, М.В. Первова, Н.М. Шведова, А.П. Урбан, А.Л. Макаревич, Н.Н. Светловская, Т.А. Боровских, Е.Р. Корчагина, Е.Ю. Курченя, Е.В. Посашкова, Е.И. Сердечная, Е.Н. Сида, А.М. Халько и ряд других отечественных авторов. При том, что в своих авторских публикациях данные специалисты акцентировали свое внимание на том, что формирование навыка чтения является одной из важнейших задач обучения на I ступени общего среднего образования, т. к. этот навык выступает основополагающим умением учащихся младшего школьного возраста. Поскольку от его сформированности зависит успех и результативность обучения в начальных классах. Поэтому приоритетом в процессе обучения в начальной школе является поиск и умелое педагогическое использование эффективных методов и приемов формирования навыка чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования. Они изучали особенности этой проблемы, наблюдали также и становление психических процессов, связанных с навыком чтения.

Анализ научно-методической литературы по теме исследования позволил выявить противоречие между необходимостью формирования навыка чтения на уроках чтения в начальной школе и недостаточным количеством методических разработок, посвященных решению этой задачи.

С целью выявления и обоснования эффективности современных методов и приемов формирования навыка чтения учащихся начальных классов было проведено соответствующее исследование.

Базой исследования было выбрано ГУО «Средняя школа № 7 г. Витебска», а респондентами исследования – группа учащихся 3-го класса в количестве 29

учеников, где учителем был внедрен программный комплекс разнообразных методов и приемов формирования навыков чтения.

В качестве диагностической методики использовался тест навыка чтения из методического комплекса «Прогноз и профилактика проблем обучения в 3-6 классах» Л.А. Ясюковой.

Согласно логики данного исследования были установлены ее следующие основные этапы:

1. проектный этап:
   - изучена и проанализирована научная литература по теме исследования;
   - выработана методика исследования;
   - проведен выбор базы и подбор групп исследования;
2. основной этап:
   - проведено исследование в группе респондентов используемых методов формирования навыков чтения;
   - проведена диагностика (констатирующая и контрольная) навыка чтения в группе респондентов исследования;
3. заключительный этап:
   - обработаны и проанализированы результаты исследования;
   - определены выводы исследования.

Изучение результатов первоначального этапа исследования показало, что в начале (сентябрь 2025 г.) в группе респондентов исследования используется традиционный подход к применению методов формирования навыков чтения, среди которых были установлены метод целостного чтения и метод чтения в парах, а также прием чтения за диктором, приемы частого и поочередного чтения.

Анализ результатов диагностики навыка чтения в обоих группах (*рисунок 1*) позволил получить следующие выводы.

В группе учащихся 3-го класса уровень развития (сформированности) навыков чтения был выявлен по следующим показателям:

– очень хороший уровень – у 7,6 % учащихся;
– хороший уровень – у 30,8 % учащихся;
– не полностью сформированный уровень – у 34,6 % учащихся;
– слабый уровень – у 27 %учащихся.

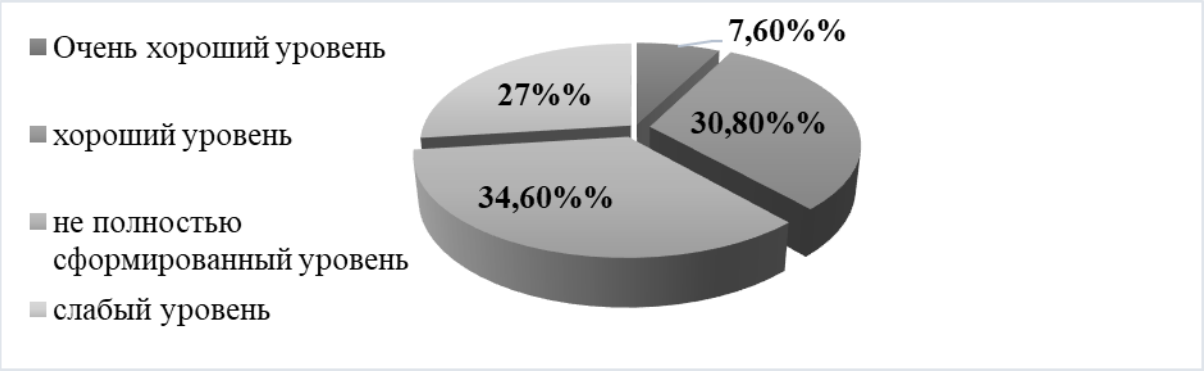

Рисунок 1. Результаты констатирующей (первоначальной) диагностики навыка чтения в группе учащихся 3-го класса по методике Л.А. Ясюковой, в %

Примечание: составлено автором

Полученные результаты диагностики выявили необходимость применения комплекса разнообразных эффективных и инновационных методов и приемов формирования навыков чтения, среди которых были установлены следующие:

– метод динамического чтения, интерактивные методы развития навыка чтения, игровые методы, метод многократного чтения, метод целостного чтения, метод чтения в парах, метод речевых зарядок и методы педагогики сотрудничества;
– прием жужжащего чтения, прием чтения с остановками, прием выборочного чтения текста, прием чтения за диктором, прием частого чтения, прием ежеурочных пятиминуток чтения, приемы прочтения скороговорок, прием выделения в тексте букв, прием поочередного чтения, прием фотографирования, прием мнимых слов и пр.

В частности, было выявлено, что в экспериментальной группе учитель достаточно часто применяет метод динамического чтения, когда читаются не буквы, слоги или слова, а целые группы слов, т. е. по сути авторские мысли, изложенные в тексте. При том, что учащиеся читают здесь про себя и лишь глазами, не используя свой речевой и слуховой аппараты.

Для развития навыков чтения и внимания учитель 3-го класса также активно применяет приемы фотографирования изображений и слов, различные игры на нахождение лишнего слова в тексте, прием выборочного чтения текста, прием чтения за диктором, прием частого чтения, прием выделения в тексте 2–3 букв, приемы прочтения скороговорок. Также большой потенциал для развития навыков чтения у учащихся 3-го класса имеет использование приема ежеурочных пятиминуток чтения, который проводится с 1 класса.

Часто на уроках применяется и метод многократного чтения (с повтором 3–4-х раз), что способствует выработке у учащихся высокого темпа чтения. Не забывает учитель на уроках и о методе целостного чтения, направленного на восприятие и запоминание слов и фраз целиком, а также на их анализ, как и анализ самого их текста. Данный метод помогает учащимся быстрее развить у них беглость чтения. При этом здесь предусмотрено применение увлекательных и интересных занятий, направленных на запоминание слов.

В общем, использование игровых методов, метода речевых зарядок и методов педагогики сотрудничества существенно повышает познавательную активность учащихся этой группы на протяжения всего периода обучения, что значительно влияет на развитие у них навыка чтения.

С целью подтверждения эффективности использования комплекса разных методов и приемов формирования навыка чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования была проведена контрольная диагностика данного навыка в группе респондентов исследования. Диагностика была, как и на констатирующем этапе, проведена по тесту навыка чтения Л.А. Ясюковой.

Анализ результатов контрольной диагностики (январь 2026 г.) навыка чтения в группе респондентов исследования *(рисунок 2)* позволил получить следующие выводы.

В данной группе учащихся 3-го класса итоговый уровень сформированности навыков чтения был, на контрольном этапе диагностики, выявлен по следующим показателям:

– очень хороший уровень – у 46 % учащихся;

– хороший уровень – у 50 % учащихся;

– не полностью сформированный уровень – у 4 % учащегося.

– слабый уровень – не был выявлен ни у одного из учащихся группы.

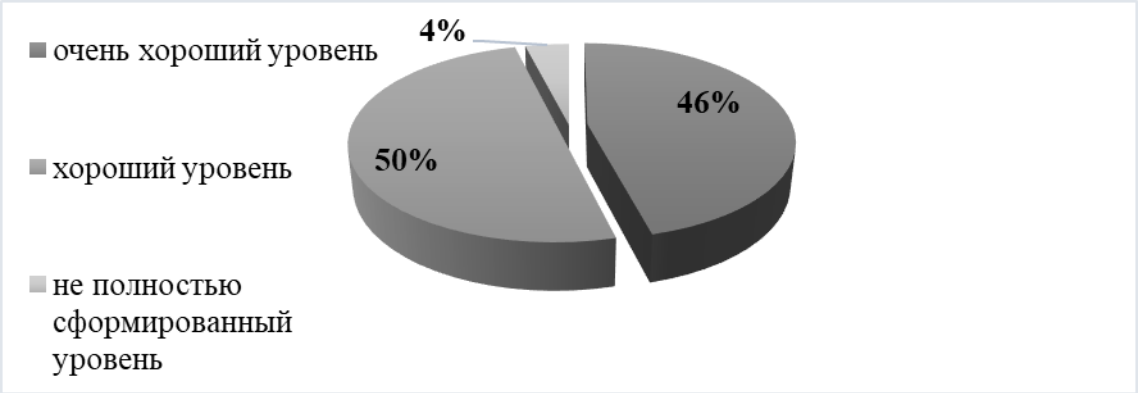

Рисунок 2. Результаты контрольной диагностики навыка чтения в группе учащихся 3-го класса по методике Л.А. Ясюковой, в %

Примечание: составлено автором

Далее, сопоставив полученные результаты диагностики сформированности навыков чтения в группе респондентов, был представлен итоговый анализ результатов диагностики, осуществленный в табличной форме.

Таблица 1

Результаты диагностики навыка чтения в 3-м классе на констатирующем и контрольном этапах диагностики по методике Л.А. Ясюковой

Уровни сформированности навыка чтения	Результаты констатирующей диагностики в группе учащихся 3-го класса		Результаты контрольной диагностики в группе учащихся 3-го класса		Рост данных учащихся 3-го класса, в %
	чел.	в %	чел.	в %	
очень хороший	2	7,6	12	46	38,4
хороший	8	30,8	13	50	19,2

не полностью развит	9	34,6	1	4	-
слабый	7	27,0			-

Примечание: составлено автором

Анализ представленных в *таблице 1* данных позволил установить:

- на контрольном этапе диагностики в группе учащихся 3-го класса рост учащиеся с очень хорошим уровнем сформированности навыка чтения составил 38,4 %;
- на контрольном этапе диагностики в группе учащихся 3-го класса рост учащиеся с хорошим уровнем развития навыка чтения составил 19,2 %;
- на контрольном этапе в группе учащихся 3-го класса только у 1 учащегося (из девиантной семьи) был установлен не полностью сформированный (развитый) уровень навыка чтения, что на 30,6 % меньше, чем было в начале исследования;
- на контрольном этапе в группе учащихся 3-го класса слабый уровень сформированности навыков чтения не был выявлен не у одного из учащихся группы, тогда как в начале исследования их было установлено 27 % учащихся.

Таким образом, результаты проведенного исследования и диагностики сформированности навыка чтения позволяют подтвердить предположение о том, что комплексное использование разнообразных методов и приемов формирования навыков чтения в начальных классах создают условия для успешного его освоения учащимися на I ступени общего среднего образования. Вместе с тем, по итогам проведенного исследования в 3-м классе ГУО «Средняя школа № 7 г. Витебска» было выявлено, что наибольшие трудности в формировании учащиеся испытывают по следующим компонентам навыка чтения:

- низкий уровень развития восприятия прочитанного текста, вызванный в первую очередь бедным словарным запасом ряда учащихся;

- низкий уровень развития оперативной памяти, т. е. краткой по времени памяти, используемой в определенный данный временной момент;
- низкий уровень развития внимания к восприятию прочитанному тексту;
- низкий уровень развития скорости (беглого) чтения и высокий уровень возвратного чтения у части учащихся 3-го класса, характеризующийся прочитыванием каждого слова по несколько раз (например, сначала по слогам, потом повтор слова целиком, или сначала про себя, потом вслух);
- низкий уровень развития выразительного и осмысленного чтения.

Представленные проблемные компоненты формирования навыка чтения позволяют, в свою очередь, разработать комплекс авторских мер, направленных на использование эффективных методов и приемов формирования навыка чтения у учащихся начальных классов.

С целью преодоления выявленных проблем был подобран комплекс мероприятий, направленных на использования эффективных методов и приемов формирования навыка чтения учащихся начальных классов. И здесь в качестве основных мер были применены упражнения для учащихся младшего школьного возраста, с используемыми методами и приемами формирования навыка чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования. В качестве основных и определяющих эффективность методов здесь были использованы метод системно-деятельностного подхода в развитии навыка чтения, интерактивный метод развития навыка чтения, игровой метод формирования навыка чтения, а также метод дифференцированного обучения и метод систематической индивидуальной диагностики навыка чтения у учащихся начальных классов.

В качестве же приемов формирования навыка чтения нашли свое выражение такие из них, как соревновательный и игровой подход в формировании навыка чтения, прием выразительного чтения, прием

мысленного проговаривания текста при чтении про себя с четким осмыслением прочитанного, мнемонимический прием запоминания прочитанного, прием восприятия текста через осуществление приема выразительного чтения, прием работы в парах и индивидуальный подход, прием восприятия текста через прием обыгрывания предложения с разным интонационным подтекстом, прием чтения с учителем и четкое проговаривание слов, прием косвенной отработки навыка выразительного чтения, прием беглого чтения с учителем, прием медленного чтения и четкого проговаривания слов, прием подмены и угадывания слов в тексте, прием беглого чтения и восприятия слов, прием творческого чтения, прием литературно-художественного чтения, прием чтения по ролям, прием аудиоверсий прочитанных текстов, прием обыгрывания скороговорки с разным интонационным подтекстом и прием прочтения скороговорки и ее осмысления, а также ряд приемов и технологий педагогики сотрудничества.

Ожидается, что применение данных эффективных методов и приемов формирования навыка чтения у учащихся начальных классов существенно повысит результативность данного педагогического процесса, в формировании и развитии у учащихся младшего школьного возраста такого приоритетно базового учебного навыка, как навык чтения.

Библиографический список

1. *Гончарик А.В.* Формирование читательской грамотности младших школьников // Эврика-2020. URL: https://conf.grsu.by/eurica 2020/goncharik-a-v-formirovanie-chitatelskoj-gramotnosti-mladshih-shkolnikov/ (дата обращения: 04.03.2026).
2. *Моцук С.Н.* Совершенствование навыка чтения учащихся начальной школы // Народная асвета. 2018. URL: https://www.n-asveta.by/dadatki/madelny_urok/2018/motsuk.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

И.В. Шабашёва

магистр педагогики

старший преподаватель кафедры социально-педагогической работы
УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
E-mail: *shabashevaiv@vsu.by*

П.Д. Козлова
студент
УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
E-mail: polinka20187@gmail.com

УДК 373.3.016:37.091.31:82:028.1

Нестандартные формы уроков внеклассного чтения как средство развития читательского интереса в начальной школе

И.В. Шабашёва, М.А. Чернышова

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения уровня читательской культуры младших школьников в условиях современной образовательной среды. Несмотря на развитие цифровых технологий и доступность электронных ресурсов, традиционные методы формирования интереса к чтению зачастую оказываются недостаточно эффективными. Это связано с рядом факторов, среди которых снижение мотивации учащихся к самостоятельному освоению литературы, недостаточная связь учебного процесса с реальной жизнью и отсутствие инновационных подходов к организации урока. Нестандартные формы уроков внеклассного чтения предлагают альтернативу традиционным методикам. Они включают использование игровых элементов, проектной деятельности, театрализации, дискуссии, викторины и других активных методов взаимодействия с текстом. Эти приемы позволяют младшим школьникам лучше усвоить материал, развить критическое мышление, творческие способности и эмоциональную восприимчивость. Таким образом, исследование направлено на развитие читательского интереса через нестандартные формы уроков внеклассного

чтения. Это позволит создать условия для полноценного личностного роста каждого ученика, способствовать формированию ценностных ориентиров и эстетическому воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова: читательский интерес, нестандартные формы уроков, внеклассное чтение, младшие школьники, начальная школа.

Современная педагогика уделяет большое внимание проблемам снижения интереса к чтению среди младших школьников. Однообразие и стандартизация уроков приводят к снижению мотивации, потере интереса к книгам и падению уровня читательской компетентности. Решением данной проблемы является внедрение нестандартных форм уроков внеклассного чтения, которые способны оживить образовательный процесс и пробудить у детей искренний интерес к литературе.

Внеклассное чтение – это специально организованная деятельность, направленная на дополнительное знакомство учащихся с литературой за пределами обязательного учебного курса. Она преследует цели расширения читательского кругозора, воспитания вкуса к хорошей литературе, развития творческих способностей и интереса к книге [4, с. 78].

Значение внеклассного чтения велико: помогает обогатить личный словарь, повысить грамотность и умение ясно выражать свои мысли; воспитывает эстетические чувства, развивает воображение и фантазию; формирует морально-нравственное сознание и культурные ценности; стимулирует самостоятельное чтение и осознанный выбор книг [8, с. 44].

Нестандартные формы уроков внеклассного чтения предполагают отказ от классических схем и шаблонов, принятых в традиционной практике, и включение оригинальных, творческих и интерактивных методов, активизирующих познавательную активность учащихся и усиливающих их интерес к литературе. Подобные уроки призваны сделать процесс чтения увлекательным, живым и личностно значимым занятием для каждого ученика [2, с. 59].

Нестандартные уроки отличаются своей формой подачи учебного материала и направлены на достижение множества целей, отличающихся от традиционных занятий [1, с. 27]: применение новых, непривычных форм и способов подачи материала, призванных усилить интерес и вовлечённость учащихся; повышение качества усвоения программного материала путём выхода за границы стандартного учебного плана и внесения разнообразия в учебный процесс: использование широкого спектра активностей, варьирующихся от игрового компонента до решения практических задач, что позволяет избежать однообразия и усталости; выход за рамки обычного учебника и знакомство с дополнительными материалами, способствующими углубленному пониманию предмета [3, с. 79].

Среди популярных форм нестандартных уроков внеклассного чтения можно выделить: книжные театры – инсценировка фрагментов любимых книг, проигрывание ролей героев [6, с. 18]. Викторины – проверка знаний, повторение ранее изученного материала в игровой форме [9, с. 71]. Проектные задания – создание совместных проектов, оформление буклетов, плакатов, макетов [7, с. 39]. Экскурсии в библиотеку – посещение библиотек, знакомство с правилами пользования библиотечными фондами. Литературные кафе – проведение чаепитий с обсуждением прочитанных книг, совместное творчество и обсуждение идей [2, с. 59].

Отметим, что применение нестандартных форм уроков внеклассного чтения в начальной школе имеет целый ряд преимуществ: повышение мотивации – через игровую форму урока увеличивается внутренняя мотивация ребенка к чтению. Развитие креативности, так как в процессе реализации творческих проектов и ролевой игры у детей развиваются фантазия и творческое мышление. Укрепление навыков общения – ролевые игры и коллективные задания способствуют улучшению коммуникативных навыков [5, с. 79].

Таким образом, нестандартные формы уроков внеклассного чтения становятся действенным инструментом для привлечения внимания детей

к литературе, укрепления их любви к книгам и развития читательской компетенции. Можно утверждать, что нестандартные формы уроков внеклассного чтения играют важную роль в современной образовательной практике, так как обладают значительным воспитывающим и обучающим потенциалом, поскольку помогают расширить интеллектуальные способности учащихся, формируют умение вести конструктивные диалоги, анализировать информацию, сопоставлять факты, аргументированно обосновывать собственные мысли и предсказывать последствия принимаемых решений.

Исследование проводилось на базе одной из учреждений образования города Гомеля с учащимися 3 «В» и 3 «Г» классов в количестве по 20 человек из каждого класса. Дети были разделены на две группы: экспериментальную (3 «В» класс) и контрольную (3 «Г» класс).

Цель констатирующего эксперимента: выявить уровень развития читательского интереса учащихся 3 класса.

Для проведения констатирующего эксперимента использовались следующие методики: анкетирование (Н. Г. Малаховой «Какой ты читатель?»); опросник «Узнай свой читательский интерес» (А.П. Кашкарова), анкетирование «Исследование читательского кругозора» (С. В. Казариновой).

По характеру проявления читательского интереса нами выделены три основных уровня развития читательского интереса, которые позволяют комплексно оценить качество и глубину вовлечения читателя в процесс восприятия литературы:

Низкий уровень (до 6 баллов): ограниченные познания в области детской литературы, недостаточное знакомство с произведениями и авторами, предусмотренными школьной программой.

Средний уровень (от 7 до 12 баллов): демонстрирует знание обязательной программы по детским писателям и основным сюжетам соответствующих произведений.

Высокий уровень (13 баллов и выше): Подтверждено глубокое понимание внепрограммных детских произведений, авторы которых также известны

ученику, включая имена ключевых персонажей и содержание произведений, выходящих за рамки учебной программы.

В результате анализа результатов анкетирования «Какой ты читатель?» (Н. Г. Малаховой), проведённого на уроке внеклассного чтения, было установлено, что в экспериментальном и контрольном классах преобладают дети со средним уровнем развития читательского интереса (в 3 «В» классе – 55 %, в 3 «Г» классе – 65 %). С низким уровнем оказалось – 30 % и 15 % соответственно, а с высоким всего 15 % и 20 % *(рисунок 1).*

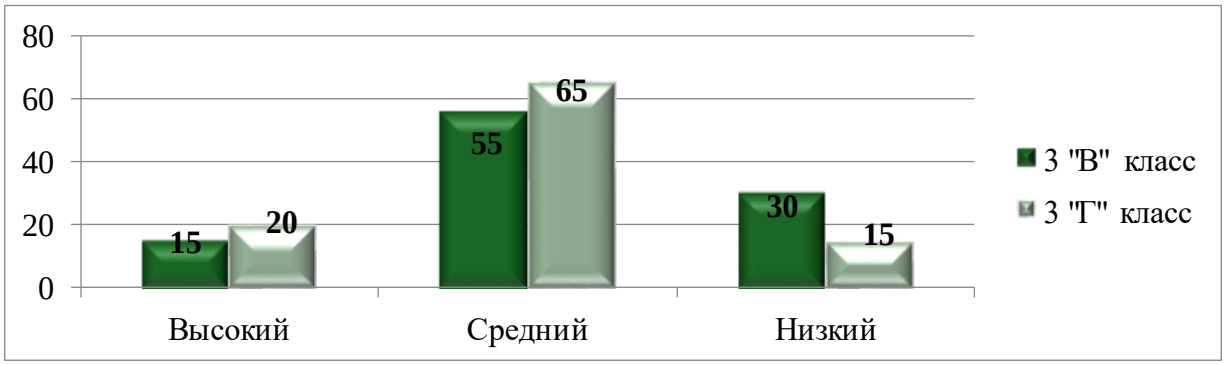

Рисунок 1. Сравнительные данные наличия читательского интереса у учащихся 3 класса

Анализ результатов, представленных на рисунке 1, позволяет заключить:

– высоким уровнем развития читательского интереса обладают 15 % младших школьников как в экспериментальном, и 20 % в контрольном классе. Эти учащиеся характеризуются ярко выраженным интересом к чтению и активной позицией читателя. Ребенок испытывает удовольствие от самого процесса чтения, стремится постоянно пополнять запас прочитанных книг, проявляет желание обсудить прочитанное с взрослыми и сверстниками. Его интересует широкий спектр детской литературы, ребенок способен удерживать внимание длительное время, любит перечитывать любимые книги, размышляет над сюжетами и персонажами. Осознанно выбирает книгу для чтения, руководствуясь своими

вкусами и интересами. Важно подчеркнуть, что высокие показатели проявляются не только в количестве прочитанной литературы, но и в глубине понимания смысла прочитанного, способности различать стили и формы детского творчества, а также выражать личное отношение к героям и событиям книг.

- средний уровень развития читательского интереса имеют 55 % младших школьников 3 «В» класса и 65 % учащихся 3 «Г» класса. Эти дети демонстрируют интерес к чтению, хотя и значительно меньшую активность. Обычно чтение проходит эпизодически, ограничено рамками рекомендованной школьной программы или семейной традицией. Ребенок может проявлять избирательность в выборе книг, предпочитая легкие и увлекательные истории. Он готов заниматься чтением при наличии подходящего настроения или подходящей ситуации, но не ощущает особой потребности самостоятельно искать новую литературу. Чаще всего дети относится к книге положительно, но глубина восприятия остаётся ограниченной, восприятие носит поверхностный характер, младший дошкольник быстро переключается на другие виды деятельности.
- низким уровнем развития читательского интереса обладают 30 % младших школьников экспериментального 3 «В» класса и 15 % контрольного 3 «Г» класса. У детей преобладает отсутствие значимого интереса к чтению вообще или негативное отношение к данному занятию. Таких читателей трудно заинтересовать даже самой интересной книгой, они стараются избегать ситуаций, связанных с долгим пребыванием в состоянии чтения. Возможно равнодушие или прямое нежелание брать в руки книгу, игнорирование уроков чтения в школе, негативные ассоциации с самим процессом чтения. Часто родители отмечают трудности с концентрацией внимания ребенка при работе с книгой, замедленное освоение буквенного состава текста, неспособность связно

пересказать прочитанное. Для детей характерно значительное снижение эмоционального отклика на персонажей и сюжетные линии рассказов, они склонны считать чтение утомительным и ненужным делом.

Таким образом, младшие школьники обладают преимущественно средним уровнем развития читательского интереса.

В исследовании с целью уточнения полученных данных использовался опросник А. П. Кашкарова «Узнай свой читательский интерес», позволивший выявить отношение к чтению, читательскую активность у младших школьников; зафиксировать увлеченность чтением. По результатам констатирующего эксперимента сравнительные данные уровня развития отношения к чтению, читательской активности и увлеченность чтением в 3 «В» и 3 «Г» классах представлены на *рисунке 2*.

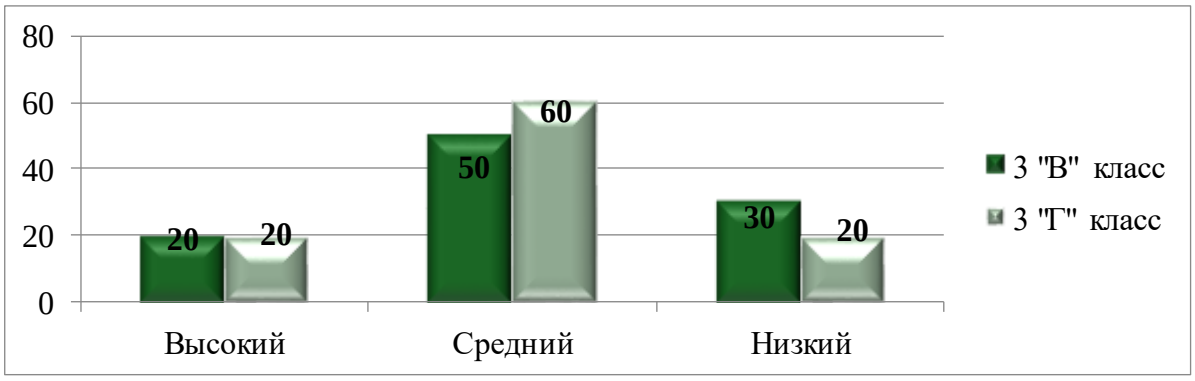

Рисунок 2. Сравнительные данные результатов уровня отношения к чтению, читательской активности и увлеченности чтением в 3 «В» и 3 «Г» классах

Анализ результатов, представленных на *рисунке 2*, позволяет заключить:

– высоким уровнем развития читательской активности обладают 20 % младших школьников как в экспериментальном, так и в контрольном классе. Эти учащиеся характеризуются активным участием в чтении, которое приносит им радость и удовлетворение. Дети с высоким уровнем читательской активности выбирают чтение как основное занятие в свободное время, любят посещать библиотеку, обсуждают

прочитанное с друзьями и родителями, задают вопросы по содержанию книг. Такие школьники обладают сформированным вкусом к качественной литературе, понимают значение прочитанного, формируют собственную оценку художественного произведения. Их привлекают разнообразные жанры и направления детской литературы, они стремятся узнавать новое, расширяя кругозор и развиваясь благодаря книгам.

- средний уровень развития читательской активности имеют 50 % младших школьников 3 «В» класса и 60 % учащихся 3 «Г» класса. Читательский интерес данных учащихся требуют систематических побуждений педагога. Детей со средним уровнем читательской активности отличает нестабильность поведения в плане чтения. Они не относятся к книгам негативно, однако редко рассматривают чтение как приоритетное занятие. Иногда выбирают легкое чтение исключительно для отдыха или выполнения школьных заданий. Чтение происходит периодически, в зависимости от обстоятельств или рекомендаций взрослых. Любимый жанр обычно ограничен небольшим набором знакомых направлений, к новым видам литературы ученики относятся осторожно и скептически.
- низким уровнем развития читательской активности обладают 30 % младших школьников экспериментального 3 «В» класса и 20 % контрольного 3 «Г» класса. Для этих учащихся характерна читательская инертность, которая выражается в пассивности и негативном отношении ребенка к процессу чтения. Такие учащиеся считают чтение скучным, трудоемким и необязательным занятием. Избегают самостоятельной работы с книгами, не испытывают удовольствия от чтения, быстро теряют интерес к текстам. Они сталкиваются с трудностями при понимании смысла прочитанного, имеют низкие показатели скорости чтения и запоминания текста. Такое поведение может сопровождаться низкой самооценкой в связи

с успехами одноклассников в учебе и сложностями с адаптацией к требованиям школы.

Таким образом, младшие школьники обладают преимущественно средним уровнем развития читательской активности.

Результаты констатирующего эксперимента определения уровня читательской эрудиции с помощью анкетирования «Исследование читательского кругозора (С. В. Казариновой) в экспериментальном и контрольном классах представлены на *рисунке 3.*

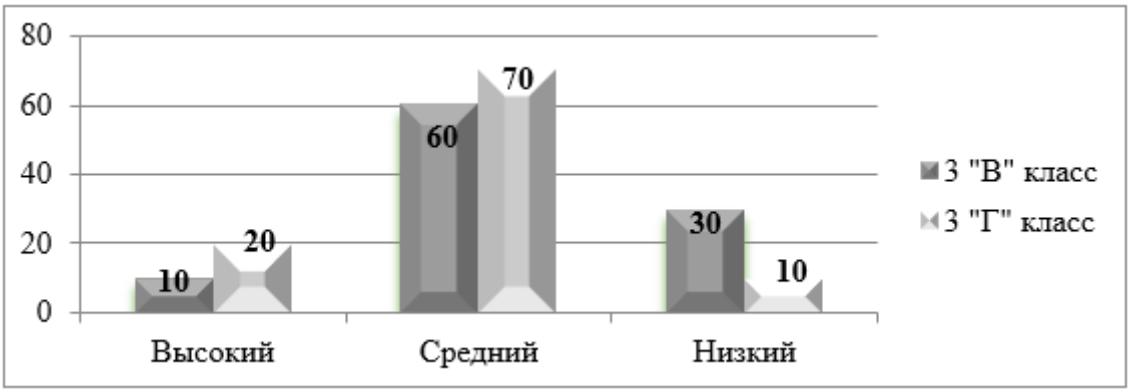

Рисунок 3. Сравнительные данные результатов уровня читательской эрудиции в 3 «В» и 3 «Г» классах

Данные, отраженные на *рисунке 3*, показывают, что большая часть учащихся экспериментального (60 %) и контрольного (70 %) классов имеют *средний уровень* уровня читательской эрудиции. Это говорит о том, что данные учащиеся считают чтение важным элементом образовательного процесса, но использующих литературу преимущественно в учебных целях. Младший школьник знакомится лишь с частью обязательных произведений, не проявляет особого интереса к дополнительным материалам и объемам чтения. Умеет выделить основную тему повествования, запомнить ключевые моменты, но не склонен анализировать глубже скрытый смысл, символику и детали. Важным показателем является сохранение базовой осведомленности в области чтения, но без проявлений сильного желания или собственного мнения.

У детей с *низким уровнем* сформированности читательской эрудиции (30 % в экспериментальном классе и 10 % в контрольном) отсутствует выраженный

интереса к чтению, низкое качество усвоения материалов школьной программы, плохие показатели восприятия прочитанного. Ребята, находящиеся на низком уровне, редко открывают книги добровольно, выполняют задания формально, нередко заменяют реальные книжки электронными развлечениями или иными видами досуга. Они плохо справляются с заданиями на проверку понимания прочитанного, затрудняются в воспроизведении последовательности событий, не знают многих классических авторов и известных сказочных персонажей.

Дети с *высоким уровнем* читательской эрудиции (10 % в экспериментальном классе и 20 % в контрольном классе) уверенно ориентируются в разнообразии детской литературы, знакомы с широким спектром жанров и видов книг, умеют сопоставлять произведения разных авторов, жанров и эпох. Такие дети обладают богатым словарным запасом, умеют анализировать художественный текст, отличать главную мысль от второстепенных деталей, извлекать из книги уроки и выводы, полезные для своей жизни. Основной признак высокого уровня – широкая осведомленность в рамках заданной возрастной нормы, осознанное и внимательное чтение, а также инициативность в ознакомлении с новыми книгами.

Обобщая результаты констатирующего этапа эксперимента, можно сделать вывод о том, что младшие школьники обладают преимущественно средним уровнем развития читательского интереса, читательской активности и читательской эрудированности. Результаты констатирующего этапа эксперимента свидетельствуют о необходимости проведения целенаправленной работы по развитию читательского интереса через нестандартные уроки внеклассного чтения.

Библиографический список

1. *Антонова Е.С.* Как я воспитываю интерес к книге // Начальная школа. 2006. № 12. С. 27–28.
2. *Бушнина Е.И.* Из опыта внеклассной работы по литературному чтению: Пособие для учителя. М., 2008. 80 с.

3. *Гриценко З.А.* Детская литература. Методика приобщения детей к чтению. М., 2007.
4. *Копылова Н.А.* После уроков. Организация внеклассной работы с учащимися по литературе. М., 2008. С. 78–82.
5. *Макеева С.Г.* Воспитательное чтение в условиях современного образования // Начальная школа. 2000. № 9. С. 70–89.
6. *Маранцман В.Г.* «Предназначение» литера туры в школе. Цели и структура курса литературы в школе // Методика обучения литературе. XXI век: учебное пособие. СПб., 2019. С. 8–18.
7. *Романичева Е.С., Пранцова Г.В.* Методика обучения литературе. М., 2012.
8. *Светловская Н.Н.* Методика внеклассного чтения. М., 2021.
9. *Свиридова Л.А.* Литературное образование младших школьников. М., 2005.

И.В. Шабашёва

магистр педагогики

старший преподаватель кафедры социально-педагогической работы

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

E-mail: shabashevaiv@vsu.by

М.А. Чернышова

студент

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

E-mail: k375445881829@gmail.com

РАЗДЕЛ V
ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.016:172

Виды поисковой деятельности и их применение на уроках основ безопасности и защиты Родины

Н.А. Кошкина, Д.А. Царегородцева

Аннотация. В современной системе образования включение поисковой деятельности в процесс обучения является важной составляющей формирования практических навыков обучающихся. При организации поисковой работы школьники становятся соучастниками образовательного процесса, непосредственно погружаясь в поисковую работу. В таких условиях у обучающегося появляется возможность оценить свои способности и знания, систематизировать процесс обучения, развивать умение поиска необходимой информации, воспитывать в себе самостоятельность и целеустремленность. В статье описываются виды поисковой деятельности и их применение на уроках в зависимости от цели и функций. Показана роль педагога в организации поисковой работы по отношению к обучающимся, который действует как консультант-помощник, помогая в выборе способов поиска необходимой информации для решения учебных задач, а также внося предложения по улучшению предполагаемых результатов и новым направлениям исследования. Обосновывается необходимость включения разноуровневых заданий поискового характера в уроки ОБЗР с учетом степени сформированности знаний и практических умений школьников, приводятся примеры.

Ключевые слова: поисковая деятельность, виды поисковой работы, учебный процесс, обучающиеся.

Большую значимость в современной системе образования приобретает поисковая деятельность, в ходе которой у обучающихся развиваются умения и навыки поиска необходимой информации, формируются общекультурные компетенции. При организации поисковой деятельности школьники становятся соучастниками образовательного процесса, непосредственно погружаясь в учебную работу. В таких условиях у ребенка появляется возможность оценить свои способности и знания, развивать умение систематизировать процесс обучения, воспитывать в себе целеустремленность, что способствует дальнейшему самоутверждению его в социуме. По мнению некоторых исследователей [4; 7], небольшое количество обучающихся имеет желание участвовать в поисковой работе на уроке. Поэтому важной задачей педагога является привитие интереса детей к поисковой деятельности в процессе обучения и формирование ее компонентов через практику. Поисковая деятельность не новая, но востребованная форма работы на уроке, это поэтапный процесс обучения с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей. В связи с выше сказанным, цель нашей статьи заключалась в выявлении способов организации поисковой деятельности обучающихся на примере уроков основ безопасности жизнедеятельности и защиты Родины (ОБЗР).

Понятие поисковой деятельности рассматривается исследователями в целом как совокупность познавательных действий, предполагающих самостоятельный поиск новых понятий, знаний и способов деятельности, направленных на приобретение обучающимися собственного опыта для решения поставленной проблемы.

По мнению американского педагога Дж. Брунера, поисковый подход к обучению необходимо осуществлять на основе следующих утверждений-принципов:

1. в содержании предмета необходимо выделять ведущие понятия, что делает предмет более доступным;

2. изучение учебного материала следует соотносить с конкретными фактами, дополняя его иллюстрациями и схемами;
3. процесс усвоения основных понятий и принципов имеет более широкое значение и позволяет овладевать способами познавательной деятельности, значимыми и за пределами конкретного содержания;
4. целесообразно использовать «спиралевидное» изучение основных представлений и понятий с постепенным углублением и расширением вопросов на последующих ступенях обучения.
5. ставить обучающегося в положение исследователя и первооткрывателя.

Опираясь на положения теории Дж. Брунера можно выделить следующие виды поисковой деятельности. Во-первых, исследовательская поисковая деятельность, предполагающая систематическое исследование с постановкой проблемы, выдвижения и проверки гипотез, создания идей и т.д.). Во-вторых, коммуникативно-диалоговая поисковая деятельность, в основе которой лежит дискуссия, направленная на обмен мнениями с последующим обсуждением разных точек зрения, приведением доказательного фактического материала и соответствующих примеров, убеждений. В-третьих, игровая поисковая деятельность с элементами моделирования и проигрывания различных ситуаций, распределения ролей и т.д. [1]. В ходе организации поисковой деятельности педагог должен действовать как консультант-помощник по отношению к обучающимся, помогая в выборе способов и методов поиска необходимой информации, последовательности действий решения проблемы, представлении результатов. В процессе такой деятельности педагог приобретает также определенный опыт сотрудничества и умение находить положительные решения в различных ситуациях, развивает умение проявлять толерантность к ошибкам учеников, и в случае необходимости, вносит предложения по улучшению работы и новым направлениям исследования.

Авторы А.К. Новикова, В.Б. Куриленко, М.М. Миншин и др. выделяют традиционное и исследовательское виды обучения, по мнению которых, данные виды имеют существенные отличия. При традиционном обучении

непосредственно педагог акцентирует внимание на раскрытии основных представлений и понятий, рассматриваемых в содержании изучаемой темы. При изложении учебного материала опирается на репродуктивный метод обучения, предполагающий последовательный логический алгоритм, не подлежащей сомнению. При выполнении практической работы на уроке обучающиеся четко следуют инструкциям, направленным на достижение запланированных результатов. При этом, практические задания успешно выполняются только теми учениками, которые строго следуют алгоритму выполняемого задания, выполняют конкретные пошаговые действия: наблюдают, измеряют, фиксируют, т.е. усваивают только фактологический материал. При обучении с применением поисковой деятельности обучающийся не получает информацию в готовом виде, процесс направлен на самостоятельный поиск понятий и идей. Задача педагога заключается в создании таких ситуаций, которые предоставляют возможность ученику самостоятельно изучать понятия, явления, примеры. В процессе выполнения практических заданий обучающемуся принадлежит ведущая роль в выборе решения, выявлении недостатков и появлении сомнений в правильности принятых действий, достоверности выводов. В ходе совместного обсуждения у детей также появляются новые знания, идеи, наблюдения, на основе которых строятся суждения и формулируются выводы. Исходя из сравнительной характеристики видов обучения, безусловно, наиболее эффективным с точки зрения познания и развития является обучение с использованием приемов поисковой деятельности, раскрывающей творческие способности личности ребенка и создающие возможности для их развития [5; 6].

Кроме того, в зависимости от цели поисковых действий существуют обучающие, тренировочные, закрепляющие, повторительные, развивающие и творческие виды поиска. Обучающие поисковые работы направлены на самостоятельное выполнение заданий школьником в процессе освоения учебного материала. При решении задания у некоторых школьников возникают трудности, связанные с возможными пробелами в знаниях или недостаточным

пониманием темы по изучаемым вопросам и, соответственно, необходимостью получения дополнительного консультирования по заданию. Задача педагога выстроить дальнейшую схему объяснения сложных вопросов, требующих более подробного обсуждения. Данный вид поисковой работы целесообразно проводить на этапах изучения новых знаний и первичного осмысления учебного материала, что способствует более осознанному пониманию изучаемой темы. Тренировочные поисковые работы включают задания на распознавание различных объектов, воспроизведение признаков, свойств предметов и др. Самостоятельные работы такого характера наполнены типовыми заданиями, включающими основные признаки и свойства термина, определения, правила и т.д. Выполняя практические задания, школьник тренируется в выработке базовых умений и навыков, составляющих основу для дальнейшего изучения материала. При возникновении трудностей при выполнении задания обучающемуся можно использовать дополнительные источники (учебники, схемы, таблицы), что способствует созданию благоприятной атмосферы для слабоуспевающих школьников и тем самым повышает мотивацию ребенка к деятельности. К поисковым работам развивающего характера относится подготовка к олимпиадам, участие в научно творческих школьных конференциях, составление презентаций и докладов, включающих задания исследовательского характера. Особый интерес детей привлекают творческие поисковые работы, требующие от обучающегося достаточно высокого уровня самостоятельности, умения применять нестандартные способы решения в разных ситуациях, искать новые приемы и средства для поиска новых знаний. Творческая поисковая деятельность способствует формированию у ученика таких важных практических умений как анализ, обобщение, сравнение, обсуждение. Примером творческих поисковых работ, применяемых на современном уроке, является проектная деятельность [8].

Учебный предмет ОБЗР является практикоориентированным, преподавание которого направлено на формирование предметных знаний

и практических умений в области безопасности жизнедеятельности. В задачи предмета входит воспитание у обучающихся сознательного отношения к вопросам личной безопасности и безопасности окружающих, развитие умений прогнозировать возможную опасную ситуацию, по возможности избежать ее и в случае угрозы для жизни незамедлительно действовать.

Система заданий поискового характера на примере уроков ОБЗР должна быть разнообразной с учетом сформированности уровня знаний и практических умений обучающегося. Первый уровень заданий (базовый) включает самостоятельное конспектирование основных понятий, определений, формулирование ответов на поставленные вопросы. Обучающиеся могут заполнить таблицу, составить схему по образцу в процессе парной или групповой (коллективной) работы. Базовое задание направлено на осмысление текста, выполнение простых учебных действий. Например, при изучении модуля «Опасности в природной среде» ученику предлагается прочитать предложенный текст о видах природных пожаров и составить их классификацию в виде схемы или кластера. Также на основе предложенного материала можно составить таблицу по характеристике различных видов природных пожаров с подробным описанием особенностей каждого вида и способах его тушения. Использование схем, таблиц способствует формированию навыков структурирования информации и помогает лучше запомнить учебный материал.

Задания среднего уровня сложности направлены в большей степени на индивидуальную самостоятельную работу ученика. Это могут быть вопросы и задания, включающие работу с текстом и последующим его анализом, приведением аргументов в виде конкретных фактов и примеров, выдвижением гипотезы, формулированием выводов, а также можно привлекать других обучающихся к обсуждению проблемного вопроса. Например, используя тот же текст по описанию природных явлений, предложить школьникам выполнить задание более сложного характера – составить схему с указанием взаимосвязей природных явлений между собой в виде кластера с последующим

обоснованием и доказательным примером. Чем сложнее сформулированы задания, тем большее количество приёмов умственной деятельности используют обучающиеся в процессе поиска.

К виду поисковой деятельности относится и работа с Интернет-ресурсами как на уроке, так и в ходе выполнения домашней и самостоятельной работ. В соответствие с требованиями федерального образовательного стандарта у обучающихся должно быть сформировано умение самостоятельно ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать ее, применяя ИКТ-технологии для решения когнитивных и коммуникативных задач с соблюдением норм информационной безопасности [3]. Например, при изучении раздела «Безопасность на транспорте» обучающимся в качестве задания поискового характера, необходимо изучить сайты *http://stat.gibdd.ru/, https://mchs.gov.ru/ и на* основании данных сайтов описать и проанализировать статистику дорожно-транспортных происшествий. Используя электронные словари, энциклопедии, сайты с нормативными документами, найти по данной теме и выписать в рабочую тетрадь соответствующие понятия и термины.

При изучении раздела, связанного с основами медицинских знаний и оказанием первой помощи, предложить выполнить задание поискового характера: найти видеоролики с «намеренными» ошибками при ее оказании. Обучающийся не только внимательно изучает содержание видеоролика, но и анализирует предполагаемые ошибочные действия при ее выполнении. При изучении темы «Меры профилактики неинфекционных заболеваний» можно предложить задание: определить понятия «риск, неинфекционное заболевание, профилактика», составить схему предупреждения и защиты от неинфекционных заболеваний, а также составить таблицу с противопоставлением здоровому образу жизни – антиздоровый. Средствами поиска информации будет являться учебник, видеоролик и научная статья по теме урока. Однако, несмотря на вариативность заданий поискового характера с использованием Интернет-ресурсов, важно уделять внимание

обучающихся и способам обеспечения безопасности в интернете, акцентируя внимание на фишинговых ссылках и опасных сайтах.

Повышенный (творческо-поисковый) уровень заданий требует от ученика более высокого уровня логического мышления, умения устанавливать причинно-следственные связи и находить аргументы для их обоснования, использовать для сравнения методы анализа, индукции и дедукции; умения активно включаться в дискуссию с классом; умения представить готовый материал в виде выступления, творческого эссе и т.д. Примером таких заданий является проектная деятельность. При выполнении исследовательской работы школьники в качестве поиска необходимой информации используют возможности Интернет-ресурсов: сайты СМИ, информационные образовательные ресурсы, справочники, виртуальные библиотеки и т.д. [2]. Примерами тематики проектов по ОБЗР могут быть «Опасные места нашего города и меры предосторожности», «Почему важно соблюдать рациональный режим дня», «Я и ЗОЖ» и т.д. Создание проекта способствует развитию у обучающихся критического мышления, командой работы, умения ориентироваться в информационном пространстве, а также творчески подходить к решению поставленной задачи. Педагогическая ценность лично созданного проекта учеником создает возможность применить полученные знания и умения в других предметных областях, что особенно важно при обучении ОБЗР.

Таким образом, использование заданий поискового характера на уроках основ безопасности и защиты Родины способствует не только развитию мыслительной деятельности и прочному формированию практических умений, но и повышает мотивацию к изучению предмета.

Библиографический список

1. *Астафьева Е.Н.* Обучение ребенка в пространстве культуры: когнитивная педагогика Джерома Брунера // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 3 (69). С. 21–35.

2. *Ахтаов Р.А., Корягина Н.В.* Методические основы организации проектной деятельности старшеклассников в процессе обучения основам безопасности жизнедеятельности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: педагогика и психология. 2023. № 2 (318). С. 59–66.
3. *Бородина А.П.* Использование интеллект-карт для развития поисково-исследовательской деятельности в старшей школе // Реализация ФГОС как механизм развития профессиональной компетентности педагога: инновационные технологии, тьюторские образовательные практики: всероссийская тьюторская научно-практическая конференция с международным участием (г. Краснодар, 25–28 апреля 2023 г.). Краснодар, 2023. С. 222–225.
4. *Гимбут В.В.* Поисково-исследовательская деятельность как воспитывающий, обучающий развивающий фактор в современной школе // Перспективы развития современного образования: международная научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 28 октября 2021 г.). Нижневартовск, 2021. С. 135–142.
5. *Миншин М.М., Миншина Л.М.* Поисково-исследовательская деятельность учащихся как важнейший фактор формирования познавательной их деятельности // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2024. № 1 (32). С. 108–112.
6. *Новикова А.К., Куриленко В.Б.* Функциональность исследовательской деятельности учащихся на уроках русского языка // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 10. URL: https://human.snauka.ru/2015/10/12853 (дата обращения: 06.02.2026).
7. *Якушева Н.М.* Поисково-исследовательская деятельность в школе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 2. С. 34–38.
8. *Sydykova Zh.N.* Developing search activity skills of students through the problem-search method of training // International scientific review of the

problems and prospects of modern science and education. Collection of scientific articles LXX International correspondence scientific and practical conference. Boston, 2020. P. 73–74.

Н.А. Кошкина

кандидат биологических наук,

доцент кафедры медико-биологических дисциплин

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: natalya-koshkina03@mail.ru

Д.А. Царегородцева

студент

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

E-mail: stud160025@vyatsu.ru

РАЗДЕЛ VI
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

УДК519.681.2

Программная реализация машины Колмогорова–Успенского в сравнении с машиной Тьюринга

Т.А. Анисимова, А.А. Снигирев, С.Д. Титкова

Аннотация. В данной работе рассматривается теоретическая модель вычислений – машина (алгорифм) Колмогорова–Успенского (К–У) в сравнении с классической машиной Тьюринга (МТ). Авторы анализируют формализацию понятия алгоритма через класс частично-рекурсивных функций и оператор минимизации. Основное внимание уделяется доказательству превосходства модели К–У при обработке локально-сложных предикатов, предложенных Д. Ю. Григорьевым. В статье подробно описывается механизм работы К–У на динамически графовых структурах и равномерных деревьях, что позволяет достигать вычисления в «реальное время» там, где МТ требует сверхлинейных ресурсов. Исследование подкреплено программной реализацией обеих моделей, результаты которой эмпирически подтверждают теоретические выводы: машина Колмогорова–Успенского демонстрирует константную сложность O(1) на бит входных данных, в то время как машина Тьюринга показывает экспоненциальный рост вычислительных затрат.

Ключевые слова: машина Колмогорова–Успенского, машина Тьюринга, частично-рекурсивные функции, локально-сложные предикаты, реальное время, вычислительная сложность, графовые структуры памяти, тезис Чёрча–Тьюринга, алгоритм Григорьева, равномерные деревья.

Интуитивно алгоритм понимается как система вычислений, позволяющая механически получить решение задачи из её условий за конечное число шагов. С развитием математической логики в середине XX в. возникла необходимость

в строгом определении этого понятия для выявления алгоритмически неразрешимых задач. Современная формализация связывает понятие алгоритма с классом частично-рекурсивных функций (ЧРФ) – функций, вычислимых на формальных моделях, таких как машина Тьюринга или алгорифмы Колмогорова–Успенского. Согласно тезису Чёрча–Тьюринга, любой алгоритм в интуитивном смысле эквивалентен классу ЧРФ [2]:

$$\{\text{Функции, вычислимые любым интуитивным алгоритмом}\} \equiv \{\text{Класс ЧРФ}\} \quad (1)$$

Функция $f(\vec{x})$ считается вычислимой, если существует алгоритм, который завершает работу с результатом для всех значений из области определения и работает бесконечно или останавливается без результата там, где функция не определена. Все основные формальные модели вычислений (машина Тьюринга, нормальные алгорифмы Маркова, ЧРФ) эквивалентны и вычисляют один и тот же класс функций [2].

Примитивно-рекурсивные функции (ПРФ)

Примитивно-рекурсивные функции (ПРФ) представляют собой подкласс тотальных (повсеместно определенных) функций, которые строятся из базовых (нулевой, следования и проекции) с помощью операций композиции и примитивной рекурсии. ПРФ всегда завершаются за конечное число шагов, что исключает возможность моделирования бесконечных циклов [2].

Оператор минимизации

Класс частично-рекурсивных функций (ЧРФ) расширяет ПРФ за счет добавления третьей операции, которая и позволяет моделировать алгоритмы, способные «зацикливаться»:

Оператор минимизации μ [2]: Поиск наименьшего числа y, при котором некоторая функция f равна нулю.

$$\mu y[f(\vec{x}, y) = 0] \quad (2)$$

Этот оператор вводит неограниченный поиск и позволяет смоделировать бесконечный цикл (если искомое y не будет найдено), что соответствует алгоритму, который «зацикливается» (функция становится частичной).

Теоретическое сравнение машины Тьюринга и машины Колмогорова-Успенского

Модель К–У (1958) базируется на принципе локальности вычислений, используя вместо ленты динамическую графовую структуру памяти. Состояние алгоритма S определяется как конечный связный граф с ограниченным числом типов вершин T и выделенным фокусом внимания (начальной вершиной). Активная часть U(S) представляет собой строго локальный подграф глубины N, где N – фиксированная константа алгоритма. Работа алгоритма задается конечным набором правил замены $R = \{U_i \to W_i\}$.

На каждом шаге оператор непосредственной переработки $Q_Г$ находит в текущем состоянии активную часть, изоморфную U_i, и замещает её на W_i, динамически перестраивая топологию графа [1].

Теорема об эквивалентности

Функция перехода s^* = σ(s), описывающая шаг алгоритма К–У, является примитивно-рекурсивной, что гарантирует завершение каждого элементарного шага за ограниченное время. Итоговая функция $\varphi_Г$(n), вычисляемая моделью, признается частично-рекурсивной, так как момент остановки t_{stop} определяется через оператор минимизации (μ – оператор), применяемый к итерациям σ(s). Несмотря на эквивалентность К–У и машины Тьюринга (МТ) по классу вычислимых функций, они не эквивалентны по сложности. Предикат P распознается за реальное время (T ≈ |x|), если время работы пропорционально длине входа. Д. Ю. Григорьевым было доказано, что существуют локально-сложные предикаты, которые К–У распознает за реальное время, в то время как МТ требует сверхлинейного количества обращений к памяти [1].

Равномерные деревья

Для доказательства превосходства модели К–У используется аппарат регулярных размеченных деревьев глубины 2L, где каждая внутренняя вершина имеет k потомков. Дерево Г называется равномерным, если оно обладает свойством рекурсивной полуравномерности: все его поддеревья

на определенных уровнях изоморфны друг другу. Существует бесконечная последовательность таких деревьев Г(0), Г(1), ..., где каждое последующее дерево включает в себя предыдущее как начальный подграф. Эта структура позволяет сконструировать локально-сложный предикат P, который требует доступа к данным на экспоненциально растущих расстояниях. В то время как для машин с последовательным доступом (МТ) расчет такого предиката требует сверхлинейного времени, динамическая перестройка связей в модели К–У позволяет вычислить его за O(1) на бит входных данных.

Локально-сложные функции и ограничения на МТ

Почти-сложная функция f – это теоретический класс функций, вычислительная сложность которых определяется требованием доступа к операндам, расположенным на больших, постоянно растущих расстояниях друг от друга. Такие функции служат структурной основой для построения предикатов, трудных для машин с последовательным или полиномиальным доступом к памяти.

Предикат P (x) называется локально-сложным, если для любого алгоритма его распознавания на устройстве с последовательным доступом (как МТ) количество обращений к памяти растет сверхлинейно относительно длины входа |x|, в то время как структура данных позволяет вычислить его за O(1) при возможности динамической перестройки связей (как в модели К–У).

Функция f называется локально-сложной, если ее вычисление требует сравнения или доступа к данным, расположенным на больших, постоянно растущих расстояниях друг от друга.

Никакая локально-сложная функция f не распознается в реальное время никаким устройством с полиномиальным доступом к памяти. К таким устройствам, в частности, относятся многомерные машины Тьюринга.

Для доказательства превосходства Григорьев конструирует специфический алгорифм Колмогорова-Успенского, который распознает локально-сложный предикат P в реальное время [1].

Алгоритм К-У использует конечный набор локальных правил R для работы с бинарно размеченным графом (состоянием S), который моделирует равномерное дерево Г(L).

Динамическое построение: По мере чтения входного слова А алгоритм перестраивает линейную структуру данных в сложный равномерный комплекс Г(L), где каждый новый символ порождает новые вершины и связи согласно правилам R.

Механизм локальной свертки: Предикат требует сравнения данных на больших расстояниях. Алгоритм К–У реализует операцию сложения по модулю 2 ($\oplus$) в локальной активной части U(S). Информация об удаленных подструктурах «сворачивается» в состояние одной локальной области путем модификации меток и связей, что исключает необходимость перемещения фокуса внимания.

Мгновенный ответ: Так как нелокальные отношения кодируются непосредственно в процессе построения графа, после обработки последнего символа активная часть U(S) уже содержит результат предиката. Это обеспечивает время обработки $T \approx |x|$, что недоступно для классических моделей.

Машина Тьюринга

Машина Тьюринга (МТ) – классическая модель вычислений, состоящая из бесконечной ленты, головки чтения-записи и таблицы переходов. Согласно тезису Чёрча–Тьюринга, она способна имитировать любой вычислимый процесс. Однако МТ ограничена последовательным доступом к памяти: для взаимодействия с данными, находящимися на разных концах окна размера $N = 2^L$, головке требуется совершить количество перемещений, пропорциональное расстоянию между ними. Это делает невозможным распознавание локально-сложных предикатов в реальном времени, так как сложность вычислений на один бит входных данных растёт сверхлинейно (до $\Theta(N)$).

Лемма. Искомый предикат P, построенный с использованием равномерных деревьев Г(L), является локально-сложной функцией, и он вычисляется алгорифмом Колмогорова-Успенского в реальное время.

Теорема. Существует предикат, не распознаваемый в реальное время на многомерных машинах Тьюринга, но распознаваемый в реальное время алгорифмом Колмогорова.

Программная реализация машины Колмогорова–Успенского в сравнении с машиной Тьюринга

Для эмпирического подтверждения превосходства модели К–У над машиной Тьюринга была разработана программная симуляция обеих систем. В качестве тестовой задачи выбран локально-сложный предикат Григорьева, на котором теоретически доказана неэквивалентность моделей: К–У достигает сложности O(1) на бит, тогда как МТ требует $\Theta(N)$ шагов из-за ограничений последовательного доступа к ленте. Сравнение проводилось по количеству элементарных тактов вычислений, необходимых для распознавания предиката.

Основу реализации составляет класс *GraphAddressSpace*, моделирующий память КУ-машины в виде ориентированного графа с помеченными рёбрами (ориентированность выбрана для удобства программирования). Каждая вершина графа представлена объектом класса *MemoryCell* и содержит:

- уникальный целочисленный адрес;
- произвольное содержимое (content - словарь);
- словарь указателей.

Основные операции над памятью:

- выделение новой вершины (allocate);
- переход по ребру;
- добавление помеченного ребра.

Также была реализована функция эмуляции стоимости доступа, позволяющая сравнивать идеализированную модель КУ (доступ за O(1)) с моделями, где стоимость зависит от расстояния в графе.

Таким образом, разработанное адресное пространство позволяет полностью воспроизводить ключевые свойства памяти КУ-машины: динамическое расширение, локальность операций и возможность произвольного изменения топологии при сохранении связности.

На базе описанной графовой памяти реализован класс KolmogorovUspenskyMachine, предназначенный для обработки бинарного входного потока с использованием скользящего окна экспоненциальной длины. Центральным элементом является семейство полных бинарных деревьев Г(L), где параметр L определяет размер окна N = 2L. Построение осуществляется рекуррентно:

1. Для L = 0 создаётся базовое дерево, состоящее из корня и двух листьев с метками 0 и 1.
2. При переходе к уровню L копируется дерево Г(L−1).
3. Для каждого листа предыдущего уровня с меткой m прикрепляется копия шаблона Г(L−1), в которой все метки подвергаются операции XOR с маской m. Это обеспечивает зависимость значений в глубоких узлах от полного префикса пути.
4. После завершения расширения строятся суффиксные ссылки: каждый узел, соответствующий строке пути p, получает ребро с меткой ’S’, ведущее к узлу с суффиксом p [1:].

Построение суффиксных ссылок выполняется за один проход по всем узлам с использованием предварительно собранных путей. Полученная структура сочетает свойства суффиксного дерева, однако реализована исключительно средствами графовой памяти.

Обработка бесконечного бинарного потока осуществляется следующим образом:

- Построение Г(0)
- Первые N битов накапливаются в буфере
- По достижении длины N выполняется инициализация: от корня Г(L) производится спуск по последнему окну битов по рёбрам ’0’

и ’1’(стоимость O(N)). Значение в достигнутом узле принимается за результат.

– Каждый последующий бит обрабатывается за постоянное время:

1. Переход по суффиксной ссылке ’S’ (эквивалентно удалению старшего бита окна).
2. Переход по метке нового бита.
3. Считывание метки достигнутого узла.

Таким образом, после экспоненциальной фазы предобработки и линейной инициализации машина обеспечивает строго реальное время (O(1) операций на бит).

Для сравнения с машиной К-У была реализована симуляция классической однолентной машины Тьюринга, пытающейся вычислить ту же метку предиката P по Григорьеву (метку листа в равномерном дереве Г(L) по последнему окну битов размера N = 2^L).

После заполнения окна каждый новый бит требует рекурсивного пересчёта всей строки меток со сложностью Θ(2^L). операций (глубина рекурсии L), что значительно превышает реальное время при большом L.

Результаты сравнения приведены в *таблице 1* и визуализированы на *рисунке 1*.

Таблица 1.

Сравнение производительности на локально-сложном предикате Григорьева (500 битов)

L	N	Время,с	Узлы	Операций KUM на бит	Шаги МТ на бит	Совпадает
0	1	0.0000	3	2.00	4.01	Да
1	2	0.0000	12	2.01	6.01	Да
2	4	0.0001	47	2.01	10.03	Да
3	8	0.0008	574	2.03	18.05	Да
4	16	0.2585	131901	2.06	34.10	Да

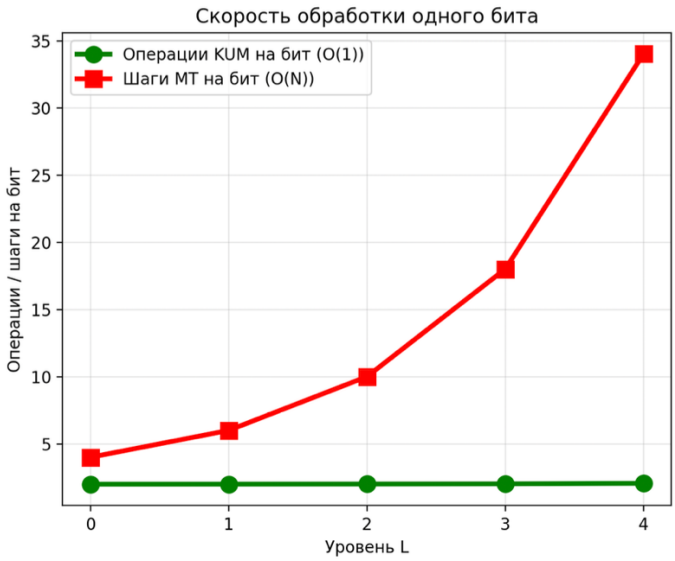

Рисунок 1. Зависимость среднего количества операций/шагов на бит в зависимости от параметра L

Зелёная линия – машина Колмогорова– Успенского (практически константа), красная – машина Тьюринга (экспоненциальный рост пропорционально N = 2L).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

– машина Колмогорова–Успенского демонстрирует практически постоянное время обработки одного бита (≈ 2 операции даже при L = 4), что соответствует теоретическому O(1) после инициализации.

– машина Тьюринга показывает экспоненциальный рост количества шагов пропорционально N = 2^L (при L = 4 уже более 34 шагов на бит), что делает невозможным распознавание в реальном времени уже при умеренных размерах окна.

– Значения результата (XOR окна) полностью совпадают для обеих реализаций при всех L, что подтверждает корректность симуляций.

Таким образом, полученные эмпирические данные полностью согласуются с теоретическим результатом Д. Ю. Григорьева по классу предикатов, распознаваемых в реальном времени алгорифмами Колмогорова–Успенского, которые строго шире аналогичного класса для машин Тьюринга.

Библиографический список

1. *Григорьев Д. Ю.* Алгорифмы Колмогорова сильнее машин Тьюринга // Записки научных семинаров ЛОМИ. 1976. Т. 60. С. 29–37.
2. *Колмогоров А. Н., Успенский В. А.* К определению алгоритма // Успехи математических наук. 1958. Т. 13. Вып. 4. С. 3–28.

Т.А. Анисимова
кандидат технических наук
доцент кафедры математических и естественнонаучных дисциплин
Кировский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: anisimovata57@mail.ru

А.А. Снигирев
студент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)
E-mail: alex.snigir2005@gmail.com

С.Д. Титкова
студент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)
E-mail: titkova_sonya@mail.ru

УДК 623.76:004.8

Обоснование актуальности применения генетических алгоритмов для решения задачи прогнозирования наряда средств воздушного нападения противника по объектам обороны

Д.А. Дорожкин, С.И. Голубенко

Аннотация. В работе рассматривается методология прогнозирования наряда средств воздушного нападения (СВН) противника в автоматизированных системах управления (АСУ) войсками (силами), что приобретает особую актуальность в условиях априорной неопределенности, жестких временных ограничений и высокой динамичности современных воздушно-космических операций. Разрешается противоречие между большим количеством управленческих решений, обусловленных многовариантностью сценариев воздушного удара и применением противником элементов скрытности, и недостаточной адаптивностью традиционных детерминированных алгоритмов. В качестве перспективного инструмента предлагаются генетические алгоритмы (ГА), основанные на эволюционных принципах селекции, скрещивания и мутации, которые обеспечивают поиск оптимального распределения наряда СВН при неполных и зашумленных исходных данных. Определены перспективные направления гибридизации ГА с нейросетевыми классификаторами и методами машинного обучения для выявления скрытых паттернов тактического замысла противника и создания самообучающихся систем поддержки принятия решений, что позволит трансформировать прогнозирование из классического расчета в активный эволюционный процесс.

Ключевые слова: генетический алгоритм, автоматизированные системы управления, средства воздушного нападения противника, военные действия.

В современных условиях развития военных технологий и автоматизированных средств управления (АСУ) особое значение приобретает задача прогнозирования наряда средств воздушного нападения (СВН) противника. При подготовке военных действий любого масштаба в воздушно-

космической сфере возникает задача прогнозирования распределения СВН противника по предполагаемым объектам его ударов и средствам обороны этих объектов, а также наиболее рационального распределения своих ударных средств по объектам противника.

Поскольку СВН предназначены для поражения, из всего многообразия возможных вариантов их распределения по потенциальным объектам ударов и средствам обороны этих объектов наиболее рациональным вариантом можно считать тот вариант, ожидаемым результатом которого будет нанесение наибольшего ущерба объектам при полном расходе наличного количества СВН либо нанесение ущерба объектам на уровне, не ниже заданного, при наименьшем расходе наличных СВН.

Под прогнозированием наряда СВН противника понимается процесс определения ожидаемого количества и типов воздушных средств, которые противник может направить для нанесения удара по обороняемым объектам или средствам противовоздушной обороны (ПВО).

Высокая динамичность и сложность воздушных операций требуют применения эффективных методов обработки и анализа данных, способных обеспечить своевременное и точное моделирование возможных сценариев нападения. В свою очередь, современный характер ведения боевых действий в условиях применения СВН – их скоротечность, применение сторонами всех видов оружия, высокая маневренность боевых действий, широкий территориальный охват – определяет следующие основные особенности процесса выработки решений по управлению силами и средствами ПВО [2]:

1. Жесткие временные рамки для принятия рациональных решений.
2. Необходимость учета большого количества информации в процессе выработки решений.
3. Неопределенность информации, вызванная сложной помеховой обстановкой в границах района боевых действий, естественными ограничениями характеристик источников информации о воздушной

обстановке, а также высокими динамическими характеристиками воздушных целей.

Здесь важную роль играет тот факт, что противник будет широко использовать элементы военной хитрости для создания ошибочных представлений или, по крайней мере, неопределенности истинных намерений, времени и масштабов активных действий. При этом в таких условиях должны быть удовлетворены требования к эффективности, качеству, непрерывности и скрытности управления.

Ключевую роль в изменении облика военных действий будет играть интеллектуализация вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и, что еще более важно, военных крупномасштабных АСУ войсками (силами). оружием и перспективными боевыми комплексами. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) обеспечит прорыв в боевом потенциале, в формировании облика вооружения и даже концепции процесса выработки решений по управлению оружием и войсками (силами). При этом ИИ как составную часть использует понятие эволюционных вычислений. К таким подходам можно отнести: генетические алгоритмы (ГА), клеточные автоматы, нейронные сети. Отметим, что различные эволюционные модели являются современной основой для разработки систем поддержки принятия решений, основанных на использовании эвристических подходов.

В этом контексте ГА выступают как перспективный инструмент, способный повысить качество прогнозирования за счет адаптивного поиска оптимальных решений в условиях неопределенности и многомерности исходных данных.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования методов информационно-расчетного обеспечения систем ПВО и автоматизированных комплексов управления боевыми действиями.

Традиционные алгоритмические подходы часто сталкиваются с ограничениями в обработке больших объёмов данных и учёте множества переменных факторов, что снижает эффективность прогнозирования [1, с. 189–

190]. При этом ГА, основанные на принципах естественного отбора и эволюционных процессов, предоставляют возможность оптимизировать параметры моделей и улучшить адаптивность систем к изменяющимся условиям воздушной обстановки [1, с. 189–190]. Современные исследования в области применения ГА в информационно-расчётных задачах (ИРЗ) демонстрируют их достаточно высокий потенциал в решении сложных задач оптимизации и прогнозирования [1, с. 192–195]. Однако существуют определённые сложности в комплексной реализации данных методов в контексте моделирования наряда СВН противника, что обуславливает необходимость более глубокого изучения и разработки специализированных алгоритмических решений.

Генетические алгоритмы представляют собой класс эволюционных вычислительных методов, основанных на принципах естественного отбора и генетики. Они предназначены для решения задач оптимизации и поиска, в которых традиционные методы часто оказываются неэффективными из-за сложности пространства решений, многомерности параметров и наличия множества локальных экстремумов. Основной идеей ГА является имитация биологических процессов, таких как селекция, скрещивание и мутация, для постепенного улучшения качества решений в поколениях популяции потенциальных вариантов. В основе ГА лежит представление каждого варианта решения в виде хромосомы – структурированного набора параметров, кодируемых обычно в виде бинарных строк, числовых массивов или других форм, подходящих для конкретной задачи. Начальная популяция формируется случайным образом или на основе предварительных данных, после чего происходит оценка приспособленности (фитнес-функция) каждого индивида.

Фитнес-функция является критерием качества решения и определяет вероятность участия индивида в процессе формирования следующего поколения.

Селекция, как один из ключевых операторов ГА, обеспечивает отбор наиболее приспособленных решений, что способствует направленному поиску

оптимума. Скрещивание позволяет комбинировать характеристики двух родительских хромосом, создавая новые варианты, способные наследовать лучшие свойства обоих. Мутация вносит случайные изменения в хромосомы, что предотвращает преждевременную сходимость алгоритма и способствует исследованию новых областей пространства решений. Применение ГА в ИРЗ обусловлено их способностью эффективно работать с большими объемами данных и сложными моделями, характерными для комплексов средств автоматизации (КСА). В задачах прогнозирования наряда СВН противника необходимо учитывать множество параметров: типы и количество средств, время и направление атаки, возможные сценарии взаимодействия и противодействия. Традиционные методы анализа и прогнозирования зачастую не позволяют учесть все эти факторы с необходимой точностью и адаптивностью [5, с. 38–40]. ГА обеспечивают гибкость моделирования, благодаря возможности адаптации изменяющимся условиям и динамическому обновлению информации. Это особенно важно в условиях военной обстановки, где данные могут быть неполными или неточными, а оперативность принятия решений критична. ГА способны интегрироваться с системами автоматизации, обеспечивая непрерывный процесс оптимизации и корректировки прогнозов на основе новых данных. В КСА, реализующих задачи прогнозирования наряда СВН противника, ГА используется для поиска оптимальных конфигураций возможных сценариев боевого воздействия. Алгоритм формирует множество вариантов, оценивает их с учётом заданных критериев (например, минимизации риска, максимизации вероятности обнаружения или успешного противодействия), и выбирает наиболее вероятные и эффективные с точки зрения оборонительных мер. Таким образом, ГА выступают как мощный инструмент, позволяющий решать многокритериальные задачи с высокой степенью неопределенности и комплексности.

Методология расчета и прогнозирования наряда СВН с использованием ГА основывается на системном подходе к моделированию и оптимизации сложных ИРЗ, характерных для АСУ [5, с. 40–42]. Данная методология

направлена на формирование адекватной модели, способной учитывать множество факторов, влияющих на конфигурацию и динамику воздушных сил противника, а также на выявление закономерностей и сценариев их применения.

Практическая эффективность применения ГА в АСУ подтверждается рядом ключевых преимуществ, которые обеспечивают повышение точности, адаптивности и скорости обработки данных. Генетические алгоритмы, как методы эволюционного поиска, демонстрируют высокую способность к оптимизации сложных многомерных задач, характерных для динамических военных информационно-расчетных систем. Их применение позволяет не только улучшить качество прогнозов, но и обеспечить устойчивость моделей к изменяющимся условиям, что является критически важным в условиях оперативной обстановки и высокой неопределенности данных.

Также, одним из основных факторов практической эффективности ГА является их способность работать с неполными и шумными данными, что часто наблюдается в КСА, где достоверность и полнота информации ограничены. Благодаря эволюционным механизмам отбора, скрещивания и мутации, ГА способны находить приемлемые решения в широком пространстве вариантов, минимизируя, ошибки прогноза и снижая вероятность ложных срабатываний. Это способствует более точному моделированию наряда СВН противника, что, в свою очередь, повышает качество принятия решений командным составом и системами автоматизации [3, с. 226–230]. Практическое внедрение ГА в алгоритмы КСА покажут значительное сокращение времени расчета по сравнению с традиционными методами перебора или детерминированного поиска.

Высокая скорость обработки данных позволяет оперативно обновлять прогнозы с учетом новых разведывательных сведений и изменений в тактике противника. Это особенно важно при работе с большими объемами информации и необходимостью быстрого реагирования на угрозы. Кроме того, гибкость настройки параметров ГА позволяет адаптировать их под конкретные

задачи и условия, что делает их универсальным инструментом в военной автоматизации.

Современные вычислительные платформы обеспечивают возможность реализации сложных гибридных моделей, в которых ГА сочетаются с нейронными сетями, методами машинного обучения и статистическими подходами. Такое интегрированное применение повышает качество прогнозирования, позволяя учитывать нелинейные зависимости и скрытые паттерны в данных, что существенно улучшает моделирование наряда СВН. Кроме того, перспективным направлением является развитие адаптивных систем, способных к самообучению и динамической настройке параметров алгоритмов в режиме реального времени. Это повысит уровень автономности КСА и снизит зависимость от ручного вмешательства оператора. В условиях быстро меняющейся обстановки, когда противник использует новые тактики и технологии, способность системы к быстрой адаптации становится критически важной для поддержания информационного превосходства.

Библиографический список

1. *Акодит Е.В., Рыбальченко П.В.* Применение аппарата генетических алгоритмов для определения наряда средств воздушного нападения противника // Программные продукты и системы. 2025. № 2. С. 188–196.
2. *Батищев Д.И.* Оптимизация в САПР и АСУ. Нижний Новгород, 2015.
3. *Емельянов В.В.* Теория и практика эволюционного моделирования. М., 2003.
4. *Пановский В.Н.* Интервальный генетический алгоритм глобальной условной оптимизации // Успехи современной радиоэлектроники. 2014. № 4. С. 71–76.
5. *Пахомов В.С., Толкачев Н.М.* Оптимизация параметров долгосрочных программ и планов развития системы вооружения противовоздушной обороны на основе генетических алгоритмов // Военная мысль. 2019. № 12. С. 38–44.

Д.А. Дорожкин

кандидат технических наук, доцент

доцент кафедры оценки эффективности боевых действий

Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, г. Тверь

E-mail: daddy19april72@gmail.com

С.И. Голубенко

курсант факультета автоматизированных систем управления

Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, г. Тверь

E-mail: bahtegareeva05@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I 3
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимова И.Ю., Брусенцов А.А. 3
Административная ответственность в условиях цифровизации государственного управления: проблемы правоприменения

Домрачев Д.Г., Березкина У.В. 7
К вопросу о сравнительном анализе компетенций Банка России и Банка Кореи

Кирилловых А.А., Кривошеина А.Д. 17
Сравнительный анализ регулирования налоговых вычетов по расходам на образование в Российской Федерации и прямых образовательных субсидий в Федеративной Республике Германия

Кодолов В.А., Аракелян А.Г., Потапова А.А., Овчинникова А.А. 24
О защите алиментных прав разведенных матерей с младенцами

Кодолов В.А., Аракелян А.Г., Потапова А.А., Овчинникова А.А. 30
Об особенностях диспозиций норм трудового права

Коновалова А.Б., Седченко Д.А., Князева Д.А. 37
Гуманизация уголовного процесса через призму личности: эволюция поведенческой характеристики в России

Коновалова А.Б., Патракова Т.Ю., Чулкова Д.А. 46
Критерии допустимости информации, полученной с помощью видео-конференц-связи, в целях доказывания по уголовным делам

Коротаева О.А., Кызьюрова К.А 55
К вопросу о налоговом мошенничестве при уклонении от уплаты НДС

Липски С.А. 65
Законодательное закрепление функционала землеустройства в первые послереволюционные годы

Маркина М.В., Селиханова А.А. 72
Правовой анализ развития норм о признании прав ребёнка в системе прав человека и гражданина в мире и России

Маркина М.В. 82
Проблемы установления имущества, подлежащего передаче по договору аренды: по материалам судебной практики

Новокшонова Н.А., Смирнова А.А. 91
Особенности распоряжения средствами материнского капитала на улучшение жилищных условий

Пайо Д.И. 100
Юридические последствия повышения ставки налога на добавленную стоимость с 20 % до 22 % для договоров поставки товаров: практический анализ

Парышев А.И. 105
Уголовно-правовой анализ нормы о реабилитации нацизма

Першина Ю.В. 113
Правоохранительная деятельность вятской полиции в начале XX в.

Редикульцева Е.Н., Березина Н.А. 120
Цифровые решения в сфере обязательств вследствие причинения вреда

Редикульцева Е.Н., Чеглакова В.А. 127
Искусственный интеллект в управлении персоналом: правовые риски принятия кадровых решений алгоритмами

Смирнова А.А., Двугрошева Т.А., Плотникова С.В., Просвирнина М.Д. 136
Поддержка семей с детьми в Кировской области

Сучкова Т.Е., Бакшеева А.А. 142
Равенство прав родителей по Семейному кодексу РФ: анализ законодательных ограничений

Сучкова Т.Е., Раева А.В. 148
Суррогатное материнство: проблемы тайны и прав детей на информацию о происхождении

Чабанова А.Ю., Андреева Н.В., Бервольд В.В. 155
Регулирование дистанционной (удаленной) работы в праве ЕС и отдельных государств-членов

Чабанова А.Ю., Дементьев И.А. 165
Некоторые виды выплат, предоставляемые участникам специальной военной операции

РАЗДЕЛ II 172
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Бушкова-Шиклина Э.В., Тетесов А.В. 172
Анализ трудовых практик и удовлетворенности трудом у исследователей методами нетнографии

Валова О.М., Левенцова А.С. 178
Мотивы и образы древнегреческой мифологии в лирике В.Я. Брюсова

Валова О.М., Чернова С.В. 190
«Алиса в стране чудес»: разработка сценарного продукта для огненной трупы «Пламя Феникса» на основе сказок Л. Кэрролла

Гусарова С.В. 215
Эволюция налоговой системы России XVII–XVIII вв. на примере города Малоярославца (по материалам переписных и ландратских книг XVII–XVIII веков)

Денисова И.В., Яснова Е.В. 224
Эволюция взглядов Н.Г. Чернышевского 1840-1860 годах

Исупова С.М., Фань Мэйци 237
Отражение русского национального характера во фразеологизмах со словом «душа» в русском языке

Кароннова С.А. 243
Гендерная проблематика в новеллах Стефана Цвейга «Brennendes Geheimnis» и «Angst»

Костина Е.Г., Кузнецова А.М. 252
Трудовые подвиги жителей Даровского района Кировской области во второй половине XX века

Костина Е.Г., Рыжова И.М. 263
История завода «Кирскабель» в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Маслова А.Г. 273
Интерпретация фольклорных легенд в цикле К.К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы»

Мартынюк К.А., Валова О.М. 280
Проблема гибели детей в древнегреческой и библейской мифологии

Мишутинская Е.А., Ермакова А.А., Киселева В.Н. 289
Английские загадки о животных: семантико-квантитативная специфика

Пашков В.В. 295
Дискурс высшего образования как ценности и услуги в обществе массового потребления: социально-философский анализ

Редкозубова О.М. 304
Нулевой артикль как элемент системы французского артикля: историко-грамматический и функциональный аспекты

Счастливцева Е.А. 310
Правовые взгляды Вл. Соловьёва: право как минимум нравственности

Холкин О.М. 318
К вопросу о месте, структуре и статусе духовности в модели субъектной онтологии

Чемоданов И.В. 329
Социальное государство как классовый идеал рабочих

РАЗДЕЛ III 338
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

Акимова И.Ю., Киммель К.В. 338
Трансформация системы финансового контроля в Российской Федерации на современном этапе

Бутылина М.П. 342
Комплексный анализ финансового состояния промышленного предприятия

Бутылина М.П. 351
Методология диагностики финансового состояния хозяйствующего субъекта в современных экономических условиях

Ефимова Е.Г., Никишова К.В. 361
Оценка деятельности общеобразовательной организации: показатели, риски, методики, проблемы

Жданова О.С., Колбин М.П. 374
Современные подходы к управлению качеством продукции в высокотехнологичных отраслях

Захарова В.П., Захарова М.А. 381
Финансово-экономическое присутствие Китая и России в Африке и Юго-Восточной Азии в инфраструктурных и энергетических проектах

Зубов М.Е., Коробкин Д.С., Сальников А.М. 391
Корпоративные слияния и маркетинг: комплексный подход к оценке эффективности и росту стоимости бизнеса

Каранина Е.В., Сметанин М.В. 397
Lean Six Sigma как инструмент повышения экономической безопасности промышленного предприятия

Каранина Е.В., Игнатьева О.С. 407
Управление дебиторской задолженностью как элемент экономической безопасности предприятия: теоретический и методический аспекты

Котанджян А.В., Неустроева Л.Д., Шибанова К.К. 413
Обеспечение информационной безопасности как фактор экономической устойчивости хозяйствующих субъектов

Малиновская О.А., Виссарова М.Ю. 423
Сравнительный анализ профстандартов риск-менеджера 2018 и 2025 годов

Малиновская О.А., Юферев Е.С. 432
Значение импортозамещения для экономики России в современных условиях

Юдинцева Л.А. 441
Комплаенс-контроль: процессное сегментирование и процедурная детализация

РАЗДЕЛ IV 448
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Башкин М.А., Иванова Н.И. 448
О мотивации при изучении линейной алгебры

Ерёмина Т.Ю. 452
Формы исторического просвещения в образовательных организациях Кировской области

Иванова Н.И., Завьялова М.В. 461
Задачи с параметрами в системе подготовки к математическим олимпиадам

Майковская В.И. 466
Управленческие компетенции в структуре личности российского предпринимателя

Машковцева Л.М., Мохова Ю.С. 476
Народные праздники как инструмент комплексного развития личности дошкольника, сохранения у него культурно-исторического наследия и формирования гражданской идентичности

Пивоварова Т.В., Фридман Л.В. 483
Исследование жизненной перспективы методом направленных фантазий: практика управляемой визуализации «Путешествие к будущему Я»

Трещалова Е.С. 487
Травля как деструктивное взаимодействие подростков в современном образовательном пространстве

Шабашёва И.В., Козлова П.Д. 495
Эффективность процесса формирования навыка чтения у учащихся на I ступени общего среднего образования

Шабашёва И.В., Чернышова М.А. 505
Нестандартные формы уроков внеклассного чтения как средство развития читательского интереса в начальной школе

РАЗДЕЛ V 516
ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кошкина Н.А., Царегородцева Д.А. 516
Виды поисковой деятельности и их применение на уроках основ безопасности и защиты Родины

РАЗДЕЛ VI 526
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Анисимова Т.А., Снигирев А.А., Титкова С.Д. 526
Программная реализация машины Колмогорова–Успенского в сравнении с машиной Тьюринга

Дорожкин Д.А., Голубенко С.И. 536
Обоснование актуальности применения генетических алгоритмов для решения задачи прогнозирования наряда средств воздушного нападения противника по объектам обороны

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам XXV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной науки и образования»

(Киров, 21 – 24 апреля 2026 года)

Статьи выходят в авторской редакции

Компьютерный макет *Д.А. Семеновой*

Подписано к изданию 10.06.2026.

Усл.-печ.л. 23. Заказ 07/26.